

51.020
0.831

Страницы
автобиографии
В. И. ВЕРНАДСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·

4
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Архив АН СССР

5(092)
С 831

Страницы
автобиографии
В. И. ВЕРНАДСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1981

В книге хронологически подобраны документы, отражающие жизнь и деятельность замечательного русского ученого. Основное место занимают автобиографические материалы самого В. И. Вернадского: дневники, которые он вел в течение всей жизни, материалы к задуманной книге «Пережитое и передуманное», а также фрагменты из научных и публицистических статей. Собранные в книге материалы и документы отражают развитие научных взглядов ученого, его участие в общественной жизни страны, размышления о морали, этике и мировоззрении.

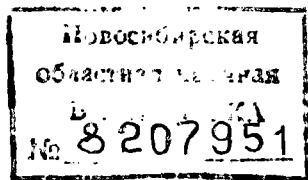
Редакционная коллегия:

академик Б. М. КЕДРОВ, академик А. Л. ЯНШИН,
кандидат геолого-минералогических наук
К. П. ФЛОРЕНСКИЙ

Составитель:

Н. В. ФИЛИПОВА

Библиотека
№ 132
18.11.67
Толд

С 60200-339 204-81 1402000000 © Издательство «Наука», 1981 г.
042 (02) -81

Предисловие

Владимир Иванович Вернадский, который, по словам А. Е. Ферсмана, отражал целую эпоху в развитии естествознания, предстает перед нами не только как ученый, но как человек, как гражданин и семьянин.

В то время как результаты научной работы крупных ученых сравнительно легко прослеживаются по их печатным трудам, обычно остается в тени та черновая, но напряженная работа мысли, которая предшествует этим результатам. Тем более остается скрытым внутренний мир ученого, лежащий вне поля его основной деятельности — внутренний мир общечеловеческих интересов, связывающих его с современной ему эпохой.

В этом отношении особенную ценность представляют автобиографические записи ученых, которые раскрывают «творческую лабораторию» и отношение к миру их личности как единого целого.

В обширном рукописном наследии крупнейшего ученого-естествоиспытателя академика Владимира Ивановича Вернадского (1863—1945) сохранились богатые материалы автобиографического характера. Они представляют особое значение ввиду того, что интересы его и как ученого, и как человека охватывают широкий круг вопросов и длительный интервал времени. В них мы видим не только историю развития научных идей, но и характеристику общественных процессов, знакомимся с мыслями ученого о народном образовании, о цели жизни, искусстве, любви и семейной жизни, о задачах научной деятельности университетов, библиотек и музеев, в организации которых Вернадский принимал непосредственное участие.

Такая энциклопедичность материала представляет некоторую трудность для чтения, но более объективно отражает личность Владимира Ивановича и дает возможность читателю самому выбрать тот круг вопросов, на котором он сосредоточит внимание при чтении автобиографических заметок.

Перед нами выявляется личность В. И. Вернадского как кристально чистого, очень скромного человека, который радуется, но никогда не хвастает достигнутыми успехами. Скорее наоборот — поражает его сомнение в собственных силах, постоянный поиск правильного пути, его неудовлетворенность собою.

Говорят, что самоуспокоенность и самодовольство — верный признак остановки идейного роста. Художник, полностью довольный своим произведением, уже не имеет стимула для создания чего-то нового.

Проследившая линию творчества Вернадского видно, что основные научные идеи, которые потом он развивал, углублял и переделывал применительно к возрастающему уровню знаний, зародились у него очень рано. Но прежде чем воплотить их в жизнь, он многократно возвращался к ним, обдумывал их формулировки, степень их фантастичности и возможности оценить строго научным путем.

До последних дней своей жизни ученый не потерял способности «удивляться миру» и уважать чужие взгляды. В нем счастливо сочеталось глубоко эмоциональное, почти художественное восприятие реальности с трезвым умом ученого, способного держать фантазию в строгих рамках науки.

Вырос Вернадский в либерально-помещичьей семье, которая находилась под большим влиянием гуманистических идей, в частности произведений В. Г. Короленко — близкого родственника Вернадских — и Л. Н. Толстого. «Нет ничего более ценного в мире и ничего, требующего большего бережения и уважения, как свободная человеческая личность», — писал он, отстаивая идеи общечеловеческого гуманизма. Широкое образование, равноправие женщин, коренное преобразование горнодобывающей промышленности и борьба с произволом капиталистов, всеобщая амнистия политических заключенных и отмена смертной казни — вот требования, которые выставлял он в самые мрачные годы реакции.

Владимир Иванович никогда не чувствовал себя ученым-одиночкой и всегда стремился к организационной деятельности и созданию круга учеников, способных развивать единое дело. Школа Вернадского явилась выдающимся явлением в развитии советской науки.

В фонде Вернадского наряду с уникальными неопубликованными научными трудами, материалами, характеризующими его многогранную научную преподаватель-

скую, общественную деятельность, находится много материалов автобиографического характера. В предлагаемой книге¹ использован только автобиографический материал, который дает возможность на фоне биографической канвы воссоздать внутренний мир ученого и мыслителя, раскрыть глубокие основы его научно-философского мировоззрения, его морально-этические взгляды.

При жизни Вернадского в свет вышла одна небольшая автобиография, охватывающая не весь жизненный путь ученого². В фонде же рукописей ученого сохранилось несколько набросков автобиографий. Об истории написания одной из них личный секретарь Вернадского А. Д. Шаховская пишет:

«... в 1943 г. нужно было заполнить анкету для отдела кадров АН СССР. Я начала составлять схематические ответы и спрашивала у Владимира Ивановича подтверждения. В ответ он стал давать ответы сам, сначала лаконические, а затем все больше вспоминал и вставлял подробности, перейдя на рассказ в первом лице. При прочтении написанного он вставлял новые детали, которые приходилось вставлять на лету. В результате получились богатые содержанием записи, несмотря на их отрывочность. Они доведены только до 1901 года, т. к. после возвращения Владимира Ивановича в Москву, он больше за них не брался»³.

В настоящую книгу отрывки из этой автобиографии вошли со ссылкой «Главнейшие биографические даты...»⁴.

С конца 30-х годов Вернадский с помощью А. Д. Шаховской начал собирать материал к задуманной автобиографической книге «Пережитое и передуманное». В результате многолетней работы, которую он продолжал до конца жизни, был собран большой материал — за дореволюционный период 20 объемных папок «Хронологии»⁵,

¹ За время, прошедшее после смерти В. И. Вернадского, было сделано несколько попыток воссоздать биографию ученого: см. незавершенную работу А. Е. Ферсмана «Жизненный путь академика Владимира Ивановича Вернадского». (В кн.: *Ферсман А. Е. Избр. труды*. М., 1959, т. V, с. 787—805), а также книги: *Личков Б. Л.* Владимир Иванович Вернадский. М., 1948; *Гумилевский Л.* Вернадский. М., 1961.

² *Вернадский В. И.* Вернадский Владимир Иванович. — В кн.: *Материалы для биографического словаря действительных членов императорской Академии наук*. Пг., 1915, ч. 1, с. 146—156.

³ Архив АН СССР, ф. 518, оп. 2, д. 65, л. 1.

⁴ Там же.

⁵ Там же, дд. 25—44.

которая включает в себя документы, копии с документов, письма, выписки из книг, библиографию, газетные вырезки, а также фрагментарно, за разные периоды написанный Вернадским текст воспоминаний. В книге использованы именно эти написанные автором тексты воспоминаний, а не материалы к ним. Воспоминания, взятые из этих папок, имеют ссылку: Из «Хронологии. . .»

С 1876 г., т. е. с 13-летнего возраста Вернадский вел дневники. Велось они не регулярно, с большими перерывами. К тому же часть из них погибла. В дневнике 23 октября 1920 г. он пишет:

«... Хочется записывать и в тоже время нет времени и энергии. А между тем сознаешь ценность таких записей, если они не погибнут в пылу событий, как погиб и у меня материал студенческих лет, сожженный в 1887—1888 годах»⁶.

Позднее, во время Великой Отечественной войны, в Боровом в «Хронологии» он записывает:

«Значительная часть наших архивов погибла в Шипаках и в Вернадовке, если даже наш дом в Москве сохранился сейчас нетронутым»⁷.

Неоднократно в своих записях Вернадский возвращается к цели и задачам ведения дневника. Так, 26 сентября 1890 г. он записывает:

«Хочется вести не дневник, где бы можно было вдоволь копаться в своей душе, а наброски тех фактов, с которыми приходится сталкиваться, того дела, которое видишь кругом и в котором сам принимаешь участие.

Пытаться схватить отражение известных событий на окружающих и в ряде отдельных мыслей набрасывать отражение их на своей личности.

Записывание есть сильный сдерживающий и сильный побудительный деятель, и важно ежедневно или когда можно заносить — что в этот день сделал, и работе мысли есть дело, если это «работа».

Я хочу, чтобы дневник имел и семейное значение, чтобы сын шел по тому же пути, по какому иду я, шел мой отец и дед. . .»

Позднее, 24 августа 1893 г., Вернадский пишет: «я вообще начинаю ясно сознавать, как много может быть полезна такая записная тетрадь: привыкаешь и мысль яс-

нее и точнее определять и вспоминаешь, перечитывал, многое старое: и мысли и впечатления и лица»⁸. За до-революционный период сохранились дневниковые записи за 1877, 1882, 1884, 1885, 1889, 1894—1896, 1898—1901, 1904—1908, 1910, 1916, 1917 гг. Несмотря на то что в дневниках имеются большие лакуны, они дают необычайно много для воссоздания духовного мира ученого, для характеристики становления личности естествоиспытателя и гражданина.

Большой автобиографический материал заключен в письмах Вернадского к жене — Н. Е. Вернадской. С 1886 до 1917 г. сохранилось более 800 писем⁹. Они необычайно богаты по содержанию: информация о научной и педагогической работе, об идеях, волнующих ученого, о заграничных командировках, международных съездах, о встречах с учеными и общественными деятелями, о прочитанной научной и художественной литературе, о посещениях музеев и т. д.

Небольшую часть материалов, включенных в книгу, составляют отрывки из опубликованных статей и воспоминаний В. И. Вернадского, характеризующих его гимназическую и студенческую жизнь («Из прошлого»), научную («Из опыта описательной минералогии», «Задачи дня в области радия» и др.) и общественно-политическую деятельность («Ближайшие задачи академической жизни», «Смертная казнь», «1911 год в истории русской умственной культуры» и др.).

Из приведенных выше материалов брались фрагменты, из которых по биографической канве монтировался текст книги. Свообразие предлагаемого издания определяется неоднотипностью включенных источников. Если дневниковые записи, письма дают сиюминутное яркое, не стертое временем впечатление от событий, встреч с людьми и с новыми странами, чтения книг и полученных научных результатов в лаборатории, то фрагменты из «Хронологии. . .» и «Автобиографии. . .» — это углубленный, проверенный временем, обобщенный анализ прошедших событий, но они могут уступать в точности датировки и изложению хода событий. Книга раскрывает естественнонаучные, общественно-политические, морально-этические взгляды Вернадского, его научно-педагогическую и общест-

⁸ Там же, д. 5, л. 63.

⁹ Там же, оп. 7, дд. 33—58.

⁶ Там же, д. 4, л. 272.

⁷ Там же, д. 30, л. 94.

венную деятельность, отношение к литературе, музыке, живописи. Исползованные в ней материалы в подавляющем большинстве ранее не публиковались.

В книге семь глав. В первых трех главах записи о семье, детстве, годах учебы в харьковской и петербургской гимназиях, в Петербургском университете (1881—1885); IV глава — первые годы после окончания Петербургского университета (1886—1887); V глава — первая заграничная командировка (1888—1890); VI глава — московский период (1890—1911); VII глава — Академия наук. Петербург (1911—1917). В главах материалы располагаются по хронологии отраженных в них событий, а не по дате написания документа.

Сокращенные слова дополняются без квадратных скобок в случаях, не имеющих другого толкования, кроме предложенного составителем. Очевидные описки исправляются без оговорок, за исключением описок в датах, которые оговариваются в подстрочных примечаниях. В квадратных скобки заключаются даты, место написания документа, определенные составителем, а также слова в тексте В. И. Вернадского, прочитанные предположительно (при нечетко написанном или поврежденном автографе). В круглых скобках дается текст, взятый в скобки В. И. Вернадским. Текст публикуется по современной орфографии и правилам современной пунктуации. Купюры в текстах отмечаются многоточием; многоточия, сделанные Вернадским, оговариваются.

Все даты приводятся по старому стилю, даты писем и дневниковых записей, написанных за границей, приводятся по старому и по новому стилю. К сборнику приложены комментарии, отмеченные в тексте цифрой в квадратных скобках, и примечания, «Основные даты жизни и деятельности В. И. Вернадского», именной указатель. Примечания, написанные Вернадским, особо оговариваются.

Составитель благодарит А. С. Ксенофонтovu за помощь, оказанную при археографической обработке и сверке текстов сборника.

В работе частично использован материал, предоставленный И. И. Мочаловым и В. С. Неаполитанской.

Составитель приносит благодарность за помощь, оказанную при составлении тома, Б. В. Левшину, рецензентам Л. Г. Дубинской и Н. Ф. Овчинникову и всем принявшим участие в обсуждении работы.

К. Флоренский

I Семья. Родословная

[Я] родился в Петербурге в семье профессора [Ивана Васильевича Вернадского].

«Главнейшие биографические даты...» [1943 г. Боровое]

»«

Это был, бесспорно прекрасный человек. Я его очень любил, хотя по характеру мы с ним не совсем и сходились и сходимся. Лицом я на него очень похож. Он был очень горяч и вспыльчив, особенно в молодости, но был человеком ясного ума, замечательно нежной, мягкой души; ему недоставало только силы и настойчивости в характере, и этот недостаток имел на него большое влияние. Он кончил Киевский университет и после недолгого учительства в начале 40-х годов был послан за границу, где пробыл 3 года; возвратившись, он был профессором политической экономии и статистики сперва в Киевском университете, потом в Московском [1] в начале царствования Александра II он хотел более практической деятельности, перешел сюда в Министерство внутренних дел [2] сперва; но там ему не особенно нравилось, хотя он принимал кое-какое участие во многих реформах пачала прошлого царствования; тогда же он был профессором политической экономии и занимался изданием «Экономиста» и «Политического экономического указателя» [3]. Он был женат два раза; первая его жена, Шигаева, умерла через несколько лет после женитьбы; она была, по рассказам, очень хорошая и умная женщина и на моего отца имела большое влияние [4]. От нее у него остался один сын¹. Потом он женился на моей матери — Константинович.

Из письма к Н. Е. Старицкой 29 мая 1886 г. Санкт-Петербург

»«

... Я хочу Вас познакомить здесь с моей матерью... Родилась она в Киеве в помещичьей семье, уже тогда почти исключительно состоявшей из военных. Ее отец —

¹ Николай Иванович Вернадский.

артиллерийский генерал, был служака, но человек хороший, судя по рассказам, оригинальный тип старого малорусского казачества (он говорил почти только по-малорусийски). Особенное влияние имела на нее ее мать. Они были люди далеко не бедные, но после смерти отца их осталась большая семья, чуть ли не 12 человек детей, так что у них, у детей, уже ничего не было. Моя мать в молодости была бедовой девушкой, после смерти отца она захотела сама себя содержать и поступила в Москве классной дамой в Институт² [5], там пробыла недолго; обладая большими музыкальными способностями и чрезвычайно сильным голосом, она хотела поступить на сцену, но этому воспротивилась ее мать; переехала в Петербург, где тоже давала уроки.

Из письма к Н. Е. Старицкой 2 июля 1886 г. Рускала

»«

... Помимо пансиона, где она училась — она была несколько лет в хоре Балакирева [6], которого она высоко ставила.

Из «Хронологии...» Запись без даты

»«

... Училась в 1860-х годах моя мать — в Петрограде³. Это была какая-то мода в интеллигентском кругу. Может быть в связи с будущим хождением в народ. Она часто вспоминала об этом времени, и что ей оно дало. Она была великая мастерица рукоделия. Но сейчас совершенно иные цели и задачи. Мать не боялась холеры, ела демонстративно фрукты и т. п. — по это было не глубокое убеждение, а проявление темперамента среди общего страха...
Из дневника... 21 июня 1920 г. Салгирка, Крым

»«

Отец и мать мои были киевляне. В обеих семьях были живы национальные украинские традиции. Мои детские годы (1868—1876) я провел на Украине, в Полтаве и в Харькове, бывал и в Киеве...

Отец и мать хорошо знали украинский язык. Мать, очень музыкальная, с большим голосом (меццо-сопрано) — прекрасно пела украинские песни, бывали дома и хоры. На меня это очень сильно действовало, хотя я это ничем внешне не проявлял. Я был очень замкнутым ребенком...

«Из воспоминаний» 18 мая 1943 г. Боровое

² — Институт благородных девиц.

³ Следует читать «Петербург» — описка у В. И. Вернадского.

»«

... Наша семья богатой долго не была, все приобретено было отцом, но с тех пор, как я себя помню, я жил в довольстве и даже в гораздо большем, чем следовало. Наряду с этим никаких замашек барства у нас не было, их не любил и страшно на них нападал мой отец, их не любила, да и не любит моя мать.

Из письма к Н. Е. Старицкой 2 июня 1886 г. Рускала

»«

... У нашей семьи (отца) никогда крепостных не было, и, когда в начале 1850-х годов отец получил в приданое за своей первой женой имение, населенное крестьянами, он их тогда же освободил...

Из письма к Н. Е. Старицкой [не ранее 21 июня 1886 г.]

»«

... я, думаю, что семья должна иметь известные предания; конечно, хорошее влияние может оказать семья только тогда, когда мало-мальски хорошие предания. Семья должна вырабатывать хороших работников на пользу человеческую, она должна дать счастье тем, которые составили семью; она должна связывать молодое поколение с поколением, кончающим жизнь. И никогда такая связь не будет существовать, если нет известных семейных преданий, известных общих целей, на которые положена работа и предков, и будущих, подрастающих поколений...

Наша фамилия (вначале просто Верна) происходит из Литвы. Во время войн Хмельницкого против Польши [7] литовский шляхтич Верна перешел на сторону казаков и с ними вместе боролся против панства. Не думаю, чтобы он сделал это вследствие убеждения — причины были, вероятно, более низменные, но факт остается фактом, и он имел большое влияние на все дальнейшее. Он был казнен поляками; потом его дети и потомки служили в казачестве Малороссийском и Запорожье...

Из письма к Н. Е. Старицкой, 29 мая 1886 г. С.-Петербург

»«

... При уничтожении Запорожья⁴ Екатериной II [8] мой прадед [И. Н. Вернадский] бежал в Черниговскую губернию и там после нескольких лет тихой жизни был выбран священником⁵ — в Малороссии тогда еще сохра-

⁴ — Сечи Запорожской.

⁵ По семейным преданиям, И. Н. Вернадский был избран в священники в с. Церковницы, Березин в 1786 г.

нился старинный обычай русской церкви: выбор священников из прихожан. . .

Однако в данном случае выбор этот оказался далеко неудачным. Священник-запорожец с прихожанами не ладил. Это был человек надменный и гордый; довольно хорошо образованный (он кончил курс в Киевской духовной академии — тогдашнем высшем учебном заведении Малороссии)⁶, он был страшным деспотом и в семье и по отношению с окружающими. . . Кончил он плохо; когда после каких-то разногласий с прихожанами он отказался крестить, погребать и запер церковь, его силою, старика лет 80, привели на кладбище для похорон, но со злобы или огорчения с ним случился удар, и он тут же умер.

Из письма к Н. Е. Старицкой 29 мая 1886 г. С.-Петербург

»«

. . . Когда мой дед Василий Иванович Вернадский захотел поступить в Московскую академию (1793)⁷ и бежал из Церковниц пешком в Москву (14 лет), не желая поступить в Киевскую духовную академию, чего хотел Иван Никифорович, он его проклял в церкви. . .

Из «Хронологии. . .» Запись без даты

»«

. . . Это был тихий и скромный человек с сильным желанием учиться; тогда был только один Московский университет, и мой дед ночью бежал от своего отца и пешком из глуши Черниговской губернии пришел в Москву, в университет; отец его после того не хотел видеть и не простил до самой смерти, мать же способствовала его бегству. В Москве он страшно бедствовал, но, малопомалу, пробился, кончил лекарем и стал военным врачом. Во время наполеоновских войн он попал в плен, и это имело огромное на него влияние — несколько лет пробыл он во Франции и возвратился оттуда масоном и мистиком. . . Из его детей выжил только один мой отец.

Из письма к Н. Е. Старицкой 29 мая 1886 г. С.-Петербург

»«

Мой прадед⁸ Х. А. Константинович сотник 1-й полковой переяславской сотни.

Из «Хронологии. . .» Запись без даты

⁶ — числился учеником в 1742 г.

⁷ — точнее медицинский факультет Московского университета.

⁸ — со стороны матери.

»«

1785 г. — Родился Петр Христофорович Константинович, мой дед, в Переяславле в доме отца — премьер-майора в отставке от Софии Семеновны Кащевич (позже⁹ Гулак).

«. . . По семейному преданию, род наш⁸ шел от какого-то миргородского казацкого полковника, получившего от польских королей гербовое дворянство. . . Мой прадед, по словам отца, был полковым писарем, дед — русским чиновником, как и отец. Крепостными душами и землями они, кажется, никогда не владели». В. Г. Короленко. История моего современника. ПСС, т. 7. Пг., 1914, с. 10—11¹⁰. Прадед Владимира Галактионовича был и моим прадедом, т. к. его дед — Афанасий Яковлевич и моя бабушка Екатерина Яковлевна Короленко, по мужу Вернадская (1781—1844), были родные брат и сестра.

Из «Хронологии. . .» 30 июля 1942 г. Воронеж

II

Детство. Гимназия

Детство. 1863—1872

28 февраля 1863 г. Я родился в Петербурге на Миллионной улице. . . Я родился во время Польского восстания [1]. Не представлял себе этого раньше, но большая часть моей жизни, если не вся целиком, прошла во время войны. . .

Из «Хронологии. . .» [не ранее 1941 г.]

»«

. . . я не долго остался в Петербурге, и нет у меня почти никаких воспоминаний, связанных с этими пер-

⁹ — во втором браке.

¹⁰ Выписку из сочинений В. Г. Короленко сделал сам В. И. Вернадский, включив ее в свою «Хронологию».

выми годами жизни. Как в тумане вспоминаются мне Летний сад с памятником Крылова, вспоминаются и первые уроки грамоты, которой я учился тогда по деревяшкам и по заглавиям газет, вспоминается первая елка, произведшая на меня, по рассказам, такое впечатление, что я, никогда до тех пор не ходивший, сразу пошел, побежал; помнятся кой-какие первые встречи, как в тумане неясно носятся какие-то образы, связанные с этими первыми годами жизни. Если порыться хорошенько в памяти, то можно вспомнить многое и другое, но относительно всего этого никак нельзя сказать, сколько здесь таких неясных воспоминаний пережитого и сколько воспоминаний о тех разговорах, о тех случаях, какие бывали со мной и передавались или мне самому или при мне значительно позже. . .

. . . По рассказам, я был здоровый, замечательно тихий и серьезный ребенок; любил поспать, хорошо поест; одним из моих любимых занятий было рассматривание разноцветных лоскутков и украшение ими своей собственной особы. Любил я рассматривать и раскладывать бумаги, и, курьезная вещь, я еще теперь, когда пишу, с каким-то удовольствием вспоминаю большую корзину под большим письменным столом (хорошие письменные столы были одной из причотей отца) в темноватом кабинете отца; помню, кажется, перед отъездом в деревню, как я вытаскивал оттуда бумаги, и помню радость, с какой нашел там какую-то книжку с картинками, должно быть, прейскурант. Должно быть, однако, тогда она доставила мне глубокое, большое наслаждение, так как эпизод этот силен и теперь у меня в памяти. В 1868 году, когда мне было не более 5 лет, мы должны были покинуть Петербург. . . С отцом от усиленной работы сделался удар, и он лишился возможности хорошо говорить (а он был, говорят, замечательным оратором), и доктора посоветовали ему ехать на юг. Он взял место директора конторы Государственного банка в Харькове. . .

. . . Удар, [приключившийся] с отцом, совершенно разбил его жизнь, и я никогда не видел его вполне здоровым, это, очевидно, имело большое влияние на всю мою будущность. . .

Из письма к Н. Е. Старицкой 29 мая 1886 г. С.-Петербург

»«

[1868]. . . Лето провели в Старом Пластикове в деревне, где должен был отдыхать отец после удара.

Из «Хронологии. . .» 28 января 1941 г.

»«

Я помню в старом помещичьем доме сад и поля, какую-то веранду и мои находки куколя, значение которого мне объяснил Коля¹. А эти первые впечатления поля и деревни были очень сильны. Впервые я, житель города и дач, видел полевые цветы и поля. Вторично я попал сюда уже после, в конце университетской жизни. Мать не любила деревни, и Старое Пластиково было, кажется, единственной попыткой отца (который любил деревню и природу) пожить в деревне. Брат² или собирал гербарий, или рисовал цветы, и куколь, меня тогда поразивший и мне и теперь дорогой по воспоминаниям, тогда был или засушен или нарисован. Из Старого Пластиково я странным образом помню еще разбор матерью и няней Александрой Семеновной старых сундуков старинными костюмами прабабушки, кокошниками и т. п. (придворными? или старинными?). Затем — историю Тащицева³, которую я там читал. Старое Пластиково Сапожковского уезда Рязанской губернии — имение М. Н. Вернадской (Шигаевых), которое после смерти Коли отец передал Гославским.

Из дневника. . . 8 июня 1920 г. [Салгирка].

»«

. . . Сильное влияние имела, должно быть, няня. . ., человек чрезвычайно хороший и положительно умный. Ей обязан я и резким порицанием барства, которое она очень не любила, впервые узнал про освобождение крепостных, и помню в детстве ее выговоры, если, будучи избалованным ребенком, грубо или резко говорил ей или прислуге: «Что ты это, теперь нет крепостных, нет бар — все люди» и т. п. . .

Мои религиозные воззрения в детстве развивались сильным образом благодаря влиянию детской — няни, детей сторожей банка, с которыми я играл, и затем под влиянием чтения священных книг, причем особенно

¹ — старший (сводный) брат В. И. Вернадского.

² — Николай Иванович Вернадский.

³ Тащицев В. Н. История российская с самых древнейших врем. . ., М., 1768—1848.

сильно на меня действовали тогда «жития» [2] и «Ветхий завет» [3]. В семье у нас царил полный религиозный индифферентизм; отец был деистом, мать была неверующая; я ни разу, например, в жизни не был на заутрене перед Светлым Воскресением. . .

Я любил всегда чудесное, фантастическое; меня поражали образы «Ветхого завета», и я теперь еще помню то наслаждение, с каким я читал историю Саула, Самуила, Авессалома и Давида; мне очень часто представлялся Авель и Каин и т. д. Эти образы вызывали у меня бесконечный ряд вопросов; я верил существованию райа и задумывался, где он находится, меня интересовали вопросы, как жили Адам и Ева, на каком они говорили языке etc. Среди мальчуганов, детей сторожей, с которыми я, несмотря на запрещение, любил играть, я слышал также рассказы, почерпнутые из апокрифических книг и которые ходят и поныне в Малороссии среди народа; а рассказы о домовых, о чертях наполняли мою фантазию еще и еще сильнее. Я создал себе какую-то религию, полную образов, то страшных, то нежных, но которые жили везде и всюду. Помню, как глубоко и сильно меня интересовали вопросы о том, что делается с душой после смерти, и рисовалось мне, что она долго (40, кажется, дней) летает вокруг тела, не может попасть туда, и ей холодно, ей страшно тяжело, она видит, как плачут, как рыдают кругом родные, как ее тело предадут земле. То слышал я, что и тело это еще долго слышит, хоть и не видит. . .⁴ Все такие образы все сильнее и сильнее смущали меня. . .

Я помню, как сильно на меня действовала смерть, я, казалось мне, видел этих мертвецов, мрачных, унылых, стаившихся вокруг меня, и помню, как перепугался, с которой спал в одной комнате: ночью, проснувшись, я стал уверять ее, что ее брат, который недавно умер, стоит тут, в углу и грозит мне. . .

Из письма к Н. Е. Старицкой [до 21 июня] 1886 г. Вильманстранда

»«

1872 г. Помню [себя] в большой комнате (спальня) моей матери в Харькове, разделенной на две части большой перегородкой из материи. Большая покрытая низкая тахта стояла в ней, и я любил на ней лежать и читать. Отец с Каченовским ходили по большой комнате

⁴ — отточие В. И. Вернадского.

и говорили о гарибальдийцах и франко-немецкой войне [4], которой я интересовался. . . Вдруг отец меня позвал и сказал Каченовскому: «Мой отец думал, что я доживу до конституции, но я этого не думаю, но уверен, что Володя будет жить в свободной стране».

Из «Хронологии. . .» 22 июня 1941 г. Узкое

»«

. . . Жизнь в Харькове, где отец был управляющим Конторой Государственного банка, представлялась в то время мне одной из самых лучших жизней, какие возможно желать. Жили мы хорошо, богато, все наши желания — детей — исполнялись очень скоро и даже слишком; никаких неприятностей нам испытывать не пришлось. Самыми светлыми минутами представляются мне в это время те книги и мысли, какие ими вызывались, и разговоры с отцом и с моим двоюродным дядей Е. М. Короленко, помнится также сильное влияние, дружбы с моим старшим братом⁵ (он был значительно старше меня, родился в 1851 году).

Я рано набросился на книги и читал с жадностью все, что попадалось под руку, постоянно роясь и перерывая книги в библиотеке отца, довольно большой, хотя и случайной. . . Книг было очень много у меня и у сестер⁶, с которыми я жил не очень дружно. Характеры у нас были разные, я был больше флегматик (вскоре, однако, переменялся), они — живые, бойкие девочки, ужасно балованные. Я читал все, что попадалось под руку, но в эти первые годы я особенно помню разные географические книги, не только путешествия, но даже и довольно сухие и, казалось, мало доступные для моего возраста, например, Реклю «Земля»⁷ и затем [вышедшие в издательстве] Лихачева и Суворина «Великие явления и очерки природы»⁸; последней книгой я положительно зачитывался, и до сих пор помню то страшно сильное впечатление, какое произвело на меня описание моря (кажется, из «Фрегата Паллады» Готчарова)⁹.

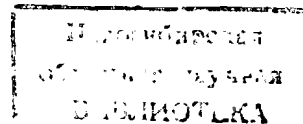
⁵ — Николай Иванович Вернадский.

⁶ — Ольга Ивановна и Екатерина Ивановна Вернадские.

⁷ Реклю Э. Земля. Описание жизненных явлений земного шара. СПб., 1872.

⁸ Великие явления и очерки природы. Географическая хрестоматия, составленная по сочинениям известных русских и иностранных ученых и путешественников. СПб., 1866.

⁹ Готчаров И. А. Фрегат Паллада. Очерки путешествия. СПб., 1858.

Кроме этих географических книг любил я стихи, рассказы, но терпеть не мог тех, которые плохо кончаются, и обыкновенно раньше просматривал конец, если плох — не читал (это, впрочем, и теперь осталось у меня); в это же время я зачитывался историей, главным образом, греческой, причем источниками были: Вегнер «Эллада»¹⁰, какая-то сильно растрепанная сухая книжка без начала и конца, которую я вырыл между книгами отца, и т. д. . . Вообще я читал все, что попадалось, и для своих лет был довольно развит; я присутствовал при всех разговорах отца, очень любил слушать их, притаившись где-нибудь в уголке, и живо помню толки про Амадея и Карлоса, а Гарибальди [5] был одним из моих героев. Конечно, все это было так смутно, так неясно, но в то же время захватывало довольно сильно. Хотя я читал очень много, но учиться не любил, хотя по сравнению с сестрами, в семье считался очень трудолюбивым; и действительно, я сидел над книгой, точно готовясь учиться, а фантазия моя в это время летала бог знает где, или я читал то, что не надо. Особенно сильное развивающее влияние на меня в это время имели разговоры со стариком дядей Короленко. Это был оригинальный и довольно сильный человек. Самолюбивый, в высшей степени остроумный и обидчивый, он в то же время был человеком глубокой доброты. . . Был человеком хорошо образованным, хотя образование себе сам добыл. . . Он был самых либеральных убеждений, но в то же самое время был эгоистом и *bon vivant*¹¹, и я помню, как он говорил, что никак не понимает, как можно было давать сжигать себя, как хотя бы Гус или Джордано Бруно. Он ставил обыкновенно в пример Вольтера и признавался, что если бы к нему пристали попы, он двадцать раз перецелует крест, а не даст себя сжарить. Попов он не любил от глубины души. Глубоко уважал Фурье и Сен-Симона, но считал это все очень далеким, недосягаемым. . .

. . . Мне иногда кажется, что не только за себя, но и за него я должен работать, что не только моя, но и его жизнь останется даром прожитой, если я ничего не сделаю. Вспоминаются мне темные, зимние, звездные ве-

чера. Перед сном он любил гулять, и я, когда мог, всегда ходил с ним. Я любил всегда небо, звезды, особенно Млечный Путь поражал меня, и в эти вечера я любил слушать, когда он мне о них рассказывал, я долго после не мог успокоиться; в моей фантазии бродили кометы через бесконечное мировое пространство; падающие звезды оживлялись; я не мирился с безжизненностью Луны и населял ее целым роем существ, созданных моим воображением. Такое огромное влияние имели эти простые рассказы на меня, что мне кажется, что и ныне я не свободен от них. . .

Из письма к Н. Е. Старицкой 6 июня 1886 г. Рускала

Харьковская классическая гимназия 1873—1875 гг.

Поступил в первый класс первой Харьковской классической гимназии. . .¹²

Поездка за границу на Венскую международную выставку¹³ с отцом, матерью, няней, сестрами, Елизаветой Карловой Дейш, обруселой швейцаркой. Вена, Венеция, Прага, Шамуни (Монблан), Дрезден. . .

Это была моя первая поездка за границу, мне было тогда 10 лет и 3 месяца, и прошло почти 69 лет с тех пор, но я кое-что помню.

Это было целое путешествие старого типа — влияние моей матери, которая не хотела ехать без детей. И вернулись мы раньше срока, так как она томилась за границей. Для нее лучше города, чем Пестербург, не было. Киев — она киевлянка — не любила. Эта поездка, вероятно, очень дорого стоила. . . Некоторые мелочи врезались в мою память. Таковы для Венской международной выставки внешняя обстановка — речная мелкая галька, которая покрывала густым слоем всю территорию выставки. Помню это, но ничего из выставленных предметов, кроме смутных силуэтов павильонов. Венеция произвела гораздо большее впечатление. Помню сцену, когда спускались с вокзала, чтобы сесть в гондолу, мама подняла целый скандал, не желая — боясь ехать по воде, а требовала извозчика.

¹² — в 1873 г.

¹³ Венская международная выставка проводилась в 1873 г.

¹⁰ Вегнер В. Эллада. Очерки и картины древней Греции. СПб.; М., 1901.

¹¹ — кутила (фр.).

Я не помню, чем это кончилось. Но помню, что мы пробыли в Венеции несколько дней, помню главную площадь с голубями, собор святого Марка с лошадьё¹⁴.

Но больше всего помню, что я с сестрами часами сидел, так мне по крайней мере теперь кажется, высушившись из окон, смотря на новый вскрывшийся нам мир гондол и гондольеров.

Посещение картинных галерей, соборов и т. п. мало оставило впечатлений. Конкретно не помню.

Очень помнится Прага. Но бытовые впечатления. Мы дети плелись в конце, шли с носильщиками пешком, должно быть, с вокзала, и вдруг я вижу, что няня Александра Семеновна разговаривает по-русски с носильщиком к большому обоюдному удовольствию.

Отец много мне рассказывал о Чехии, я думаю, что у него уже здесь зародилась мысль поселиться в более свободной стране и издавать русскую газету. Нелюбовь матери к загранице сразу положила этому конец...

В Дрездене на меня произвела впечатление картинная галерея... В первый раз видел зоологический сад...

Еще помню Монблан и Шамуни. Мне кажется, впервые были в Женеве.

В Шамуни я всех напугал. Я увлекся камушками — в первый раз нашел прекрасные (так мне казалось) кристаллы кварца и горного хрусталя. Оказалось, меня потеряли из виду и не видели меня, маленького мальчика. Когда я вернулся довольный, на меня все набросились... с матерью сделалась чуть ли не истерика...

В Швейцарии я помню утро в Невшателе, где мы ночевали и где я после пикогда не был. Мне очень понравилось утро — берег озера.

В конце концов мать утомилась и ей надоело, и мы прервали поездку и быстро вернулись домой...

Из «Хронологии...» 13 февраля 1942 г. Боровое

»«

Перед переездом [в Петербург в 1876 году] мы с отцом вдвоем были за границей и, мне кажется, в Милане в газете «Вперед» [6] Лаврова отец и я прочли о циркуляре [7], запрещающем в России печатать на малороссийском языке. Это произвело громадное впечатление

¹⁴ Над главным входом собора св. Марко помещена бронзовая квадрига (III в. до н. э.).

на отца, и разговоры, с этим связанные, сильно на меня тогда подействовали.

Из «Воспоминаний» 18 мая 1943 г. Боровое

»«

... Украинские книги у нас сохранились разрозненные. В Харькове в связи с тяжелым тогдашним временем украинских книг не было. Отец получал все, что можно было выписывать... Он страшно любил украинские песни, и моя мать их прекрасно пела. Вечерами в Харькове в нашем большом доме управляющего Конторой банка она устраивала хоры, раскрывались окна и лились хорошие украинские песни. В хорах участвовали многие чиновники банка, и у меня сохранилось детское воспоминание о переписываемых украинских стихах...

Из «Хронологии...» 6 сентября 1924 г.

Переезд в Петербург.

Петербургская гимназия. 1876—1881 гг.

1876 г. Переезд семьи в Петербург и поступление в 3-й класс первой гимназии в Петербурге.

Из «Главнейших биографических дат...» [1943 г. Боровое]

»«

В 1876 г. отец имел со мной разговор, предложив мне решить, — хочу ли я продолжать свое учение в гимназии или я могу перейти в Александровский лицей [8], который откроет мне карьеру. Он имел право меня поместить туда, так как долгое время был профессором Лицея.

Но в нашей семье «профессор» в глазах моей матери было понятие важное, несравнимое с чиновником, и этот культ постоянно поддерживался матерью и отцом, все время много читавшим по политическим, экономическим и статистическим наукам, выписывавшим иностранные журналы и мечтавшим вернуться в академическую среду, с которой он сохранял связь в Харькове. Он не ездил за границу, которую не любила мать.

[В 1876 году] в Петербурге отец открыл «Магазин-книжничек» с льготной продажей книг для иногородних покупателей и типографию «Славянская печатня...»

... В моей жизни этот магазин играл огромную роль... Я имел право читать — быстро — любую книгу, разрезанную и неразрезанную. Я массу книг — будучи гимназистом — читал.

Помимо такого временного [пользования] я мог покупать книги, и я очень пользовался этой возможностью.
Из «Хронологии...» Запись без даты.

»«

С 30 января—7 февраля¹⁵ ... Время у нас теперь неблагоприятное. Недавно была Казанская история [9] ... устроили суд [10] только с виду, им не позволяли себя оправдывать. Довольно странно и ужасно, что из них самому старшему 22 года, а есть и несовершеннолетние; они себя держали с достоинством. Перед приговором они сошлись в кучки и перецеловались, публика плакала.

Из дневника... [7 февраля 1877 г. Петербург]

»«

С 4 февраля—1...¹⁶ февраля... По рассказам о деятельности III отделения надо судить, что положение России скверно. Действия тайной полиции в Казанской истории; ссылка присяжных поверенных, говоривших по этому вопросу; затем недавнее закрытие Клуба художников [11], ссылки нескольких студентов, освиставших Толстого¹⁷.

Закрытие клуба художников происходило так [12]: уже под конец ужина, встал какой-то студент с длинными волосами, начавший говорить о нужде вспомоществования семействам сосланных по Казанскому делу. Составили лист, многие подписались. Затем этот студент исчез. На другой день Трепов закрыл Клуб художников. Говорят, что этот студент был agent provocateur¹⁸ III отделения. Какая низость! И в Турции ничего подобного не может быть, там по крайней [мере] есть какая-нибудь конституция, которая может развиваться, а у нас и того нет!

Из дневника... [февраль 1877 г. Петербург]

»«

С 24 февраля по 6 марта. ... После праздников я по обыкновению спросил читать Карамзина «Историю России»¹⁹, IV т., мне говорят, что нужно, чтобы подписал учитель русского; через несколько дней на уроке русского я прошу учителя русского Карнеева подписать билетик, он говорит, что подписал для всех, я обращаюсь опять

¹⁵ Ниже приводится несколько дневниковых записей, показывающих, какле серьезные, гражданские темы волновали 14-летнего гимназиста В. Вернадского.

¹⁶ — вторая цифра числа написана неразборчиво.

¹⁷ — Д. А. Толстой — министр народного просвещения.

¹⁸ — агент-provocateur (фр.).

¹⁹ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1852.

к Колоколову (смотритель за библиотекой) и говорю, что сказал г. Карнеев, он говорит, что нужно, чтобы г. Карнеев подписал; через неделю г. Карнеев подписал, не смотря на то, мне не выдают, говоря, что надо, чтобы г. Лыткин (учитель истории) подписал, я и бросил брать книги.

Г. Лыткин, например, «Историю» Н. Костомарова²⁰ [считает] книгой, которую нам не следует читать...

Из дневника... [6 марта 1877 г. Петербург]

»«

28 [марта]. ... Ужасно притесняют малороссов. Драгоманову даже в Австрии не позволили издавать газету на малороссийском языке. В России совсем запрещено печатать книги на моем родном языке. На каникулы я со всем рвением примусь за него. В Кieve, если в каком-нибудь доме увидят портрет Шевченко, то его отбирают. Несмотря на то, что многих берут в тюрьму за вечеринки малороссийские, но они беспрестанно бывают. В Галиции малороссийская народность очень поднялась. Лучшие малороссийские фамилии переселяются туда.

Из дневника... [29 марта 1878 г. Петербург]

»«

... 27 декабря 1877 г. умер Николай Алексеевич Некрасов — первый крупный писатель, к смерти которого я мог отнестись сознательно.

Мне кажется, памятная книжка об его смерти была напечатана в «Славянской печатне». Я не был особенным поклонником Некрасова. Очень часто я слышал о тех разговорах, которые вели взрослые и которые морально его очень понижали. ... В это время «Кому на Руси жить хорошо» не были напечатаны и распространялись в рукописях. Смерть вызвала память, и я помню, что по этому поводу их [рукописи] читал впервые и перечитывал. У Короленко (История моего современника, кн. II. М., 1935, с. 254) рассказано впечатление студента 24 лет, а я гимназист 14 лет. Разговоры о речи Достоевского не помню [13]. Я вообще не любил, что любила молодежь, публичных выступлений. ...

Из «Хронологии...» 25 апреля 1943 г. Боровое

²⁰ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. СПб., 1873—1888.

»«

В гимназии я очень интересовался историей церкви, (священник М. Соколов) давал [книги] из своей библиотеки и из [библиотеки] гимназии.

Очень много пользовался библиотекой В. Кулжинского...

Главное дала домашняя жизнь — десятки журналов, русских и иностранных, которые выписывал отец.

Я пользовался еще большей библиотекой моего друга по классу Дьяконова, умершего молодого, кажется, студентом (не естественником). Отец его видный чиновник имел огромную библиотеку, которой я пользовался, кажется, на одном из последних классов.

Из «Хронологии...» 21 ноября 1943 г. Москва

»«

... Совсем поворот произвело во мне увлечение историей — война сербов с турками и пр. — во все гимназические годы после 1876 г. я ничему не научился; если не считать огромного, теперь большею частью забытого количества исторических фактов и некоторых взглядов и идей, порядочно, но раздельно продуманных...

Из письма к Н. Е. Вернадской 1 августа 1888 г. Инсбрук

»«

Главным несчастьем являлся мертвый дух преподавания, огромное количество времени, которое тратилось на древние языки, преподававшиеся исключительно плохо. Трудно помянуть это преподавание чем-нибудь хорошим, хотя среди учителей классических мертвых языков в нашей гимназии были лично порядочные люди, может быть, даже имевшие познания в древних языках, но эти познания они не могли передавать нам, так как не умели говорить по-русски, не отличались умом и строго держались официальных рамок программы, искажившей прекрасный великий мир Эллады, ее науку, литературу, искусство, разрушившей те стороны истории Рима, которые до сих пор жили в нашей жизни. Гимназическое преподавание эпохи Толстого было классическим лишь по названию [14]. Главным несчастьем было то, что в общем преподавателями древних языков в это время в России были или, как у нас, чужие люди, сторонние русской жизни и интересов нашей страны и потому бессознательно добросовестно исполнявшие антинациональную официальную программу, или чиновники — полицейские, которым никакого дела не было до идейных заданий школы, более или ме-

нее добросовестно исполнявшие предписание такого же, как и они, начальства. Несомненно, других исполнителей для полицейской классической системы Толстого и нельзя было найти.

Из статьи «Из прошлого». Февраль 1916 г.²¹

»«

1878 г. Процесс Веры Засулич в Петербургском окружном суде [15]. Я очень хорошо помню огромное впечатление, которое это на меня произвело. Разговоры в семье — полное сочувствие всех [16]. В типографии отца печаталась газета Корша [17], корректурные оттиски непропущенной статьи [18] одному из первых попали мне в руки.

Из «Хронологии...» 8 ноября 1941 г. Боровое

»«

В 1880—1881 году я имел интересный разговор с отцом. Он меня тогда удивил своими познаниями в области естествознания, главным образом земледелия, ботаники. Это было перед катастрофой 1881 года, выведшей его из жизни. В это время в «Биржевом указателе» была помещена моя переводная статья о кооперативах [19]. За это журнал получил штраф или приостановку. Это было незадолго до катастрофы — удара с отцом.

... Это был для меня решительный год [1881 г.]. Во-первых, я в это время пополнял свое знание немецкого языка. Я прочел 4 тома «Космоса» Гумбольдта²² и его «Ansichten der Natur»²³. Вел метеорологические наблюдения и ознакомился с картой неба. Посещал концерты — прекрасные тогда — в Павловске.

Здесь я начал читать аккуратно «Natur»²⁴ [20] и до сих пор ее читаю.

Из дневника... 1944 г. Запись без даты.

»«

Государственный экзамен шел у меня с происшествиями. На экзамене по закону Божию я, вероятно, считался знатоком истории церкви. Я много читал — давал священник отец Мих (?) Соколов, по на экзамене был архиерей, и я перепугал: «грешников» отправил в рай, а «праведников» в ад. Я слышал, что священник говорил что-то архиерею о моих познаниях по истории церкви, но тот говорил: не хочу я истории церкви и т. д. Все-таки прошло в конце концов благополучно.

²¹ Вернадский В. И. Очерки и речи. Пг., 1922, вып. II, с. 101.

²² Гумбольдт А. Космос. Опыт физического мироописания. СПб., 1848—1863.

²³ Humboldt A. Ansichten der Natur. Berlin, 1808.

²⁴ — «Природа».

Другой скандал был на экзамене математики. Учитель Г. Верещагин, очень хороший и знающий. Решая задачу (кажется, на построение), я решил не тем путем, которым он хотел. Он подошел посмотреть и сказал, что это верно, но что я решил не так, как нужно. Второе решение на доске имело ту же судьбу. Я рассердился, и когда я в третий раз опять решил по-новому, Верещагин пришел в математический азарт, и экзамен кончился моим триумфом, меня сконфузившим.

Наш гимназический класс был можно сказать блестящий. Учился я средне, отличался по сочинениям на уроках русского языка, когда интересовался, но и теперь жалею классические языки — латинский и греческий, в которых преобладала грамматика, и образованные немцы и чехи, не знающие русский язык, благодаря этому и программу преподавали убийственно. В последних классах преподавал директор Чистяков — хороший классик, но он должен был держаться строго программы. Я помню, как-то я принес в класс Герцена из книг отца, хорошее немецкое издание. Он увидел, что передо мной какая-то книга не по форме, он потребовал ее к себе на кафедру, сказал, что это прекрасное издание, но чтобы я в класс приносил то, которое указано.

В младших классах отец пытался на меня действовать и своим примером — он был первым учеником, и указанием на значение классических языков, но я читал много по истории и истории литературы и не имел никакого интереса к языку — не было чисто филологического интереса. Я и теперь читаю на всех славянских, английском (и плохо говорю), французском (тоже) и немецком, читаю на всех романских и германских языках, но разбираюсь с помощью, большей или меньшей, словарей. Язык сам по себе меня мало интересует. Когда Краснов учился — и научился — по-фински, я попробовал и скоро бросил...

Я хорошо писал сочинения, был для своего возраста очень начитан, много самостоятельно думал, интересовался науками историческими, естественно-историческими, экономическими и философскими.

Знал много фактов.

Старался всегда сделать так, чтобы в средних отметках не было 2. И кончил я гимназию, кажется, девятым или восьмым, первым без медали, которых у нас было много...

А. Н. Краснов сыграл в моей жизни, гимназической и студенческой, большую роль. Прежде всего я обязан ему моим интересом к естествознанию. С ним я делал [экскурсии] в окрестностях Петербурга, главным образом в Удельном. Издавали рукописный гимназический естественно-исторический журнал. Краснов издал гимназистом, мне кажется, недурное руководство. Интерес к природе у него был большой. Я помню, что мы наблюдали в его квартире возвращение кометы Энке в [1885] году...

Другим натуралистом был Евгений Иванович Ремезов маленький горбун, отец которого был чиновником и литератором...²⁵ У него я бывал редко. С Ремезовым я [издавал] естественно-исторический (с рисунками) журнал, один год (год?) издавали общий журнал²⁶.

Сохранил связь до конца. Не помню, когда он умер. Мне кажется, он немного не дожил до революции? Он был доктором при городском приюте для стариков и старух, куда я к нему ездил. В наших весенних и осенних экскурсиях с Красновым он часто участвовал...

Из «Хронологии...» Запись без даты.

III

Петербургский университет

1881—1885

... Когда я кончил гимназию и поступил на 1-ый курс естественного отделения физико-математического факультета в Петербурге, я не думал, что долго на нем останусь. Я мечтал о посещении тропиков, думал даже об эмиграции — не политической... Хотел окончить Университет и уехать за границу, во всяком случае повидать тропики. У меня были сильные украинские настроения, но очень отвлеченные и нереальные, украинский язык я знал очень плохо — разговорный. Интерес мой основной был астрономия, но я поступал не на математическое, а на естественное отделение. Я думал одновременно слушать лек-

²⁵ — Ремезов Иван Сократович.

²⁶ — рукописный.

ции на математическом и естественном отделениях, считая, что мои способности к математике не так велики, чтобы заняться астрономией. Я выдержал основные два курса.

Я не сдавал экзамены, но посещал некоторые лекции — главным образом на первых двух курсах. Слушал иногда лекции начертательной геометрии. . . , прошел аналитическую геометрию и работал в астрономической обсерватории. . . Слушал иногда лекции Глазенапа. Я думаю теперь, что мои сомнения в моих способностях были неправильны. Я прошел дифференциальное исчисление, начал интегральное, аналитическую геометрию, сферическую. . . геометрию. Кажется, слушал специальный курс у Воейкова (для математиков) по климатологии. Уже приват-доцентом у Берви прошел теорию групп, теорию определителей. Меня не интересовали задачи, но интересовали общие принципиальные вопросы, много читал по основам геометрии. . .

Знакомство с теорией групп, детерминантами относится ко времени 1891, когда я углублялся в кристаллографию и термодинамику. . .

Из «Хронологии. . .» Запись без даты

»«

. . . Больше всего прельщали меня, с одной стороны, вопросы исторической жизни человечества и, с другой — философская сторона математических наук. И я не пошел ни по той, ни по другой отрасли. Не пошел по исторической, потому что хотел раньше получить подготовку естественно-историческую и потом перейти на историю; не пошел по математической, потому что не верил и не верю в свои математические способности. . .

Из письма к Н. Е. Вернадской. 3 января 1889 г.

»«

. . . Университет имел для нас всех огромное значение. Он впервые дал свободный выход той огромной внутренней жизни, какая кипела среди нас и не могла проявляться в затхлых рамках гимназии. Выход в университет был для нас действительно духовным освобождением. . .

Совершенно неожиданно, по-видимому, для гимназического начальства значительная часть класса поступила на естественный факультет, но не все пошли туда по призванию. Некоторые думали потом перейти на медицинский, другие хотели дополнить резкие и больно чувствуемые пробелы образования. Наконец, иные поступили на естественное отделение, так как хотели отойти подальше

от тяжелых воспоминаний о гимназической науке, искали науки новой, запретной для гимназиста того времени. . .

Петербургский университет того времени в физико-математическом факультете, на его естественном отделении, был блестящим. Менделеев, Меншуткин, Бекетов, Докучаев, Фаминцин, М. Богданов, Вагнер, Сеченов, Овсянников, Костычев, Иностранцев, Воейков, Петрушевский, Бутлеров, Коновалов оставили глубокий след в истории естествознания в России. На лекциях многих из них — на первом курсе на лекциях Менделеева, Бекетова, Докучаева — открылся перед нами новый мир, и мы все бросились страстно и энергично в научную работу, к которой мы были так несистематично и неполно подготовлены прошлой жизнью. Восемь лет гимназической жизни казались нам напрасно потерянным временем, тем ни к чему не нужным искусом, который заставила нас проходить, вызывавшая глухое наше негодование, правительственная система. Эти мысли получали яркое выражение в лекциях Д. И. Менделеева, как известно, человека очень умеренных, скорее консервативных политических взглядов, который, однако, больше, чем кто-нибудь другой, возбуждал в нас дух свободы и оппозиционного настроения. Ярко и красиво, образно и сильно рисовал он перед нами бесконечную область точного знания, его значение в жизни и в развитии человечества, ничтожность, ненужность и вред того гимназического образования, которое душило нас в течение долгих лет нашего детства и юности. На его лекциях мы как бы освобождались от тисков, входили в новый, чудный мир, и в переполненной 7-й аудитории Дмитрий Иванович, подымая нас и возбуждая глубочайшие стремления человеческой личности к знанию и к его активному приложению, в очень многих возбуждал такие логические выводы и настроения, которые были далеки от него самого. Толстой, в своем чутье политического инквизитора, был прав в своем подозрении к Менделееву, и не напрасно он не допустил как раз в это время Менделеева (властью своей как президента) до баллотировки в Академию наук и вскоре после окончания нами университета, против желания Дмитрия Ивановича, удалил его из Петроградского университета. . .

А. Н. Бекетов, тогда ректор университета, был живым культурным общественным деятелем, работавшим в тяжелой обстановке безвременья. Его поколению пришлось заканчивать жизнь в эпоху реакции, казалось, разрушив-

шей всецело все то, чем начиналась и жила их молодость. Высшие женские курсы, Университет, Вольное экономическое и другие ученые общества, широкая популяризация естествознания, постоянное общение с молодежью брали большую часть его времени в течение всех лет его профессуры. Однако никогда при этом А. Н. Бекетов не бросал научных занятий, он был всю жизнь всецело предан науке. Его лекции, которые пришлось слушать нам в самом начале 1880-х годов, в 1881—1882, давали нам много — частью благодаря их резкому отличию от гимназического преподавания, частью потому, что в них чувствовалась самостоятельная научная мысль, Бекетов был ботаником, сложившимся еще до выступления Дарвина; при этом его мысль независимо работала в областях, смежных с теми, которые стали господствующими после 1859 года, и к охватившему науку эволюционному учению он отнесся как самостоятельно мыслящий в том же направлении последователь. Он подходил к эволюционному учению до Дарвина и независимо от него и навсегда сумел сохранить к нему критическое отношение человека, самостоятельно обрабатывавшего окружающие явления под другим, независимым от вскоре господствующего научного мировоззрения, близким к нему углом зрения. Это чувствовалось и в его беседах, в его статьях и в его лекциях. Я помню, что для нас наряду с тем новым миром, какой открывался на его лекциях в жизни растений, закрытый нам раньше школьным учением, — эти лекции были дороги тем, что они пытались связывать конкретные факты точного знания с цельным и своеобразным философским мировоззрением. Станным образом у Бекетова сказывалось влияние немецкой философии Фриза (через Шлейдена)... Бекетов, несомненно, оставил крупный след в том течении ботанической мысли, которое ярко складывалось в то время в России и которое не только было связано с изучением флоры, но привело к так называемым геоботаническим работам...

В. В. Докучаев как раз в то время делал огромное дело, пытался направить русских естествоиспытателей на новый путь. И это ему, одному из немногих, удалось. Профессор минералогии В. В. Докучаев был чужд той отрасли знания, преподавать которую ему пришлось по случайности судьбы. По кругу более ранних своих интересов это был геолог, интересовавшийся динамической геологией лика Земли на русской равнине. Его привлекали вопросы

орографии, новейших ледниковых и элювиальных отложений, и от них он перешел к самому поверхностному покрову, к почве. В ней В. В. угадывал новое естественное тело, отличное и от горной породы и от мертвых продуктов ее изменения... С 1878 года и главным образом с 1881 г. Василий Васильевич клал основы русскому почвоведению, дал тот могучий толчок научной мысли и научной работе, который чувствуется в научной жизни до сих пор, уже многие годы после его смерти. Это был русский самородок, шедший своим путем, всецело сложившийся в России, совершенно чуждый Западу, которого не знал, как и не знал иностранных языков, и куда попал уже к концу жизни. Он не имел ни широкого образования Бекетова, ни его интересов, он обладал волей, широким, оригинальным умом и был прирожденным натуралистом...

И А. Н. Бекетов и В. В. Докучаев мало интересовались политикой, от которой они стояли, как огромное большинство русского общества того времени, совершенно в стороне. Это были чисто культурные общественные деятели. Если фактически они увеличивали силу общества, приводили к новым формам общественной и государственной жизни, они не это имели в виду при своей деятельности. В тяжелое время, переживавшееся в то время университетом, особенно Петербургским после 1881—1887 гг., они оба старались спасти, что можно, путем всяких уступок. Помню характерные разговоры в этом смысле с В. В. Докучаевым в эпоху ректорства проф. Владислава или в те дни, когда серьезно подымался вопрос о переводе Петербургского университета в Аракчеевскую вотчину — Грузино... Оба сохраняли связь с министром Деляновым и старались и в эпоху университетской реакционной реформы 1884 г. [1] сделать, что можно...

Из статьи «Из прошлого». Февраль 1916 г.¹

... Свобода посещения лекций, которая тогда существовала, позволила мне первые недели посещать лекции других факультетов, а в мое время это широко практиковалось. Я посещал отдельные лекции исторические, филологические, юридические, математические и т. д. ...

... На первом курсе огромное впечатление, незабываемое оказали на меня лекции Д. И. Менделеева. Об этом я отметил в моей геохимии (мне кажется и во французском

¹ Вернадский В. И. Очерки и речи, вып. II, с. 104, 105, 107, 108.

и немецком изданиях)². Мы готовились поэтому к его экзамену очень основательно, тем более, что в студенческой среде ходили анекдоты об инцидентах на его экзамене. После экзамена мы снялись втроем³ с толстым переплетенным однотомником, по которому мы учились. Экзамен этот для нас прошел хорошо.

Из «Хронологии...» 7 августа 1942 г. Боровое

»«

[В университете] центром было Студенческое научно-литературное общество [2], созданное в 1882 году благодаря энергии и моральной силе профессора истории русской словесности О. Ф. Миллера, благородного, чистого сердцем идеалиста-славянофила. В этом обществе после сходки 1882 года [3], вызвавшей сближение студентов различных курсов и факультетов, объединились на почве научных, философских и литературных интересов все живые силы студенчества того времени. Если мы взглянем сейчас на списки деятелей этого Общества, особенно на списки его научного отдела, руководившего его жизнью, мы увидим в нем множество всем известных имен ученых, историков, натуралистов, юристов, медиков, писателей, общественных деятелей [4]. Многих уже нет в живых, но большинство еще живо и сейчас на каждом шагу встречается в передовых рядах культурной жизни русского общества. Едва ли когда-либо так захватывался в единое целое весь цвет студенческих поколений. Общество собиралось большей частью в аудитории ботанического кабинета в отдельном небольшом здании, в ботаническом саду университета, которую ему предоставил А. Н. Бекетов.

Из статьи «Из прошлого». Февраль 1916 г.⁴

... «Волнения 1882 г. кончились большой сходкой 10 ноября, против которой мы возражали... [5]

... 10.XI.1882 — я принимал участие в предшествовавшей ей агитации (на летучих сходках). Вернулся я на капуне (какой день 10.XI.1882? — не воскресенье?)⁵ поздно и думаю, что рассказывал о происходящем. Весь город этим интересовался. Когда я собрался уходить, моя

² Вернадский В. И. Очерки геохимии. — В кн.: Избр. соч., в 6-ти томах. М., 1954, т. 1.

³ — В. И. Вернадский, А. Н. Краснов и Е. И. Ремезов.

⁴ Вернадский В. И. Очерки и речи, вып. II, с. 105—106.

⁵ — 10 ноября 1882 г. — среда; определено по «Вечному» табло-календарю.

мать решительно стала настаивать, чтобы я 10-го не ходил. Я решительно отказывался это обещать. Тогда в последнюю минуту она в дверях бросилась передо мной на колени, желая меня удержать. Я поднял ее и самым решительным образом сказал ей, что не могу ее просьбу исполнить, что для меня это вопрос чести, но могу ей обещать, что сделаю все, что этому не противоречит, и что, если будут выпускать, уйду до ареста...

Из «Хронологии...» 14 августа 1942 г. Боровое

»«

... Моя цель — познание всего, что возможно человеку в настоящее время согласно его силам (и специально моим) и времени. Я хочу, однако, увеличить хоть отчасти запас сведений, улучшить хоть немного состояние человека. А улучшение это, к сожалению моему, в мое время зависит не только от научных знаний и приложения их к борьбе с природой, а еще и к борьбе с людьми, к деятельности политической. Могущественным орудием тут является публицистика научная, неопровержимая, логичная. Мои другие занятия, как мне кажется, никогда не позволят мне в моей кратковременной жизни заняться рассмотрением вопроса о влиянии войны на все человеческие племена. Для этого у меня не будет времени. Необходимое для других моих целей подробное знание истории моего родного племени Украинского позволит, надеюсь, мне изложить хоть в немногих резких чертах влияние войны на это племя и его ipso⁶ может хоть несколько помочь прекращению этого регрессивного явления. Года два, вероятно, мне придется употребить много времени для этой цели.

Из «Заметок по истории Украины», 27 мая 1882 г.

»«

28 мая. ... Сегодня я определил в первый раз в жизни 3 цветка: Ranunculus acris — семейство Ranunculaceae, Trientalis Europæ — семейство Pimulaceae и Potentilla tormentilla — семейство Rosaceae. ...

Из дневника... 28 мая 1882 г. Павловск

»«

12 июня утром. ... Был в Метеорологической обсерватории, здесь находящейся⁷. Замечательно, что у них наблюдения над облачностью производятся на глаз. Кроме

⁶ — этим самым (лат.).

⁷ С конца мая по конец августа 1882 г. семья Вернадских отдыхала в Павловске под Петербургом.

прибора, состоящего из собирательного стекла и особого состава бумаги, прожигаемой солнцем, для наблюдения времени незакрытия тучами солнца. У них также не делается в этом году точных наблюдений над ветрами, т. к. они теперь производятся в С.-Петербурге. Наблюдения над электричеством воздуха в настоящее время также нет.

Из дневника. . . 12 июня 1882 г. Павловск

»«

Июнь 15. Около 12 часов ночи, небо, где зашло солнце, какого-то странного зеленовато-медного цвета. Ветер порывами, сильный. Вчера я заметил, идя по парку, по одну сторону дерева с силой раскачивались ветром, а шагов 20 в сторону даже не шелухнутся в то же самое время.

Из дневника. . . 15 июня 1882 г. Павловск

»«

8 июля. Прежде я не понимал того наслаждения, какое чувствует человек в настоящее время, искать объяснения того, что из сущего, из природы воспроизводится его чувствами, не из книг, а из нее самой. Какое наслаждение «вопросать природу», «пытать ее!» Какой рой вопросов, мыслей, соображений! Сколько причин для удивления, сколько ощущений приятного при попытке обнять своим умом, воспроизвести в себе ту работу, которая длилась века в бескопечных ее областях! И тут он [человек] подымается из праха, из грязных животных отношений, он яснее сознает те стремления, какие создались у него самого под влиянием этой самой природы в течение тысячелетий. Здесь он понимает, что он сделал и что может сделать. Много неверного он сперва выведет в уме своем, много ложно поймет он, по опыту и наблюдению, рассуждение и размышление дадут ему силу познать правильность или вероятность ее в отношении его выводов. Много переживал я в 4—5 часов, проведенных мною в Поповке, много понял яснее, чем понимал прежде, а многое, вероятно, понял неверно. Я ожил и оживился. Оживлены мои стремления и новые силы имею я без надежды стремиться к ним. Тут сливаются и эстетические и умственные наслаждения, тут возрождается стремление достичь того идеала, какой до сих пор выработался у человека и понятен ему. . .

Из дневника. . . 8 июля 1882 г. Павловск

»«

18 июля. Новая картина. Лес принес с собою новое оживление в безжизненное для нашего глаза и уха место.

А какой вид открывается на это старое русло из лесу, а из Поповки на лес! Жаль, что нет у меня знания живописи и что я не в состоянии по желанию воспроизводить этих картин в уме своем!

Из дневника. . . 18 июля 1882 г. Павловск

»«

1883 год у меня прошел очень интенсивно: во-первых, это начало формирования «братства» [6] и, во вторых, моей работы в Студенческом научно-литературном обществе, куда я был выбран в руководящий Научный совет. . . [7]

Как раз мы познакомились с «Исповедью» Толстого⁸, произведшей на нас глубокое впечатление. . . Федор Федорович⁹ вместе с другими студентами—издателями студенческих лекций гектографировали «Исповедь» Толстого и другие его произведения. «Евангелие» и так называемая «Исповедь» заставили меня очень много думать, но «Евангелие» оставило холодным. Мне кажется, в то же время или в 1884 участвовали в таком же издании книги Туна. . ., которая ознакомила нас с историей революционного движения. Я помню, я читал впервые его по-немецки, а потом и в русском переводе¹⁰. Может быть это в 1884? В первый раз я узнал о Липецком съезде [8]. Мне кажется это издание очень много дало нам. В издании Туна я участвовал, и даже Наташа¹¹, которая участвовала в переводе Туна, думает, что это было, когда мы были женаты, т. е. в 1886 г. [9]

Из «Хронологии. . .» 11 августа 1942 г. Боровое.

»«

В 1884 году я мог отдаваться всецело своей жизни в семье неизвестной или почти неизвестной. Мать, вся отдавшаяся своему горю и уходу за больным [отцом], о ней ничего не знала. Отец тихо скончался 26.II.1884 г., почувствовалось в сущности облегчение, как это ни странно, — облегчение за него. Ни с матерью, ни с сестрами не было настоящей близости. В это время еще были живы мои мечты об эмиграции. Хотелось в другую, тропическую природу.

Из «Хронологии. . .» 2 февраля 1934 г.

⁸ Толстой Л. Н. Исповедь. Сенева, 1886.

⁹ — Ольденбург.

¹⁰ Тун А. История революционных движений в России. Пг., 1918.

¹¹ — Наталья Егоровна Старицкая [Вернадская] — жена В. И. Вернадского.

Меньше, чем через месяц я поеду в деревню к зятю в Новомосковский уезд Екатеринославской губернии. Мне не хочется попасть туда прямо только для времяпрепровождения; пора прошла времяпровождений, мне необходимо тратить свое время так, чтобы соединить полезное с приятным; чтобы больше видеть и больше знать... Все это лето я проведу более обдуманно, но сперва относительно Екатеринославской губернии. Вот что я думаю: видеть Днепр и потому ехать туда часть пути по Днепру на пароходе.

Видеть пороги — экскурсии из деревни. Посетить заводы, например Кривой Рог, Юза.

Для всего этого необходимо избавиться от излишней щепетильности и иногда даже быть назойливым. Я не могу себя считать необходимо и неизбежно конфузливим, так как вообще меня замечательно мало трогают мнения обо мне окружающих и меня часто сдерживает только нежелание сделать неприятность другим. Не могу сказать, чтобы я не любил общества, моя так называемая нелюбовь зависит в сильной степени от воспитания... Необходимо это все отбросить, необходимо бывать в женском обществе, а не то я чувствую, что не выдержу долго так. Надо воспользоваться услугами других для всех предполагаемых экскурсий и, если бы удалось пробраться к Черному морю, я был бы невероятно рад.

2. Желая познакомиться с тамошними людьми, языком. Для этого нетрудно ознакомиться с помещиками, труднее — с крестьянами, а надо. Экскурсии в окружающие деревни и т. п. Чрезвычайно важно ознакомиться с экономическим положением масс и, хотя мне придется возвращаться совсем в другой среде, во многом поневоле враждебной массе, все-таки кое-что узнать удастся. Надо все это записывать, так как иначе достигнешь очень малого. Простым наблюдением также немного найдешь. Хочу побывать на ярмарке. Вообще это лето я проведу иначе. Даже, если в Екатеринославской губернии мне удастся исполнить только часть предположенного, и то много. Вернувшись, я буду работать 3 раза в неделю в Минералогическом кабинете и Обсерватории, хочу начать ознакомление с литературой для темы («Обзор сведений об оптических свойствах двуосных кристаллов»), если Докучаев на нее согласится, затем буду читать вообще и, вернее, насколько возможно ознакомлюсь с лите-

ратурой для темы другой работы («Врождения молодежи и интеллигенции 1860—1880 годов»). Затем неделю — другую проведу в Финляндии и буду экскурсировать в Петербургских окрестностях: Сестрорецкие дюны... разные другие окрестные места.

В Минералогическом кабинете, думаю, кроме (если возможно) ознакомления с минералами, заняться оптическими [свойствами их]. Хочу ознакомиться несколько с литературой о двойниках и сростках (для снежинок) Буде. Возможно, немного ознакомлюсь с микроскопической петрографией.

Надо ознакомиться с литературой чисто философской, экономической и исторической, что в последнее время я совсем забросил. Теперь почти решено, что по окончании курса я останусь здесь — пора начать работать. Начнем...

Из дневника... 6 мая 1884 г. Петербург

»«

Необходимость народной литературы чувствуется всеми нами. Только тогда, когда то, что добыто трудом немногих станет добычей всех, только тогда возможно наилучшее развитие масс. Приступая к составлению кружка по инициативе К.¹² для улучшения и изучения народной литературы [10], надо подумать, как повести себя к этому кружку. К.¹³ хочет прямо приступить к действию. Ш.¹⁴ бьет на изучение.

Для того чтобы судить о положении какого-нибудь дела, необходимо бесспорно с ним ознакомиться, необходимо более или менее разобраться в обстоятельствах, его окружающих. Я лично не имею особенно основательных сведений о положении народной школы и народного образования у нас в России в настоящее время. Но необходимо выяснит себе и то, что знаю.

Школ у нас меньше, чем требуется; огромное большинство детей школьного возраста не имеют, где учиться; выходят из школ с разным запасом знаний, и многие, даже может быть большинство, за неимением книг забывают грамоту или бывает из нее только употребление в случаях обыденной жизни (не имеет в грамоте одного

¹² В подлиннике первоначально было: «Андрей Краснов». Зачеркнуто В. И. Вернадским и оставлена начальная буква фамилии.

¹³ — Краснов Н. А.

¹⁴ В подлиннике первоначально было: «Дмитрий Шаховской». Зачеркнуто В. И. Вернадским и оставлена начальная буква.

из орудий — улучшения своего положения, усиления своего ума). Школы поставлены разны, но самая важная прореха... недостаток в них библиотек — нет отчасти вследствие стеснений правительства, отчасти вследствие недостатка книг и дурной организации их распространения. В виду того, что школа кроме грамотности, цифири и т. п. должна готовить человека к вполне гражданской жизни, необходимо пополнение ее хорошо организованными библиотеками. Только тогда, когда и по выходе из школ бывшие ученики будут собираться в них и находить званье в библиотеке, только тогда не будет рецидивизма безграмотности и будет большая осмысленность поступков. Это *ria desideria*¹⁵. Но мало-помалу этого можно достичь. Необходимо: 1) издавать и писать необходимые книги; 2) пополнять библиотеки и 3) устраивать их. Выбор книг должен быть осмысленный: народ имеет свои исторически сложившиеся привычки и обычаи, есть предметы, его интересующие, и есть такие, к которым ему, по-видимому, нет ни малейшего интереса; связывать себя одним этим и давать только то, что интересует, не стараться обратить его внимание на те стороны, которые важны для него, по упущены, нельзя; и не всякая книга, которая найдет сбыт среди него, — полезная книга. Надо только стараться, чтобы книга пришлась ему по вкусу.

Я полагаю, что наш кружок должен:

1. Ознакомиться и следить в общих чертах за тем, что сделано и делается для народного образования у нас на Руси.

2. Ознакомиться с народной литературой.

3. Ознакомиться с главными чертами народного образования в Западной Европе, каковы школы масс во Франции, читальни в Галиции и т. п.

4. Быть *au courant*¹⁶ правительственных мероприятий о школах.

5. Ознакомиться с тем, что больше всего нравится народу, и организацией продажи и народными библиотеками (кажется, есть в царстве польском).

Но кроме этого должно попытаться устроить библиотеку книг по этому предмету, а также рано или поздно

¹⁵ — заветные мечты, благие пожелания (лат.).

¹⁶ — в курсе дел (фр.).

приступить как к писанию, так и пополнению библиотек. Я более склоняюсь на сторону III.¹⁷

Из дневника... 11 мая 1884 г. Петербург

»«

Спор с В. А. Тюриным о том, что ученый одними трудами приприсит пользу обществу, а для этого ничего не должен знать (даже забыть) о том обществе, которому приносит пользу (тезис В. А. Тюринина). Я держусь совсем другого мнения. Постараюсь высказать его.

[Чем больше]¹⁸ и больше в последнее время я углублялся в себя [тем более]¹⁹ [вижу] свое малознательство, пустоту и недостаточность своей мысли; во мне мало последовательности, и я чувствую, что не разбираюсь, а теряюсь в тех обстоятельствах, в каких нахожусь. Несистематичность и неполнота знаний, неясность и невыработанность общественных идеалов, слабость и непоследовательность характера, кажется, гнездятся во мне, завладели моим больным умом. Я знаю, что меня многие считают чрезвычайно умным, развитым и т. п.; ожидают, что из меня выйдет что-нибудь замечательное...

Задача человека заключается в доставлении наивозможно большей пользы окружающим. (Я написал «Задача», но понимаю под этим словом не то, что предназначено каким-то «вседержателем неба и земли», явившимся из человеческой фантазии и никогда *de facto* не существовавшим, а то, что выработает каждый человек из более или менее продуманного и сознательного состояния к окружающему.) Наряду с этим нельзя забывать, что жизнь человека кончается с тем, что называется иногда «временной, земной» и что здесь, человек в этой жизни должен достигнуть возможно большего счастья. Такое состоит, как в умственном и художественном кругозоре, так и в материальной обеспеченности; умственный кругозор — наука; художественный — изящные искусства, поэзия, музыка, живопись, скульптура и даже религия — мир человеческой фантазии, мир идеалов и самых приятных снов; материальная обеспеченность необходима в меньшей степени, т. к. ее удовольствия по грубости отходят на второй план, но необ-

¹⁷ В подлиннике первоначально было: «Шаховского». Зачеркнуто В. И. Вернадским и оставлена начальная буква фамилии.

¹⁸ Оторван угол страницы.

¹⁹ Оторван угол страницы.

ходимость ее слишком чувствительна, и без нее обойтись нельзя и незачем. Всего этого достигает человек только благодаря крови, страданию поколений до нас и сотен тысяч людей в наше время. Как для того, чтобы это не отравляло радостей, так и для того, чтобы достигнуть наивысшего удовольствия, так и для того, чтобы другие, плоть от плоти и кровь от крови нашей, могли достигнуть удовольствия после нас, необходимо работать над поднятием и улучшением, над развитием человечества. . .²⁰ еще одна сторона: вдумываясь в происходящее, вырабатывая в себе мировоззрение, познавая то, что существует, — истину, человек невольно оценивает все, и из этой оценки путем фантазии соображает, что нужно, чтобы было. Такой идеал человечества у всех различен, но все должны стремиться к его осуществлению, должны стремиться и стремятся прямо в силу необходимости, по природе²¹.

Ставя целью развитие человечества, мы видим, что оно достигается разными средствами и одно из них — наука. Наука доставляет самое такое обширное удовольствие, она приносит такую большую пользу, что можно было бы, казалось, остаться деятелем одной чистой науки. Это было бы приятнее. Но так оно было бы, если бы можно было заставить себя не вдумываться за пределы узкого круга специальности; тогда теряется мировоззрение, а вместе с ним высшее, осмысленное удовольствие, доставляемое наукой, и остаются отдельные микроскопические радости, чувство долга и стремление к идеалу завладевают человеком, смотрящим на науку обширным взглядом, а не взглядом специалиста, не видящего за пределами своей специальности и мнящим себя ученым. Они показывают, что нет данных, заставляющих считать неизбежным все лучшее и более полное развитие человечества, нет причин полагать, чтобы люди улучшались и могли всегда обладать даже той долей удовольствия, доставляемого наукой, искусством, благосостоянием. Видишь, что это может быть, а может и не быть; понимаешь, что условия, позволяющие научную деятельность, могут быть уничтожены, и что все, что делается в государстве и обществе, так или иначе на тебя ложится.

²⁰ Оторван угол страницы.

²¹ Далее в подлиннике: «чувство долга». Зачеркнуто В. И. Вернадским.

И приходишь к необходимости быть деятелем в этом государстве или обществе, стараться, чтобы оно шло к твоему идеалу, чтобы как ты, так и другие после тебя достигали невозможного счастья. . .

Из дневника. . . 11 мая 1884 г. Петербург

»«

. . . Больше недели тому назад Глинка предложил мне остаться при Минералогическом кабинете²². Ввиду возможности для меня теперь ехать за границу (не хотел оставить мать), я согласился, хотя может быть плохо сделал. Придется заняться минералогией. У нас как-то узко понимают «минералогию» и считают ее чуть ли за неправильную систематику. Мне кажется, что здесь спутаны 2 разных отдела знаний: 1. Кристаллология — наука о строении твердых тел и 2. Минералогия. Собственно сама кристаллология представляет из себя только часть совсем неразработанной науки о форме, о строении и изменениях строения материи (частичная физика) и сама минералогия часть геологии именно та, которая занимается рассмотрением химических и физических изменений (метеориты, космическая пыль etc.). Ход истории науки наложил свою печать на эти отделы; ввиду легкости и разных обстоятельств, зависящих от личных качеств исследователей, обозначили как область кристаллографии, так и минералогии твердыми состояниями материи, что представляет совсем искусственное и ничем не оправдываемое деление. Принимая представление о науке в общепринятом смысле, мы можем счесть за науку одну кристаллологию — науку о строении материи. Химия рассматривает переходы материи в тела различного состава. Физика — действие сил на материю (физическая химия — действие сил (иначе сказать, состояний материи) на тела различного состава). Но кроме состава и состояний материи (сил) есть еще форма материи, ее строение. Сводим ли мы все движение каких-то атомов (что, по моему мнению, может быть ложному, не совсем так) или предполагаем возможность таких устройств материи, при которых был бы относительный покой, мы должны признать, что есть что-то в свойствах материи, противящееся изменениям (инертность). Эта инертность прямо зависит от формы, от строения материи, и мы только тогда можем рассматривать явления

²² — Минералогический кабинет Петербургского университета.

природы, когда не будем забывать о форме и строении. Между тем минералогия есть глава геологии и излагать ее как отдельную «науку» не имеет никакого значения.

Из дневника. . . 15 мая 1884 г. Петербург

»«

. . . Мне кажется, упущена одна сторона минералогии, имеющая большую важность. Это географическое распределение минералов. . . В кабинетах группируют и сортируют, ценят минералы по месторождениям, но обработки [полученных данных] нет. Между тем минералы суть памятники реакций, происходивших на земном шаре, по ним можно восстановить несколько тот химический процесс, какой происходил и происходит на земле. . . Историю планеты можно рассматривать, как историю интенсивного изменения материи в одном месте мирового пространства, и этот ход, без сомнения, совершается с большой правильностью. . . Минералогия должна дать ответ на наш случай; исследуя распределение реакций на земле в пространстве и времени, она дает нам ответ на законы изменения материи, ныне совершающихся в небесном пространстве.

Метеориты может быть могут указать на другой интроспийный факт. У нас на земле все совершается при мало изменяющейся силе тяжести, тогда как на других телах сила тяжести иная и реакции должны быть несколько иные.

Из дневника. . . 28 августа 1884 г. Петербург

»«

На пластинках слюды кристаллы из раствора осаждаются с особой правильностью. Очевидно, что существует какое-то притяжение: центры или, вернее, линии притяжения. Здесь сила. . . действует различно от разных точек в зависимости от строения материи. Кажущиеся отступления от закона тяготения в молекулярном веществе зависят от неполноты и неточности формулировки закона, а не от отступлений от вполне верного и точного. В науке не может быть «исключений» необъяснимых. Исследуя такие взаимодействия твердых и жидких тел, возможно глубже проникнуть в тайны природы. Странная вещь! У меня все являются предположения, «идеи», а нет сил чего-нибудь добиться; нет ни знаний, [ли] способностей, [ни] таланта. Меня, например теперь, когда почти решил, что останусь при Минералогическом кабинете, сразу интересуют 3—4 во-

проса: и о форме фигур в кр[исталлологическом] пл[ане]; и о форме снежинок, о строении метеоритов, о подобных отложениях кристаллов, о положении горного дела. А приступить ни к одной не смогу, думаю, и не хватит у меня сил и способностей. . .

Из дневника. . . 17 мая 1884 г. Петербург

»«

Когда пишешь, оформляются неясные мысли и идеи и иногда является какая-то странная мания писать. Вдруг вследствие чтения или прямо вследствие мечтаний явится какая-нибудь идея, идея, давно назревшая и не раз большей частью в той или другой форме мне являвшаяся. . .

Я хочу лично повидать главные страны и моря, о которых читаю в книгах. Я хочу видеть, как тамошнюю природу, так и людей. Только тогда, когда человек путешествовал по наиболее разнообразным странам, когда он видел не одну какую-нибудь местность, а самые разные — только тогда приобретает необходимый кругозор, глубина ума, знание каких не найдешь в книгах. Я хочу подняться и вверх в атмосферу. И так будет. Або збуду, або дома не буду. Но в том знании, какое вынесу, — сила, и за нее не дорого дать все состояние. И время, что я употреблю на такое самообразование, не пропадет, я возвращу его сторицею на работы на пользу человека. Чем больше знаний, тем сильнее работник на этом поле.

Из дневника. . . 18 мая 1884 г. Петербург

»«

Завтра у меня соберутся для обсуждения народных библиотек²³. Необходимо подумать и обсудить, какие книги должны предлагаться народу. Можно теперь [дать] только самые абстрактные представления (мое мнение):

1. Необходимо, чтобы были книги по всем вопросам, волнующим народ: книги о землевладении, описание мест и путей в России (для переселения), объяснение народных прав, изложение разных вероучений, народной школы.

2. Книги о природе — в популярном народном виде должны быть изложены все возможные научные сведения

²³ В подлиннике далее следует: «Краснов Андрей и Шаховской». Зачеркнуто В. И. Вернадским.

ния: о небе и земле, звездах, солнце, погоде, почве, растениях, животных, людях. Народная медицина и гигиена.

3. Рассказы из истории страны.

... Общей идеей нашей должно быть то, что народ должен понимать свои силы и права, должно быть то, чтобы приводить народ к сознанию, что надо ему самому управлять собой. Стараться доставить народу ряд практически необходимых и важных сведений, пытаться направить его мысли и убедить его в его силах.

а) Государство и правительство существуют для народа, а не народ для государства и правительства.

б) Только тогда, когда большинство массы поймет и свое положение и свои силы, только тогда возможно более разумное ниспровержение нынешнего паразитного правительства. Для этого необходимо распространение знания, а для этого — народная литература.

Что же нам распространять для народа? И будем ли мы все одинакового мнения в этих вопросах? Стоит ли тратить свои силы на распространение и усиление тебе враждебного религиозного настроения, мистических взглядов и идей? Пусть без нас распространяют их другие, пусть не пускает глубоких корней фанатизм, и теперь завладевший массой.

До сих пор народ не тронут научными знаниями, старые идеи и старое мировоззрение, много веков тому назад отброшенное наукой, владеет им... Что же должно поставить нашей идеей, нас всех связующих? Стараться распространить в народе научное мировоззрение; дать ему верное представление о том, в каком положении он находится в государстве и чем он должен быть; доставить ему сведения, необходимые, как в обыденных делах, так и в жизни.

Из дневника... 21 мая 1884 г. Петербург

»«

Ужасна у меня неспособность в речи ясно формулировать свое мнение; отчасти она зависит от их невыработанности и непродуманности в частностях, а в жизни именно и приходится говорить о частностях.

Есть два коренных вопроса народной жизни. Мы можем их определить: экономическое и духовное развитие народа.

Фактическое ознакомление с духовным, или интеллектуальным развитием народа возможно вести двумя

путями: изучением книжной литературы и распросами лиц из народа или близко к нему стоящих.

Каковы его²⁴ желания ввиду его положения?

К вопросу о способе распространения в народе грамотности относятся: школа и ее положение в народе, государстве, интеллигенции; тягота школы в экономическом отношении, народная литература и способы ее достижения до народа; библиотеки; чтения.

... Школа.

1. Отношение к школе крестьян, духовенства, помещиков, земства, администрации...

2. Материальное обеспечение школы и как отзывается оно на крестьянском кармане.

3. Влияние школы на крестьян, если возможно это выяснить, — сомневаюсь.

4. Учитель и его положение и отношение к крестьянам etc.

5. Существуют ли, кроме официальных школ, школы тайные, кто и как учат в них, во сколько обходится.

6. Чему учат в школах и что считает масса полезным.

7. Отношение ее и мнения о ремесленных и церковных школах.

8. Долго ли сохраняется связь учеников²⁵ со школой и учителем.

9. Оказывает ли она хоть иногда [связь]²⁶ влияние etc.

Книга

1. Как достает народ книги.

2. Какие ему более всего нравятся (какие кто имеет).

3. Какие выражаются желания о книгах.

4. Какие суждения и отзывы есть о книгах.

Из дневника... 22 мая 1884 г. Петербург

»«

Разрушительная деятельность правительства. Наше правительство стремится к разрушению государства и по какой-то странной иронии считает себя охранителем. Разрушение семьи арестами и т. п., разрушение народного благосостояния и т. п. Инстинкты лиц, в руки которых попала власть, разнузданы, и нам остается только

²⁴ Оторван угол страницы.

²⁵ Оторван угол страницы.

²⁶ — слово написано неразборчиво.

сокрушаться до времени над гибелью того, что установлено работой поколений. Ввиду полного отсутствия гласности интересно и важно следить за анархическими действиями правительства (нам это не кажется противоречием)...

Из дневника... 25 мая 1884 г. Петербург

»«

Вчера, 28 мая, мы совершили поездку на Сестрорецкие дюны. Ездил 21 человек: профессор Докучаев, лаборанты Соколов, Коновалов, кончивший курс Косченко и др. ...

Дюны и теперь засыпают дома в Сестрорецке, и [мы] видели дома, наполовину засыпанные, выше них на дюне опять построены новые, и на уровне крыш прежних находятся основания новых домов. Странное свойство русского: он не стремится не допустить дюну двигаться дальше, он не старается остановить ее движение вперед, бороться с ней активно, а сопротивляется пассивно...

Из дневника... 29 мая 1884 г. Петербург

»«

... Конечным явлением жизни каждого лица, и меня в том числе, будет смерть. После нее я перестану существовать и не будет ничего. Не знаю, страшно ли такое ощущение, оно больше странно, и смерть кажется страшной только тогда, когда приноравливаешь бездельность и прекращение к ныне существующей живой личности, для нее смерть кажется чем-то страшным, но так как после смерти ее не будет, то и страх смерти для нее существовать не должен. Мне страшны мучения, которым я могу подвергнуться при разрушении, но только потому, что я их могу чувствовать и могу понимать, разрушение-смерть — страшной быть не может для меня, так как тогда ни чувствовать, ни понимать я не буду в состоянии. Не признавая [ни] души, ни загробной жизни, я не вижу, чтобы тут происходило какое-нибудь лишение. Согласен, что может быть есть известные улады, доставляемые верою, и человек, искренне верящий и имеющий надежду в загробную жизнь, имеет некоторое удовольствие, какое я иметь не могу. Но, с другой стороны, и у меня могут быть такие, каких у него не может быть, да и, наконец, такая вера может быть приятна, когда нет ни малейших сомнений; она

также приятна, такой же обман чувств, как обманывают себя разные помешанные, якобы владеющие теми или другими благами.

Итак, все заключается в этой жизни, а не в одной или сотне других, якобы следующих за нею. И в этой надо стараться достигнуть невозможного счастья. Оно может быть различно, но необходимо выбрать лучшее, по своим стремлениям... Есть 2 цели: 1) развитие науки, т. е. наслаждение, которое мы испытываем при познании более того, что знают до нас, и 2) развитие человечества, т. е. наслаждение борьбы из-за проведения в жизнь идеалов, противовес тому неприятному чувству, которое испытывается всяким мыслящим лицом при размышлении о цели получаемых им благах мира сего.

Первое дело:

О выработке характера. Преимущественно следует: откровенность, не боязнь высказывать и защищать свое мнение, отброс мнимого²⁷ стыда, не боязнь доводить до конца свои воззрения, самостоятельность, выработка речи.

2) Образованность ума:

- а) знакомство с философией;
- б) знакомство с математикой, музыкой, искусствами etc.

Из дневника... 15 июня 1884 г. Петербург

»«

Замечательно слабое умственное развитие так называемой интеллигенции. Здесь она представляется помещиками. И мне пришлось видеть ее с очень многими...

У меня совсем не выработаны никакие представления о том, чего желать и какова возможная деятельность для улучшения положения масс. Если я с моею невыработанностью успешно могу спорить об этом с другими, это значит, что у других такая же, если не большая невыработанность.

Я думаю, что добиваться этого улучшения у нас в России нужно и можно... Мне кажется очень многое может быть сделано путем государства и это:

1. Ограничение права наследства.

²⁷ Оторван угол страницы.

2. Объявление земли собственностью государства причем каждая семья может брать в аренду не больше того, что она способна сама или в ассоциациях обработать.

3. Уничтожение постоянного войска, вследствие чего уничтожится часть налогов, а часть пойдет на общепользные работы.

4. Уничтожение двора.

5. Обязательность обучения в первичных школах и бесплатность обучения в высших и технических (утренних и вечерних).

... Относительно фабричной программы «орудий труда» для меня вопрос темен.

Из дневника... 26 июня 1884 г. Петербург

»«

... Летом 1884 г. экскурсия в Нижний Новгород²⁸ с В. В. Докучаевым. Прошел пешком от Доскина по Оке до Нижнего²⁸. Здесь нашел ископаемых. ... Определил Амалицкий, который был тут же. Докучаев со мной тотчас же прошел разрез, и результаты были напечатаны в 1885 г. в отчете Ферхмина. Это начало моей настоящей работы научной. Раньше этот ископаемый слой был пропущен.

Из «Хронологии...» 27 марта 1940 г.

»«

... Вторая печатная работа — результаты наблюдения за жилищами «овражков» (сусликов) в Екатеринбургской губернии²⁹.

Из «Главнейших биографических дат...» [1948 г. Боровое]

»«

Что такое пространство и время? Вот те вопросы, которые столько веков волнуют человеческую мысль в лице самых сильных ее представителей. И если бы мы, отрешась по возможности от всех тех представлений о пространстве и времени, которые ныне господствуют в философии, запутавшейся в сложных явлениях человеческих впечатлений, здравого смысла, обыденного знания,

²⁸ — г. Горький.

²⁹ Напечатана в 1889 г.

перенесли решение этого вопроса на более абстрактную почву, может быть мы достигли бы какого-нибудь результата. Бесспорно, что и время и пространство в природе отдельно не встречаются, они нераздельны. Мы не знаем ни одного явления, которое бы не занимало части пространства и части времени. Только для логического удобства представляем мы отдельно пространство и отдельно время, только так, как наш ум вообще привык поступать при разрешении какого-нибудь вопроса. В действительности ни пространства, ни времени в отдельности мы не знаем нигде, кроме нашего воображения. Что же это за части неразделимые — чего, очевидно того, что только и существует, — это материя, которую мы разбиваем на две основные координаты: пространство и время.

Из дневника... 11 января 1885 г. [Петербург]

»«

7 октября 1885 г. Окончил университет со степенью кандидата. Кандидатская диссертация: «О физических свойствах изоморфных смесей»... (Чисто литературная — но полезная...)

Из «Хронологии...» сентябрь 1940 г.

»«

1885 г. 23 ноября наблюдал в квартире А. Н. Краснова (в районе Разъезжей) метеорный поток Андромед. Связывают с кометой [Биеллы]. Огромное на меня [произвело] впечатление.

Из «Хронологии...» сентябрь 1940 г.

»«

1885 г. [декабрь]. Поступил на должность хранителя Минералогического кабинета С.-Петербургского университета.

«Главнейшие биографические даты...» [1948 г. Боровое]

IV

Первые годы после окончания Петербургского университета 1886—1887

... Я решил, но ничего не говорил матери, по окончании университета уехать за границу, кругом света — хотел видеть тропики. В семье я жил своей жизнью. И думая об отъезде надолго, даже об эмиграции, т. к. я тяжело переживал гнет самодержавных форм, которые казались порочными...

Из «Хронологии...» 26 января 1941 г.

»«

Встреча с Натальей Егоровной Старицкой совершенно изменила мои, казалось, прочные планы. Я думаю, я это бы исполнил.

Из «Хронологии...» Запись без даты

»«

... Скоро 24 года, как я живу на свете, и почти ничего нет такого, что сделал я и что принесло кому-нибудь более или менее видную пользу; все это время было временем подготовки, и только теперь начинается сама жизнь и только теперь может определиться, упала ли подготовка на хорошую почву или пропадет даром. Критический момент, так сказать... я позволю себе сделать Вам несколько отступлений о семье...¹

До сих пор, если не de jure, то de facto господствует взгляд на главенство мужчины в семье как главного работника; мужчина обыкновенно устраивает семью, он выбирает себе жену, обыкновенно гораздо моложе его самого, причем главное внимание обращает на ее красоту (оставляя в стороне такие прямые гадости, как жеманство на деньгах etc.). Между тем, мне представляется семья могущей существовать и иметь значение только тогда, когда нет такого главенства ни с чьей стороны,

¹ Это письмо и последующие были написаны Н. Е. Старицкой, когда она была невестой В. И. Вернадского. Н. Е. Старицкая была на два с половиной года старше В. И., что ее смущало, и она не давала согласия на брак.

когда лица, образовавшие семью, не расходятся в своих главных целях и идеях; в такой семье, где существует дружба и полнейшая искренность с обеих сторон, где мужчина и женщина могут вместе работать на пользу общую, где дается возможность полному развитию всех сил и способностей различных несколько для разных полов, здесь могут вырабатываться хорошие люди и хорошие работники — такие, которые могут легко найти себе счастье. Я не говорю уже о том счастье, поддержке, какое может и должна дать семейная жизнь и которых не может заменить никакая дружба. С такой точки зрения мне кажутся совсем абсурдными утверждения, что муж может быть лет на 20 старше жены, и это будет хорошо, а жена если на 1—2 [года] старше, нельзя быть семье...

Из письма к Н. Е. Старицкой 29 мая 1886 г. С.-Петербург

»«

... Представляется мне время иное, время будущее. Поймет человек, что не может он любить человечество, не любя отдельных лиц, поймет, что не любовью будет его сочувствие к человечеству, а чем-то холодным, чем-то деланным, постоянно подверженным сомнениям или отчаянию, что много будет гордости, много будет узости, прямолинейности, невольного зла в его поступках, раз он не полюбит, раз не забудет самого себя, все свои помыслы, все свои мечты и желания в одном великом чувстве любви. И только тогда в состоянии он без сомнений, без тех искушений и минут отчаяния, когда все представляется несостоящим перед неизбежной смертью, только тогда способен он смело и бодро идти вперед, все время и все силы свои направить на борьбу за идею, за тот идеал, какой носится в уме его. Суха и черства всякая религия перед этим чувством, и кажутся ее утешения, ее наставления чем-то таким деланным, если только нет в них любви, любви не умственной, любви не деланной, а любви беззаветной, которой легко принести в жертву все, самого себя, все, все. И для людей, которые не надеются найти лучшую жизнь за гробом, ... для таких людей необходимо это чувство, необходима поддержка, оказываемая этим чувством, без него невозможна жизнь для них...

Из письма к Н. Е. Старицкой 2 июня 1886 г. Рускала

»«

... Я не могу любить нескольких одной и той же любовью и не думаю, чтобы кто-нибудь мог. Любовь — чувство цельное, она не допускает никаких сделок, никаких разделений. Я не понимаю, как, каким образом можно разлюбить человека, которого раз полюбишь, и мне кажется, что те, которые потом разлюбили, никогда не любили: они увлеклись красотой или молодостью, может быть иной раз находились под впечатлением минуты, под влиянием целого ряда случайно сложившихся обстоятельств. Но они не любили так, как мне это чувство представляется, когда оно составляет все, перед ним исчезает все, оно обновляет, возрождает человека. И я на себе чувствую это возрождение, я уверен, верю, что не может оно пройти, т. к. слишком большую долю моей души оно задело...

Не представляется ли Вам, что эти два года, которые Вас смущают, есть простое следствие одного из тех предрассудков, которыми мы с детства опутаны. Мне кажется, что редкие случаи семьи, где женщина старше немного мужа, есть главным образом следствие той подчиненности, той приниженности женщины, которая еще так сильна у нас.

... Мне теперь уже выясняется та дорога, те условия, среди каких пройдет моя жизнь. Это будет деятельность ученая, общественная и публицистическая. В разные эпохи разное может она выражаться, может преобладать та или иная сторона, но во всяком случае такая в сильной степени идейная и рабочая жизнь должна исключить все увлечения, все такие семейные драмы, которыми наполняют свои произведения французские и иные беллетристы и которые могут быть и бывают при малой искренности и незанятой голове тех, с кем они случаются. Мне теперь как-то представляется такая моя деятельность в тесной связи с деятельностью Вашей; здесь возможна и должна идти совместная работа и в этом, как я Вам писал, кажется, представляется мне сила и значение семьи...

Из письма к Н. Е. Старицкой 6 июня 1886 г. Рускала

»«

... Разве можно узнать и понять, когда спит чувство, когда не волнуется сердце, когда нет каких-то чудных, каких-то неуловимых обширных фантазий. Говорят: одним разумом можно все постигнуть. Не верьте, не верьте! Те, которые говорят так, не знают, что такое разум, они не понимают, что волнует, что интересует в тех работах, какие считаются одними умственными работами.

Мне представляется разум и чувство тесно-переплетенным клубком: одна нить — разум, а другая — чувство, и всюду они друг с другом соприкасаются, и когда одна из них бодрствует, а другая спит, когда в этом клубке рядом мертвое и живое, разве может быть сила, разве может быть какая-нибудь работа с помощью такого помертвелого, чуть не загнившего клубка?...

Из письма к Н. Е. Старицкой 15 июня 1886 г. С.-Петербург

»«

[3 сентября] Женился на Н. Е. Старицкой.

«Главнейшие биографические даты...» [1943 г. Боровое]

»«

[1886] Я вошел теснейшим образом во всю семью Наташи — Старицких...

Георгий, брат Наташи, был очень близок с Короленько, он был кадетом. У меня с ним, и Пашей, и Аней и Ниной² были совершенно братские отношения. Сергей Митрофанович Зарудный³, смеясь, говорил Наташе: «Откуда ты выбрала себе такого Старицкого, как Владимир».

Из дневника... 28 февраля 1943 г. [Боровое]

»«

[1886] Исполняя неизбежные по службе обряды, я давно не был христианином и привык к этой личине относиться формально. Свадьба была светская. Мой шафер был А. А. Неелов, уланский гвардейский офицер, мой

² — братья и сестры Н. Е. Старицкой.

³ — дядя Н. Е. Старицкой.

двоюродный брат, как родной в нашей семье — и П. А. Земятченский, С. Ф. Ольденбург решительно отказался... [1]

Мы в карете Егора Павловича поехали на нашу квартиру — Васильевский остров, 6 линия, за Малым проспектом. Мы видим теперь, и поняли это в ближайшем времени после свадьбы, что случайный выбор этой квартиры фактически определил всю нашу судьбу, т. к. у меня чуть ли не ежедневно собирался Совет объединенных землячеств [2], председателем которого был я, а заместителем или А. И. Ульянов (игравший видную роль и в студенческой жизни, секретарь Студенческого научно-литературного общества при университете, легального — председатель проф. О. Ф. Миллер) или Зварыкин, позже профессор Технологического института в Томске.

Членами — В. К. Агафонов, Шевырев, И. Д. Лукашевич, и кое-кто, точно сейчас не помню, из кружка... А. И. Ульянова, кажется Генералов, был и Новорусский. Я потом понял, что Ульянов организовал правильные свидания своей организации в нашем заседании. Я был близок очень с Шевыревым и Лукашевичем, м. б. потому что оба были натуралисты.

Шевырев бывал у меня очень часто в минералогическом кабинете, и в последнее время я не только догадывался, но определенно понял, что он был в террористической ячейке. Может быть по моему характеру и моим общественным и философским интересам я очень был в курсе студенческого движения. До моего отъезда за границу в 1888 г. я им был. Мой переезд в Москву в 1890 году перенес меня в новую среду молодежи...

Из «Хронологии...» 26 января 1941 г.

»«

[1887] Шевырев, брат энтомолога Шевырева, заинтересовался минералогией и начал тогда работать под моим влиянием. Я думаю, что у него, так же, как у А. И. Ульянова, это было серьезное и глубокое настроение...

Из «Хронологии...» 11 июня 1941 г. Узкое

»«

[1887] Я был дружен с Лукашевичем, Шевыревым и А. Ульяновым. Все они были членами центрального

комитета объединенных землячеств [3], который собирался у меня. Я знал их всех, но не подозревал долго [об их тайной деятельности], однако потом Шевырев проговорился, и я спорил с ним против террора. Он бывал у меня часто в Минералогическом кабинете. Это был увлекающийся и превосходный юноша...

Из «Хронологии...» [24 февраля 1941 г. Москва]

»«

[1887] Заседания паучного. Совета [студенческого Научно-литературного] общества были очень интересны... [4] Александр Ильич Ульянов, секретарь студенческого научного литературного Общества, мне помнится, бывал у меня в Минералогическом кабинете, у Шевырева очень часто. Это был умный, привлекательный человек с большими интересами...

Мне казалось, что Шевырев, брат известного в то время профессора кафедры в Лесном институте прикладной энтомологии, был главным лицом, может быть я ошибаюсь. Оба выделялись среди студентов.

Из «Хронологии...» 4 сентября 1942 г. Боровое

»«

Выдержал магистерские экзамены: минералогия — Докучаев, геология — Иностранцев, аналитическая химия — Меншуткин.

«Главнейшие биографические даты...» [1943 г. Боровое]

»«

... Командирован Вольно-экономическим обществом [5] для исследования фосфоритов Рославльского уезда Смоленской губернии [6].

«Главнейшие биографические даты...» [1943 г. Боровое]

»«

... Летом 1887 г. я отправился прямо в Батищево к А. Н. Энгельгардту. Почвы и продукты его опытных полей уже исследовались тогда проф. Костычевым, и я только бегло осмотрел участки, удобренные и неудобренные фосфоритной мукой; действие удобрения ясно было для каждого и для неспециалиста; участки, удобренные фосфоритной мукой, резко выделялись густотой и высотой хлебов. Еще дорогой от крестьян слышал я удивленные отзывы об удобрении камушком и о тех результатах, какие от такого удобрения получают. Из Батищева, по совету А. Н. Энгельгардта, я отправился прямо в Рославльский уезд с целью осмотреть залежи, откуда

добывается фосфорит, и способ приготовления из него фосфоритной муки. . .

Из работы «О фосфоритах Смоленской губернии»⁴ январь 1888 г.

»«

Здесь, в вопросе о фосфоритах, главная суть в лабораторных опытах; все может решить опыт; подвинуть дело может только опыт и опыт на месте — агрономический и опыт в лаборатории — минералогический и агрономический. И мои надежды поэтому основаны на лаборатории не потому лишь, что неудачны наблюдения в поле, а потому, что в них вся суть.

Из письма к Н. Е. Вернадской 2 июля 1887 г. Несоново⁵

»«

Наука одна, нераздельна; она дала и много дает; она не знает ни племен, ни сословий; она не знает и времени, т. к. в ней все преемственно переходит из поколения к поколению и память об этом ходе тщательно сохраняется. . . Всюду, везде натываешься на одно и то же, на какое-то бессмысленное, непонятное глумление над людьми, ни для чего не нужное их угнетение, их связывание. Точно у России так много хороших работников и людей, что их можно давить как лишних, ненужных, негодных. И как ни отвертывайся, всюду, везде видишь, как давят людей. И мне иной раз кажется, что я слышу, как под безжалостной пятой, в казематах, тюрьмах, по разным городам, местам отдаленным и не столь отдаленным, среди блестящей обстановки благородных семей или бедной народной нищеты бюрократией давятся людские души. И мне точно слышатся стоны, слышится треск и стенание. . .

Из письма к Н. Е. Вернадской 6 июня 1887 г. Несоново

»«

Ученые — те же фантазеры и художники; они не вольны над своими идеями; они могут хорошо работать, долго работать только над тем, к чему лежит их мысль, к чему влечет их чувство. У них идеи сменяются; являются самые невозможные, часто сумасбродные; они

⁴ Вернадский В. И. О фосфоритах Смоленской губернии. — Труды Вольного эконо. общ-ва, 1888, № 11, с. 274—275.

⁵ Несоново — место разработки фосфоритов в Рославльском уезде Смоленской губернии.

роятся, кружатся, сливаются, переливаются. И среди таких идей они живут и для таких идей они работают; они совершают много сравнительно механической, временно нужной работы, но удовлетворить их она не может. Не может удовлетворить вольную душу художника составление рисунков для каких-нибудь народных изданий; не может удовлетворить ученого работа над каким-нибудь вопросом, который кажется теперь нужным и необходимым. Есть общие задачи, которые затрагивают основные вопросы, которые затрагивают идеи, над решением которых бились умы сотен и сотен разных лиц, разных эпох, народов и поколений. Эти вопросы не кажутся практически важными, а между тем в них вся суть, в них вся надежда к тому, чтобы мы не увлеклись ложным камнем, приняв его за чистой воды бриллиант.

По природе я мечтатель, и это опасная черта; я вполне сознаю, что я могу увлечься ложным, обманчивым, пойти по пути, который заведет меня в дебри, но я не могу не идти по нему, мне ненавистны всякие оковы моей мысли, я не могу и не хочу, заставить ее идти по дорожке, практически важной, но такой, которая не позволит мне хоть несколько более понять те вопросы, которые мучат меня. Знаешь, нет ничего сильнее желания познания, силы сомнения; знаешь, когда при знании фактов доходишь до вопросов «почему, отчего», их непременно надо разъяснить, разъяснить во что бы то ни стало, найти решение их, каково бы оно ни было. И это искание, это стремление — есть основа всякой ученой деятельности; это только позволит не сделаться какой-нибудь ученой крысой, роющей среди всякого книжного хлама и сора; это только заставляет вполне жить, страдать и радоваться среди ученых работ, среди ученых вопросов; ищешь правды, и я вполне чувствую, что могу умереть, могу сгореть, ища ее, но мне важно найти, и если не найти, то стремиться найти ее, эту правду, как бы горька, призрачна и скверна она ни была!

Мы знаем только малую часть природы, только маленькую частичку этой непонятной, неясной, всеобъемлющей загадки, и все, что мы ни знаем, мы знаем благодаря мечтам мечтателей, фантазеров и ученых поэтов. . . что только немногим из многих мечтателей удалось чего-нибудь добиться, и потому я говорю, что мо-

жет быть я никуда не похужу, и потому у меня являются дни отчаяния, дни, когда я вполне и мучительно больно сознаю свою неспособность, свое неумение и свое ничтожество. И тогда я не хочу быть ученым, я стремлюсь к другой деятельности, но и ее я рисую бурной, блестящей, иногда печальной, но бурной и огромной, потому, что и в этих сомнениях я все же остаюсь тем же бедным мечтателем-сумасбродом. Часто все во мне клокочет, рвется, мне хочется высказать все, что волнует и мучит меня, а я не имею сил и возможности... Но бывают другие минуты, когда сильно и смело рвешься вперед, когда видишь, понимаешь все, что казалось раньше непонятным и недостижимым; тогда является вера в себя; тогда чувствуешь какую-то особую живую силу в себе, чувствуешь ясно связь свою со всем, что было и жило раньше, что работало на том же пути, чувствуешь ясную, непонятную, невыразимую словами связь с тем, что будет работать на том же пути много позже...⁶ те силы, какие скрываются в материи; я хочу узнать те причины, которые заставляют ее являться в тех правильных, математически гармоничных формах, в каких мы всюду видим и чувствуем ее. И одно из звеньев этой гармонии материи мы сами и все живые существа. Свойства одного сущего — одной материи — мы представляем себе в виде сил, в виде света, теплоты, электричества, магнетизма... нельзя ли вызвать неведомые, страшные силы в разных телах простым движением около них тех или иных других тел — разве нет в природе массы явлений, которые никак не могут быть объяснены, но отбрасывать которые как неправдоподобные, ложные, кажущиеся мы не имеем права, рассуждая научно и логически...⁶ Все явления в природе, по-видимому, зависят от внутреннего строения вещества, от формы, а на это до сих пор почти не обращали внимания и нет еще отдельной отрасли знания, захватывающей этот отдел во всем объеме, и этот отдел должен быть создан...⁶

Как только явятся подобные мысли, их не отгонишь, потому что они въедаются во все существо, потому что они проникают всего человека... Я чувствую, что если убежусь, что все мои идеи и фантазии (а их у меня масса!) в применении к естественным наукам неудачны, я брошусь всей душой, всем существом брошусь в дру-

гие области: в деятельность общественную, или в философию, или в юриспруденцию...

Из письма к Н. Е. Вернадской 2 июля 1887 г. Несоново.

»«

...я так и не решусь утверждать на основании одних, хотя бы и многочисленных косвенных доказательств — они всегда слишком субъективны, и я думаю, что они ни для какого прямого решения служить не могут; они могут только вызывать сомнение в правильности предлагаемого объяснения и больше ничего...

...о клерикализме (не удивляйся!). Попы растут, растет и поповство, забирает власть и силу к великому удовольствию победоносцевых⁷ и tutti quanti⁸. Попы здесь играют свою роль, и их лапки становятся, по рассказам, из года в год сильнее, могучее и длиннее...

Вообще среда здесь незавидная, и уезд спит глубоким сном. Мне как-то невольно припомнилась вся жизнь этого уезда, вся она, такая монотонная, бесцельная, гонимая и такая гадкая... При размышлении об этой жизни и о ее бесцельности, о ее заглушенности, о ее страдальческой спячке и толчении воды в ступе, становится невольно как-то тяжело, грустно и ужасно.

Из письма к Н. Е. Вернадской 4 июля 1887 г. Несоново

»«

[20 августа 1887] Родился сын Георгий.

Главнейшие биографические даты...» [1943 г. Боровое]

⁶ Отточие В. И. Вернадского.

⁷ — Победоносцев К. П. — обер-прокурор Синода (1880—1887 гг.).

⁸ — всех до одного (ит.).

Первая заграничная командировка

1888—1890

Командирован университетом на два года за границу. Выехал ранней весной с семьей [1]. Сперва поехал в Неаполь, где впервые увидел живой вулкан Везувий, также сольфатары [2], Помпею, музеи; особенно поразила древняя скульптура и полутропическая растительность Ривьеры.

В Неаполе... повидал старика А. Скакки, которого... ценил очень высоко как минералога, но который в это время уже не работал практически. Поэтому... переехал в Мюнхен к Гроту.

«Главнейшие биографические даты...» [1943 г. Боровое]

»«

...я чувствую, что все более и более научаюсь методике, то есть у меня появляются руки, а вместе с тем как-то усиленнее и сильнее работает мысль. Вообще с головой моей делается странное; она как-то так много фантазирует, так полна непрерывной работой, как давно, давно не была. Минуты, когда ты обдумываешь те или иные вопросы, когда соединяя известное уже ныне, стараешься связать эти данные, найти способ проникнуть глубже и дальше в строение вещества, в такие минуты переживаешь какое-то особое состояние, это настоящий экстаз. Я боюсь, что Грот меня примет за фантазера, потому что я постоянно все выдумываю новое (вчера не удержался и еще ему наговорил). Но, да все равно, потому что все это сильнее меня, и я не могу не стараться познать.

Вчера вечером особенно сильно работала мысль, и, продолжая дальше раздумывать над явлениями капиллярности (над чем буду работать зимой), мне пришла мысль, которая теперь мне кажется очень важной, и когда она явилась мне внезапно как луч света, меня охватило какое-то волшебное состояние.

Мне кажется, что я нашел способ узнать настоящие

расстояния между мельчайшими частичками твердой материи, проникнуть так глубоко, как еще не проникала до сих пор человеческая мысль, и это сделать опытом, воспользовавшись явлениями транспирации газов. Но я боюсь пока говорить об этом...

*Из письма к Н. Е. Вернадской [13 июня 1888 г. Мюнхен]*¹

»«

...Я очень усердно теперь принялся за химию и за органическую и очень этому рад, потому что тут масса таких живых, горячих вопросов, так хорошо, когда ум углубляется в эти интересные вопросы, когда мысленно анализируешь строение материи, ищешь законы... Мне очень нужно знать органическую химию, потому что, я думаю, тогда можно совсем изменить систему минералов, да и работу над строением белковых веществ (в связи с генезисом жизни) я хочу рано ли, поздно ли начать...

Из письма к Н. Е. Вернадской 20 июня 1888 г. Мюнхен

»«

...я, кажется, научусь здесь... знанию минералов, умению различать их не только друг от друга, но и определять местности, откуда тот или другой минерал происходит. До сих пор все это знание чисто эмпирическое, достигается оно больше всего опытом и умением хорошо изучать данные образчики, то есть навыку глаза к различию блеска, различному цвету, различию в группировке минералов друг с другом. У меня не доставало до сих пор этого умения наблюдать явления, и теперь мне приходится учиться ему, учиться тому, чему я должен был бы научиться с детства... Для меня ясно, как много я потерял оттого, что наблюдать явления я не умел. А я в этом случае не представляю исключения — большинство нас таковы. Школа и домашнее воспитание должны развивать эти чувства во всем объеме, ум должен образовываться среди самого разнообразного пользования органами чувств, среди самых разнообразных оттенков впечатлений. Общение с природой, изучение ее или умение видеть, чувствовать ее — лучшие средства для этого. Я натуралист, вот уже 7 лет так или иначе занимаюсь естественными науками, и только в последнее время начинаю овладевать этим методом и начинаю сознавать и чувствовать значение этого умения для моего

¹ Дата и место написания устанавливаются по штемпелю на почтовой открытке.

общего развития. Между тем целые года, когда складывался мой ум — он складывался под впечатлением плохо наблюдаемых, грубых впечатлений, он складывался под влиянием явлений природы, которые я видел в пелене, в тумане, в неясных контурах. В этом одна из очень важных, трудно оценимых бед нашего воспитания...

... В университете я набросился с жадностью на естественные науки, но больше читал, чем наблюдал, и постоянным образом начал наблюдать, мне кажется, только в прошлом году, просматривая некоторые силлякаты нашей университетской коллекции, теперь этому я все более и более научаюсь...

Собирать же факты, как они собираются теперь без программы, без сознания зачем, к чему — перспектива далеко не интересная. Минералы — остатки тех химических реакций, которые происходили в разных точках земного шара; эти реакции идут согласно законам, нам неизвестным, но которые, как мы можем думать, находятся в тесной связи с общими изменениями, какие претерпевает земля, как звезда. Задача — связать эти разные фазисы изменения земли с общими законами небесной механики. Мне кажется, что здесь скрыто еще больше, если принять сложность химических элементов и неслучайность их группировки в группе так называемых редких минералов церитовой группы². Тогда происхождение элементов находится в связи с развитием солнечной или звездных систем и «законы» химии получают совершенно другую окраску...³

Только одно средство существует предотвратить падение науки и искусства... — это всеми силами и всякими жертвами стремиться расширять образование и глубже заставлять проникать его в народные массы; не сторониться от могущих произойти социальных изменений, не идти против них, а тесно связать их с развитием искусства и знания; увеличение средств достижения истины (музеи, лаборатории, университеты), как бы дорого оно ни стоило, всегда полезно; еще одно — это возможно большее расширение европейских, вообще культурных влияний в других частях света и увеличение обмена между народами...

Из письма к Н. Е. Вернадской 1 августа 1888 г. Инсбрук

² — сейчас их называют группой редкоземельных элементов.

³ Отточие В. И. Вернадского.

»«

... Организация научной работы очень нужна, но какая? Здесь тоже теперь один из очень важных вопросов дальнейшего развития и надо как-нибудь его разрешить так, чтобы сохранилась индивидуальная свобода инициативы, т. е. известное дело, как легко впадают «люди науки» в педантизм и узкую специализацию и какой они обладают нетерпимостью. Для целого ряда отделов науки такая организация есть единственный залог успеха; мне представляется, что такова судьба почти всех так называемых нравственных и политических наук и значительной части тех отделов естествознания, где преобладает наблюдение или где наряду с опытом возможно приложение сравнительного метода...

С наслаждением читаю Марка Аврелия: Самонаблюдения⁴. Какая чудная вещь, как много в этом сочинении человеческого, сильного, как много, много мыслей рождается при ее чтении. Я помню во время одного из последних наших разговоров с тобой и англичанином, кто-то из вас, кажется ты, указала, что в стоицизме главное внимание было направлено на выработку физической закаленности. Я возражал, т. е. в былое время, когда стоицизм казался мне самым чистым и высоким идеалом, я увлекался той чисто нравственной и умственной выработкой человека, какая им дается... В знании многих фактов есть своего рода красота, прелесть, что один и тот же факт в разное время дает разное. Необходимое ли это следствие умственной работы или просто следствие неумения распоряжаться своим мышлением?

Из письма к Н. Е. Вернадской 4 августа 1888 г. Цюрих

»«

... Я считаю, что только имея определенную, строго ясную цель, человек теперь может получать новый материал для мысли — ведь вся сила, какую может получить человек из знания, состоит в том, чтобы у него было солидное знание, чтобы у него не было легкости, дилетантизма. А это возможно только при практически возможной, небольшой области изучения... не в количестве изученных фактов, не в их значении является сила нашего мышления, а в том, чтобы эти факты составляли так называемое знание, т. е. являлись продуманными, ясна

⁴ Размышления императора Марка Аврелия о том, что важно для самого себя. М., 1888.

была нам взаимная между ними связь. А это возможно только при ясном определенном предмете изучения, это возможно только с помощью строго научного изучения. А при этом необходимо иметь цель — что именно изучаешь, для чего и как; а раз изучаешь что-нибудь, то, так как все находится в связи, сразу кладутся рамки и остальных знаний в размере, необходимом для действительного понимания явления. Это определяет не всю сумму знаний, но определяет его характер и отделяет, таким образом, довольно резко во всех делах дилетанта от человека, привыкшего к научной работе.

Из письма к Н. Е. Вернадской 18 августа 1888 г. Женева

»«

По окончании летнего семестра... путешествовал по Европе, отчасти со своим другом А. Н. Красновым: Швейцария (отчасти пешком), (Шафгаузен — Рейнский водопад; 6-го августа Гриндельвальд — ледник, Берн, Женевское озеро, Лион). Это была ботаническая и геологическая экскурсия. Вдоль Роны прошли пешком до Лиона, знакомясь с «матисами» — вечнозеленой растительностью. Из Швейцарии через Клермон-Ферран (третичные вулканы Оверни) проехали в Париж, оттуда в Лондон...

Эта экскурсия фактически явилась для моей жизни решающей, т. к. здесь я познакомился с целым рядом и русских и иностранных ученых, в частности с профессором А. П. Павловым⁵ и его женой М. В. Павловой, с Ф. Н. Чернышевым, с которым встретился потом в Академии, и др. ...

«Главнейшие биографические даты...» [1943 г. Боровое

»«

Приехал туда [в Лондон] с А. Н. Красновым 29 августа, уехал 5 сентября в Британскую ассоциацию в Бат.

В Лондоне я был на обратном пути после экскурсии в Валлис. Это пребывание в Англии оказало огромное влияние на всю мою жизнь. И теперь в старости, подходя к концу жизни, из дымки прошлого мелькают туманные эпизоды. Я в первый раз был на Геологическом конгрессе. После Лондона был на Парижском, Венском, Торонтском, Петербургском, Московском — 1888—1937 —

⁵ См. 1890 г.

на протяжении 49 лет. Был несколько раз еще. Последний раз в 1936 году...⁶ [3].

Из «Хронологии...» 5 сентября 1942 г. Боровое

»«

... 1 октября выехал в Мюнхен.

Из «Хронологии...» 5 сентября 1942 г. Боровое

»«

Осенью 1888 г. в начале октября снова приехал для работы в Мюнхен. Здесь работал у Грота по кристаллографии и минералогии, у Зонке — по капиллярным свойствам кристаллов и у Хаусхофера — по химическому анализу кристаллов под микроскопом и по паяльной трубке и первый раз делал минералогические экскурсии, которых в Петербургском университете не было. Там делались только геологические экскурсии. Насколько я знаю, их не было ни в одном русском университете в то время. Кроме того делал геологические экскурсии под руководством Циттеля в Баварских Альпах. На этой экскурсии познакомился с Геккелем, которым очень в это время увлекался.

Грот в этот год еще читал кристаллографию по-старому, но уже выпустил книгу *Physikalische Krystallographie*, заключающую новые идеи, которые у нас в Петербурге уже начал разрабатывать Федоров, но о которых я тогда еще не знал. Но благодаря Глинке я еще в Петербурге ознакомился с идеями Маляра, который приводил новые идеи в кристаллофизике.

В Мюнхене я подружился с Дришлем и с Госкинс Аброхолл, который впервые доказал присутствие группы ОН в апатитах. Это была блестящая, но единственная его работа.

В Мюнхене я написал статью о триметиловом эфире тримезиновой кислоты. (Название статьи было дано Гротом: «Ein Beitrag zur Kenntniss des hexagonalen Krystall-systemes».⁷

«Главнейшие биографические даты...» [1943 г. Боровое]

»«

... Я думаю, что народная, массовая жизнь представляет из себя нечто особенное, сильное, могучее. Масса народная обладает известной возможностью выработы-

⁶ — описка у В. И. Вернадского. Международный геологический конгресс в Москве проходил в 1937 г.

⁷ *Zeitschrift für Krystallographie (und Mineralogie)*. Leipzig, 1889, Bd. 15, H. 5, S. 473—486.

вать известные знания, понимать явления, она, как целое и живое, обладает своей сильной и чудной поэзией, своими законами, обычаями и своими знаниями; я думаю, что она обладает и еще одним качеством, что она дает счастье отдельным лицам, которые живут с ней неразрывно... Я вовсе не поклонник идиллических теорий первобытного счастья, золотой жизни диких народов, и я вовсе не вижу надобности во всем и всюду идеализировать крестьянина и не считаю, что вся «правда» более или менее известна крестьянской массе; но я сознаю, что возможна цельная, глубокая жизнь в крестьянстве, я сознаю, что в народных массах бессознательно идет работа, благодаря которой вырабатывается что-то новое, что-то такое, для чего и стоит жить и что приведет к неведомым, неизвестным результатам. Самое важное и самое глубокое, что есть в этой выработке новых идеалов народными массами — это то, что идеал вырабатывается жизнью... этой работой достигается известное общественное знание, выражающееся в иных законах, в иных обычаях, в иных идеалах; вырабатывается понятие красоты и многие другие, которые и нами принимаются...⁸

И в самом деле, на чем основано наше убеждение, что есть только один путь познания? Отчего мы можем узнавать только путем тех логических попыток, которые делаются отдельными людьми и которые поправляются другими людьми? Если мы вдумаемся в это, то увидим, что у нас нет никаких данных для этого или все эти данные вроде *circulus vitiosus*'a⁹.

То, что выработано народною жизнью, несомненно, является сильным, прекрасным, могучим и в то же время является таким властным, что я не чувствую себя в силах освободиться от этого... принужден ухватиться за этот способ познания, сила которого представляется мне великой. Велика она и тем, что вся жизнь является при этом средством познания...¹⁰

Я вижу, как из работы отдельных лиц, опирающихся и исходящих постоянно из познанных массами, выработалось огромное, подавляющее здание науки... Но в этой работе научной является форма той же массовой работы, только более односторонней и потому менее сильной, менее результативной.

⁸ Отточие В. И. Вернадского.

⁹ — порочный круг (лат.).

¹⁰ Отточие В. И. Вернадского.

Задача вся состоит в том, чтобы и эта работа вошла в общую массовую жизнь, чтобы масса поднялась до этой работы и влила сама в нее то, чего недостает в ней. И как явилась прекрасной ее поэзия, как явилась чудной ее музыка и как явились высоко гармоничными те или иные мысли, идеалы, стремления из массовой жизни — так, я думаю, должна явиться могучим и новым и наука, знание, вошедшее в массы и их до себя поднявшее.

Из письма к В. В. Водовозову 22 октября 1888 г. Мюнхен

»«

... Я не смотрю на народ, как на зверя с дурными инстинктами, которого сдерживает от дурных поступков религия — это очень обычное в пользу религии положение никогда не было проверено и исходит из обобщений, которые приняты быть не могут. Так называемое религиозное чувство и есть сумма нравственных стремлений, которые могут облекаться в те или иные формы, но самые формы имеют очень малое значение. Существование «религиозных» чувств есть прямое следствие общественной, неодинокой жизни, оно сильнее всяких религиозных форм, и для народных масс может иметь значение все то, что есть и для образованных людей — никаким зверем они не [скрываются]. Понимаешь, [что] жизнь вместе, в одном обществе постоянно питает «религиозное чувство» и они, т. е. хорошие нравственные отношения, не могут исчезнуть, каковы бы не были формы. Взгляд на такое значение религии, какое высказывали в 18-м столетии еще Вольтер и другие, кажется мне в корне недосказанным и весьма вредным, т. к. ведет к распространению веры...
Из письма к Н. Е. Вернадской 3 июля 1888 г. Мюнхен

»«

... В декабре 1888 г. выехал в Вену навстречу жене с сыном, осмотрел музеи и познакомился с минералогами... Отвезя семью в Сен-Ремо, где в первый раз увидел свободно растущие пальмы, вернулся в Мюнхен 31 декабря.

«Главнейшие биографические даты...» [1943 г. Боровое]

1889

... В 1889 году был выбран *corresponding member*¹¹ Британской ассоциации наук — очевидно вследствие моего участия в заседании 1888 года во время Геологического

¹¹ — член-корреспондент (англ.).

конгресса¹². Я узнал об этом много позднее, через несколько лет. Чуть ли [ни] в 1908 году?...

Я выбран, очевидно, членами Геологического конгресса, прибывшими на Батскую сессию Британской ассоциации. Я единственный молодой, никому неизвестный — Keoper of the Mineralogy Museum University of S.-Petersburg¹³. Чем вызвана такая честь¹⁴

Из «Хронологии...» 21 февраля 1941 г.

»«

... Сегодня как только начал свою работу я, кажется, получил еще новые интересные результаты и все над тем же веществом¹⁵, над которым хотел работать с Мутманом. Помнишь, я тебе говорил, что одна часть формы этого вещества остается все-таки не понятной. Для того чтобы добиться результатов, я предложил способ исследования, к которому Грот отнесся сомнительно, а Мутман решительно ворчал, я все-таки сегодня его попробовал, и на вид результаты самые блестящие — не знаю еще наверное, — завтра буду работать с новым собственным прибором Грота и с его помощью. Для меня эти результаты интересны, пожалуй, больше всего прочего. Вот натолкнула судьба на вещество!

Я постараюсь кончить эту работу в течение этого же месяца...

Из письма к Н. Е. Вернадской 2 января¹⁶ 1889 г. Мюнхен

»«

... Сегодня, наконец, я решил главные трудности вычислений, и передо мной стоит целая гора новых. Мне эти вычисления интересны — понимаешь, в форме кристаллов есть строгая, математическая зависимость — измерив 4—5 углов, ты знаешь всю гармонию форм... Это одна из очень немногих отраслей, где так силен и полон наш анализ.

Из письма к Н. Е. Вернадской 3 января 1889 г. Мюнхен

»«

Работа моя идет понемножку. Вообще, во мне идет теперь борьба между двумя сидящими во мне «людьми»

¹² — 4-й Международный геологический конгресс.

¹³ — хранитель Минералогического музея С.-Петербургского университета.

¹⁴ Далее в подлиннике фраза написана неразборчиво.

¹⁵ — Триэтиловый эфир 1-3-5 бензолтрикарбоновой кислоты (C₆H₃).

¹⁶ В. И. Вернадский выехал в Мюнхен 31 декабря 1888 г., следовательно стоящая в подлиннике дата «2.XII».1889 г. является опшской.

(не знаю, чье это сравнение, чуть ли не старых народных сказаний), и, хотя пока я, кажется, справляюсь с собой, но не могу сказать, чтобы вполне удачно...

Из письма к Н. Е. Вернадской 6 января 1889 г. Мюнхен

»«

Как можно изучать этику, и что такое этика? Можно изучать историю этических воззрений, можно понять разные существующие или существовавшие этические системы, но все это целый ряд отдельных, запутанных вопросов, в которых надо разбираться по первоисточникам — знакомиться с сочинениями философов, их комментариями, биографиями и т. п.

Еще в более запутанном состоянии находится вопрос о социологии. Это или все или ничего — это такая вещь, которая понимается всеми различно и меняется с каждым работником на этом, как будто бы ясным, поле...

Из письма к Н. Е. Вернадской 14 января 1889 г. Мюнхен

»«

... по слухам Н. Д. Похитонов [4] жив, и свидание с отцом ему не дали... Уже более 4 лет он сидит в одиночном заключении в Шлиссельбурге. Как это ужасно, какие силы нужны для того, чтобы сбросить это давящее, это гноящееся, заразительное ярмо; неужели надо скрыться в себя и стараться медленной работой воспитывать и других и себя — воспитывать, чтобы не погрязнуть и не заглохнуть в болоте, суметь передать другим поколениям хоть чуточку святого огня, который мы получили от предков...

Между тем всякая педагогическая деятельность, всякая литературная деятельность есть деятельность такого рода. И это единственное орудие, которое не могут отнять у меня иначе, как убив меня или засадив в одиночную тюрьму, что еще хуже смерти...

Для меня мучительно — горько чувство бессилия, сознания, что я ничего не могу теперь сделать и может быть всю жизнь буду жить с этим дразнящим, тяжелым чувством: видеть, понимать и не быть в состоянии помочь...

Из письма к Н. Е. Вернадской 27 января 1889 г.¹⁷ [Мюнхен]

»«

... Неверно твое мнение и об интересе научной работы: интересно известное обобщение, может быть инте-

¹⁷ В подлиннике ошибочно указан 1888 г.; место написания устанавливается по содержанию.

ресна иная обработка результатов, очень интересно читать ту или иную работу научную, но в самой сути научных работ громадная масса работы чисто механической, которую делаешь по чувству долга, по предвиденной цели — работы скучной, утомительной, тяжелой. Эта работа является превосходной школой терпения, требует нервной выдержки. Если ты наблюдаешь лиц, работающих научно, или делаешь наблюдения над самим собой, ты замечаешь, как часто они находятся в раздраженном состоянии вследствие хода и сути работы или как часто они не могут заставить себя работать, потому что вся их воля ушла в мелкой, напряженной работе и им надо опять собраться с силами...

... совершенно неверно, что я могу посвятить мою деятельность, весь день, как хочу и интересно. Совершенно неверно — то, что я хочу, я делаю урывками, а того, что меня интересует, добиваюсь массой времени, потраченного неинтересно и утомительно...

Из письма к Н. Е. Вернадской 19 февраля 1889 г. Мюнхен

»«

Одно из самых ярких впечатлений Мюнхена — это доклад Герца в Политехническом институте в начале 1889 г. [5]

Главнейшие биографические даты...» [1943 г. Боровое]

»«

... В марте переехал в Париж. Работал в двух местах. В *École des Mines* у Ле Шателье и у Фуке в *Collège de France* [6] над синтезом минералов. Сперва повторил целый ряд синтезов, им сделанных, а затем начал делать и свои собственные опыты. Научился работать с поляризационным микроскопом на оригиналах Мишель-Леви и Фуке.

Работал во дворе *Collège de France* — две маленькие комнатки на уровне земли (здание XVI—XVII в.), как всегда у французов без всякой внешности, которая иногда поражает в Германии, например, у Грота. Здесь было все по-домашнему.

Во время работы при наблюдении за экспериментом, который длился иногда несколько часов, я читал. Покупал дешевые издания классиков в Одеоне. Помню, прочел Платона сплошь (XII томов). Плотина, которого не закончил, мне кажется, Аристофана — по-французски.

Уже первые мои опыты над сплавлением глинозема с кремнеземом дали мне большие результаты.

Я исходил из того соображения, что силлиманит не является силикатом алюминия, а является сложным ангидридом. Я потом, развивая эту идею, ознакомился с литературой и нашел ряд своих предшественников, забытых совершенно; но никто не выражал это теоретически так ясно, как это у меня тогда вылилось в моей магистерской диссертации.

Мы жили тогда в Пасси, очень далеко от лаборатории *Rue des Écoles*. Тогда еще не было омнибусов и моторов, была только лошадиная конка, и поездка продолжалась больше часа от нашего места жительства. Обыкновенно я читал, сидя на империале наверху, и очень много таким образом перечитал.

Часть пути я проходил пешком, вдоль Сены, где было громадное число антикварных ларьков, и я там нашел массу интереснейших книг, начиная с XVIII века, очень дешево¹⁸.

Эти прогулки дали мне страшно много.

Одновременно с этим, чередуясь или часами или днями, я работал в *École des Mines* у Ле Шателье в полуподвалах на бульваре Сен-Мишель. Здесь я делал опыты над нагреванием коалина, который я первый, мне казалось, рассматривал как свободную кислоту, теперь считаю ее свободной оксикислотой.

В отличие от Фуке работа у Ле Шателье была совершенно иного рода. Фуке только давал общее направление, но теоретические вопросы и разговоры у нас с ним не поднимались.

Совсем другое — Ле Шателье, который тогда еще не был глухим. Разговоры с ним чрезвычайно интересны. Это один из самых замечательных людей, которых я встречал в своей жизни. От него я впервые узнал о работах американского теоретика и математика Гиббса, идеи которого теперь царят и которые стали известны в Европе несколькими годами позднее, чем это знал Ле Шателье. ... американская наука далеко не играла тогда той роли, как теперь.

¹⁸ Между прочим я нашел там книжку Ле Блан о кристаллизации и книжку Ле сажа о теории тяготения. Обе эти книги были проданы мной в Академию в трудную минуту жизни в 1930-ых годах. — Примечание В. И. Вернадского. [*Le Blanc Nicolas. De la Cristallotechnie, ou essai sur les phénomènes de la cristallisation.* [Paris], 1802; *Lesage, Georges Louis. Quelques opuscules relatifs à la méthode.* [Paris], 1805].

И я помню еще, как Чернышев относился к американским академиям несколько свысока по сравнению с европейскими. Разговоры с Ле Шателъе мне очень много дали и, мне кажется, наложили печать на всю мою научную работу...

В отличие от того, что было в Мюнхене, у меня во Франции завязались более прочные связи, оставшиеся на всю жизнь.

Я сделался членом Минералогического общества, председателем которого был в это время Е. Маляр. Заседания происходили днем и кончались к времени обеда, раньше 7 час. Маляр часто гулял со мной после заседания, разговаривая по поводу докладов или по поводу вопросов, которые я ему предлагал.

Огромное значение имело для меня в это время в Париже мое участие в качестве представителя В. В. Докучаева на Всемирной выставке [7]. Я осмотрел и изучил целый ряд коллекций минералогических и рудных отделов. Выставка имела для меня и другое значение. На нее приехало много русских, и здесь впервые завязались у меня дружеские связи с П. И. Новгородцевым, В. Э. Грабарем, М. А. Островской, дочерью драматурга, по мужу Шателен, Осиповым (харьковским химиком), Ф. Ф. Батюшковым и другими.

В Париже я получил мою первую статью в [журнале] Грота¹⁹ [8].

...Музеев здесь столько, и столько интересного; так много, много родится мыслей, желаний при их посещении, и в общем выносятся какое-то меланхолическое, грустное впечатление. В нем есть чувство удовольствия, но много и неудовлетворенности. В сущности ты слышишь здесь все одну и ту же песню, одну и ту же видишь мысль, одно и тоже чувствуешь желание. Это мысль человека о бессмертии, это желание человека найти удовлетворение и объяснение жизни и смерти, это песня об идеале, о чем-то лучшем и высшем, [о] чем-то, что кругом человека является. И никогда не может быть удовлетворения, да и «удовлетворит ли удовлетворение?» Но несомненно, самое тяжелое, самое мучительное, самое трагическое в нашей жизни — это невозможность нашего

¹⁹ Ein Beitrag zur Kenntniss des hexagonalen Krystallsystems. Zeitschrift für Krystallographie (und Mineralogie). Leipzig, 1889, Bd. 15, N. 5, S. 473—486.

ума и чувства примириться с личным уничтожением, с отсутствием личного бессмертия. Создания искусства, религиозные обычаи — все, с остатками чего ты здесь встречаешься, все это делалось разными людьми, в разные времена с одной и той же целью — и все, ты видишь и чувствуешь здесь ясно, напрасно?

Теперь научные данные, взятые беспристрастно, не приводят ни к чему такому, что отвечало бы этому желанию, что сглаживало бы тоску. Что окажется сильнее — сторона ли от этой человеческой «загадки» работа его мысли или эта тоска? Не постарается ли она и в научной области вызвать реакцию — что тем легче, что самые основы знания беспочвенны? Не начинается ли это теперь в ожидании атомов, в одарении сознанием клеток, в искании духов и приведений и в других еще грядущих явлениях?

Я понимаю и чувствую, что «тоска», взятая как общее явление, не менее сильна, чем наука, и на чьей стороне окажется победа, нельзя сказать.

Пергамские остатки [9] произвели на меня чарующее впечатление. Мне кажется, я чувствую на себе влияние этих великих Греков, этих неведомых мыслителей — художников больше 2-х тысяч лет тому назад, точно что-то меня живо, тесно связывает с чем-то бессмертным, оставшимся от того времени (или это одно из проявлений «Тоски» — шепчет мне скепсис?). У меня возродилось то же чувство, какое давно в детстве произвело на меня воззвание Лайеля раскапывать Геркуланум [10], так как там могут сохраниться библиотеки (и вот уже 30 лет почти ничего для этого не делается!), ведь сколько может еще быть спасено от прежней мысли и жизни, такой чудной и высокой, как лучшее из теперешнего. Ведь вот недавно открыты удивительные, по рассказам, остатки в Олимпии [11], эти пергамские горельефы, недавние греческие портреты в Египте [12], статуэтки из Танагры и т. п. [13]. А у нас в Закавказье сколько еще может быть найдено...

...одна уже группа, собранная в главной пока ротонде, удивительна. Это группа, представляющая борьбу титанов, детей Земли с богами... Я не думаю, чтобы авторы хотели представить гигантов проявлением животности, мне видится в них сочувствие к побежденным, мне мнится тайное желание показать, что не все с титанами кончено. Это показывает и могучая фигура Матери

Земли — Геи и чудные типы юношей гигантов, например Отос. Виден здесь миф Прометея и то же самое гордое чувство свободной человеческой души, выразившееся хотя бы в иных мечтах и стремлениях греческих философов (например, позже в нам известном, часто указываемом месте Лукреция Кара)²⁰. А это было как раз то время. Мне противен сделался немецкий филистерский текст объяснения группы, где проводится «ортодоксальное» мнение (борьба духа — богов с животностью — титанами). Здесь видно другое, здесь видна свободная, гордая мысль, мысль гонимая Тоску, рвущаяся вперед, далеко — так далеко, как прорвались и в науке греческие философские учения! Не то ли это самое, что заставило их на основании немногих данных построить такие синтезы, которые не раз удивляли нас своей справедливостью? Титаны не уничтожены богами, так как не могла быть ими тронута их мать. Первоисточник остался, и победа богов должна была быть поверхностной. Как поверхностна была победа богов над Прометеем. Среди созданий греческого искусства это одно из самых замечательных проявлений этого направления.

Из письма к Н. Е. Вернадской 31/19 декабря 1889 [Берлин]

²⁰ Лукреций Кар. О природе вещей. М., 1958, т. II, с. 254—256.

VI Московский период 1890—1911

1890

... В 1889 году я получил письмо от А. П. Павлова с приглашением меня на кафедру минералогии Московского университета.

Обдумав это и узнав, что для здоровья жены климат Москвы подходящий, я выразил свое согласие. Я приехал в Петербург к январю 1890 года на съезд¹ [1] переговорить с Докучаевым и сдать отчет о командировке. Жена

¹ — VIII съезд естествоиспытателей и врачей. — Примечание В. И. Вернадского.

осталась ждать в Париже. Сговорившись с Докучаевым о переходе моем в Москву, я сговорился, что летом я беру на себя исследование почв Кременчугского уезда Полтавской губернии, которые вел тогда Докучаев на средства Полтавского губернского земства [2]. Я вернулся в Париж, посетив по дороге Кельн и Страсбург.

«Главнейшие биографические даты...» [1943 г. Боровое]

»«

Лето, как я указал, я провел частью в Полтаве, а частью в работе в Кременчугском уезде, где я составлял почвенную карту и описание его. Как я уже указал, я раньше уже участвовал в такой работе по Нижегородской губернии [3]. Но здесь В. В. Докучаев, учитывая мои прежние попытки, проехал вместе со мной по Полтавскому и Кременчугскому уездам. Я убедился здесь в его замечательном пластическом геологическом глазе. Указывая мне некоторые отдельные черточки, он научил меня очень многому.

Блестяще начатая Докучаевым земская работа по почвоведению не могла продолжаться, т. к. скоро это было земству запрещено.

Я заинтересовался некоторыми вопросами в геологическом строении уезда и следующим летом, уже от себя, посетил еще раз некоторые места, прежде чем печатать описание уезда...²

Так как я работал два года и второй год на свои средства, то я, воспользовавшись этим, нанес не только те точки, откуда взяты образцы, но также все курганы, бабы и археологические остатки. В. В. Докучаев мне говорил, что если бы он знал об этом раньше, то сделал бы это обязательным для своих работающих.

«Главнейшие биографические даты...» [1943 г. Боровое]

»«

... В сущности впечатление от поездки на родину не из веселых, но, конечно, оно ни в коем случае не неожиданно и не слишком поражающее. Только глубже, только сознательнее становится отношение к жизни, строже отношение к себе, возбуждается желание работать и страстная жажда мысли.

Понимается, что Мысль в общей жизни человечества — все, самое главное. Для жизни отдельных лиц имеют цель доброта, нежность, чувство, без этого, ко-

² Кременчугский уезд. СПб., 1892.

нечно, нельзя и не стоит жить, но для целого общества, для целой массы Мысль заменяет все. И я ясно, сильно чувствую, как это необходимо, как меня мутят, мучают, раздражают всякие стеснения Мысли...

Из письма к Н. Е. Вернадской [Не позже 1 июля 1890 г. Полтава]

»«

... А чувствуется, что больше всего нужна теперь смелость духа, спокойная смелость мысли и безбоязненность ума. Где должны начинаться компромиссы?

Из письма к Н. Е. Вернадской 2 июля 1890 г. Полтава

»«

... Много, много мыслей роится, когда сидишь в тенистом густом саду, когда сумерки скрывают яркость теней и как-то больше и глубже углубляют тебя в жизнь природы. А она здесь живет, и ты видишь эту жизнь в каждом листе, где роятся бесчисленные клеточки плазмы, видишь и слышишь ее в шуме, летании насекомых, движении червей, малолетнем блуждании еежей и других более крупных жителей сада в сумерках. Та основа, которая определяет твою жизнь и отличает тебя от остальной природы, находится в каждом листе — есть ли и там «сознание», которое для тебя *de facto* единственно важное отличие одушевленной природы от неодушевленной? Или этого сознания там нет, совсем нет? Но тогда сознание даже в жизнеодаренной природе играет случайную роль, является случайным аксессуаром, не есть *conditio sine qua non*⁴ жизни. А если оно есть, то какова его форма и проявление в других существах и где граница между одушевленной и неодушевленной природой? ...

Жаль или не жаль потерять возможность существования в природе двигателей и деятелей, более сильных чем человек, одаренных большей степенью сознания? Возможна ли без них цель жизни?

Манфреды и Фаусты⁵ удовлетворяют большему чувству, чем Ньютоны, Лавуазье. Первые имеют надежду остаться и навеки личностями, и в них получает и в оживотворенной природе смысл личность, а вторые? Что они дали и что они взяли?

Из письма к Н. Е. Вернадской 5 июля 1890 г. Полтава

³ Датируется по содержанию письма от 2 июля 1890 г. (ААН СССР, ф. 518, оп. 7, д. 37, лл. 14—15 об.).

⁴ — неперемное условие (лат.).

⁵ — Манфред — герой одноименной поэмы (1817) Дж. Байрона; Фауст — герой одноименной трагедии (1831) И. Гёте.

»«

Сегодня провозился часа три, лазая по оврагам у станции Днепровской — быстрицы между Максимовым и Градижском — и изучая ее строение. Оно описано было Гуровым и представляется мне очень важным для понимания строения всего Кременчугского уезда, и между тем мои наблюдения лишь отчасти совпадают с наблюдениями Гурова — кто-нибудь из нас ошибся... Мои старые наблюдения над лёссом частью в Екатеринославской, частью в Смоленской губерниях пополняются, и я рад, что лет 5 не опубликовывал тогдашних данных, теперь могу их закончить с небольшой работой. Могут получиться интересные данные...

Интересные для меня наблюдения над земляными червями, которых я к своему удивлению нашел в степи, на целине и следы которых открываю всюду. Ведь целая жизнь кипит среди роющих зверей — это тоже целое море, где в верхнем слое меняется жизнь днем, ночью в различные времена года — думается, должно быть и тут, и я хочу как-нибудь, мало-помалу проделать эти наблюдения — здесь абсолютная *terra incognita*⁶. Я же все более убеждаюсь в первостепенном значении этого элемента для происхождения почв...

Из письма к Н. Е. Вернадской 24 июля 1890 г. Градижск

»«

Нет тишины и нет мощи природных сил, которые еще недавно были в степи, которые мы знаем по прежним описаниям и можем восстанавливать на основании немногих, уцелевших уголков прежнего мира. Я не раз вспоминал одно из лучших, сжатых описаний степи, которое дает Мицкевич [4] в одном из своих сонетов, я вспоминал и сравнивал его с теперешней степью, обчищенной, пустынной, гладкою. В балках нет лесов, травы не растут густо, всюду тянутся поля, а в иных местах пески, солонцы. Прежние жители степи уничтожены: в разрезах чернозема находишь кроновины — заполненные лёссом ходы живших тут грызунов, а об них не сохранилось и памяти; поймы Днепра стоят пустынные: жизнь мельчает на нашей планете деятельностью человека, остаются одни мелкие звери, а все более крупное, более сильное исчезает и губится невозвратно и беспощадно. Этот процесс идет всюду, и

⁶ — незнакомая область (лат.).

с ним не мирится чувство натуралиста, хотя именно он создает для этого главные средства.

Но иногда степь и теперь хороша. Хороша она утром при восходе солнца, когда солнце низко над горизонтом, когда все предметы дают странные тени, когда солнечные лучи как бы [лишь] касаются конца видимого пространства. Тогда просыпается жизнь. И ближе всмотревшись, ты и всюду, всюду видишь. Летают и кричат чайки, встречаешь «черногузов»⁷, молча и важно шлепающих своими длинными лапами. Их мясо так скверно, что даже неприхотливый вкус крестьянина ими не прельщается. А внизу на земле какое богатство форм, богатство особей, богатство жизни, борьбы — личинки, жуки, мухи всюду лезут, ползают, торопятся; наступаешь на них, давишь их, а они все-таки так и кипят своим многообразием, своей многочисленностью. Чувствуешь, что эта мелкая жизнь сильнее тебя и что ты ее произвольно не изменишь.

Ведь в этой жизни есть красота, есть она в форме, в красках — есть она и в самом своем ходе, в вечном изменении...

Из письма к Н. Е. Вернадской [июль 1890 г. Кременчуг]

»«

... Как нельзя удовлетвориться религиозными представлениями, которыми живут массы, так нельзя удовлетвориться и тишиной массовой жизни, ее мелкотой. Только в минуты глубокого отчаяния могли Руссо и последователи мечтать о возвращении в золотое природное состояние, мог Паскаль вполне уйти в религию. Нельзя уйти ни туда, ни сюда, пока есть Сомнение — сомнение в том, что может быть Мысль, основа личности, бессмертна, что она создатель гармонии в мировом хаосе, что она сама себе господин, что она не связана неразрывно с веществом, как не связаны колебания эфира, хотя бы несомненно [они] и находятся от веществ в зависимости...

Из письма к Н. Е. Вернадской [июль 1890 г. Кременчуг]

»«

... спрашивает меня мой другой ямщик: какова земля в Самарской губернии, есть ли там хорошая, я говорю, что есть, и он мне рассказывает следующую

⁷ — аистов.

⁸ Время и место написания письма установлены по содержанию.

драму, которая случалась не раз и случается постоянно. Выселилось туда около 500 семейств из Кременчуга и окрестностей... Приехали на место и дали им землю — одну красную глину. Не родит она ничего, и тогда большая часть бежала. Посоветовал им сам волостной писарь: бегите, пока вас не занесли в списки, и вот те, которые имели лошадей, приехали сюда со всеми семьями, разоренные, все здесь раньше распродавали...⁹ Как же вы раньше не послали узнать землю, на которую бегли? — Я говорил им тоже, говорит ямщик, но они «поверили на правительство», которое им давало землю. Те, что остались там, остались «пропадать».

Такая борьба за землю, сосредоточение всего интереса к земле здесь всюду...

Из письма к Н. Е. Вернадской [июль 1890 г. Кременчуг]

»«

... У меня теперь энергия злобы и «была не была». Коли нет у нас высоких талантов, то должны сделать, что могут, такие искренние люди, как мы с Адей¹⁰, хотя бы и бесталанные.

Только так выясняются и таланты, только так жизнью вырабатываются, подбираются нужные люди...

... Теперь мысль — сила, и ничто не остановит ее, если будет вера. Вера — подайте нам веру! Тогда явится энергия, тогда опрокинутся все заставы, все затхлые, кишасящие червями клеточки, куда насажены разные чудяща пугать мысль — точно она воробей. Смело, страстно, вперед!...¹¹

Из письма к Н. Е. Вернадской 4 августа 1890 г. Полтава

»«

... хочется мне написать тебе о свидании с Павловым, у которого я сегодня обедал. Он принял меня очень радушно и дружески; от него я узнал следующее: минералогию теперь читает он, но ему очень трудно, и он крайне хотел бы, чтобы я его заменил скорее (по словам его жены, он держит эту кафедру, чтобы не могли никого назначить, пока я буду готов). Я должен буду подать прошение и прочесть две вступительные лекции, обе будут читаться не только перед профессорами, но публично, в Университете; мою тему он одоб-

⁹ Отточие В. И. Вернадского.

¹⁰ — Александр Александрович Корнилов.

¹¹ Отточие В. И. Вернадского.

ряет. Другую назначит мне факультет, то есть поручит назначить Павлову, и мы с ним сговоримся... Курс я должен объявить уже теперь, и мы поедем справляться у декана с Павловым, какой мне удобнее объявить, или я назначаю абсолютно тот же курс с января, какой поручен факультетом Павлову... или я объявлю специальный курс, и факультет сам предложит мне взамен его читать курс, порученный Павлову...

Теперь все дело в руках Министерства¹², со стороны Университета, как я мог заключить со слов Павлова, не будет никаких препятствий. Важно, чтобы в Министерстве считали эту кафедру за мной, и не поподкивали туда людей.

... Кабинетом здесь я остался очень доволен и моей лабораторией, она недавно устроена и очень полная, так что можно работать и с высокой температурой, продолжать опыты, начатые в Париже.

Приборов: гониометров, микроскопов и даже полные приспособления для спектрального анализа — вполне достаточно. Помещение недурное. Зато коллекции и библиотека кабинета плохи, но это, конечно, вещь поправимая...

Познакомился с хранителем кабинета Кислаковским — он старше меня, мне понравился, из фармацевтов. Сам он — страстный химик, и я думаю, что можно будет хорошо работать вместе. Встретились по-дружески. Студентов на 1-м курсе, где я должен буду читать, на естественном отделении около 150 человек, да кроме того я еще буду читать курс на медицинском 1-м курсе, где их 400 человек! Так что, если будут слушать, слушателей будет более чем достаточно. В этом отношении Московский университет лучше всех...

Из письма к Н. Е. Вернадской 9 сентября 1890 г. Москва

»«

... Настроение мое все неважное и вовсе не кислое или не без энергичное, а так как настойчиво, все неустанно стоят перед мыслью общие задачи, и мысль невольно, болезненно тревожно ищет путей их разгадки и не мирится дух с находимыми. Я думаю, что раз мы устроимся здесь, то я очень серьезно займусь этими общими философскими и логическими вопросами, но мой ум слишком слаб, слишком легок и неясен для этого...

¹² — Министерство народного просвещения.

Ищешь ясности в том, в чем едва чувствуется гармония. Не есть ли вся красота в чувстве движения мысли, веры в истину, в том, что так хорошо передается фразой: *Errur si puove*¹³.

Из письма к Н. Е. Вернадской 10 сентября 1890 г. [Москва]

»«

... Был у Кислаковского и там же, кажется, нашел себе комнату, дорого только — 30 рублей в месяц, зато удобства: несомненно очень тихо и 2 шага от университета, что при интенсивной работе, которая мне предстоит, весьма важно. Вечером был у Павловых — понедельник их приемный день... У Павловых мне понравилось, и разговор живой, интеллигентный — о вопросах жизни, науки, философии давал возможность ближе взглянуть в физиономию хозяев и гостей. Вообще в людях в Москве недостатка не будет, было бы время и охота. У меня уже целый ряд приглашений, но я верно никуда не буду ходить — не в расположении, в свободное время от занятий буду что-нибудь читать. Теперь я погрузился несколько в теорию теплоты, которая нужна мне для моей пробной лекции, читаю Максвелла: учение о теплоте¹⁴. Между делом читаю комедии Аристофана...

Из письма к Н. Е. Вернадской 18 сентября 1890 г. Москва

»«

... Работается так себе; сегодня начну писать свою речь¹⁵; виделся я за это время мало с кем: лишь с Глинским да с Шаховским, да «по делам службы», то есть со здешними геологами — Павловым, Кислаковским, Цибриковым (мне он нравится), Соколовым, Щириновским...

Из письма к Н. Е. Вернадской 22 сентября 1890 г. Москва

»«

... Трудно достать книги. В университетской библиотеке нет самого необходимого, самого важного... Под моим давлением Грота, Маляра, Дана уже выписали. И то дело. В кабинете нет тоже ни одной из этих книг. Целые десятилетия не пополняется библиотека по изве-

¹³ — «А все-таки она вертится!» (ит.), слова, приписываемые Галилею.

¹⁴ *Максвелл Дж.* Теория теплоты. Владимир, 1883.

¹⁵ — «О полиморфизме как общем свойстве материи» — первая лекция, которую В. И. Вернадский прочитал в Московском университете 28 сентября 1890 г.

стному отделу. И так всюду, в таких великих, живых единицах, как университеты, где сильна традиция, где должно быть царство мысли...

Из дневника... 26 сентября 1890 г. Москва

»«

... После завтра моя лекция — я еще не всю написал, и в общем ею не совсем доволен. В иных местах не могу найти ясного выражения мысли, в других есть лишнее, которое, однако, не умею вычеркнуть. В общем она будет так себе, впрочем, постараюсь ее напечатать, т. е. на русском языке пока ничего нет по этому вопросу, да и вообще мне неизвестны работы, где бы последовательно проводились те же мысли. А в общем нет ничего нового под луной! В забытых работах Франкенгейма и Джонстона в 1830-х годах нашел я довольно ясное выражение той же мысли...

Из письма к Н. Е. Вернадской [26 сентября 1890 г. Москва]¹⁶

»«

... Молодые здешние натуралисты меня приятно поражают тем, что в них меньше виден узкий специалист и больше натуралист, то чего нельзя сказать про петербургских, и общие вопросы здесь поднимаются чаще. Не играет ли роли, что и заседания Общества естествоиспытателей здесь не отдельные, а общие...

Из дневника... 27 сентября 1890 г. Москва

»«

Пишу сейчас, вернувшись с лекции, которая была сегодня в 2 часа. Иду сейчас же и пошлю тебе телеграмму. Лекция сошла, говорят, хорошо. Павлов говорил, что весь факультет остался очень доволен, и другие поздравляли с успехом, Тимирязев и т. п., с которыми познакомился. Наряду была масса и почти весь факультет. Я не рассчитал времени и скомкал весь конец, еще задержал их минут на десять. Чувствовал себя на кафедре очень плохо, так только и думалось, когда же минует чаша сия. А после, когда раздались аплодисменты, я верно имел вид très pitoyable!¹⁷ и еще, как ушел весь факультет и я начал снимать свои таблицы, к моему смущению раздались

¹⁶ Датируется по штемпелю на почтовой открытке.

¹⁷ — очень жалкий (фр.).

снова аплодисменты, и я кое-как выскочил. Говорят, и студенты остались довольны. Кислаковский говорил, что вначале было заметно, что я читал, а потом совсем нет, и не было заметно, что конец скомкан...

Из письма к Н. Е. Вернадской 28 сентября¹⁸; 1890 г. [Москва]

»«

... Первая лекция была «О полиморфизме как общем свойстве материи». Эта лекция была напечатана в университетских ученых записках и произвела большое впечатление. Основные идеи, новые тогда, были формулированы правильно и остались верными. Только теперь, мне кажется это не изменение, а углубление, мне [представляется]¹⁹, что сейчас можно идти глубже в связи с новой кристаллической химией, в которую сейчас вхожу.

Она отразила и мои разговоры с Ле Шателье и мое изучение его мемуаров, но была, мне кажется, самостоятельна в трактовке. Я помню до сих пор, как в факультете, [когда] я вышел на лекцию, ко мне подошел в вицмундире юркий с энергичным умным лицом человек, руки за фалдами, представился и сказал: «Мы все бежали Вас слушать». После лекции он вместе с многими другими выразил удовольствие...²⁰

Я в Париже занимался, с одной стороны, синтезом минералов, а с другой стороны, полиморфизмом как физическим состоянием твердого кристаллического вещества. Мне в это время здесь удалось убедиться в общности этого явления. Я в конце концов, и сейчас еще жалею, не пошел по той новой дороге, по которой собирался в мечтах пойти: синтетической химии силикатов...

Из «Хронологии...» 24 февраля 1941 г. Москва

»«

Деятельность ученых должна быть в сильной степени кооперативная. Это новое, живое, жизненное, связывающее университет в одно целое.

Завтра начну работать в лаборатории. Трудно мне одному без Наташи²¹. Хочется скорее быть вместе с ней — она для меня и поддержка, и с ней моя пестрая мысль укрепляется и очищается...

¹⁸ В. И. Вернадский ошибочно написал «августа».

¹⁹ В подлиннике: «приходится». Описка В. И. Вернадского.

²⁰ — К. А. Тимирязев.

²¹ — Вернадская Наталия Егоровна.

Между стремлениями нашими и самодержавным правительством в сущности коренное различие, и скрывать его незачем. Никогда из самодержавного правителя не сделаешь неизбежное орудие свободы, мысли, правды.

»«

... Нигде не бываю. Читаю, работаю, а мысль отдыхает на постороннем чтении: теперь читаю с глубоким интересом Гиббона — Историю падения Римской империи. . .²²

Ты знаешь, я не могу работать, не отрывая постоянными урывками свой ум от специалистов предмета и не читая постороннего. И всегда — во время приготовления к экзаменам и спешных работ — я перечитывал гораздо больше книг, чем в обычное время. Так и теперь. Одно время страдал от бескнижья, а окружающие материалы по минералогии, геологии, физике и химии не годились. Прочел Дриша (не нравится, очень слабо) и, наконец, за неимением лучшего большую статью Вагнера о классификации пауков!²³ Только постоянными оживлениями ума он получает нужную интенсивность и ширь в работе. Вчера записался в библиотеке и взял Гиббона.

Павлов советовал мне после диссертации обработать немного мою речь и поместить ее в «Русской мысли!» Это по кристаллографии-то! Но вообще это какая-то terra incognita²⁴ даже для натуралистов, просто удивительно: Тимирязев после лекции говорил мне, что она для них, не следящих за кристаллографией, была целым открытием. Как это ни преувеличено, а все-таки выражает целую прореху в естественно-историческом кругозоре. . .

Чувствую себя так себе. После лекции, как после скверного лекарства, осталось тяжелое, смутное воспоминание. И представь себе, физическое: во рту и т. д.! . . .

Из письма к Н. Е. Вернадской 19 сентября 1890 г. Москва

»«

Не дает покоя мысль о преемственности вышних институтов. Какова связь средневековых университетов со

школами Римской империи. Ведь в Византии совсем не прекращалась цепь? . . .

1 октября, вчера значительную часть утра провел в устраивании в институте. Составил список тех книг, которые надо выписать, и таким образом будет положена ясная основа библиотеки кабинета. Кислаковский обратился ко мне с вопросом о каталогизировании коллекции и после некоторого спора принял вполне основы, выработанные мною для каталога С.-Петербургской коллекции. Мне везет! Вторую библиотеку и второй план каталога приходится составлять для второго Минералогического института в России. Здесь можно будет поправить ошибку, сделанную мной при плане каталога в С.-Петербурге: карточный завести каталог. Каталог должен основываться на постоянных неизменных от хода науки величинах, а такими могут быть только вполне произвольные и зависящие от Института величины. Принимаю за такую величину — единицу-коробку, где должен находиться минимум один экземпляр, она имеет номер инвентарный и числовой для данного соединения.

Из дневника. . . 30 сентября — 1 октября 1890 г. Москва

»«

Я был в негодовании по поводу состояния коллекции Московского университета. Я нашел значительную часть минералов в кучах на полу без этикеток и без номеров и застал Кислаковского, который в ожидании нового профессора начал приводить в порядок коллекцию, чистил минералы, уничтожая этикетки и приклеенные номера. Я сразу увидел, что эти номера указывают нахождение каких-то каталогов, которых совсем не было, по словам Кислаковского. Но когда Кислаковский понял, что он делает, то благодаря ему я нашел два печатных каталога. Один — 50-ых годов (найденный в Обществе испытателей природы), другой — печатный каталог на немецком языке 20-х или 30-х годов замечательной коллекции, купленной университетом после 12-го года у Фрейслебена, известного саксонского минералога.

Каталог содержал массу ценных сведений на немецком языке. Эту коллекцию удалось в значительной части восстановить. Я сейчас же стал готовить карточный каталог по минералам и по коллекциям, который я закончил перед уходом моим в Петроград в Академию и по тому же типу образовал карточный каталог минералогического собрания Академии наук. Эти две коллекции те-

²² Гиббон Эдуард. История упадка и разрушения Римской империи, М., 1883—1885.

²³ Вагнер В. А. Наблюдения над Araneina. СПб., 1890.

²⁴ — незнакомая область (лат.).

перь каталогизированы и паходятся в полном порядке, быстро растут. . . Как любопытная историческая черточка: при моем поступлении в Московский университет в новой лаборатории из двух комнат под лестницей, хорошо оборудованной Кислаковским, профессор Марковников говорил мне: «Отдайте нам лабораторию, а когда Вам будет нужно, мы все исследования Вам сделаем».

Я решительно отказался, объяснив ему, что нельзя быть минералогом, не будучи химиком. Я тогда как раз работал по силикатам и по полиморфизму.

. . . Первым делом я устроил себе физическое оборудование. Для этого я устроил для оптических работ большую темную комнату, где могли работать с гониометрами два или три лица одновременно — студенты или курсысты²⁵.

Университет дал мне возможность прекрасно оборудовать физическую часть. . . При моем поступлении был только один гониометр, неизвестно как попавший, остальные гониометры были без трубы. Поэтому первое время я решил для своей личной работы использовать старый способ минералогов первой половины XIX века (как работал Кокшаров). Я работал без трубы в большой комнате на расстоянии 30—50 шагов от большого стекла, выходящего на двор университета. (Мне кажется, что я ту же систему видел у Шрауфа в Вене). На окно наклеивалась черная бумага, на ней вырезался крест (две перпендикулярные щели), и можно было получить очень точные данные. Меня это даже интересовало с точки зрения тренировки.

Я поставил опыт получения больших кристаллов сернокислого барита медленной диффузией двух растворов: хлористого бария $BaCl_2$ и сернокислого натрия Na_2SO_4 ; связь между сосудами была очень медленная, и для того, чтобы никто не тронул сосудов, где шла кристаллизация, я сделал большой ящик, который был очень тяжел, обложен внутри листами свинца и поместил его в подвал университета для постоянной температуры.

Я совершенно не принял во внимание то время, которое мы в это время переживали. Прошло несколько дней

²⁵ Я предупреждал всегда ректора, что я провожу эту работу специалистом тайным путем. И такой правый ректор, как Тихомиров, никогда этому не препятствовал, хотя время, нами переживаемое, уже было беспокойно. — Примечание В. И. Вернадского.

или недель, не помню, как ко мне явился экзекутор, типическая гоголевская фигура и спрашивал, что за кресты, которые у меня находятся в разных местах? Низший персонал волнуется, предполагают какие-то сигналы. Он говорил, что пришел от ректора. Я объяснил, в чем дело. Но когда я пошел в подвал, то оказалось, что кто-то трогал ящик, что было запрещено (а ключ был не только у меня, но и у экзекутора), и весь опыт был испорчен — получился мелкокристаллический барий, порошковатый. Моя работа пропала.

Нравы были далекие от работы в этом кабинете.

Мне кажется, из моих предшественников Ауэрбах работал в Петровском-Раузовском, Толстопятов совсем не работал.

Новую минералогию мне пришлось читать первому, во всяком случае, вести научную работу по минералогии. . .

При минералогическом кабинете был чулан на лестнице. Когда я его хотел осмотреть, то оказалось, что он был занят Обществом испытателей природы. Там хранились дублеты книг. Когда я стал осматривать этот чулан, то оказался целый ряд ящичков бабочек под стеклом. Значительная часть бабочек погибла. Оказалось — это ценная коллекция Мочульского, часть которой, которую еще удалось спасти, передали потом в Зоологический музей. Кажется, Мочульский сдал ее на хранение и умер. . .

«Главнейшие биографические даты. . .» [1943 г. Боровое]

»«

Осматривал богатую старинную коллекцию минералов с Везувия в здешнем университете. Есть великолепный материал для работы. С Кислаковским обрабатываем «мейониты», которых тут много сотен превосходно образованных кристаллов! Все запылено и забросано! Один день в неделю буду им посвящать! Коллекция, по-видимому, куплена у графа Строганова, но кем составлена и когда?

. . . Читал Гиббона²⁶.. работу Кнопа об авгитах²⁷ . . . просмотрел какую-то повесть из Уральской жизни Мамина («Русской мысли»)²⁸, берет дрожь, когда поду-

²⁶ Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи.

²⁷ Кноп А. Über die Augite des Kaiserstuhlgebirges im Breisgau, Grossherzogthum Baden — Zeitschrift für Krystallographie (und Mineralogie). Leipzig, 1885, B. 10, S. 58.

²⁸ Сибиряк Д. (Мамин Д. Н.) Три конца (Уральская летопись). — Русская мысль, 1890, кн. V, с. 1—81; кн. VI, с. 1—65.

маешь о крепостном праве и еще более об интеллигентных крепостных-мучениках. Боже мой, сколько теперь в тюрьмах, ссылке томится невинных за мысль, за веру...²⁹

Из дневника... 1 октября 1890 г. Москва

»«

Вчера кончил... статью Кюпа об авгитах, Шмидта о гиперстепях и несколько мелких заметок в «Zeitschrift für Krystallographie»³⁰ (о силикатах), кончил первую часть Гиббона,³¹ статью Вагнера о линьке пауков³² и статью Розанова о русской литературе по философии (Вопросы философии и психологии, 1890, кн. 3)³³.

Странный это журнал. И странная каша в головах наших философов, желающих сделать из философии науку. Удивительно также, как мышление «философское» отстает от научных данных и вследствие недостатка научной образованности, главным образом в естественных и математических науках, часто приходит к самым комичным заявлениям. Я думаю, вышла бы чрезвычайно интересная статья, если собрать перлы подобного верхоглядства — помнится в этом отношении Грот³⁴ дошел нес plus ultra³⁵ в своей статье о Дж. Бруно³⁶.

Если оставить в стороне логику и психологию, то что останется для того, чтобы сделать из «философии» науку? Философия есть способ и метод. Ее значение в движении науки — это, кроме логики, критика основных понятий, всюду и неизбежно входящих в данные нашей науки. Это есть оценка достоверности знания. Но где же здесь «наука»?...

Из дневника... 2 октября 1890 г. Москва

²⁹ Отточие В. И. Вернадского.

³⁰ Schmidt A. Über die Minerale von Pelsöcz—Ardó. — Zeitschrift für Krystallographie (und Mineralogie), B. 10, S. 202.

³¹ Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. — см. подстрочное примечание 23.

³² Розанов В. Заметки о важнейших течениях русской философской мысли в связи с нашей переводной литературой по философии.

³³ — Грот Н. Я. — редактор журнала «Вопросы философии и психологии».

³⁴ — до крайних пределов (лат.).

³⁵ Грот Н. Я. Задачи философии в связи с учением Джордано Бруно. — Одесский вестник, 1885, № 98, 99 и 105.

»«

Сколько томится в тюрьмах, ссылке сил — сил, нужных для работы, нужных для дальнейшего развития. С каким трудом и борьбой сопряжено достижение всякого хорошего (история борьбы иных земств за библиотеки для служащих). Еще больше родится энергии. Оставшиеся должны удесятерить силы и энергию.

Из дневника... 3 октября 1890 г. Москва

»«

... Завтра моя вторая лекция³⁷. Я только что написал ее вчерне, еще поправлю. В общем она выходит весьма скучноватой, но уж и тема такая. Да я вообще как-то не умею давать общих картин несколькими штрихами, а больше иду путем анализа, от частного к общему. Ну, да не беда. Вчера занимался как-то плохо, да и сегодня неважно — правду сказать, очень уж меня мало прельщает необходимость вторично пародировать...

Из письма к Н. Е. Вернадской 7 [октября 1890 г.]³⁸ Москва

»«

Вчера прочел лекцию. Народу было мало. Читал, говорят, недурно. Только напрасно не описывал геометрическую форму авгитов и роговых обманок. Но как описывать форму, не показывая? Наш ум слишком слаб, чтобы из одних описаний представить себе свойства естественного тела; есть два способа: один — демонстрация самих тел — кристаллов и их моделей, другой — таблицы математических отношений. Этот второй путь я и избрал, так как на таких лекциях демонстрировать не принято.

И. Д. Некрасов... говорит, что мои лекции оставили «прекрасное» впечатление, но что вследствие неимения магистерской степени и других причин я пока могу не пройти в факультете. Павлов попытается провести поручение мне чтения минералогии в факультете, а если это не удастся, то откажется читать во 2-ом полугодии, и я буду читать курс полный в качестве вольного приват-доцента...

Из дневника... 6 октября 1890 г. Москва

³⁷ — «Об авгитах и роговых обманках» — тема, предложенная В. И. Вернадскому факультетом.

³⁸ Месяц и год устанавливаются по почтовому штемпелю на открытке.

»«

Читая Фукидида, поражаешься нередко встречаемым у древних авторов мнением о том, что скажут их потомки. То же самое и в древних памятниках. Случило ли это утешением? Верно, то, что меня так или иначе заставляет задумываться при чтении Фукидида, заставляло задумываться и других, бог знает сколько поколений. Когда он говорит вначале о том, какое бы впечатление произвели разрушенные Афины (по сравнению с Микенами), теперь мы это видим. Сделалось избитым указание на возможность того же для теперешних центров мысли, хотя никто как-то об этом и не думает...

Из дневника... 7 октября [1890 г. Москва]

»«

... Теперь я довольно усердно засел за силикаты — для диссертации. Пожалуй, можно будет ее кончить к январю. Работается так себе; Павлов ужасно настаивает, он боится, что я увлекусь и слишком широко захвачу предмет. Правду сказать, я и сам этого побаиваюсь. Кроме силикатов, да так, в свободное время, Фукидида, ничего не читал эти дни...

Из письма к Н. Е. Вернадской [9 октября 1890 г. Москва]³⁹

»«

... Диссертация выясняется. Какая масса работы еще предстоит в отделе силикатов и всюду. Всюду только вежа...

Из дневника... 11 октября [1890 г. Москва]

»«

... Перечел я недавно некоторые из вещей Мюссе, которого люблю как лирика и ужасно не люблю как драматурга, а по своей специальности читаю много. В голове масса вопросов; целые классы соединений, никогда не полученных, роятся в голове, интересно получить их и проверить силу фантазии...

Из письма к Н. Е. Вернадской [12 октября [1890 г.]⁴⁰ Москва]

»«

... Работаю и в лаборатории, по обыкновению чрезвычайно медленно и неуверенно. Нет как-то решимости и быстроты в работе, а скорее порывистая настойчивость; возвращаюсь иногда через долгий срок к тому же

³⁹ Дата устанавливается по штемпелю на почтовой открытке.

⁴⁰ Дата устанавливается по содержанию письма.

самому, хоть раз двадцать. Теперь веду еще один анализ вещества из фарфора и анализ одного минерала той же группы силлиманита, да пытаюсь, пока неудачно, получить соответственное соединение титана.

... Прочел на днях несколько комедий Лопе де Вега, которого и раньше кое-что читал. Как-то в настоящем моем настроении мне гораздо больше по душе вещи для театра, чем романы и повести. В первых присутствует элемент, которого напрасно искать в последних (исключая, может быть новеллы), это красота строения, структуры. Ты в самой форме произведения как целого чувствуешь живую полную красоту, изящество постройки, как в хорошем архитектурном или скульптурном произведении. Комедии нравов, обычной текущей жизни разных времен, народов, эпох очень сильно действуют, указывая на постоянное однообразие самой сути суеты жизни. Они именно в таких, по необходимости сжатых очерках, как комедии, дают всюду чувствовать самое главное, что направляет жизнь человека теперь, что направляло эту жизнь в XVI—XVII вв. или в V веке до Р. X.

Из письма к Н. Е. Вернадской 13 октября 1890 г. Москва

»«

... Сегодня в лаборатории получил новое соединение — окиси титана с глиноземом, совершенно до сих пор неизвестное. Я раньше раза три пытался получить его в Париже, но неудачно, и здесь в первый раз тоже не мог совладать, и, наконец, сегодня получил. Этим открывается целый новый ряд соединений, вполне аналогичных силлиманиту; теперь надо получить соответственные соединения олова, циркона, чтобы закончить этот ряд, какой я положил себе для диссертации. Это соединение (должно быть теоретически) аналогичное силлиманиту, т. е. составной части фарфора, только вместо кремния находится там близкий к нему элемент титан. Он для меня еще интересен, потому что, по моим предположениям, должен обладать еще более ясно выраженными свойствами кислот, чем силлиманиты...

Из письма к Н. Е. Вернадской 15 октября 1890 г. Москва

»«

... Мне кажется, как вспоминаю теперь, оно очень легкоплавко. Я хотел получить аналог силлиманита Al_2TiO_6 . Я сознательно — думаю теперь, ошибочно — ос-

тавил в стороне химию и перешел для диссертации к работе над полиморфизмом...

Из «Хронологии...» 15 ноября 1941 г. Боровое

»«

... Эти дни занимался неважно, только вчера несколько лучше, вчера я с большим удовольствием читал статьи Берцелиуса об основах классификации силикатов — собрание его статей с 1811 по 1846 гг., ты можешь проследить изменение его взглядов, его способа охватывать предмет в старости и в молодости⁴¹. Меня поразила в общем яркость, красота слога и логичность, простота мысли, и я, почти не отрываясь, прочел всю книжку страниц в 250 залпом. Из этих статей перед тобой ясно встает живая личность Берцелиуса, лучшего ученого, какой был в неорганической химии и одного из самых замечательных людей нашего века.

Из письма к Н. Е. Вернадской 17 октября 1890 г. Москва

»«

При чтении этой книжки не раз у меня захватывало, щемило дух, как когда читаю что-нибудь волнующее, и я бросал чтение, чтобы заняться чем-нибудь иным...

Из дневника... 19 октября 1890 г. [Москва]

»«

Начал писать диссертацию — довольно-таки трудно, видишь массу прорех, пополнить которые у меня едва ли хватит времени и умения. Хочется уже скорее разделиться с диссертацией, быть свободным, работать, над чем хочешь, манят разные научные вопросы...

Из письма к Н. Е. Вернадской 17 октября 1890 г. Москва

»«

... За эти дни как-то занимался немного, только в лаборатории, по обыкновению весьма медленно и лениво, но довольно неуклонно веду работу. Был вечером у Петрункевича, довольно интересные были общие разговоры — все та же тема, которая возбуждается теперь везде среди искренних мыслящих людей — тема о правах человека, о ее нарушениях...

Я думаю, в выражении *cogito, ergo sum*⁴² надо придать лишь более глубокое значение. А приняв целью науку, проследить ее влияние — именно этой цели, т. е. ис-

⁴¹ Berzelius J. Neues Chem. Mineralsystem. Nürnberg, 1847.

⁴² — Я мыслю, следовательно существую (лат.). — слова французского философа Декарта (1596—1650).

кания, мысли, на всю человеческую деятельность, на все отношения его ко всему окружающему...

Существование человека для науки (называемое иногда в жизни служением науке, а я не отделяю от науки стремящиеся к истине и искусство) вносит в жизнь светлые лучи идеала.

Из письма к Н. Е. Вернадской 19 октября 1890 г. Москва

»«

... В четверг⁴³ в факультете было признано мое право на звание приват-доцента, и теперь это пошло по разным канцелярским столам.

... Я совсем теряюсь в семестрах, зачетах и т. п. — ничего подобного не было в мое время, а тут каждый, ссылаясь на разные циркуляры, дает мне совсем противоречивые указания. Такая кутерьма, что страсть!

Из письма к Н. Е. Вернадской [20 октября 1890 г. Москва]⁴⁴

»«

Я писал тебе... о впечатлении, произведенном на меня работами Берцелиуса, от которого я нахожусь в каком-то угаре... важно, чтобы ты могла работать над одним и тем же. Такое дело представляется, например, в задуманной мной истории научных идей, и теперь я все более и более знакомлюсь с древним миром, для тебя выбираю для чтения только то, что считаю важным при наивозможно малой трате времени (Софокл, иные диалоги Платона), и теперь просил тебя прочесть летопись Тацита⁴⁵. Но ты и не начала! А время, когда можешь читать, читала «Вестник Европы» [5] и тому подобные журналы, — это все времяпровождение, а не чтение (исключая Пыпина)...⁴⁶

... В субботу⁴⁷ подал Бугаеву (математику, декану) заявление о лекциях. Курьезный с ним был разговор: о буддизме, нирване, и он с страшным волнением излагал мне свою собственную метафизическую теорию (теорию живых монад)...

Из письма к Н. Е. Вернадской 22 октября 1890 г. Москва

⁴³ — 18 октября.

⁴⁴ Дата устанавливается по штампею на почтовой открытке.

⁴⁵ Тацит К. Соч., СПб., 1887, т. 2.

⁴⁶ Пыпин А. Н. Грибоедов. — Вестник Европы, 1890, кн. 1, с. 185—224; Гердер. — Вестник Европы, 1890, кн. 3, с. 277—321; кн. 4, с. 625—673.

⁴⁷ — 20 октября.

»«

... Поражает, бьет ключом, даже при чтении Плавта⁴⁸, страстное желание рабов быть свободными. Рисуетя их тяжелое положение, и выход из этого положения является величайшей целью и стремлением рабов. Как живо комедия переносит в древнюю жизнь.

Как остались рамки жизни тогда и теперь неизменными.

Как чувствуется, что не было перерыва — не было hiatus'a⁴⁹ в развитии жизни Европы.

Иногда одновременно при чтении Плавта и при чтении истории Средней Азии... трепетно бьется сердце от чувства единства умственной жизни человечества. Хочется штрихами воссоздать эту цивилизацию — только нет сил.

Из дневника... 26 октября 1890 г. Москва

»«

... Библиотека Кабинета минералогии сильно пополняется — теперь снова выписываем ряд книг. Малопомалу составится.

Из дневника... 1 ноября 1890 г. [Москва]

»«

... Еду теперь в большую глушь, не жди писем.

Расспросов о том, что делаю, удивительно мало по сравнению с Нижегородской губернией. Больше думают, что ищу клады, но иногда предлагают и дельные вопросы: один крестьянин спрашивал, что сколько я беру образчиков и как я нанесу на план, какова земля, раз я беру образчик на их поле один, а в поле их земля неодинаковая.

Из письма к Н. Е. Вернадской [1890 г. Кременчуг]

»«

Я все по-прежнему работаю более или менее усердно, хотя несколько лениво-вахлачески, другими словами делаю больше то, что интересует, что прямо нужно с практической точки зрения. Познакомился вчера с одним здешним химиком, занимающимся кристаллографией, и сегодня ему надо будет показать некоторые приемы работы с оптическими приборами. Он говорит, что он думал уже ехать куда-нибудь учиться кристаллографии, так как здесь никто не мог показать ему об-

⁴⁸ Плавт Т. Избранные комедии. М.; Л., 1935.

⁴⁹ — пробел (фр.).

ращение с приборами. Работа его интересная, и результаты получились уже. Верно, мне и в этом году придется целому ряду лиц показать обращение с приборами, частью студентам, уже прослушавшим курс Толстопятова, а частью и вот таким отдельным лицам.

Эти дни закрутили разные отвлечения от лаборатории, и я боюсь, что к 15-му не окончу работы... Как медленно идет работа. Для диссертации прочел я около 600 работ, а ведь это капля в море, и это ничтожное количество по сравнению с тысячами работ, с которыми ознакамливались те или иные работники и с которыми мне предстоит еще ознакомиться для всей моей работы, которой диссертация лишь часть!

Из письма к Н. Е. Вернадской 5 ноября 1890 г. [Кременчуг]

»«

В душе тяжело от мглы, от темноты царства, от грома. Но энергия этим будится. И желание работать, желание бороться за права человека растет.

Начал собирать материал для исторического очерка образования при Александре III.

Из дневника... 7 ноября 1890 г. Москва

»«

... Думается о лекции. Хочется в общей, стройной картине передать современное состояние вопроса о соотношении между составом и свойствами. Эти попытки человеческого ума по частям опять складывать, что им при наблюдении искусственно разложено.

Из дневника... 26 ноября 1890 г. Москва

1891

... С января 1891 года я начал читать лекции минералогии в Московском университете на естественном факультете [6].

Как раз в этом году вышла небольшая, очень трудная книжка Е. С. Федорова: Краткий учебник кристаллографии⁵⁰. Она произвела на меня большое впечатление. Обдумывая ее, я отделил кристаллографию как науку чисто физическую от минералогии — науки химической и геологической.

Вероятно, первое изложение кристаллографии по Федорову показалось студентам трудным, хотя я выбро-

⁵⁰ Федоров Е. С. Краткое руководство по кристаллографии. СПб., 1891.

сил всю ненужную сложность федоровских концепций. Но все основное я в более простой форме переработал.

Я имел по поводу этого курса разговор с А. П. Павловым, который думал, что я увлекаюсь новшествами, но когда я объяснил, в чем дело, он со мной согласился. Переработку эту я сделал основательно.

«Главнейшие биографические даты...» [1943 г. Боровое]

»«

Одновременно с лекциями на физико-математическом факультете я получил приглашение от декана медицинского факультета И. Ф. Клейна прочесть сокращенный курс минералогии в геологическом аспекте и кристаллографии для медиков. Этот курс меня совершенно не интересовал, но он читался с основания университета, с 1865 года и до меня читал его Толстопятов...

«Главнейшие биографические даты...» [1943 г. Боровое]

»«

Программа испытаний минералогии медицинского факультета положительно ужасная. Самые важные отделы опущены, а зато внесены такие вопросы, о которых и говорить отдельно на лекциях не придется. Над курсом мне придется сильно поработать; на экзамене я буду спрашивать... лишь то, что есть в программе, но в моем освещении; некоторые отделы программы не буду развивать на лекции и, следовательно, не буду спрашивать на экзамене, а на лекциях введу многое, чего на экзамене спрашивать не буду. А к лекциям надо все-таки заранее подготовиться, начну, как перееедем на квартиру (жалко, что ты не выслала вещей раньше), а то, с какой стати несколько сотен студентов будут страдать из-за того, что мне надо защитить магистерскую диссертацию!

Из письма к Н. Е. Вернадской 5 ноября 1890 г. [Кременчуг]

»«

Я читал этот курс не больше двух-трех лет и отказался при первой возможности [7], когда меня смог заменить кто-нибудь из моих учеников. Таким был С. П. Попов.

Для меня чтение лекций для медиков было тяжелой обязанностью, но я считал необходимыми для медиков основы этих наук, которые в средней школе не затрагивались. Я составил для них курс лекций, который был отдитографирован в виде конспекта,

Но самое тяжелое, что мне пришлось их экзаменовать. Интересы к естественным наукам у них не было, а Толстопятов приучил их относиться к этому курсу чисто формально. Вошло в обычай, что студент заявлял, что он «без боя» и получал тройку, не будучи спрошенным.

На такое соглашение я решительно не пошел. К первому экзамену они или подготовились, или еще как-то случилось, что они прошли без скандала...

Мне кажется, что второй год студенты хотели возобновить свой обычай экзамена «без боя». Я перед началом экзамена заявил, что я буду давать переэкзаменовки, но буду ставить двойки. Между прочим, был ряд студентов, которые слушали лекции внимательно и интересовались. У меня были и разговоры по этому поводу.

В результате этого экзамена я поставил 42 двойки и поднялся страшный гвалт. Я дал им всем переэкзаменовки. На другой день меня вызвал декан, но я просил его не вмешиваться. Мне казалось, что я был победителем. Курс принял мою сторону, студенты подтянулись, и почти все выдержали, кроме двух—трех человек...

«Главнейшие биографические даты...» [1943 г. Боровое]

»«

Курс должен быть цельным, общая идея должна проходить красной нитью через весь курс и давать, таким образом, возможность составителю курса достигнуть цельности и ясности научного мировоззрения. В этом чувстве продуманности и как бы участия в самостоятельной критической переработке излагаемой отрасли знания заключается все значение курса для слушателей. Они могли бы прочесть книжки, они бы могли прослушать демонстрации, но все это не могло бы и не может заменить им цельного живого курса. Он должен отвлекать их от односторонности и развить строгое, критическое мировоззрение.

К сожалению, в университетских курсах эти требования исполняются редко.

Основные определения:

Кристаллография и минералогия — две разные науки.

Кристаллография есть учение о физических и химических свойствах вещества в твердом состоянии.

Минералогия есть учение о химических реакциях,

которые могут происходить в планетном мире, главным образом на земле, в связи с изложением свойств тех химических соединений — продуктов этих реакций — которые составляют наш земной шар...

Проекты, конспекты, программы и заметки для лекций и курсов по кристаллографии. 1891—1893.

»«

Я столкнулся с биогеохимическими проблемами в 1891 г., когда начал читать курс минералогии в Московском университете... При чтении в университете минералогии я стал на путь, в то время необычный, в значительной мере в связи с моей работой и общением в студенческие и ближайшие годы (1883—1897) с крупным, замечательным русским ученым В. В. Докучаевым. Он впервые обратил мое внимание на динамическую сторону минералогии, изучение минералов во времени. Я был одним из немногих, построивших в то время преподавание минералогии не на статическом охвате Линнея, но на динамическом представлении о минералах в земной коре Бюффона⁵¹.

Составлял VI таблицу к диссертации. Читал «Русскую старину», февраль 1891 — интересные записки Никитенко⁵². Опять переносится к 60-м годам...

Необходима свобода мысли в самом человеке. Отсутствие искренности в мысли страшно чувствуется в нашем обществе...

Из дневника... 10 апреля 1891 г. [Москва]

»«

В Обществе испытателей природы я напечатал диссертацию: «О группе силиманита и строении группы силикатов»⁵³. Летом Докучаев с ней ознакомился и назначил защиту на сентябрь...

«Главнейшие биографические даты...» [1943 г. Боровое]

»«

... Диссертация напечатана и вышла. Не чувствую ни радости, никакого особого чувства. Она мне кажется не вполне удачной, но представляется кладущей начало нужной работы. Однако очень доволен тем, что

⁵¹ Вернадский В. И. Биогеохимические очерки, 1922—1932 гг. М.; Л., 1940, с. 7.

⁵² Плетнев П. А., Никитенко А. В. Переписка 1856—1857 гг. — Русская старина, 1891, февраль.

⁵³ См.: Бюллетень Московского общества испытателей природы, 1891, № 1.

то, что хочу я доказать в ней, не изложено так полно, чтобы она могла убедить. Она может лишь пробудить мысль. Между тем главное, ценное в убедительности и доказательности.

Читал и думал много по историческим вопросам... Мысль постоянно направляется к ясному сознанию чувства общей преемственности в истории человеческой мысли, в истории развития человечества.

Возможно, кажется мне, найти прямую преемственность между древними греческими философскими и другими школами, римскими школами (юридической, медицинской и т. п.) и возникновением университетов. Университеты выделились как необходимое дальнейшее развитие этих школ и т. п. при изменившихся условиях времени и места. Через юридические и медицинские школы можно проследить прямую причинную преемственность — непрерывную к первым древним университетам (Салерно, Болонья и пр.). Таким образом, все это развитие одного общего непрерывного явления.

Можно убедиться, что гибель древней литературы являлась логическим следствием, частью психологических причин, частью причин, всегда существующих вне зависимости от каких бы то ни было политических условий. Эта гибель происходила все время и в течение существования Римского царства...

*Из дневника... 20 апреля 1891 г. [Москва]*⁵⁴

»«

21. IV вечер у Ивана Ильича⁵⁵ — длинный разговор с ним и женой его о разных политических вопросах. В общем мы очень сходимся. Постараюсь набросать в кратких тезах-набросках.

Вопрос о раздаче земель надо рассматривать с широкой точки зрения. Раздача в Черном[орском] окр[уге], Западном крае, Уфимской губернии etc. является таким же расхищением добра государства, как выкуп земель государственными крестьянами. Я очень рад, что мы сошлись во взглядах на национализацию земли: и он не считает ее противоречащей идее либерализма. Надо не помещать ее в программу, но постоянно помнить, что она станет лицом перед будущим правительством России. Следовательно, не предпринимая теперь воп-

⁵⁴ Место написания устанавливается по содержанию.

⁵⁵ — Петрункевич.

роса, является политической ошибкой теперь раздавать в частные руки государственные земли...

Из дневника... 24 апреля 1891 г. [Москва]⁶⁶

»«

Сегодня объезжал поля озимых, редко где 3 копы ржи с десятины и притом так, что умолот зерна не вполне дурен. Не возвращает и $\frac{1}{3}$ потраченного на посев зерна. В иных и того меньше... В массе крестьянской чувствуется какая-то покорная отчаянность. Я как-то всем существом сознаю, что мне дорог этот народ, что я неразрывная часть его и в то же время я ничем не могу помочь ему и делаю все по тому же течению, которое какими-то железными непреодолимыми законами охватывает все теперь. Цены за работу, низки, и я без капитала не могу их платить выше, беру плату за землю, когда она окупается продуктами, хотя до боли чувствую какую-то странность уплаты — какое-то есть тут противоречие. Моя помощь при этом разобьется на мелочи: я могу истратить все, что имею, и едва ли помогу массе — слишком она велика. Как быть, что делать?...

Из дневника... 24 июля 1891 г. Вернадовка

»«

... В Вернадовке возня с арендатором Поповым. Очень тяжело, когда чувствуешь, что слова не сходятся с делом. Под сурдинкой оп, по-видимому, пользуется и обирает, как может, крестьян.

Здесь неурожай и всюду слухи о голоде. Нищих никогда столько не было.

Не хватает зерна для посева, и в будущем году может быть совсем бедствие.

Из дневника... 21 июля 1891 г. с. Никольское

»«

Здесь опять захватило известие о голоде, чувство опасности голодания, которым живет и волнуется теперь значительная часть населения России. Удивительно, как мало это чувствуется в Москве, где, кажется, все обстоит вполне благополучно, и как сильно, как глубоко схватывает всего это чувство в деревне. То же самое испытал и под тем же чувством приехал из Лукоянова Нижегородской губернии Сахаров. 18-го июля я под влиянием этих известий отнес в редакцию «Рус-

⁶⁶ Место написания устанавливается по содержанию.

ские ведомости» статью о необходимости организации борьбы против голода — по-видимому, не приняли, я не мог зайти узнать. Необходимо устройство комитетов для сбора пожертвований, для обсуждения мер против голода и всех тяжелых, всех трудных его последствий [8].

... Это время занимался очень мало, все отвлекали разные посторонние встречи, да и мысль неуклонно интересовалась не тем, что нужно. Мне кажется, я начинаю улавливать более широкий принцип — научный — в кристаллографии, чем что бы то ни было другое, в ней известное. А когда мне приходят в голову идеи, мне всегда трудно ими заниматься, хочется охладиться и заняться другим. Но главным образом отвлекали люди...

Из письма к Н. Е. Вернадской 16 августа 1891 г. Москва

»«

... Я теперь читаю много общего по геологии — Неймайра, Зюсса, Мункетова, мне надо это для лекций студентам, а частью для окончательной обработки Докучаевского отчета...

Из письма к Н. Е. Вернадской 20 августа 1891 г. [Москва]⁶⁷

»«

... Читаю с большим интересом работы Зюсса по динамике земного шара — первая широкообъемлющая, не чисто местная работа по геологии. Много для меня нового, и интересуется мысль...

Из письма к Н. Е. Вернадской 22 августа 1891 г. [Москва]⁶⁸

»«

... вчера приехал я сюда и виделся с очень многими людьми. Видел Докучаева и Коновалова, оба они отзываются хорошо о моей работе. Докучаев говорит, что он будет возражать только на частности и что в общем он считает работу хорошей, и по вопросам, в ней затронутым, и по разработке. Она много бы выиграла, если бы я ее лучше обработал, а то ему иные страницы приходилось прочитывать раза 4. Коновалов также хвалит диссертацию по постановке темы и по ее разработке, и говорит комплименты. Он говорит, что должен возражать

⁶⁷ Место написания устанавливается по содержанию (ААН СССР, ф. 518, оп. 7, д. 38, лл. 47—48 об.).

⁶⁸ Место написания устанавливается по содержанию (ААН СССР, ф. 518, оп. 7, д. 38, лл. 49—50—а).

по обязанности и что, конечно, есть целый ряд частных вопросов, с которыми он не вполне согласен. Во всяком случае, говорит, возражения будут носить характер частного разговора...

*Из письма к Н. Е. Вернадской 26 октября 1891 г. [С.-Петербург]*⁵⁹

»«

... 27 октября состоялся диспут в Петербурге. Оппонентами были Докучаев и Дмитрий Петрович Коновалов. Я остался диспутом не доволен — диссертация была мало оценена. Коновалов указывал, что диссертация схоластична, но на самом деле все ее выводы сохранились до сих пор и приняты.

Надо сказать, что оба оппонента не были специалистами по этим вопросам, не были в курсе вопросов химической минералогии.

Химики признали значение этой диссертации позже: Курнаков — в 20-х годах, Флавицкий — в 1911 г.

Экспериментальная работа моя по этому же вопросу возобновилась в 1941 г. с К. П. Флоренским над водным раствором каолина как алюмокремниевой кислоты. Ученик С. М. Курбатова Лебедев пошел дальше в этом направлении: исправил формулу алюмо-кремне-боратов (в 1941 г.).

«Главнейшие биографические даты...» [1943 г. Боровое]

»«

... Мой диспут совпал с изгнанием Д. И. Менделеева Деляновым из Петербургского университета [9]. Менделеев моей диссертации не получил, как он сказал Докучаеву. Я отнес ему после этого на дом, но его не застал...

«Главнейшие биографические даты...» [1943 г. Боровое]

»«

... Вчера познакомился с Менделеевым. Куда ни ткнется он, виден умный человек, так и тут в его теоретических представлениях о голоде и тому подобное.

Из письма к Н. Е. Вернадской 29 октября 1891 г. С.-Петербург

»«

... После защиты диссертации я сделался членом факультета с совещательным голосом и с решающим голосом по делам, касающимся минералогического кабинета, которым я заведывал под верховным надзором Павлова (вначале).

«Главнейшие биографические даты...» [1943 г. Боровое]

⁵⁹ Место написания устанавливается по штемпелю на почтовой открытке.

... С Павловым был в Петровской академии и вернулся в 6-м часу, погода ужасная, и мы промерзли изрядно.

Коллекции там лучше университетских — чувствуется, что был хороший ученый, когда-то профессором (покойный Ауэрбах). Коллекция вдвое-втрое меньше, и во много раз ценнее и важнее университетской. Я сидел с ним все время над коллекцией метеоритов, когда-то одной из лучших в Европе — частная коллекция Ауэрбаха, завещанная им в Академию. Но в таком это все виде теперь! Кровью обливается сердце при мысли, что это попадет в руки и распоряжение вандалов, не понимающих ни научного значения, ни философского интереса этих коллекций. Коллекции метеоритов такой, как эта, нет ни в одном нашем университете, и она одна из десяти лучших во всем мире, и вдруг это народное достояние пропадет. А теперь разорение и апатия — на все махнуть рукой — царят в Петровской академии...

*Из письма к Н. Е. Вернадской 26 февраля 1892 г. вечер [Москва]*⁶⁰

»«

Умер мой большой друг — астроном И. А. Клейбер. Еще до 1888 г., исходя из правильных воззрений, вместе с Клейбером мы искали гелий в минералах, но оба оказались недостаточно ловкими экспериментаторами...

«Главнейшие биографические даты...» [1943 г. Боровое]

»«

Вечером набросал и переделал весь план статьи о Клейбере. Но я совсем не умею писать! Мне хочется изложить его жизнь в связи с тем течением, в котором готовилась значительная часть нашего поколения, только теперь вступившего в жизнь: сперва строгая научная работа. Студенческое общество [10] как род selfgovernment⁶¹ и связь молодых сил, работающих в разных отделах, вследствие этого расширение кругозора и интереса вне формальных делений наук⁶². Для Клей-

⁶⁰ Место написания установлено по штемпелю на почтовой открытке от 26 февраля 1892 г., написанной утром (ААН СССР, ф. 518, оп. 7, д. 39, л. 2).

⁶¹ — самоуправление (англ.).

⁶² Это является, по моему убеждению, одной из основ университета в отличие от остальных «специальных заведений». — Премечание В. И. Вернадского.

бера это вызвало интерес к приложению математического метода в других областях: в связи с общественными явлениями, психологией etc. Закрытие высших женских учебных заведений [11] и реформа университета [12] вызвали в нас всех никогда не пропадающие думы о высшем образовании. Создание библиотек по высшему образованию, реформы-статьи Клейбера в «Русском богатстве», «Вестнике Европы» [13] и попытка составления записки о медицинских курсах, попытка основания «Женского университета...»

Из письма к Н. Е. Вернадской 28 февраля 1892 г. [Москва]⁶³

»«

... Мне дорого всякое проявление энергии, и, право, среди молодежи теперь очень много хороших людей — идет новое поколение с солидным желанием учиться и известной энергией. Многое напоминает мне наши годы, по мы были меньшинство. Если упрочь в университете, все силы употреблю на образование Студенческого научного общества.

... читал я Шевченко и очень хочу, чтобы ты прочла в маленьком издании заграничном (есть у Георгия) его небольшое стихотворение: Минают дни, минают ночи (стр. 13) — великолепно!...⁶⁴

Из письма к Н. Е. Вернадской 2 марта 1892 г. [Москва]⁶⁵

»«

... В 1892 г. много времени отдал организации борьбы с голодом в Тамбовской губернии [14], для чего удалось получить денежную помощь от Франции [15].

Занимался и земской деятельностью... [16].

«Главнейшие биографические даты...» [1943 г. Боровое]

»«

... Был вчера (из Вернадовки) Сергей Иванович⁶⁶, по его я видел совсем мельком, то он, то я были заняты, теперь у нас больше 37 столовых, т. е. кормятся нами около 2000 человек, мы решили вести деятельность дальше, т. е. не расширять дело в захваченном районе, а расширять район, чтобы оказывать помощь наиболее

⁶³ Место написания установлено по содержанию (ААН СССР, ф. 518, оп. 7, д. 39, л. 4—5 об.).

⁶⁴ Шевченко Тарас. Киев, 1961, т. 1, с. 328.

⁶⁵ Место написания установлено по содержанию (ААН СССР, ф. 518, оп. 7, д. 39, л. 7—8 об.).

⁶⁶ — Шаховской.

нуждающимся. У нас там теперь около 10 человек, и теперь еще легче доставать людей...

... Сегодня поехал туда еще студент — медик Еленевский. Пантелеев закупает на наш район 500 лошадей (мы мечтали всего о 200!) и 100 прямо отдает нам, а остальных будет помещать сообща... [17].

Из письма к Н. Е. Вернадской 4 марта 1892 г. Москва

»«

... Сегодня я мало работал или, вернее, работал вполне безалаберно, но мысль все более сосредоточивается, и я начинаю сознавать красоту — гармонию — [гармонию] известной выдержки в своей работе и чувствую, что скоро введу все в рамки. Тут мне поможет мое упрямство...

Из письма к Н. Е. Вернадской 6 марта 1892 г. Москва

»«

... Я эти дни страсть расписался: вот уже 107-ое письмо в 33 дня! Вчера написал 7 писем, да сегодня это уже 6-ое.

Из письма к Н. Е. Вернадской 8 марта 1892 г. [Москва]⁶⁷

»«

... Об И. А.⁶⁸ пишу, по больше рву — такая вещь не может писаться по приказу. Какое-то тяжелое настроение налагает смерть Шуры и И. А. Тяжело, грустно, а между тем чувствуешь сознание долга, долга наложенного их чистой безупречной личностью и желанием и в памяти остаться вместе с ними. Точно связан с ними и после их смерти, и связь эта в воспоминании усилилась и углубилась. Мне они часто вспоминаются, и часто щемит сердце...

Сегодня вернулся из С.-Петербурга Сергей Шаховской. Николай Михайлович выдал ему 15000 рублей и был страшно любезен⁶⁹. Он расспрашивал его около часа, говорил, что он хочет знать все подробности, что страшно хотел бы ехать сам и огорчен, что его («нас») не послали вместе с другими гвардейскими офицерами... Он выразил удовольствие, что мы не присоединились ни к какому комитету.

... Я все глубже начинаю понимать, как важен этот

⁶⁷ Место написания установлено по содержанию (ААН СССР, ф. 518, оп. 7, д. 39, л. 13а).

⁶⁸ — Клейбер.

⁶⁹ Великий князь выдал деньги для борьбы с голодом в Тамбовской губернии.

год для русской интеллигенции: какая школа для общественной самостоятельности и для развития энергии! Знаешь — теперь почва для масонских лож нового типа, как было после 12-го года. Их не было в 1860-х годах лишь вследствие того, что тогда открылось новое поле. Я очень занят последнее время мыслью об этом.

Работал для Докучаева немного, как-то вяло, плохо работается — как-то нет рамок, да и мысль фантазирует и рвется куда-то не туда, куда надо. Читал довольно много, а интересного мало... Хочется и чувствую потребность хорошей музыки и театра, но не знаю, соберусь ли. Без тебя так часто мне грустно и больно за себя. Больше на свой дилетантизм и на свое легкомыслие, а между тем начинаешь чувствовать долг по отношению к дорогим покойникам. Или это заменит религию или создаст ее в культе сознания тесной связи в одной гармонии, в одном общем стремлении? Но теперь нужны были бы мощные, сильные руководители. Право, нужны бы ловцы людей. А где они?..

Из письма к Н. Е. Вернадской 12 марта 1892 г. Москва

»«

... Читаю теперь много, как всегда среди работы, больше по изящной литературе. Прочел «Bleak house» Диккенса⁷⁰, «Вильгельма Телля» Шиллера⁷¹ и читаю «Сатирикон» и другие отрывки Петрония⁷²; несмотря на массу цинических сцен и мест, это сочинение удивительно живо и сильно рисует среду, когда было написано (времена Нерона), и читается с большим и глубоким интересом. Гораздо больше дают подлинные памятники, чем всякие изложения... В «Contemp. Revue» была интересная статья Ланина «The Tsar Persecutor» — в защиту штунды⁷³ — пользовался русскими материалами, а между тем многое очень новое, тяжелое. Прочла ли ты несколько времени⁷³ из «Гражданина» о преследованиях буддистов в Сибири — насильственное крещение и т. п.? Тут опять то же самое. Интересна основная мысль Ланина: помощи штундистам вследствие их преследований со стороны их английских единомышленников; он указывает на существование анало-

⁷⁰ Dickens Ch. Bleak house. London, 1960, v. 3.

⁷¹ Шиллер Фр. Вильгельм Телль. СПб., 1858.

⁷² Петроний А. Сатирикон. М., 1913.

⁷³ — так в подлиннике.

гичных религиозных движений среди англичан и американцев. Если образованные верующие люди, а таких много, конечно, среди англичан и американцев (как странно, что так мало среди русских!), придут на помощь, это важное течение вступит в другой фазис. Преследование вызывает защиту, а теперь нельзя отделиться китайской стеной — все в мире народы идейно соединены. Для меня ново было указание на эмиграцию штундистов в Румынию... Я думаю, православие как религия красивее протестантизма, но не православие — гонитель и инквизиция. Неужели все лгать — я гнусь и чувствую, прямо больно, всем существом своим ощущаю и чувствую цепи раба на себе и всех!..

Из письма к Н. Е. Вернадской 17 марта 1892 г. Москва

»«

... Я очень рад твоему интересу к реформации. Одно время Ульрих фон Гуттен (в моем юношестве) был одним из моих любимых героев. Я купил и пришлю тебе Burckhardt'a⁷⁴ — там, а равно у Фойгта, ты ознакомишься лучше всего о гуманизме⁷⁵, а затем надо читать памятники: письма Ульриха фон Гуттена⁷⁶, лучшие вещи Эразма (например, «Похвалу Глупости»)⁷⁷ и тому подобное. Знаешь драму Лассалья о Франце Зиккингене?⁷⁸

Я глубоко убеждаюсь в единстве человеческой истории и в непрерывности процесса развития человеческой личности: менялась одна форма и изменялась лишь глубина человеческого интереса. Для меня с этой точки зрения очень интересна история таких народов (каковы персы), где несомненно развитие при сохранении силы живучести народной личности среди разнообразных веков. Нет, думаю, ничего сильнее, как сила идеи: она всем движет потому что есть всегда у ней искренние поклонники и потому что всегда для массы неискренних является выгодным пользоваться экстазом или увлечением искренних людей. Не знаю, ясно ли высказал тебе мысль мою.

⁷⁴ Burckhardt J. Gesammelte Werke. Die Kultur der Renaissance in Italien. Berlin [1957], Bd. 3.

⁷⁵ Фойгт Г. Возрождение классической древности, или первый век гуманизма. М., 1884—1885, тт. 1—2.

⁷⁶ Гуттен У. Письма темных людей. М., 1907.

⁷⁷ Эразм Роттердамский. Похвала глупости. М., 1840.

⁷⁸ Лассаль Ф. Франц фон Зиккинген. Историческая трагедия в 5-ти действиях. СПб., 1873.

... Дедо⁷⁹ у нас в общих чертах до распутицы закончено: хлеб всюду перевезен, склады устроены, корм лошадям роздан, лошадей начинаем раздавать. Отношения сохраняются по-прежнему хорошие. Только усилился полицейский надзор: урядники, становые и т. п., по этому надо было ждать. Хорошо, что это началось, когда в главных чертах дело закончено и остановить его невозможно. Из повых людей не вполне удачно: Золотарев, который не может выносить картин беды, плачет — совсем первыми расстроен.

Из письма к Н. Е. Вернадской 20—21 марта 1892 г. Москва⁸⁰

»«

... Я думаю так распределить лето, чтобы иметь 1 месяц свободным, провести его с тобой и пройти термодинамику и некоторые отделы проективной и начертательной геометрии, которые мне нужны для диссертации, а также, чтобы заняться кое-какой сводкой для того же самого...

Из письма к Н. Е. Вернадской 22 марта 1892 г. Москва

»«

... Сегодня Половцев был у Петрункевича и отзывался с большой похвалой о Шаховском и Келлере. Он говорил, что в Моршанском уезде благодаря широкой частной помощи вообще положение лучше и что худшее положение в Тамбовской губернии в Спасском уезде...

... Началось маленькое дело у нас — помощь 30 — 50 человекам в месяц, а разрослось совсем в большое!

Я теперь поглощен другим, которое займет м. б. весь будущий год. Вопрос идет об издании журнала⁸¹. Я уже тебе писал, что один господин желает положить на это дело 20 тысяч рублей, а теперь сюда приехал Тельнихин, который желает передать свой журнал («Помощь самообразованию») [18] в Москве. Мы теперь ведем переговоры...

... вопрос о редакции (намечаются: Иван Ильич⁸², Герценштейн, Миклашевский, я, Корнилов), журнал будет выходить 4 раза в год... В журнале не будет беллетристики. Он должен заключать статьи по истории, критике, философии, общественным и естественным наукам... Журнал должен иметь определенную физионо-

⁷⁹ — организация борьбы с голодом в Тамбовской губернии.

⁸⁰ Письмо писалось в течение 2-х дней.

⁸¹ Издание задуманного журнала осуществлено не было.

⁸² — Петрункевич.

мию. Он должен выражать известное стремление положительных идеалов. Я думаю, что отличие всего теперешнего течения, к которому и мы принадлежим, то, что это течение синтетическое, стремящееся создать новые формы деятельности, выставляющие определенные положительные требования к жизни и т. п. Если это осуществится, то в будущем году — масса работы, масса хорошей работы!

Из письма к Н. Е. Вернадской 24 марта 1892 г. Москва

»«

... В общем у меня плохое настроение, частью вследствие экзаменов. Я, между прочим, чувствую себя плохо и потому, что пропускаю всех без различия. А между тем резать учеников Толстопятова я не мог, т. к. по совести не верю, чтобы Толстопятов знал минералогию, и знаю, что он не мог посредством его учебных пособий дать ясное понятие об основных явлениях науки. Как же я могу требовать с них? А между тем такой экзамен — разврат, ложь — все, что хочешь! Как тут быть, я не знаю, и никогда бы не поверил, если бы сам не испытал, какое зло эти государственные экзамены и как понизился уровень студентов в них! Болит сердце, вдумываясь в это. Я много переговаривал с Павловым и думал сам о постановке преподавания; через год мы войдем в факультет с запиской и попытаемся распределить иначе занятия на своих курсах.

Я думаю ввести практические занятия etc, по для этого мне надо разбить курс на два года, т. к. в один год получается лишь каша в голове, не привыкшей к геометрическим представлениям и к наблюдению. Самое удобное было бы ввести на 2 и 3 курсах минералогию, но, если я введу преподавание на 3 курсе, то должен буду экзаменовывать в государственных комиссиях, от чего, боже, упаси, а потому надо распределить на 1 и 2-ой курс — это несколько менее удобно. В будущем году я выработаю проект и войду в факультет с просьбой дать мне средства для покупки микроскопов и т. п. Теперь много об этом думаю. Мне хотелось бы летом побывать с этой целью в Германии и Австрии. Вместо лекций издам в будущем году конспект, таблицы, а преподавание оживлю демонстрацией и опытом. Какая разница между теперешними моими слушателями и сдающими государственный экзамен. Не сумели воспользоваться материалом, или контингент улучшается? И так

уже написал много, а Докучаев прислал 5 листов корректуры! Да еще и другой работы по горло...

Из письма к Н. Е. Вернадской 14 апреля 1892 г. Москва

»«

Все это время я много думаю-гадаю, правда, урывками, о том, как расположить лето. Чувствую, как важно было бы остаться здесь и проработать над диссертацией, стать вполне, окончательно на ноги в университете.

... Много думал я это время вот над чем: необходимо дальше работать в деревне, и я ставил бы следующую цель — поставить людей, добиться в том районе, какой захвачен нашей помощью того, чтобы через 10 лет не было в нем безграмотных.

Корнилову придется, верно, выбираться в мировые судьи, и тогда надо ему строить ценз из Вернадовки, а это еще больше свяжет нас с этой местностью. Я вполне убежден, что силу может составить там наше братство...

Из интересного прочел недавно статью об Аврааме Линкольне... Личность гуманная Линкольна глубоко захватила. Это то, что называется героем во все времена, и во многом человек будущих демократий. Вашингтон и Линкольн — два очень схожих идеалиста во власти...

Из письма к Н. Е. Вернадской 19 апреля 1892 г. Москва

»«

... Пишу тебе вечером, вернувшись от Павловых, где сегодня было пение, давно не слышал его, слушал с удовольствием, пела новая здешняя певица Зотова, да и у самого Павлова прекрасный голос. Сегодня же утром был на выставке, устроенной из частных коллекций Москвы в пользу голодающих. Есть великолепные вещи, как Куинджи, Фортуну, Dias. Этих испанцев я вижу впервые, а Куинджи — лучшая его картина, какую я видел. Много старых мастеров — очень хорошие, вещи Гольбейна, Мурильо, Рюисдаля, Грёза, Кейпа. Сидра я вижу впервые, и он произвел на меня очень сильное впечатление. Посещение выставки как-то дало мне спокойное настроение, очень высокое. Вспоминалось многое, что переживал при посещении Лувра и Пинакотеки п, к удивлению, я не забыл, и целые образы и картины в ясных и целых красках восставали предо мной. В них есть что-то, что сильно и глубоко влияет на душу человека.

Здесь было великолепное собрание портретов старых и новых мастеров, как старинных русских — Левицкого, Боровиковского, так и великолепные образчики работы Лампи. Никогда не думал, чтобы в Москве были такие собрания, а самое большое кн. Оболенского, говорят, и не представлено. Я весь под впечатлением виденного...

Из письма к Н. Е. Вернадской 20 апреля 1892 г. Москва

»«

... все, с кем я ни говорил, относятся очень сочувственно к моей мысли об устройстве кружков с целью добиваться полной грамотности в определенном районе.

Что если бы покрыть сетью таких кружков значительную часть Руси?

Из письма к Н. Е. Вернадской 28 апреля 1892 г. Москва

»«

Совсем был завален разными счетами⁸³, считал почти с утра до вечера вместе с Сергеем Шаховским, Келлером и Митей⁸⁴. В общем мы еще не вполне разобрали все счета, но в общем привели все в большую ясность. Для окончания дела в тех размерах, в каких оно ведется, нам надо будет еще до 7—8 тысяч, а есть возможность свободно иметь больше этой суммы... Всего у нас теперь в районе почти 80 верст, находится 119 столовых, в которых кормится до 5700 человек... мы начали продажу хлеба... Всходы хороши, и если будет дождь, можно ждать урожая... [19].

Из письма к Н. Е. Вернадской 1 мая 1892 г. Москва

»«

... Мне хочется кончить те аналитические пробы, какие я делаю для Докучаевского отчета⁸⁵, часть взял делать Кислаковский.

Вчера в первый раз настоящим образом работал для диссертации. Работал по обоим темам⁸⁶, но думаю, что остановлюсь на вопросе о полиморфизме азотнокислых солей в связи с общей теорией полиморфизма; тут ясна для меня дорога, по которой надо идти, а в другой теме, несмотря на ее заманчивость, сам план должен выработаться. Вчера мне удалось получить новую разность

⁸³ Комитета помощи голодающим в Тамбовской губернии.

⁸⁴ — Шаховской Д. И.

⁸⁵ Кременчугский уезд. СПб., 1892.

⁸⁶ — см. в данной книге с. 161.

одной из азотнокислых солей, которую я случайно добыл еще в Париже, и с тех пор, несмотря на все мои здесь попытки, никак получить не мог. Если работа пойдет, то я убежден, что получу результаты довольно общего характера. Много работы будет и для вступительной главы, где я думаю связать явления полиморфизма с общими вопросами механики твердых систем и с теориями строения твердого вещества вообще...

Из письма к Н. Е. Вернадской 3 мая 1892 г. Москва

»«

... Вот мой вчерашний день: накануне очень плохо спал (не спал до часов 4!) и проспал — встал в 10 часов и сейчас же отправился к Петрункевичу, где просидел до 3 $\frac{1}{2}$ часов, поправляя и проверяя счета по нашему делу⁸⁷; очень они безалаберны у Келлера. После обеда с 4 $\frac{1}{2}$ до 9 часов просидел в лаборатории... Вернулся домой и пришлось еще просидеть со студентом, который, вероятно, отправится к нам на место⁸⁸. Вечером поправлял лекции. Сегодня день будет вроде этого: опять до 3 часов буду у Петрункевича (еще не кончили!), затем часа 4 буду работать в лаборатории (я положил работать непременно минимум 4 часа в лаборатории — все выходит минимум) ... а затем еще отправка Келлеру денег, поправка лекций, письменных экзаменационных работ (вот новость — в наше время в Университете extemporalia⁸⁹ не было, а новым уставом введены!) и пр. Так что весь день сплошь будет занят. Я на днях кончу совсем Докучаевские анализы⁹⁰ и буду работать более специально для своей работы, а так теперь думаю, я, кажется, нашел более ясную формулу основной идеи полиморфизма; мне думается, что возможно найти термический закон механики твердого тела, совершенно аналогичный тому, какой лежит в основании теории тел газообразных...

... Мне кажется, должно быть аксиомой: воспитание человека может быть основано только в связи с изучением жизни, идей, истории человека же. Я не отрицаю значения естественных наук и не говорю, что им не

⁸⁷ — помощи голодающим Тамбовской губернии.

⁸⁸ — в Тамбовскую губернию для борьбы с голодом.

⁸⁹ — письменная экзаменационная работа (лат.).

⁹⁰ См. подстрочное примечание 85.

надо учиться, сам занимаюсь тем, что учу им, по думаю, что на них не может быть основано воспитание.

Из письма к Н. Е. Вернадской 5-6 мая 1892 г. Москва⁹¹

»«

Все время надо успешно работать над диссертацией.

Мне ее хочется написать для тебя. В общем плане у меня есть, и весь вопрос в том, как ее разработать. В введении я хочу поместить очерк теоретических воззрений на строение твердого вещества, и над ним надо много работать. Начал проходить термодинамику по Лихманну и хочу пройти и прочесть лучшие вещи за лето. К концу мая кончу анализы Докучаеву (войдут в сводный том)⁹² и буду свободен...

... У меня намечается план статьи об enfant terrible⁹³ XVII Гуке — этом гениальном неудачнике, ведшем борьбу за приоритет с Ньютоном. Он первый дал начало современной теории кристаллов. Его биография чрезвычайно интересна с точки зрения научных методов...

Из письма к Н. Е. Вернадской 15 мая 1892 г. [Москва]⁹⁴

»«

Дорогая моя родная Тутя, очень я рад, так жду каждого письма твоего. Я сроднился с каждой твоей мыслью, и мне твои мысли, твоя чуткая душа красят жизнь. Я непременно буду в Полтаве до августа, когда — еще не знаю, т. к. совсем неясно представляю себе распределение работы...

... Какая важная вещь гигиена мысли. Мне кажется, это важнее всего в жизни, потому что этим достигается стремление к гармонии и чувство гармонии создается человеком этим путем. Надо не позволять себе думать о всем дурном, что пришлось сделать, нельзя отвлекать исключительно в сторону личных, мелких делишек, когда кругом стоят густою стеною великие идеалы, когда кругом столько поля для мысли среди гармонического, широкого, красивого, когда кругом идет гибель, идет борьба за то, что сознательно сочла своим и дорогим наша лич-

⁹¹ Письмо писалось в течение 2-х дней.

⁹² См. подстрочное примечание 85.

⁹³ — сорванец (фр.).

⁹⁴ Место написания установлено по содержанию письма (ААН СССР, ф. 518, оп. 7, д. 39, лл. 63—64 об.).

ность. Я даже стал набрасывать «Наброски о гигиене мысли», если что выйдет, приплю тебе.

Я читаю Толстого — прочел его Севастопольские рассказы, военные очерки и теперь читаю Крейцерову сонату. Для меня встает вся его личность, по-моему, удивительная по своей неизменности: и в мыслях о Севастополе и Кавказе, и в «Войне и мире» и всюду в новых произведениях — это все тот же человек, чуткий, сильный. Основная черта — боль вследствие неимения глубокой веры в цельность жизни, вдумчивость и пр. всюду проглядывают. Крейцера соната, думаю (не кончил еще), сильное замечательное произведение...

Из письма к Н. Е. Вернадской 27 мая 1892 г. Москва

»«

... Я не отрицаю существования абсолютных этических правил, хотя и не утверждаю, что они действительно существуют. Я утверждаю, однако, что если они существуют, то должны быть выражены в формулах, гораздо более общих, — таких формулах, которые могли бы давать разное решение для различных личностей. В наших всех этических правилах вместо личностей поставлены алгебраические величины и, очевидно, правила, верные по отношению к алгебраическим величинам, окажутся неверными по отношению к живым личностям — постольку неверными, поскольку абстрактная алгебраическая личность отличается от живой личности...

Я вообще не понимаю деления любви на какую-то «чувственную» — животную и на какую-то возвышенную — идеальную. Мне кажется, вообще представление о чувственном, животном у нас является чем-то, право, комичным. Несомненно, бывают иногда болезненные проявления чисто чувственной страсти, такое направление даже воспитывается нашей обычной жизнью — как, например, той же проституцией, той же светской «барышнической» жизнью и т. п., но в существе проявляется в жизни совсем иное, и когда мы говорим о любви, то мы видим проявление иного. Неужели это только проявления чисто «животного» элемента — все произведения поэзии, скульптуры, живописи, музыки, вызванные «чувственной» любовью, наконец, вся жизнь молодых личностей, которые впервые сживаются вместе и переживают во всем новое, неожиданное. Все дело лишь в том, насколько она вообще высока личность каждого

из любящих, и насколько они равны между собою. Но совершенно то же мы видим всюду: в дружбе, в общем разговоре, в общем времяпровождении и т. п. всюду изменность природы или малая культура наложит все тот же отпечаток пошлости. Мне кажется, пора не смотреть на «тело» как на что-то презренное, и пора избавиться от узкого христианского (или монашеского) деления на дух и тело. Настоящая душевная жизнь, настоящая идейная сторона жизни состоит именно в использовании лучших сторон и тела и духа.

Из письма к Н. Е. Вернадской 4—5 июля 1892 г. Москва⁹⁵

»«

... Одна сила и одна мощь — идея. Я теперь читаю Платона. Пир (или о любви) непременно прочти, я привезу. Мне так дорого, что в тебе сильна, красива гармония мысли и что так много хорошо ты мыслью живешь...

Из письма к Н. Е. Вернадской 6 июня 1892 г. [Москва]

»«

... Мы пока вводим кипяченую воду во все столовые, будем ее раздавать, необходимы дезинфекционные средства. А их теперь почти нельзя купить! Нигде нет! Гром не грянет, мужик не перекрестится!

... А Русь могуча, жива, и сколько, боже мой, силы гибнет в ней непродуцируемо. Кликни клич!

Из письма к Н. Е. Вернадской 25 июня 1892 г. с. Никольское

»«

Холера пробирается сюда, и сегодня есть известия, что она в Самаре. Будем стараться принять ряд мер, а между тем теперь все страшно устали и нервно расстроены — и, в сущности говоря, встретят беду без сил...

Из письма к Н. Е. Вернадской 28 июня 1892 г. Вернадовка

»«

... Я вполне не сочувствую тому настроению, какое пробивается в твоём письме, и считаю очень пагубным страх везде, как в личной, так и в общественной жизни. Мне кажется, что деление на важные общественные и неважные «личные» дела по отношению дозволительно-

⁹⁵ Письмо писалось в течение двух дней.

сти ломать жизнь из страха какой-то беды — чисто софистическое, и едва ли можно быть искренним общественным деятелем, строя всю личную жизнь на начале трусости... Я не понимаю, отчего если гражданское чувство мое разделяется другими, я имею право быть без страха как мотива поступков, а если не разделяется, то должен подчиняться, изгибаться, лежать во прахе — рабом!

Насколько можно рассчитывать, эпидемия холеры продлится, вероятно, в России несколько лет. Неужели все эти года быть наподобие овец, сбившихся в кучу в виду опасности, или куриц, соединяющихся вместе при виде ястреба и ожидающих, кого он вытащит и вытащит ли. Ни курицей, ни овцой я быть не хочу и не хочу, чтобы ты ими была...

Из письма к Н. Е. Вернадской 8 июля 1892 г. Москва

»«

... Хочется, чтобы скорее кончилось лето, столь тяжелое. Так, даже к лекциям не могу готовиться — эта отчаянная масса всякой возни и хлопот. Твои страхи как повод поведения мне очень не нравятся, я понимаю, что можно бояться — это уже такое чувство, но укладывать жизнь из страха — совсем скверно...

Из письма к Н. Е. Вернадской 10 июля 1892 г. Москва

»«

... В свободное время я читаю теперь Щедрина: дневник провинциала, Бунге: физиологическую химию и т. п. Дневник провинциала ужасно много дает, и удивительно, как тогда (в начале 1870-х гг.) можно было ждать того, что теперь приводится в исполнение. Если бы нашелся великий талант и написал статью по поводу выхода сочинений Салтыкова. Сколько живого, сколько в них сильного...

Из письма к Н. Е. Вернадской 12 июля 1892 г. Москва

»«

... Искусство по самой сути своей есть отвлечение и всегда имеет дело с общими понятиями, а не с конкретными случаями... Поэтому абсолют так отражен в искусстве и вечен. Я начал было набрасывать свои мысли, но все не доволен и порвал...

Из письма к Н. Е. Вернадской 16 июля 1892 г. Москва

»«

... Важно пытаться сжимать свои мысли в краткие максимы. Не лучшие ли это методы для дисциплиниро-

вания ума и способности ясного мышления и ясной речи. Ведь в кратком образе личное понимание ясности имеет наибольшее общее с ясностью, по мнению современников, а следовательно, привыкаешь и им говорить понятно...

Из дневника... 14 августа 1892 г. Яковцы

»«

... Какая великолепная вещь «Дон-Кихот». Как много гуманного, как много затрагивается таких вопросов, которые вечно юны, т. к. для всех веков и всех народов они одни, т. к. глубоко лежат в природе человека...

Из дневника... 17 августа 1892 г. [Яковцы]

»«

... На днях решится, сколько я здесь останусь. Дорогой прочел книгу «Анненков и его друзья»⁹⁶. Какая масса роится мыслей, сколько интересного в переписке и очерках о Герцене⁹⁷. Самые интересные письма В. Боткина, напрасно их не прочла⁹⁸. У меня много аналогий с кружками нашего времени, но есть существенное и печальное для нас отличие, и вот оно. Мы люди более формы, чем они, т. к. для нас в переписке все лучшее не потому, чтобы мы не могли пропагандировать публично наши мнения, а потому что не хотели (т. е. «не решались» — какое постыдное и мерзкое слово: для меня оно отвращает воспоминания о всем нашем прошлом), переписка же людей сороковых годов глубоко интересна лишь потому, что цензурные условия того времени вполне мешали иному продвижению мысли. И м. б. во многом нам будет стыдно, что наша лучшая мысль прошла лишь в переписке да в толках с друзьями. Сравни у сороковых: какая у них всюду страсть к литературе, как ясно сознание ее необходимости, единственного средства влиять на общественное мнение. Мы перед ними формалисты. Мы «чище» их в жизни — мы много болтали о малых тратах, не пили шампанского, когда могли, не ели роскошных ужинов и т. п. Они все это делали, но они много, много выше нас, потому что мы в узком мировоззрении своем истратили слишком много времени на толки о таких вещах, которые не позволили нам заняться другим (забыли о гигиене мысли).

⁹⁶ П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835—1885 годов. СПб., 1892.

⁹⁷ Там же, с. 1—111; с. 625—632.

⁹⁸ Там же, с. 516—581.

Еще резче бьет 3-я разница между нашей и их мыслью. Мы все обсуждали со своей, узкой эгоистической точки зрения: что нам делать, что мы хотим etc. — они обсуждали все с широкой точки зрения: что людям надо делать, что нужно для идеи, во имя человечества и тому подобное.

А между тем я думаю, что среди нас есть люди, из которых могли бы выйти недюжинные силы. Слишком много в нас и в нашем кружке стремления к маленькому практическому делу, слишком мало понимания простой идеи, слишком мало веры и, боже, как это гадко и как это тяжело. . .⁹⁹

Из письма к Н. Е. Вернадской 30 августа 1892 г. Вернадска

»«

Сегодня кончил разные хозяйственные дела. Мысль, однако, упорно мыслит о произволе, и всюду, всюду встречаешь его. Мне кажется, именно на таких житейских делах и надо втолковывать правильные правовые понятия. Не смело ли мечтать мне, не юристу, браться за это? Но ведь раз ясны основы, то остальное нечто иное, как логический вывод из них: в этом и красота и интерес юридического мышления.

Из дневника. . . 31 августа 1892 г. Вернадска

»«

Вдумываясь в окружающую, будничную жизнь, мы можем наблюдать в ней проявление основных идей и верований текущего и прошлого поколений, можем видеть постоянное стремление человеческой мысли покорить и поработить себе факты совершенно стихийного на вид характера. На этой будничной жизни строится и растет главным образом основная сторона человеческой мысли. Быстро исчезает человеческая личность, недолго относительно хранится любовь окружающих, несколько дольше сохраняется память о ней, но часто чрезвычайно долго в круговороте текущей, будничной жизни сказывается ее мысль и влияние труда. . .

Коллективной работой массы людей жизнь человеческих общин и самого человечества получает стройный характер. . . Такой законообразный характер (сознательной работы) народной жизни приводил многих к отрицанию влияния личности в истории, хотя в сущности

мы видим во всей истории постоянную борьбу сознательных (т. е. неестественных) укладов жизни против бессознательного строя мертвых законов природы, и в этом напряжении сознания вся красота исторических явлений, их оригинальное положение среди остальных природных процессов. Этим напряжением сознания может оцениваться историческая эпоха. . .

Каждая личность в своей жизни является отдельным борцом проникновения сознания в мировые процессы, она своей волей становится одним из создателей и строителей общего закона, общего изменения, изменения сознательного, тех или иных процессов и этим путем участвует в глубоком процессе переработки мировых явлений в целях, выработанных Сознанием. Силы личности и влияние ее, понимание ею жизни (а тут работа над пониманием есть сама по себе общественное дело великой важности для всякой личности, не живущей на необитаемом острове) увеличиваются по мере вдумывания в процессы будничной жизни. . .

Общество тем сильнее, чем оно более сознательно, чем более в нем места сознательной работе по сравнению с другим обществом. . .

Из записок. . . август 1892 г.

»«

. . . Сегодня 6 лет нашей свадьбы. . . Эти 6 лет — такие хорошие годы. Мне хочется лишь одного для лучшего гармонического житья — это большей производительности той работы мысли, какую мы ведем с тобою, большего внедрения в жизнь во имя дорогих для нас великих идеалов. Этого особенно нет у нас всех, и у нас в частности. А это, вероятно, самое важное, чем держится и чем значит семья в жизни — не личной, а родовой.

Из письма к Н. Е. Вернадской 3 сентября 1892 г. Москва

»«

. . . Работаю мало — много времени берет уборка, страсть сколько, особенно с книгами. Читаю, впрочем, кое-что, да и настроение неважное. Читал, кроме новинки в журналах, трагедии Эсхила, а вчера свое плохое настроение изгонял чтением милого Пиквика, еще с интересом читал сборник, изданный Хорватской академией в память Босковича, одного из малоизвестных в широкой публике гениев, воззрения на строение вещества

⁹⁹ Отточие В. И. Вернадского.

которого все более и более получают значение, мне весь строй мысли этого иезуита очень симпатичен...

Из письма к Н. Е. Вернадской 12 сентября 1892 г. Москва

»«

Работается плохо. Неужели мысль-критика не дает работать, как следует? Ведь главное лень — лень опыта, лень всякой такой работы, которая в сущности единственная может дать возможность идти дальше.

Может быть поездка за границу, о которой мечтаю, освежит. Необходимо взять себя в руки и записывать день? Поможет ли?

Постараюсь вкратце. Сегодня в университете время почти прошло даром — на разговор о необходимых перестройках и необходимой организации работы потратил больше, чем следует, отчасти вследствие того, что хотел смягчить некоторые свои требования к Кислаковскому, который слишком, по-московски, начинает самостоятельно хозяйничать. Отчасти какая-то лень. Пересматривал новые кристаллы Сабанеева больше для проформы. Утром написал кое-какие письма, главным образом убрал книги — главную помеху?...

По возвращении из университета все время читал Athenaeum¹⁰⁰ [20], частью просматривал статьи «Вестника Европы» (август — прочел лишь Теплова о Турции)¹⁰¹.

Лишь к вечеру сел за работу над первой лекцией, о ней думаю урывками все время. Чувствую, что смогу, но надо смелее. Надо желать убедить, а то все мертво, а вследствие такого сознания становишься смелее в своем изложении. Тогда, коли нападут, защитишься.

Кое-что (мало) набросал. Читал Schönflies'a¹⁰², ... Dickens'a Pickwick'a¹⁰³, который раз читаю. Он так успокаивает.

Грубая жизнь с ее грубыми радостями, как семья английского¹⁰⁴, и в то же время всюду, всюду сквозит более глубокое, красивое — то, что дает жить. И так всюду — в такой среде особенно ясно. Так у Плавта,

¹⁰⁰ Athenaeum, Bd. 4—3. Berlin, 1798—1800.

¹⁰¹ Теплова В. А. Кольч—Алтай. — Вестник Европы, 1892, июль, с. 163; август, с. 628.

¹⁰² Schönflies A. M. Krystallsysteme und Krystallstruktur. Leipzig, 1891.

¹⁰³ Dickens Ch. Pickwick papers. London, 1960, v. 1.

¹⁰⁴ Далее слово написано неразборчиво.

Аристофана, Сервантеса — в «народных» произведениях. Это, пожалуй, наиболее сильное доказательство неизбежности прогресса...

Чтобы довести до конца мелкие работы и диссертацию, надо работать каждодневно в лаборатории, хотя бы 4 часа. Буду пытаться!

Из дневника... 12 сентября 1892 г. Москва

»«

... Сегодня в газетах извещение, что Третьяковы подарили Москве свои коллекции картин. Сохранение таких коллекций — великое благо для народа. Большая радость — новый важный фактор развития прибавился...

Из дневника... 16 сентября 1892 г. Москва

»«

... Лекции мои начнутся 24-го, я до сих пор не написал 1-ой лекции — все колеблюсь с сюжетом¹⁰⁵. Боюсь, что не справлюсь, как задумал раньше, хотя очень меня эта тема подзадоривает. Боюсь, что не решусь прочесть так и начну курс с кристаллографии. А хочется мне изложить связь представлений о строении материи и, в частности о строении кристаллов, от способа исследования. Теория автоматическая явится простым выводом из фактов, в пределах фактов, следовательно, не есть что-нибудь более доказательное, чем каждый отдельный факт...

Из письма к Н. Е. Вернадской 16 сентября 1892 г. Москва

»«

Боюсь, что мне придется, кажется, каждый день подводить такой итог: ничего не сделал! Оставлю его для себя лишь в мысли.

Сегодня главное время потратил на вычисления вещества Сабанеева. Главную черновую работу очистки наблюдений кончил, остались лишь вычисления, и то часть. Подготовил для отсылки напуг статью с Павловым¹⁰⁶.

... Нахожусь в настроении — набрасываю лекцию, но писать не могу, пишу проспект, ход мыслей, буду говорить. Знаешь, как всегда, когда интересуется что, я этим не могу заниматься, или должен работать урывками.

¹⁰⁵ См. запись из Дневника... от 20 сентября 1892 г.

¹⁰⁶ Вернадский В. И., Павлов А. П. Проект устава общества для обеспечения и организации русских общественно-исторических научных съездов. М., 1892.

Лекция будет, кажется, логическая... У меня послезавтра начало — две лекции подряд...

Из письма к Н. Е. Вернадской 19 сентября 1892 г. Москва

»«

Утром две лекции — кажется мне, что не неудачны, хотя иные слушатели пожевывали. В первой пазложил цели кристаллографии (исторические) и выяснил понятие однородности, во второй — о симметрии и теории кристаллов...

Из дневника... 20 сентября 1892 г. [Москва]

»«

Вечером был у Петрункевича с Миклашевским — подробно обсудили проект о газете¹⁰⁷, останавливаемся на еженедельной (недельное обозрение), на первое время (на год) надо около 20 тысяч. Для ежедневной — около 70 тысяч, надо справиться о ценах на разные части (через Нефедова), польза ли купить «Зори» [21]. С Герценштейном решили переговорить. Как редактор намечается Корнилов...

Из дневника... 18 сентября 1892 г. Москва

»«

Если не удастся с ним и если удастся купить газету, то станем издавать и достанем денег. О газете много думалось.

Газетам запрещено говорить, что бы то ни было, о соляном налоге!

Из дневника... 2 октября 1892 г. [Москва]

»«

... С Герценштейном о газете. Есть возможность купить «Вестник»¹⁰⁸ [22], бесцензурный с очень большой программой... Надо вести дело возможно осторожно. Странные времена: приходится некоторое время скрываться, чтобы цензура могла утвердить!

Из дневника... 10 октября 1892 г. Москва

»«

... Вчера выбран в губернские гласные (20 белых и 8 черных). Сегодня будет обсуждаться вопрос о закрытии школ и больниц — главная баталия, как нарочно головная боль. Я очень надеюсь не дать провести это предложение. Мне удалось привлечь нескольких из

¹⁰⁷ Газету В. И. Вернадскому издать не удалось.

¹⁰⁸ «Вестник» литературный, политический, научный и художественный.

стоявших за эту меру; вчера вновь выбранный председатель Управы положительно сказал, что он будет баллотироваться за сохранение школ, также и бывший председатель Управы согласился. Я могу рассчитывать на 17 человек из 28, но все эти счета — такая трудная вещь. Крестьяне гласные обращались ко мне с просьбой защитить школы.

... Вопрос о школах будет дебатироваться завтра. Трудно сказать, но я все более получаю надежду... И Вольский, и Чолокаев, и Ильин говорят, что они не ретрограды, всегда стояли и стоят за народное образование и только печальная необходимость...

Сегодня меня выбрали в члены ревизионной комиссии на будущий 1893 г. и в почетные мировые судьи. Выборы идут очень хорошо, т. к. я-де собранию понравился...

Из письма к Н. Е. Вернадской 27 октября 1892 г. Моршанск

»«

... Я очень рад, что приехал: сейчас в Комиссии¹⁰⁹, где я провалился, я явился единственным говорящим противником сокращения школ. Ввиду дефицита Комиссия большинством 8 против 4 (в том числе я) решила из 72 школ оставить всего 39! Народную медицину удалось отстоять. Есть все шансы отстоять школы в собрании, т. к. вопрос будет обсуждаться закрытой баллотировкой, а все крестьяне подадут голос за школы, да и некоторые из других будут стоять за них...

В Комиссии характерно: из 12 человек 3 крестьянина, они все-таки подали голос за школы, 8 дворян и образованных кушцов против... В Комиссию я попал 4-м (получил 20 голосов из 29 по запискам)... баллотироваться в губернские гласные буду, вероятно. Собрание печально тем, что в нем совсем мало сил и совершенная каша в голове, кроме может быть Чолокаева¹¹⁰. С ним я все время и сцеплялся...

Холеры здесь нет... В общем дело в следующем: в земстве дефицит 40 000 на будущий год (правительство требует возврата 40 000 из 80 000 рублей, выданных в прошлом году Моршанскому земству), да долга около 150 000. По-моему, выход: новый заем, ходатайство перед правительством об отсрочке платежа, ходатайство об

¹⁰⁹ — Моршанского земства.

¹¹⁰ — председатель земства.

ином поступлении земских делег... Чолокаев считает: население разорено — ему не до школ, но в общем у него другая звучит нота: земство — не филантропия и платить за других нельзя...

Из письма к Н. Е. Вернадской 25 октября 1892 г. Моршанск

»«

... В факультете прочтена бумага от министерства, запрещающая припимать окончивших курс в сибирских гимназиях на медицинский факультет, а равно допускать переход с других курсов университета на медицинский лицам, окончившим сибирские гимназии. Мотивируется это тем, что министерство имело в виду при учреждении Томского университета дать возможность сибирякам получать там образование. Проводится тот взгляд, что лица, кончившие гимназию в округе, должны там же кончать образование, между тем наблюдается стремление сибиряков в столичный университет.

Циркуляр совсем незаконен. Я очень подозреваю, что какая-нибудь так называемая «политическая» причина его вызвала. Откуда право министра вводить такие ограничения?

Факультет произвел на меня тяжелое впечатление. Какая-то чиновничья классность. Так и чувствуется гаситель и учитель в каждом лице. Вот интересная тема: вред нашей классической системы для самих учителей! Марковников громкогласно объявляет, что единственно ему важное для правильного хода — держать студента в страхе (экзамены)! Любопытное замечание времени: гвасной патриотизм. Вопрос идет о стеклодуве — хотят иностранца, Марковников заявляет, что есть русские лучшие, ему доказывают, что те плохи, и чувствуется, что это terrain brulant¹¹¹, т. к. и Соколов и Церасский, защищающие немца, ежатся. Церасский собирается за границу учиться новым способам etc., он считает необходимым заявить факультету, что вовсе он в своей Обсерватории не держится Запада, наоборот, старается проводить свое, но и т. д.! Вопрос идет об обмене изданиями с Accademia de Lincei¹¹² — Бугаев напирает, что и по-русски им может быть интересно etc. Все это мелко, пошло. Я думаю, что плохо дело, когда самим надо постоянно бахвалиться: мы стали, да мы стали¹¹³...

¹¹¹ — горячая почва (фр.).

¹¹² — Академия наук (ит.) (в Италии).

¹¹³ В подлиннике слово не дописано. Отточие В. И. Вернадского.

И какие все печальные силы! Как мало жизни, как душно, тяжело среди них, этих «людей науки».

Я думаю, есть времена, когда без вреда для самого научного знания нельзя стоять в стороне от кипучих вопросов жизни. Особенно теперь, когда вопросы науки тесно связаны со всем мирозерцанием и даже с самой техникой жизни. Не знаю — подбор ли это в здешних силах? Или это весь уклад жизни?

Другое чувство случайно получило у меня ясное выражение: надо точно узнать всю технику физических etc. опытов. Впрочем, в это я мало-помалу вхожу. И войду.

Из дневника... 25 ноября 1892 г. [Москва]

»«

... В 1892 году умер академик Николай Иванович Кокшаров¹¹⁴ (1818—1892). Я сталкивался с ним редко и был знаком внешне. Но в жизни моей он сыграл — в моей умственной работе — большую роль. И сейчас в той работе, которую я кончаю — о геологическом значении симметрии — его вспоминаю. Я встречал его в 1881—1887 в научных обществах и в 1887—1891 встретился как-то у С. Ф. Ольденбурга, когда он был непрременным секретарем. Мне кажется, я как-то с ним встретился в Горном институте, в музее?

Студентом (1882) я учился у Докучаева по его книжке «Минералогия»¹¹⁵, которая была в сущности кристаллографией... Но я прочел, мне помнится, внимательно его материалы для познания русских минералов — сперва русское издание и последнее тома на немецком языке. Точность этих работ, несмотря на резкое преобладание кристаллографических данных, мне стала ясна, и я увидел, что точные данные Кокшарова остаются, и в XX веке стоят же без поправок, как в 1850—1870 годах, когда они были получены; это было для меня особенно ясно, т. к. я тогда же и раньше, до отъезда за границу, изучал работы — многочисленные химические анализы очень известного московского минералога Германа и убедился... что из огромного труда

¹¹⁴ Вернадский В. И. Памяти Н. И. Кокшарова и А. В. Гадоллина. — Bulletin de la Société des naturalistes de Moscou, 1892, v. 6, N 4, p. 506—510.

¹¹⁵ Кокшаров Н. И. Материалы для минералогии России. СПб., 1852—1877.

Герман ничего почти не осталось. Даже для методик.
Герман ничего не дал.

Из «Хронологии...» 15—16 января 1943 г. Боровое

»«

... До 1892 года я вел обзор русских работ для Zeitsch[rift] für Krystallographie [und Mineralogie] [с 1888 г.].

«Главнейшие биографические даты...» [1943 г. Боровое]

1893

Овладел шведским языком для чтения научной литературы...

Из «Хронологии...» Запись без даты

»«

... Напечатал в «Комиссии домашнего чтения» (председатель Янжул, секретарь Орлова) указания для чтения по минералогии для широкой публики [23].

В эти годы я бросил работу над диссертацией по полиморфизму и только некоторые новые данные напечатал...¹¹⁶

«Главнейшие биографические даты...» [1943 г. Боровое]

»«

Сегодня утром у Ивана Ильича¹¹⁷ были Якушкин, Любощинский, Миклашевский. Поражает неясность основной мысли у многих.

Малая привычка действовать, но сверх того полное бессилие. Теперь все приходится начинать сначала.

Занимает много меня вопрос: ведь надо выступать с пропагандой своей идеи, надо убеждать людей изложением своих взглядов и критикой с этой точки зрения других, а не стараться втянуть их, не пугая.

Что это значит пугать? И не ведет ли это к гибели своих взглядов, к цензуре мысли?...

Хочется ясно выставить себе и другим свою программу. Надо ее оформить.

Для меня было новое: это всюду проникновение либеральных принципов в социалистические течения Ласкаля, Маркса и др. Любопытные указания на отражение

¹¹⁶ Вернадский В. И. О полиморфизме как общем свойстве материи. — Ученые записки Московского университета. Отд. ест.-ист., 1892, вып. 9, с. 4—18.

¹¹⁷ — Петрункевич.

прусского государственного строя в их теориях. Любопытны указания на иной ход развития капитализма благодаря развитию кампаний и т. п.

Мне кажется основой всего служить должен принцип демократии в самом обширном смысле этого слова.

Ясно, что можно сплотить, можно оживить русское общество лишь пропагандой идеи. Но идеей этой может быть что-нибудь широкое. Такова демократия.

Сознание и его значение в развитии человечества. Сознание и личность. Единственная форма общественности при свободе личности — демократия. Это высшая форма с точки зрения развития сознания...

Из дневника... 7 февраля 1893 г. Москва

»«

Вышла в свет книжка А. А. Корнилова «Семь месяцев среди голодающих крестьян» — отчет [24] о помощи голодавшим некоторым местностям Моршанского и Кирсановского уездов Тамбовской губернии 1891—92 гг. Типография Иноземцева на Арбате. Предисловие — «Январь 1893». Экземпляр подписан им: «Наташе и Владимиру от брата и друга». Москва, 19 февраля 1893 г. ...

Небольшое и совершенно частное предприятие неожиданно для нас самих превратилось благодаря количеству полученных нами средств в большое дело, имеющее несомненно общественное значение и в то же время вполне сохранившее частный, чуждый всякой официальности характер [25].

Из «Хронологии...» Запись без даты

»«

Целый день встречи с людьми. Какая обильная почва для наблюдений и сколько мыслей. Утром был Якушкин, говорили о декабристах, о русской истории, о «Русских ведомостях» [26]. У отца Якушкина должен быть значительный материал по декабристам — он нарочно служил в Сибири, чтобы видеться с ними (будучи юристом, поступил в межевые чины), знал очень многих из них. В [кассе], которая была у декабристов, он был главным заведующим. Родился он после ареста своего отца, деда Вячеслава Евгеньевича¹¹⁸.

Рассказал Якушкин о придирах к «Русским ведомостям», хотя и он тяготится безобразным поведением [пайщиков]. На днях у меня были переговоры с Щед-

¹¹⁸ — декабрист.

ровым о газете. Я ставил условия *sine qua non*¹¹⁹ — бесцензурность. Щедров согласился позже, когда узнал, что подцензурные газеты не имеют права ничего печатать о городских и земских делах без цензуры канцелярии генерал-губернатора. В «Русских ведомостях» «бесцензурной» газете все известия о Московской городской управе и московском земстве цензируются губернатором. Сипягин много вычеркивает. Известия о земских собраниях с мест корреспонденты часто дают цензуровать местным губернаторам.

Позже были братья Миклашевские. Разговор о провинции, земских начальниках. Земский начальник Бирюченского уезда¹²⁰ ввел во многих местах порку. Некоторые противились (под влиянием предводителя дворянства Шидловского) помощи голодающим etc. Отсюда цитга.

Был Стебут, покупал через нас сено. С ним очень интересные разговоры... Он противник общине и стоит за кооперативную эксплуатацию (артелями) хозяйства села как целого. Я лично противник общины, но главным образом как порабощающей личность. Много все-таки неясного. Были у Чупрова — собирал материал по голоду. У него удивительно мало: «Русские ведомости» не сохраняют корреспонденций, и масса драгоценного материала теряется. Разговор с ним и Стебутом о кредите и переселении.

Вечером пришел Митя¹²¹, очень возбужденный и толковал о Комитете грамотности [27]. Он весь под впечатлением борьбы, страшно возбужден, но ясна живая, чуждая личность его...

Читал по кристаллографии... исправил лекции медикам, писал письма.

Из дневника... 28 февраля 1893 г. [Москва]

»«

Среди полной всяким движением зимы и среди рассеянной жизни, какую приходится вести, мало записывал в эту тетрадь. А между тем мысль много работает и много дум носится. В сущности говоря, они носят в сильной степени характер самокритики. Отчасти уже чувствуется, что прошла первая пора жизни — уже мне

¹¹⁹ — неперемное условие (лат.).

¹²⁰ — Воронежской губернии.

¹²¹ — Д. И. Шаховской.

30 лет, а между тем, что я сделал, что я могу сделать, как ли построил свою жизнь, как это согласно с основными идеями, которые строят мою личность? Я ясно знаю, как надо многое делать, но не делаю. Теперь прошло почти два года после защиты диссертации — я не написал новой, я ясно сознаю необходимость работы в печати — и ничего не написал и пр. и пр. Всему причиною дилетантская лень. Или слабость, в сущности говоря, моего ума, лишь скользкого, фантазирующего? Или слабость воли? Недостаток работности?...

Надо работать над наукой серьезно, а я дилетант. Или уже такова моя судьба?

Из дневника... 14 апреля 1893 г. [Москва]¹²²

»«

... Был у нас Л. Н. Толстой — с ним продолжительный разговор об идеях, науке etc. Он говорил, что его считают мистиком, но скорее я мистик. И я бы им быть был бы рад, мне мешает скептицизм. Я думаю, что в учении Толстого гораздо больше глубокого, чем мне то в начале казалось. И это глубокое заключается: 1) основой жизни — искание истины и 2) настоящая задача состоит в высказывании этой истины без всяких уступок. Я думаю, это последнее — самое важное, и отрицание всякого лицемерия и фарисейства и составляет основную силу учения, т. к. тогда наиболее сильно проявляется личность и личность получает общественную силу. Толстой — анархист. Науку — искание истины — ценит, но не университет etc.

Любопытно, как часто в той или иной форме еще приходится защищать науку в обществе. Тихомиров в заседании Комитета грамотности (27. IV) выставил тезис против народных читален, что их надо не многим, а большинству надо школьные библиотеки, а потому народные читальни стране не нужны, и за ним идет толпа. В разговоре с образованными людьми (например, Ек. Н. Янжул etc.) сталкиваешься с желанием расширить низшее образование, а не высшее, [по] и уровень низшего низведен до *minimum*'а...

В городе говорят о приезде царя. Говорят, посетит клиники, посему погреба etc. осматривала Комиссия. Суд будет заперт на 2—3 недели, т. к. он помещается

¹²² Место написания установлено по содержанию (ААН СССР, ф. 518, оп. 2, д. 5, лл. 49, 49 об.).

в Кремле!! etc. Полиция усилилась. На днях были арестованы студенты на пикнике в Петровском-Разумовском за речи на вольном воздухе!

Вахтеров сообщил текст ответа губернского пристава на жалобу Наташи на отказ ей в разрешении открыть Воскресную школу. Очень любознательно согласились с ней. Вахтеров считает, что теперь этот циркуляр Делянова будет отменен. Вот не ожидал.

Толстой говорил о «Герцене», которого брал у нас, который на него произвел сильное впечатление («Это треть всей русской литературы», по его словам).

Из дневника... 29 апреля 1893 г. [Москва]

»«

Сегодня [12 мая] приезд царя. Москва разукрашена флагами, построены аляповатые арки, готовится торжественная иллюминация... В городе масса стеснений. В университетской клинике, где раньше была комиссия из полиции, шпионов и т. п., запечатаны погреба. С лиц, живущих на Театральной площади, по Моховой и другим улицам взяли подписку, что они не будут открывать окна во время пребывания царя, а если хотят видеть въезд, то позволяют лишь под ответственность домохозяйина и беря подписку, что в их квартирах не будет никого кроме них и указанных ими заранее знакомых. По некоторым улицам во все время пребывания царя запрещено ездить с чмодапами, и на вокзалы приходится объезжать издалека. Суд закрыт на все время. Масса [возни] и множество всяких стеснений. Это все заставляет даже смиренных и вполне «благонадежных» людей быть в это время подалеке. Приезд царя вносит много неудобств и стоит стране ой как дорого. А затем чувствовать себя рабом, которым помыкают как угодно! Экскурсия геологическая, назначенная на пятницу, отменяется по соображениям, что это опасно и т. д. и т. д.

Из дневника... 12 мая 1893 г. [Москва]

»«

Любопытно наблюдать теперь людей оппозиционного направления. Они как-то борются, не жертвуя. Может быть в этом и сила, в конце концов, нынешнего положения, т. к. значит корни в глубь жизни. В сущности во всяком движении всегда было так.

Среди студенчества Москвы наблюдаются разнообразные кружки, частью (немного) религиозные (православные, по сохранившие сознание необходимости прав по-

литических), частью чисто политические. Преобладают социал-экономические, но уже такие, для которых ясно и определенно сознана необходимость правового порядка. Наиболее энергичная часть ушла в движение, связанное с землячествами, и интересы вертелись на этом деле. Землячества [28] соединились в более крупную организацию (союз 22 землячеств), который сильно пострадал благодаря... доносам одного (Алексеева) из участвующих студентов члена бюро союза, а также благодаря разгрому Сибирского землячества. В общем это все то же, что было и в наше время, лишь организация теперь более ясна и добиваются ее сильнее...

Из дневника... 15 мая 1893 г. [Москва]

»«

...Вчера у меня кончилась первая серия экзаменов, а с понедельника и до воскресенья у меня экзамены будут без перерыва. Такое это неприятное дело...

Эти дни мало и неправильно читаю, главным образом готовлюсь к Крыму, но как-то все вяло...

Я много думаю о статье или речи весьма общего содержания, хочется мне обнять весь процесс образования минералов (химической жизни земли) и представить его как следствие поглощения энергии солнца, т. е. солнечной энергией поддерживается не только жизнь организмов, но и все изменения, химические, идущие на земном шаре, и сосредоточиваются они в очень небольшом слое — наружном. Я сведу массу земных процессов к немногим...

Из письма к Н. Е. Вернадской 21 мая 1893 г. [Москва]¹²³

»«

...Читаю теперь много по старой жизни Юга России — древности России Толстого и Кондакова... Как-то больно щемит сердце, когда вдумываешься в эти остатки старого быта, старой жизни, которая открывается нам в могилах. Куда все это исчезло? Совершенно ли пропала вся эта жизнь, от которой нам остались одни темные памятники...

Из дневника... 22 мая [1893 г. Москва]¹²⁴

¹²³ Место написания установлено по содержанию письма (ААН СССР, ф. 518, оп. 7, д. 40, лл. 10—11 об.).

¹²⁴ Год и место написания установлены по содержанию (ААН СССР, ф. 518, оп. 2, д. 5, лл. 51—52 об.).

»«

... Отчасти хорошо, что мы близко будем от университета — теперь у меня пропадает масса времени — я мог вести научную работу не так, как следовало, вследствие отдаленности нашей квартиры. Теперь будет близко. И выяснится если причина, как я в сущности думаю, глубже — в моей неспособности. Тогда мне останется или перейти к другой деятельности, или сделаться ремесленником науки и напизывать факты. А то теперь меня тянет к чему-то, а силенки нет. И теперь строится мысль над общими законами и причинами химических реакций земли. Внутри Земли мертво и холодно — лишь в наружном слое живые лучи солнца будят химические элементы и строят их в круговороты, дают начало разнообразным минералам и, в конце концов, организмам...

Из письма к Н. Е. Вернадской [28 или 30 мая 1893 г. Москва]¹²⁵

»«

... Мне кажется, точно во мне идут совсем разные процессы мысли — то какими-то бессознательными для меня путями выясняются внезапно разные обобщения, наведения, картины — как касающиеся научных, так и философских или общественных идей, а частью является полная неумелость и апатия в их проведении...

Мне на своем горьком опыте кажется, что одной из самых важных задач воспитания является выработка сознания необходимости творчества для людской жизни, проявления — громкого, сильного — той внутренней работы сознания, которая идет всегда во всяком человеке...

Из письма к Н. Е. Вернадской 4 июня 1893 г. Москва

»«

... Мне страшно хочется света, тепла — я мечтаю о юге, но когда-то попаду туда! Здесь среди холодков Великолорусской степи я исполняю все это устройство, и все помыслы мои идут лишь из чувства долга, нет сердца моего в этом. Как бы иначе, где-нибудь в Малороссии или еще лучше — еще южнее.

... Меня влечет в Крым в сильной степени моя любовь к греческой древности. К той эпохе, когда человеческая — и физическая и духовная — личность достигала такой красоты.

... Я глубоко убежден, и все более убеждаюсь, что есть единственная возможность сделать культуру прочною — это возвысить массы, сделать для них культуру необходимостью. Для меня один выход для достижения и развития высших форм сознания — это устройство общества в демократию...

Из письма к Н. Е. Вернадской 7 июля 1893 г. Вернадовка

»«

Я совсем не могу понять пантеизма, как не могу понять счастья и цели в слиянии с природой или того удовлетворения, какое дает сознание, что твоя погибель (а в данном случае вся жизнь в сущности сводится к умению хорошо погибнуть) полезна для общего. Для меня единственно и понятие религия, где есть вечно сущая бессмертная личность — и всякое божество мне представляется вторичным явлением в религиозном чувстве человека. Я не хочу понять пантеизма как религию еще потому, что он допускает единство мира, мировые законы и т. п. — одним словом, целое — природу — как нечто несомненное, а мне кажется, все это есть фантазия, есть создание человеческого сознания или духа...

Из письма к Н. Е. Вернадской 10 июня 1893 г. Вернадовка

»«

... Настроение неважное, но несколько развлекаюсь природой. Определяю и изучаю растения, насекомых, и как-то мысль и душа строятся правильнее и как-то бывает хорошо. Кончаю счета. Сегодня начинаем сжигать саранчу — завтра пришьют рабочих (от земства)...

Знаешь, я хочу достать волшебный фонарь и устроить зимой чтения для всей округи: он должен передвигаться из одной школы в другую...

Ужасно непроглядна крестьянская жизнь, она тяжела, невыносима экономически, но она ужасна и в духовном отношении...

... все больше увлекаюсь своей старой страстью [к астрономии]. Я даже мечтаю, что через несколько лет заведем телескоп и при распланировке сада оставляю для сего поляну. Если уж жить на таком севере, то надо, по крайней мере, обставить жизнь. А летом с небольшим телескопом массу можно делать наблюдений — учиться...

Из письма к Н. Е. Вернадской 12 июня 1893 г. Вернадовка

¹²⁵ Дата установлена по содержанию письма (ААН СССР, ф. 518, оп. 7, д. 40, лл. 16—17 об.).

»«

... Я не могу уйти в одну науку, да и при теперешнем положении русских университетов это чрезвычайно трудно. С другой стороны, нет никакой возможности настоящей политической борьбы при том стрессе жизни, при котором мы живем. Заниматься наукой и вести политическую борьбу возможно более сильным людям чем я, а у меня нет ни знаний, ни таланта, ни рабочей силы для этого потребных. Теперь выходит ни то, ни се. Если бы я мог что-нибудь сделать для науки, то только не в России, и право я не знаю иногда к чему проводить здесь бессмысленную жизнь раба, когда можно, ликвидировав дела, жить свободным человеком на Западе. Можно бороться там за права России и не в качестве лукавящего, связанного по рукам и ногам раба, а в качестве раба, ставшего свободным человеком и борющегося свободно за других. Меня душит все здесь: и собственное бессилие, и рабы мысли, рабы чувства и рабы удовольствия кругом. Всюду залезли холопы и мелкие людишки московских государей... и они с дикой томящей радостью и самодовольством, всюду высоко напоказ несут свои знамена, свои принципы. Я понимаю один ответ на все это — это свободное слово, это критика, протест против всего, что здесь совершается, по это невозможно и по двум причинам: этого пельзя в России и для этого у меня нет знаний, нет таланта, нет умения.

Я не могу выразить¹²⁶, не умю передать другим ни чувства стыда, ни чувства горя и злобы, которые часто душат, мучают, бессилят меня. Знаешь, бывает так, когда понимаешь, а передать, сказать, сообщить другим не можешь...

Из письма к Н. Е. Вернадской 21 июня 1893 г. Моршанск

»«

... Я не попаду в Крым раньше конца июля, а может быть приеду лишь в начале августа...

Я теперь сижу здесь и несколько работаю, впрочем, очень немного. Ознакомился более или менее с здешней флорой, наблюдаю саранчу и других насекомых, вдумываюсь в хозяйство, которое меня некоторыми сторонами глубоко интересует...

... В хозяйстве меня сильно интересует сторона, свя-

¹²⁶ Далее в подлиннике два слова залиты чернилами.

занная с жизнью природы (и моей теорией гармонии или равновесия: я боюсь, что это сделается источником моих ошибок, т. к. я всюду вижу ее подтверждение — а может быть я прав в своем воззрении на природу?) и с общим влиянием широких экономических и общественных условий...

... Есть один факт развития Земли — это усиление сознания, хотя я допускаю, что может быть через миллионы лет пойдет обратный процесс...

Людей, могущих развивать сознание в стране, по многим причинам немного, и горе той стране, где такие люди зарывают тот огонь, который теплится в них, и скрывают, искажают его святое воздействие, и никогда этого не может быть везде, а потому те народы, где лица, могущие развивать сознание, исполняют свою обязанность, будут сильнее — отсюда следует, что другие народы будут жить хуже, и в общем нарушается равновесие развития человеческих племен.

Я считаю печальной чертой русской теперешней жизни странное и непонятное для меня отношение к науке, как к роскоши¹²⁷.

Из письма к Н. Е. Вернадской 29 июня 1893 г. Вернадовка

»«

... Эти дни хорошо работалось, и я витал среди отвлеченных фантазий и теорий о строении вещества и среди математических. Продолжаю читать Лассвица¹²⁸, Дюгамеля¹²⁹... и все это сильно занимает и сильно волнует меня...¹³⁰ Еще так много, так много мне совсем неизвестного и такого основного, такого существенно важного для критического отношения к миру...

... Лето прескверное — нет достаточного тепла, каждый день дожди... Я много думаю все это время, по урывками — иные дни как-то не работается. Теперь моя мысль крепнет, по крайней мере, мне так кажется — в некоторых политических вопросах — все глубже меня интересует вопрос о федерализме как основе правиль-

¹²⁷ Отточие В. И. Вернадского.

¹²⁸ Lasswitz K. Geschichte der Atomistik von Mittelalter bis Newton. [Б. м.]. 1890.

¹²⁹ Дюгамель Ж. М. Методы арифметики и алгебры. СПб., 1877; *Он же*. Методы геометрии. СПб., 1880; *Он же*. Приложение методов умозрительных наук к науке о числах в пространстве. СПб., 1877; *Он же*. Основания исчисления бесконечно малых. Воронеж, 1871.

¹³⁰ Отточие В. И. Вернадского.

ного демократического строя и о прогрессивном подходе к налогу, последний, по моему убеждению, может и должен принять иную окраску в руках федеральной демократии. . .

Меня все более занимает мысль — серьезно — посвятить свои силы работе над историей развития науки. И хочется, и колется: чувствую для этого недостаток образования, малые силы своего ума по сравнению со стоящей задачей. На много лет такая работа, т. к. много надо самому к ней готовиться.

Важно связное изложение самого хода развития согласно новейшим данным. Ничего подобного нет в литературе. Меня привлекает мысль о возможности некоторых обобщений в этой области и о возможности этим историческим путем глубже проникнуть в понимание основ нашего мировоззрения, чем это достигается путем ли философского анализа или другими отвлеченными способами.

Вначале перед изложением хода развития науки мне хочется разобрать некоторые отдельные вопросы, которые сами по себе важны, — таковы вопросы о наследственности, о значении личности и уровня общества (политической жизни) для развития науки, о самих способах открытия научных истин. Особенно любопытно изучить тех лиц, которые делали открытия задолго до их настоящего признания наукою. Мне кажется, изучая открытия в области науки, делаемые независимо разными людьми при разной обстановке, возможно глубже проникнуть в законы развития сознания в мире. С этой точки зрения интересны биографии таких лиц, как Леонардо да Винчи, Роджер Бэкон, Роберт Гук и т. п. Здесь все интересно — и то, что отдельная личность среди обществ была в состоянии сделать за сотни лет правильные выводы, и т. п. Очень интересен и вопрос о личности и его значении в развитии науки. . .

Из письма Н. Е. Вернадской 5 июля 1893 г. Варшавка

»«

Говорят, что философия представляет из себя особую форму познания — более глубокого и широкого, чем то дается наукой. В таком случае: 1) или научные истины должны быть добываемы и в философских измышлениях помимо науки; 2) не должно быть грубых ошибок философских воззрений и в 3) должны быть исходные основы и философии и науки различны. Од-

нако ¹³¹ 1) у нас почти нет ни одного такого примера, и философия в сущности представляет из себя ту область человеческой мысли, где всего рельефнее и сильнее сказывается научное мировоззрение толпы и общества определенной эпохи. Мне кажется, что в этом ее сила и значение для развития человеческого сознания. . .

3) Если основой философских воззрений является разум — и исходя из него возможно познавать мир, — то этот мир должен был бы подтверждаться лишь при изучении его иным путем — научным. Скорее всего иное. В основе философии лежит дальнейшее развитие отдельным человеком нередко великой силы ума доступного ему или распространенного в известном обществе звания. При этом философ исходит а) или из определенных научных дат или б) из того материала, который сложился из этих научных дат в обществе и вызвал в нем образование определенных понятий, как души, бога, разума и т. п. Сила философии в критике основных воззрений, которые нередко людьми науки принимаются без проверки.

Говорят теперь возбуждается интерес к философии. Мне кажется, виден интерес к религии, а религия и философия в сущности враги по сути, и лишь слабость мысли наших философов и их рабский дух ставят их в их нынешнее положение. В истории человеческой мысли философия сыграла и играет великую роль: она исходила из силы человеческого разума и человеческой личности и выставила их против того затхлого элемента веры и авторитета, какой рисует нам всякая религия. Одна является попыткой из личности познать сущее, другая берет исторически сложившиеся понятия и исторически выработанные желания и привычки и к ним, как Прокруст к ложу, прилагает человеческую личность и сознание.

Из дневника. . . 6 июля 1893 г.

»«

Не спится сегодня, и хочу я без порядка набросать кое-какие мысли из пережитого последние дни. . .

§ 2. Нередко приходится слышать: что делать? как бороться с окружающим мраком? Нельзя бороться — мы бессильны, не на кого опереться, нет таких общественных слов, а без общественных слов не может быть

¹³¹ Далее слово написано неразборчиво.

борьбы и т. д. Все это праздные, вредные вопросы, они пускают общественную мысль на скользкий путь — на путь, который всяческими софизмами приведет нас к разным состояниям: или к состоянию маленького дела, или к состоянию одних экономических благ, или к состоянию художественного наслаждения, к абсолютизму, к чиновничеству, к чревоугодничеству в разных его утончениях и грубостях — как в виде цинического служения нашему правительству с ложью в сердце и на устах или же в виде более изящного отделения своей умственной жизни от окружающей среды и разделения того, что хотя и истина, но не пригодно «пока еще» плембсу — этот самый злостный, мерзкий аристократизм, ведущий точно так же к разделению окружающей действительности и идеала и этим самым позволяющий в окружающей жизни всю мерзопакость, которой нет места в созданном (хотя и поповоле буржуазном — ведь мысль в оковах жить не может!) себе идеале. . .

Когда никто ничего не знает, когда кругом колебание и разброд, когда нет ясных и определенных сил и нет общественного стыда и понимания в обществе, бессмысленны все вопросы о том, что делать для прямого принуждения правительства поступать целесообразно в интересах прогресса в России. Первым делом надо создать общественный стыд и общественное понимание. Главным образом даже общественное понимание, так как стыд всегда будет, когда видно будет, что все понимают и многие говорят тебе истину о твоём поступке, которые не спасают софизмы. . .¹³²

§ 3. Это понимание должно быть создано, к нему должны быть направлены все наши силы. Понимание того, как должна быть устроена жизнь человека. . .¹³³

§ 4. Я сразу чувствую, что мне могут возразить, что я предрешаю вопрос, что я 1) допускаю, что наше общество («интеллигенция») сильна и способна привести к улучшению правительства в России и 2) что я как бы придаю основное значение в общественной жизни разумным поводам человеческой деятельности, тогда как возможно, что эти самые разумные мнения стс. являются

простым следствием известной среды внешних условий экономической жизни и пр. и что течение жизни от них мало или вовсе не зависит. . .

Более общее, чем эти два основания следующее положение: несомненно, мы хотим и говорим о разумной рассуждающей деятельности человека. Несомненно, такая рассуждающая деятельность возможна лишь тогда, когда есть средства разумом вывести правильное действие человека. А это возможно лишь при условии существования в среде, где он живет, — понимания идеала и постоянного сравнения этого идеала с окружающими мероприятиями. А потому, понятно, что это необходимо, даже при предположении о бессилии общества и при сознании образования мысли лишь под влиянием «экономических законов». . .

§ 5. Без такого понимания невозможна деятельность правильная ни правительства, ни правильная политическая борьба какой бы то ни было группы лиц, видящих губительность и вред для государства существующей правительственной организации и деятельности. Если в обществе нет такого понимания, то первым делом этой группы лиц должно быть неуклонное стремление вызвать такое понимание.

Это нечто иное, чем организация общественного мнения. Под существованием общественного понимания в стране я разумею такие условия жизни в ней, когда 1) или существует много граждан, ясно сознающих вред и беды, вызываемые существующим правительственным строем — так, что всюду и везде на таких гражданах приходится наталкиваться, и они на мелочах жизни дают всем и каждому возможность уразуметь правильный выход из существующего положения. В конце концов ими сложится общественное мнение и 2) когда в стране существует возможность всякому составить себе правильное понятие о существующем строе и выяснить себе, какова должна быть жизнь человека, каковы меры к улучшению существующей жизни, что делается и к чему приводит то, что делается. Эта возможность легко и всюду составить себе мнение должна заключаться: а) в существовании основной литературы, б) в ее общедоступности и с) в постоянно выходящих желаниях того, как те меры, которые принимаются, отражаются на правильном государственном устройстве. В конце концов все это приведет к образованию значительного ко-

¹³² Отточие В. И. Вернадского.

¹³³ И того к каким последствиям и из каких принципов исходят предлагаемые или совершаемые меры по отношению к человеку. — Примечание В. И. Вернадского.

личества граждан и к образованию общественного мнения. Иногда же этот процесс идет необыкновенно быстро, и сама вторая часть общественного понимания заменяет собою не существующее общественное мнение, т. к. страх перед возможностью разоблачения, общественный стыд его вызывается и может служить сильной уздой и сильным поводом к уступкам со стороны власть имущих. Во времена революций, у нас в конце 50-х — начале 60-х годов и т. д. мы видим примеры подобного рода влияния. Человек с каждым годом получает все большую возможность такого влияния, и небольшая группа лиц в состоянии этим путем достигнуть многого.

§ 6. Рассматривая существующие в России условия, мы видим, что в ней нет ни общественного мнения, ни общественного понимания. Очевидно, что в ней и не может быть правильной деятельности правительства и настоящей борьбы с ним граждан, понимающих и сознающих, какова должна быть деятельность правительства, каков идеал человека и к чему ведет то, что совершается...

§ 7. Под правильной деятельностью правительства я буду подразумевать такую деятельность, которая всегда и исключительно исходит из поводов общего блага и которая несет в основе своей сохранение за каждым гражданином права рассуждать и действовать согласно своему разуму, когда эти действия не являются безусловно вредными для общества или других отдельных граждан... Но для меня такое условие правильности правительственной деятельности представляет основное, самое глубокое положение. Оно исходит из того, что 1) государство существует для граждан, а не граждане для государства. Следовательно основным мотивом деятельности государства может быть лишь какое-нибудь основное требование человеческой личности. Таким основным требованием являются так называемые права человека, которые в сущности все могут быть сведены к одному — к признанию в человеке неотъемлемым основным — сознание и разум его, которые должны развиваться и усиливаться в государстве. Другим основным положением для меня является, что ¹³⁴ государство составляет собрание людей, обладающих самой широкой возможностью выра-

бывать в себе сознательность к окружающему, развивать свой разум и действовать сообразно своему разуму и что правительство, каково бы то ни было — монархическая республика etc. (очевидно, в конце концов, наиболее удобная — республиканская форма), есть лишь ставленник граждан и должно, следовательно, постоянно действовать при их участии и их контроле. Оно не должно выделяться как нечто особенное (помазанник — царь, диктатор, ставленный волею «всего» народа etc.) из среды государства.

Отсюда истекает то определение правильной деятельности правительства, которое мною выставлено в этом параграфе.

§ 8. Очевидно, такая деятельность возможна лишь при существовании в стране общественного понимания. Так, правительство не может исходить из корыстолюбивых каких-нибудь личных (тираны, русское чиновничество etc.), семейных (русский царь) и т. п. мотивов... В нашем строе огромное число таких благовидных мошенничеств возможно очень легко, и едва ли пайдется много чистых и честных фамилий в этом отношении среди нашей знати. Почти всякая несет на себе большое количество разных прямых или косвенных мошенничеств.

§ 9. ... Но пока общественного понимания нет, деятельность правительства, или вследствие принципиальных различий, или вследствие мошенничеств — тайных и явных, всегда будет неправильной, т. к. единственной уздой ему может явиться общественное понимание.

Уже не говоря о том, что вред вследствие принципов устройства правительственной власти только этим путем может быть сознан, существование общественного понимания заставит и скверную общественную машину работать лучше, выбросив простые и скрытые мошенничества. Оно заставит также реже пользоваться такими средствами и допускать такие действия, которые оправдываются в правительстве принципом его существования, но вредны для государства. Так сложилось глубокое различие между правами короны и их пользованием в Англии.

Когда же общественного понимания нет, немислима и правильная деятельность правительства.

§ 10. Так же мало мыслима при этом и правильная борьба с правительством и замена его правительством, устроенным на другом принципе.

Из дневника... 19, 20 июля 1898 г. Керчь

¹³⁴ Это все может быть, впрочем, логически выведено из 1-го допущения (сознания). — Примечание В. И. Вернадского.

»«

Это мне кажется так ясно, что может быть не стоило бы и писать. Однако, с другой стороны, обыкновенно это все самое ясное и служит источником всяческих софизмов, т. к. мысль людей мало задумывается над такими вопросами по их кажущейся ясности...

Из дневника... 20 июля 1893 г. Пароход между Керчью и Ялтой

»«

Очевидно, не может быть никакого результата, если количество лиц, идущих на известное дело, будет постоянно уменьшаться. Необходимо, или чтобы число их увеличивалось, или чтобы оно сохранялось неизменным...

Поэтому, когда дело идет о борьбе не на один год и когда ставится целью не только достижение известного внешнего события, а установление определенного направления в управлении строго ясной новой политики, является первым и самым необходимым организация в стране общественного понимания...

§ 11. ... Важно уяснить, что именно для создания общественного понимания должно быть сделано.

Из дневника... 22 июля 1893 г. Карабах

»«

Читал любопытную неталантливую и неумную книгу Guglia¹³⁵. Видишь, что он употребил те же приемы, какие нередко слышишь теперь от защитников самодержавия. Так он подбирает доказательства и свидетельства современников для доказательства, что были духовники во Франции, отличавшиеся всяческими добродетелями, забывая, что такие факты имеют очень мало значения с политической точки зрения. Важно: 1) существование среди духовенства заметного числа негодяев и 2) такое положение духовенства в государстве, которое позволяет более или менее безнаказанно их проживание. С государственной точки зрения именно это второе и имеет значение. И потому сотни случаев хороших людей не замажут одного скверного, так как возможность зла и отсутствие защиты от зла и составляет главную ошибочную сторону ложного государственного устройства.

Так и с институтом земских начальников. Отдельные хорошие люди могут быть, но институт поставлен

¹³⁵ Guglia E. Die Konservativen Elemente Frankreichs am Vorabend der Revolution. Zustände und Personen. Gotha, 1890.

так, что негодяй может «законно» наделать зла, сколько душе угодно. Благодаря общему течению реакции фактическая их безнаказанность еще больше, так как Мишстерство юстиции фактически не дает хода ни одной жалобе и дела о злоупотреблениях земских начальников складываются и хранятся в особом шкафу... Мне кажется, вообще важно различать этическую и государственную критику института.

Весьма желательно в настоящее время ознакомление русского общества с целым рядом вопросов, таковы:

1. Ознакомление с классическими писателями, стоявшими за те права, которые надо добывать русскому народу. Желательно издание и распространение лучших сочинений в защиту свободы печати, свободы слова etc...

2. Ознакомление с конституцией, историей достижения свободы и целым рядом разнообразных новых течений...

3. Исторический очерк русских стремлений: декабристы, течения 30—40 гг., либеральные течения 1850—1890 гг.

4. Апологетичные сочинения, высказывающие необходимость в настоящее время правильного строя, а также всяческие указания на вред современной деятельности для государства.

5. Правильное узнавание того, что от [граждан] скрыто.

Из дневника... 3 августа 1893 г. [Карабах]¹³⁶

»«

Вл. Вас.^{136а} выставлял парадокс, который, к сожалению, руководит поступками немалого числа людей в русском обществе. По аналогии переносят на умственную сферу вопросы о накоплении и распределении. Хотят остановить накопление и начать распределение умственных благ. Точно это может быть разделено. Точно безнаказанно можно прекратить развитие мысли и начать распространение теперь дознанного: ведь тогда и дознанное теряет весь свой смысл и всю свою силу.

В мелочах жизни проявляется идея, которой живет масса. В эпохи религиозных волнений или широко развитой демократии идея гармонической красоты своеобразно проявляется во всей обстановке (Возрождение

¹³⁶ Место написания установлено по содержанию (ААН СССР, ф. 518, оп. 2, л. 5, лл. 59—60).

^{136а} — лицо не установлено.

в Западной Европе, готический стиль, греческая жизнь). В меньшей степени тоже происходит всегда. Это вполне аналогично созданию народной песни, музыки, сказки.
Из дневника... 17 августа 1893 г.

»«

... Сегодня окончилось экстренное земское собрание... Завтра локончу с банком.

Из земского собрания я вернулся очень не в духе. Мне ужасно тяжело видеть людей, ужасно неприятно с ними разговаривать...

... Мысль моя все это время очень усиленно работает, но совсем не в направлении моих обычных научных работ. Я много и очень хорошо думал, и многое мне становится ясным в области философии науки, если можно так выразиться, и в области общественной жизни и в области обычной, житейской.

В сущности, право, ведь все это нужно, и даже иногда смешно станет, когда ловишь себя на мысли, что я чьего-то чуждым и сторонним занимаюсь. А как много, много дается человеку при правильном углублении в размышлениях о жизни, в изучении и обсуждении основных научных понятий и общественных форм. Я много думаю над вопросом о способе познания научных истин, о законе (естественно-историческом) и последственности. Мне хочется все это вместить в «Введение в историю развития физико-химических наук» и над ними начать работать! Но когда! Кругом все, все отрывает, а главное, боже, хоть немного бы веры в свой дух, хотя бы немного самоуверенности. Право, даже завидуешь самоуверенным людям. В сущности, ведь они всегда больше достигают...

Из письма к Н. Е. Вернадской 5 сентября 1893 г. Моршанск

»«

... Я очень занят — увлечен лекциями!¹³⁷ Сегодня у меня было 2 лекции, и я впервые читаю их с удовольствием, много думаю, и многое мне становится ясным — не знаю, как я все это передаю слушателям. По-видимому, однако, они слушают с интересом...

Я отбросил всякие формы и стараюсь читать кристаллографию, как я понимаю — освещаю сомнительные части с точки зрения моей. Курс выигрывает в цельности — и я могу проводить и развивать ту идею однород-

¹³⁷ — в Московском университете.

ности, которая в сущности лежит во всех наших представлениях о материи. Ввел я и исторический материал (частью даже и биографический) для выяснения и оценки основных понятий науки и генезиса ее законов. Курс я пишу сплошь и хочу так издать. Это совсем другое, что составление лекций по запискам и конспектам. Как бы ни относились к лекциям, я думаю, что я с своей стороны даю, что могу дать...

Из письма к Н. Е. Вернадской 13 сентября 1893 г. Москва

»«

До сих пор настоящим образом лабораторно не занимался, но все выясняется больше и больше план работы, которую надо произвести для решения вопроса о полиморфизме. Хочется написать и много думаю и над статьей о College de France и вообще высшем образовании. Болезненно чувствуется ненормальность постановки образования и мысли о них в наших университетах. Я ясно чувствую, что и в этой области я буду иметь настоящий авторитет, и правильно образуется мое суждение, лишь когда я сам стану больше на ноги в экспериментальной области.

Мысль давно так не работала в научной области, как в этом году. Неужели опять ничего не сделаю? Много читаю и старательно пополняю пробелы своего образования во всех областях физико-химических знаний.

Из дневника... 13 октября 1893 г. [Москва]

»«

... Я совсем забыл об этом разговоре с Толстым, и что я у него был и вчера это случайно вскрылось, когда Наташа¹³⁸ в разговоре с Аней Шаховской и Катей Ильинской, когда говорилось о братстве, вытатила свою старую тетрадку, о существовании которой я не знал.

Я знал, что одно время я верил в личное бессмертие и что в моих письмах есть на это указания. Но уже давно, особенно после моего охвата жизни как планетного космического явления и создания понятия живого вещества, т. е. после 1916 г. для меня вопрос о личном бессмертии как вопрос научный отпал.

Для меня выяснилось: 1) что человек — личность — тоже планетное явление (ноосфера), 2) что в мире, космосе, в основе во времени и в пространстве-времени, 3) что только один путь познания истины коллектив-

¹³⁸ — Вернадская Н. Е.

ными поколениями построил научно — не философского и не религиозного ее искания.

Одипотные искания истины безнадежны. Мы приближаемся к гилозоизму атомному.

Из «Хронологии...» 9 сентября 1941 г. Боровое

»«

... Вошел в Комиссию по организации домашнего чтения и принимал в ней относительно деятельное участие. Инициатором ее была Елизавета Николаевна Орлова... [29].

Из «Хронологии...» 4 января 1941 г.

1894

В 1894 году я преподавание минералогии решил изменить в основной его постановке и перенести центр тяжести из кристаллографии в химию как природный геологический процесс.

Я решил ввести систематические минералогические экскурсии для студентов (их тогда в России не было) и резко отделил минералогию от кристаллографии.

В связи с этим я в этом году отправился на несколько месяцев для изучения месторождений полезных ископаемых и областей ценных минералов.

Я выбрал как центр не Грота и не французов, а Среднюю Европу и позже Скандинавский полуостров. Центром я избрал Фрейберг в Саксонии, где познакомился с Вейсбахом и с Штельцнером, рано умершим к несчастью; меня интересовал главным образом Штельцнер. Его прекрасная коллекция была расположена по химическим элементам, имеющим практическое значение. Он читал рудные месторождения. Я смотрел по его совету ряд саксонских рудников, и он мне помог составить маршрут по Австрии и Швейцарии.

В этом году я посетил Фрейберг с окрестностями, Рудные горы, Гарц, Мансфельд, Нассау (фосфориты), Цвиккау, Зибенгебурге и т. д.

Одновременно с этим, примерно с этого года, я изменил требования с согласия факультета для магистерских экзаменов для химиков и геологов, причем для химиков усилил экспериментальную часть. Я давал для исследования известное или неизвестное химическое соединение, которое хорошо кристаллизуется, причем они должны были перекристаллизовать, измерить, определить

и вычислить оптические свойства полученных ими кристаллов. Для минералогов и геологов требовался, кроме того, устный экзамен по минералогии и по кристаллографии.

В результате этой работы явился целый ряд печатных работ и ряд новых эмпирических данных.

Следующие годы я перенес минералогическую работу в область полезных ископаемых.

В этом же 1894 году впервые появилось печатное издание лекций по кристаллографии¹³⁹, которые были потом изданы в виде книги (том 1). Материал, собранный мной для второго тома, никогда не был опубликован.

Первый мой ученик — Анатолий Осипович Шкляревский, сделан хранителем музея.

«Главнейшие биографические даты...» [1943 г. Боровое]

»«

Среди массы впечатлений этих дней я совсем не разобрался. Видел массу людей. И не то, что устал от людей, а как-то устал говорить. Отчасти это нехорошо, но еще более чувствуешь потребность уйти в какую-нибудь определенную мысль.

Не только люди и их разговоры, но и вся окружающая, научная жизнь постоянно отвлекает от всего того, что должно бы, казалось, занимать мысли.

Я очень недоволен собою. Сильная критика своих знаний и способа занятий очень мешает правильной работе.

Из дневника... 18 января 1894 г. [Москва]¹⁴⁰

»«

Сегодня целый день очень хорошо готовился к лекции и думал, читал о тепловых свойствах кристаллов — Либиха, Соре, Малляра, некоторые части мемуаров Буссинеска, Миннигероде и проч.

Любопытна аналогия между градусами и длинами волн. Необходимо ближе ознакомиться с опытными данными электричества, а равно с теорией векторов.

Неудачная попытка повторить опыты Сенармона.

С большим наслаждением читал арабские сказки (1001 ночь)¹⁴¹ и сказки Андерсена¹⁴².

¹³⁹ Вернадский В. И. Лекции кристаллографии. М., 1894.

¹⁴⁰ Место написания устанавливается по содержанию (АН СССР, ф. 518, оп. 2, д. 5, л. 65—65 об.).

¹⁴¹ Книга тысячи и одной ночи, т. 1—8. М., 1958—1959.

¹⁴² Андерсен Г. Х. Сказки и истории. Л., 1977.

Сегодня был Старынкевич, и с ним обычный разговор политического характера...

Павлов говорил о том, чтобы войти мпс в Совет Общества испытателей природы. Я объяснял ему, что могу не быть *persona grata*, т. к. я не скрываю своего мнения о спячке Общества (тогда как воротили а la Соколов страшно довольны) и что я не буду руководиться в своих поступках традиционными дрязгами Общества. (Мое держание в стороне вызывает уже подозрение у целого ряда лиц!)

Из дневника... 20 января 1894 г. [Москва]¹⁴³

»«

Утром работал в лаборатории с Петром Павловичем¹⁴⁴ — готовил для кристаллизации *Themallon*, чувствуешь сильную непривычку работать достаточно упорно.

Из дневника... 28 января 1894 г. [Москва]¹⁴⁵

»«

Утром писал лекции, а также значительную часть вечера. Сегодня написал значительную часть общего введения. Странно, сколько ни читал я книжек и уже 3 года читаю лекции, сдавал экзамены etc., а много у меня совсем было неясного по части самых основных законов кристаллографии. Только сегодня вывел настоящим образом для себя закон зон из закона параметров. Мне только теперь ясно, что закон параметров можно вывести из понятия об однородности кристалла! Очевидно, это неясно, например, даже Шенфлису, судя по его книге... Несомненно, мне писание лекций даст очень много. Даже читая лекции, я во многом ошибался — слишком малы мои знания. Любопытно, как себя чувствуют в кристаллографии лучше меня знающие математику?

С Наташей¹⁴⁶ был на выставке картин Московского общества художников — пейзажи, да еще весна и осень ранняя преобладают. Сил на одновременное развитие всех сторон живописи у нас верно не хватает, т. к. публика слишком мала для художников. Мало кто покупает хорошие картины. Иные стыдятся, как роскоши, вредной и для народа и разорительной. А между тем только этим

¹⁴³ Место написания устанавливается по содержанию (ААН СССР, ф. 518, оп. 2, д. 5, лл. 66—66 об.).

¹⁴⁴ — П. П. Пилипенко.

¹⁴⁵ Место написания устанавливается по содержанию (ААН СССР, ф. 518, оп. 2, д. 5, лл. 66).

¹⁴⁶ — Н. Е. Вервадская.

путем пока может развиваться художественный гений народа и только так неизмеримо много может создаваться. Я глубоко убежден, что одна Третьяковская галерея сделает больше для развития свободного человека, чем тысячи людей. Среди картин преобладает еще *natures-mortes* и мелкие а la *Missranier*. Мне иной раз кажется, что сюда начинают идти девушки достаточных семей, т. к. вообще у нас наблюдается усиление художественного образования (в ущерб идейному?) среди достаточного «консервативного» класса русского общества. Художниц много. Из картин мне понравились некоторые пейзажи Левитана (который мне кажется удивительно неровным художником — то высокоталантливым, то сильно шокирующим), Киселева, Поленова. Но выдающегося нет ничего. Наташе — любительнице осени понравился очень Поленов...

Из дневника... 25 января 1894 г. [Москва]¹⁴⁷

»«

Сегодня не здоровилось, и день прошел в плохой работе. Утром лекции у медиков, после писал лекции, вечером работал в лаборатории над возгонкой металлов для получения кристаллов. Читал *Yearbook of learned Soc. of 2. boit*¹⁴⁸ (любопытные ассоциации научных обществ), Андерсена сказки и т. д. Вечером были Павлов, Цвиленева. Рассказы Цвиленева о ее процессе («процесс 50») [30] очень глубоко интересны. Арестованные в 1875, они вернулись в нашу жизнь в Москву года 4 назад. Многие умерли из ее сверстников в тюрьме или заболели безнадежно там [31]. Она просидела почти 2 года 8 месяцев в одиночном заключении — за раздачу книжек! И потом 11 лет в Сибири! Она говорит, что в общем, сколько знает, никто из ее товарищей по процессу не изменился в худшую сторону. Прибыл в Москву в 1890-х годах, она как бы попала в какое-то болото по сравнению с оживлением 1874—1875 гг.

Любопытны рассказы о Маликове — он и теперь в Сибири служит, хороший человек, но огня, ничего нет. Тогда же он был блистательным красноречивым оратором

¹⁴⁷ Место написания устанавливается по содержанию (ААН СССР, ф. 518, оп. 2, д. 5, лл. 67 об.—68).

¹⁴⁸ Очевидно В. И. Вернадский читал: *Yearbook of the scientific and learned societies of Great Britain and Ireland. London.*

ром, и она помнит, что не соглашалась с ним, но долго всегда чувствовала обаяние его речи...

Из дневника... 26 января 1894 г. [Москва]¹⁴⁹

»«

Со Старынкевичем о фабриках. Очень много любопытного он рассказывает, между прочим говорит, что его поражает страх бунта рабочих, который наблюдается у очень многих технологов-мастеров и т. п. на фабриках. Особенно сильно он проявляется у их жеп...

Из дневника... 5 февраля 1894 г. [Москва]¹⁵⁰

»«

29 мая переехали в Трубниковский переулок, дом Старикова. В этой квартире прожили два года.

Из «Хронологии...» Запись без даты

»«

... Экзамен у меня окончился, и я все еще под тяжелым и неприятным его впечатлением. Я не могу вполне разобраться, как тут быть: в результате 43 двойки!... теперь мне нет прохода от провалившихся, ловят на улице и т. д. Много печального, много унижительного в их разговорах и мнениях. Никогда бы я не поверил, что студенты могут так унижаться и говорить таким языком...

Из письма к Н. Е. Вернадской 29 мая 1894 г. [Москва]¹⁵¹

»«

В последнее время у меня был целый ряд споров, связанных с коренными вопросами мирозерпания. Я попытаюсь набросать ту точку зрения, которой я придерживаюсь, которая мне кажется правильной. Сделать это страшно трудно, потому что как только начинаешь приводить свою мысль в словах, тотчас же она теряет часть того, что в ней заключается, т. к. словами нельзя передать всех оттенков мысли, часто очень важных и очень существенных. Иногда даже кажется, что все главное заключается в этих оттенках, т. к. поняв оттенки, поймешь и то, что сказано логическими символами...

... Мне кажется, я подмечаю законы. Чувствую потуги мысли охватить сразу картинно землю как планету. Как это трудно! Но мне кажется, с каждым разом яснее

¹⁴⁹ Место написания устанавливается по содержанию (ААН СССР, ф. 518, оп. 2, д. 5, лл. 68—68 об.).

¹⁵⁰ Место написания устанавливается по содержанию (ААН СССР, ф. 518, оп. 2, д. 5, лл. 68 об.—69).

¹⁵¹ Место написания устанавливается по содержанию (ААН СССР, ф. 518, оп. 7, д. 41, лл. 3—3 об.).

и яснее становится картина, и мне иногда блистает перед умственным взором общая схема химической жизни Земли, производимой энергией Солнца... Паушное размышление и наблюдение есть наиболее полное и ясное проявление моего духа, и в это время все его стороны напряжены, и в это время «сознание» бьет самым сильным темпом...

Из письма к Н. Е. Вернадской 28/16 августа 1894 г. Нидерланды

»«

Первая лекция у медиков. Надо переработать курс, главным образом постоянно проводить одну мысль: что называется точно установленным научным явлением; определение научной теории и т. д. Необходимо постоянно указывать на методологическую сторону. До сих пор я вел медицинский курс безобразно.

Курс натуралистам переработал. Оказалось возможным сильно упростить, введя понятие о сложной симметрии более полно. Точно так же строже провести основные деления систем и т. п. Деление Браве и его схоластический прием выбросил.

Необходимо ввести вычислительную кристаллографию. На практических занятиях? Или в лекциях?

Для работ с гониометром, во всяком случае.

Из дневника... 21 сентября 1894 г. [Москва]¹⁵²

»«

Я думаю методическими понятиями можно назвать такие абстрактные представления, которые очень удобны как метод, прием при изучении явления, но которые ни в коем случае не могут заместить всего явления. Например, рассматривая те явления, которые мы изучаем в небесной механике, мы можем заменить сложные тела — планеты — символом очень простым, который мы по *larsus linguae*¹⁵³ называем также планетами, но которые по существу имеют один признак — массу. Изучая развитие организмов во времени, мы рассматривали один признак — скелет и т. д. В дальнейших представлениях и выводах из таких методических понятий мы можем ошибаться больше или меньше.

Из дневника... 28 сентября 1894 г. [Москва]¹⁵⁴

¹⁵² Место написания установлено по содержанию (ААН СССР, ф. 518, оп. 2, д. 5, л. 70 об.).

¹⁵³ — ошибка в речи, обмолвка (фр.).

¹⁵⁴ Место написания установлено по содержанию (ААН СССР, ф. 518, оп. 2, д. 5, лл. 71—72).

»«

Подобные зашпеси являются весьма важными, особенно, если желать разобраться в сложных явлениях русской жизни, где общественное движение не имеет и не может иметь форм проявления, обычных на западе.

Способ нашего участия в общественных делах не дает нам возможности постоянно направлять мысль на самые основные вопросы судеб государства и характер нашей мысли большей частью специальный и случайный...

Взрыв холопских чувств несомненен. Любопытно, что он был неожидан для всех людей, либерально мыслящих...

У нас привыкли как-то ждать всего, не думая, что все создается сознательной и трудной работой. Не было настоящей работы над расширением и углублением либеральных идей в обществе — не может быть и результата...

Из дневника... 16 ноября 1894 г. Москва

»«

Из главных событий этого времени — манифест. Любопытны льготы дворянству. Многие радуются льготам крестьянскому банку, в сущности говоря, детской игрушке, которой паши пародники играли лет десять в демократизм. Чуть ли не первый пример подобных подачек дворянству [32].

Из дневника... 21 ноября 1894 г. [Москва]¹⁵⁵

1895

29 января речь Николая II при приеме deputаций от земств, дворянства и горожан о бессмысленном мечтаний земцев [33]. Огромное впечатление убожества и легкомыслия...

Из «Хронологии...» июнь 1940 г.

»«

... До сих пор у меня все-таки ряд двоек, хотя значительно меньше прошлого года. Целый ряд студентов отвечает прекрасно, а многие вполне осмысленно. Во многом мы все — преподаватели — сильно виноваты. А между тем теперь, когда по новому уставу, мы ли-

¹⁵⁵ Место написания установлено по содержанию (ААН СССР, ф. 518, оп. 2, д. 7, лл. 2—3).

шены всякой возможности действовать на молодежь, когда нет возможности раздвинуть и изменить обща рамка преподавания, регламентируемого в петербургских кацелариях, как-то больно сознавать свое бессилие. В будущем году я, однако, решительно попытаюсь дальше изменить свой курс, стоя на почве, на которой пачал ставиться в этом году... Знаешь, экзамены для меня каждый раз есть сознательная проверка постановки мной и другими преподавателями преподавания за год. Родятся вопросы и видишь прорехи. Но поставлен в такие условия, что лишь несколько можешь понять свое. А от общей университетской жизни отрезан, как всякий профессор!

Из письма к Н. Е. Вернадской 18 мая 1895 г. Москва

»«

... Много думал над работой. В последние недели совершенно неожиданно для самого меня моя тема расширилась, и мне приходится заниматься все больше и больше оптикой. Я хочу внимательно заняться метеорологической оптикой (круги около солнца и т. д.), так как подобные явления можно вызывать в кристаллах. Меня начинает интересовать моя тема еще потому, что она, по-видимому, дает совсем странное понятие о некоторых явлениях строения вещества, над которыми я мало задумывался. По-видимому, удастся разбить вещество на отдельные правильные геометрические части так, что на взгляд связь не нарушается, хотя в действительности все твердое тело состоит из мелких частиц, отделенных со всех сторон безвоздушными или зажимаемыми воздухом пространствами. Можно сделать видным такое строение с помощью некоторых механических явлений (мне удалось) и с помощью оптических (давно известных явлений астеризма в кристаллах, но раньше не связанных с изучаемым мною явлением). Так как связь не нарушена, а отдельные части висят, то это возможно лишь благодаря проявлению сил сцепления и может их удастся измерить...

Из письма к Н. Е. Вернадской май 1895 г. [Москва]¹⁵⁶

»«

... Много разных проектов у нас обсуждалось зимой, а что я для этого сделал? И так во всех мелочах и

¹⁵⁶ Место написания устанавливается по содержанию (ААН СССР, ф. 518, оп. 7, д. 42, л. 11).

моей ученой и моей общественной жизни. Это какое-то приспособление к житейским условиям — малый взнос в жизнь деятельной ппичциативы. Я был все это время, если хочешь, советчиком, наблюдателем, пассивно стойким человеком — мысль моя работала, но борцом, но активным, деятельным лицом я не был. . . И это одинаково вредно отражается и на моей научной и на моей общественной деятельности. . .

Я считаю большим своим недостатком отсутствие личного честолюбия. Ну, да, я убежден, что я с этим справлюсь и справлюсь главным образом потому, что мне кажется, что отсутствие активности отражается на силе самой моей мысли, а эта сторона для меня слишком дорога. . .

Эти годы совместной жизни с тобой мне чрезвычайно дороги; быть с тобой, около тебя — для меня счастье, и я тебя также люблю, как полюбил с самого начала. И мне теперь, после девяти лет нашей жизни, также кажутся странными и чуждыми твои колебания, как казались они странными в первые месяцы нашей близости. Они навеяны тебе всяческими предрассудками, связанными с представлениями о семейной жизни из житейской суетлоки. . .

Из письма к Н. Е. Вернадской 21 мая 1895 г. Москва

»«

. . . Обедая у Петрушкевичей, отдыхаешь от университетской работы среди живой и интеллигентной беседы. Мы много толковали о всяких вопросах, связанных с общими задачами. . . Для меня в этих спорах все более и более укрепляется необходимость постановки в первую голову в нашей современной жизни экономических и политических интересов народных масс. . .

Из письма к Н. Е. Вернадской 10 августа 1895 г. Москва

»«

. . . Мне страшно хочется развязаться с этой обузой — диссертацией, которая висит надо мной и не дает работать над тем, что мне пужно, и я мечтаю, как после ее окопчания примусь за систематическое подготовление себя по экспериментальной оптике (в будущем году открою специальный курс по световым свойствам кристаллов) и вернусь к интересующей меня теме полиморфизма. . .

Из письма к Н. Е. Вернадской 14 августа 1895 г. Москва

»«

. . . У нас скоро начнутся лекции, говорят, что ввиду коронации все занятия окончатся раньше — чуть ли не в марте или апреле, так что опять будет кутерьмистый год и масса времени пропадет. Вот уже неудобная вещь эти праздники, совсем мешают правильному ходу занятий. Я начну чтение лекций у естественников в конце этой или в начале следующей недели. У медиков в начале сентября. Среди работы по диссертации как-то мало успеваешь работать для лекций. Да и вообще работается неважно. . .

Из письма к Н. Е. Вернадской 20 августа 1895 г. Москва

»«

. . . Чем дальше в лес, тем больше дров и все труднее становится уверенно работать с диссертацией. Я как-то необычайно ясно чувствую свое незнание, всю нестройность и случайность моих знаний, и это мешает мне работать. Как-то неприятно, когда и видишь и чувствуешь недостатки и только недостатки работы. Право, я дорого бы дал, если бы имел больше самоощения, больше самоуверенности. Мне кажется, только тогда работа принимает личный, живой характер, а то она какая-то механически — спокойная. И это страшно вредит ее качеству. Да, наконец, и надо бы больше и сильнее стоять за «себя» в работе. Но сделать это все трудно, не забывшись, да и неприятно. Слишком я дилетант в науке.

Из письма к Н. Е. Вернадской 27 августа 1895 г. Москва

»«

. . . Земское собрание будет 4 октября. Я не знаю, удастся ли мне поехать на все собрание, может быть я буду всего на 2 дня, т. е. уеду на 3 дня, числа 4—7 октября. Может быть не придется и ехать. . .

Из письма к Н. Е. Вернадской 14 сентября 1895 г. Москва

»«

. . . Сегодня второй день собрания для меня. Идет оно чрезвычайно вяло, князь Чолокаев, председатель, или постарел или же почему-то тянет собрание. Мы с Марком¹⁵⁷ попали в Комиссию, но и там дело идет вяло. По вопросу о телесных наказаниях еще не вполне определено; почти несомненно будет жалоба в Сенат на губернатора, который цинично и безобразно написал (и напечатал) о своем противозаконном отношении к по-

¹⁵⁷ — очевидно, Марк Маркович Любоцинский.

становлению Собрания. Вопрос об общем решении вопроса о телесных наказаниях едва ли пройдет; главные возражения: 1) так как он теперь ставится, ясно желанное общего решения — белыми нитками сшито, а между тем так он может пройти, 2) целый ряд земцев искренно сомневается в праве земства ставить вопрос более широко, 3) так как он теперь стоит — за него приходится выдержать много борьбы и т. д. . . .

Из письма к Н. Е. Вернадской 30 ноября 1895 г. Тамбов

»«

. . . Собрание идет медленно, из 123 докладов не окончили и 20. Много времени занял вопрос о телесном наказании. Много есть и других вопросов, несомненно интересных, но я как-то занимаюсь этим скорее добросовестно, но душа моя все-таки далека от всех этих вопросов.

Из письма к Н. Е. Вернадской 3 декабря 1895 г. Тамбов

1896

. . . Это время мне как-то мало приходилось читать и думать. Прочел с величайшим удовольствием 3 тома сочинений Островского — много он мне дал совершенно неожиданного. Я впервые начинаю понимать его. Точно так же, как Щедрин, он проник в глубину тех слоев русского общества, которые являлись и являются устоями русской государственной машины — бюрократии и мещанства в широком смысле слова. Эти создания исторической жизни Московской Руси проходят здесь со всеми своими достоинствами и недостатками: бедностью или отсутствием мысли, наивной безнравственностью, погоней за личными интересами и в то же время нередко с доходящей до героизма покорностью судьбе и упорством, цепкостью, позволяющими им жить и находить возможность человеческого существования в самых немислимых, невозможных условиях, и на этом фоне проходят здесь все те же общечеловеческие черты, которые так ярко проявляются во всякой великой комедии, — те черты, которые не зависят ни от времени, ни от исторических условий и везде одни и те же — основной фон человеческой жизни — застывший и неподвижный веками. . .

Из письма к Н. Е. Вернадской 20 апреля 1896 г. Москва

156

»«

. . . Вчера моя мысль перенеслась в далекое прошлое — иногда передо мной необычайно ярко и сильно проходит какое-то сознание единства и неподвижности, если могу так выразиться, исторического процесса. В этом смысле мне всегда много дает комедия, т. к. это — вместе с сказкой — едипственнная форма, которая даст тебе понятие о духовной жизни человечества при самых разнообразных исторических условиях, в разных климатах и местах за последние 2000—2500 лет. И она дает чувство единства и чувство того, что исторический «прогресс» в значительной степени иллюзия, то есть что-то более общее, глубокое, которое не порождается, а постоянно всюду неизменно проходит во всем разнообразии кажущихся явлений. . .

Из письма к Н. Е. Вернадской 20 апреля 1896 г. Москва

»«

Мне хочется, как только покончу со своей диссертацией, углубиться в изучение математики и некоторых философских систем. Все менее и менее становится для меня понятным процесс эволюции — исторический процесс в широком смысле. Иногда он мне начинает казаться известным перенесением на окружающее антропоморфических представлений — детства, мужества, старости человека, и то же самое представление сказывается в подведении великого Хаоса в мировую систему Канта—Лапласа, в теорию эволюции Дарвина, в понятие исторического прогресса и т. д. А между тем, если есть что-нибудь абсолютное, вечное, оно тем самым исключает понятие процесса. И его нет в целом ряде глубоких философских или религиозных систем. . .

Из письма к Н. Е. Вернадской 21 апреля 1896 г. Москва

»«

Первое посещение Ильменских гор вместе со студентами и работающими в институте (потом эти экскурсии повторялись почти каждый год) [34].

«Главнейшие биографические даты. . .» [1943 г. Боровое]

»«

Сегодня утром добрался до Златоуста, так как наш поезд сильно запоздал. Сейчас еду за 28 верст в Кузнецкий завод, откуда 16-го вернусь в Златоуст.

. . . Местность здесь удивительно красивая. Железная дорога от Аши до Златоуста дает такие удивительные, красивые виды, какие я никогда не видел. Масса свое-

157

образного, кое-где напоминает Тироль, а иногда в грандиозном масштабе Саксонскую Швейцарию...

Из письма к Н. Е. Вернадской 13 мая 1896 г. Златоуст

»«

... Из Тагила... мы проехали в Кушку, оттуда в Березники, Усолье и с Березников (приблизительно на широте С.-Петербурга) спускаемся по Каме до Казани (больше 1200 верст Камой). Из поездки мы везем больше 35 пудов камней! Для того чтобы данные этой поездки не пропали, необходимо еще много работы книжной и музейной, лабораторной...

Я еще до сих пор под впечатлением ужасной, кровавой истории крепостного права и казенного управления уральскими заводами. Много мне все больше и больше уясняется из таких старых указаний, и до сих пор живы здесь на Урале на каждом шагу следы прошлых страданий. Ничего подобного в целом не испытывала никакая другая область России — и имена Демидова, Зотова, Лазарева, Строганова, Шувалова и tutti quanti¹⁵⁸, поколений горных инженеров носят неизгладимые позорные пятна мучителей...

Меня на Урале больше всего заинтересовали следующие общие черты: 1) необыкновенное рудное богатство Урала, во многом еще нетронутое и которое явится долго неисчерпаемым источником для будущего; 2) постепенное, донныне продолжающееся расхищение государственных земель и наиболее богатых мест новыми и старыми влиятельными придворными или капиталистическими магнатами.

Из письма к Н. Е. Вернадской 17 июня 1896 г. На Каме

»«

... мне придется еще раз приехать сюда [в Моршанск] в конце июля для предварительного обсуждения в управе проекта введения всеобщего обучения в Моршанском уезде, который управа вносит осенью в Земское собрание. Как мне ни неудобно это, а необходимо быть, т. к. в собрании придется проводить этот проект управы — мне и Давыдову, который болен... Все эти общественные дела мне становятся все тяжелее и тяжелее, и я исполняю их как тяжелую повинность. Хочется всего больше уйти в научную работу, в которой я вижу больший смысл, а равно в организации научной работы,

¹⁵⁸ — все до одного (ит.).

т. е. в то, что составляет суть университетской жизни, хотя я вполне и сильно сознаю долг университета быть связанным с общественной жизнью...

Из письма к Н. Е. Вернадской 22 июня 1896 г. Моршанск

»«

... Любопытно очень рабочие движения последнего времени в России. Правительственное сообщение от июля 1896 подробно описывает происходившие движения, вероятно довольно односторонне. Несомненно были попытки организации, сделанные интеллигентами. Некоторая часть молодежи очень определено и решительно выставляла эту программу уже более года назад. В разговорах с некоторыми молодыми и старыми марксистами и социал-демократами они еще зимою 1896 были преисполнены радужных надежд и говорили мне, например: Что вы либералы можете сделать без выставления текущих нужд рабочей народной массы и т. д. Только путем такого движения может быть создана опора, на которой будет зиждиться будущая политическая свобода и т. д. Крупные стачки, прошедшие превосходно, в Белостоке или Двинске осенью 1895 года еще более утвердили их в этом брожении [35]. Некоторые их издания, например, издание брошюры о штрафах¹⁵⁹ [36] превосходно и является совсем отличным от старых изданий беспочвенных агитаторов старого времени...

Во всяком случае народная среда теперь по существу иная, чем была та, с которой встретились народники 1870-х годов, и, если бы теперь было такое же увлечение «хождением в народ», оно бы имело по существу иное значение и силу. С этой точки зрения попытки молодых и старых социал-демократов проникнуть в рабочую среду и организовать ее очень важны. Особенно, если действительно будет идти все время развитие и расширение фабрично-заводского дела в России. Эта мысль несомненно двигает многими и в спорах и разговорах проскальзывает не раз такое отношение — выставляется современная цифра рабочих в России и ее увеличение, крайне быстрое.

Вообще и старые и новые такие агитаторы жалуются 1) на большое количество предателей и 2) на отсутствие литературы и прочной фактической почвы. Но пастропение и впечатления молодых теперешних много

¹⁵⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 15—60.

сильнее, бодрее и крепче, чем пастроение и впечатления их сверстников начала 80-х годов (чернопередельцев и настоящих социал-демократов — не террористов). По-видимому, в конце 80-х и начале 90-х годов — несколько лет был перерыв и настоящей традиции нет. Есть указания на ее существование на юге — неясное.

Из дневника... 2 августа 1896 г. Берлин

»«

... Все сильнее (и давно у меня этого не было) меня начинает охватывать раздумье об известной большей целесообразности жизни. До сих пор я как-то жил, больше приспособляясь к окружающим течениям, и не являлся ясным и определенным борцом как в научной, так и в общественной жизни. Как-то жизнь казалась так разнообразной и в сущности говоря так мало интересовался по сравнению с известной мелочной умственной деятельностью, что я только подчинялся ей, выбирая, а не создавая себе дорогу. Не могу сказать, чтобы я теперь с охотой вступил на новый путь, но я думаю, что хочешь не хочешь, а так или иначе придется. Придется прекратить — невольно — известное¹⁶⁰ отношение к жизни и науке и начать созидательную и воинственную деятельность. Надо лишь для этого почувствовать себя на своих ногах, т. к. мне противна всякая мысль о чужой одежде...

Из письма к Н. Е. Вернадской 16 декабря 1896 г. Москва

»«

... Эти дни с помощью Мороховца и Самойлова я учусь фотографии и начинаю ею все более и более интересоваться. Фотографии моих препаратов для диссертации удаются прекрасно, и я начал устраивать фотографические приспособления у себя в кабинете. Вещь эта очень интересная, и я давно уже собирался пачать этим заниматься.

... я очень доволен работой специалистов: открыт новый минерал (Самойловым), есть ряд новых результатов и у других работающих, и я чувствую, что наш кабинет начинает становиться на настоящую научную дорогу. И в этом чувстве я пахожу некоторое удовлетворение...

Из письма к Н. Е. Вернадской 20 декабря 1896 г. Москва

¹⁶⁰ — слово не разобраю.

Начал читать лекции по минералогии на коллективных уроках. Коллективные уроки — это было общество «Учительниц», во главе которого стоял очень замечательный человек А. Н. Шереметевская, всецело преданный этому делу. Это было законно дозволенное общество учительниц, которые для себя организовали «уроки», а фактически высшее образование. В 1896 г. первый год, минералогию читал В. Д. Соколов, а я только в 1897 г. с осени. Труд профессоров был даровой, конечно. Представительница по минералогии, сама слушавшая лекции, была Е. Д. Ревуцкая.

При первой возможности эти коллективные уроки превратились в Высшие женские курсы...

В этом году Е. Д. Кислаковский ушел из лаборантов... и практические занятия по паяльной трубке стали вести я и Алексат, изменив методику и приняв методику Северных Американских Соединенных штатов вместо господствовавшей тогда немецкой методики.

В 1897 г. я окончил свою докторскую диссертацию и 1-го мая были утверждены физико-математическим факультетом Ленинградского¹⁶¹ университета тезисы.

Диссертация моя была написана наспех, т. к. в течение нескольких лет я работал по диссертации над полиморфизмом.

Она называлась «Явления скольжения кристаллического вещества».

Диссертации этой не повезло. Она была напечатана в «Записках» Московского университета¹⁶² на русском языке и не попала в мировую литературу...

В 1897 г. я начал отходить от кристаллографии и стал все больше углубляться в химическую минералогию в геологическом аспекте.

Диссертация была защищена. Оппонентами были: профессор Земятченский и, мне кажется, Боргман (фирик).

**Главнейшие биографические даты...* [1943 г. Боровое]

»«

... Меня охватывает теперь все более и более желание приняться за мою обычную, строгую научную ра-

¹⁶¹ — описка В. И. Вернадского — Петербургского.

¹⁶² Ученые записки имп. Московского университета. Отд. ест.-ист.-ое. М., 1897. Вып. 13, с. 182.

боту — бесконечное множество больших и малых, новых и старых, вопросов и возможных их решений все вырисовывается и выясняется в научной области. И кажется столько интересного, так много надо работать и так много можно понять и узнать и увидеть в этой области...

Если все пойдет, как шло — через немного лет можно будет поставить преподавание и научную работу на вполне правильную почву и сравниться с самыми лучшими институтами Запада. Я чувствую, что поступил правильно, направляя главные усилия на разработку научных работников и создание традиции научной работы...

Из письма к Н. Е. Вернадской 26 августа 1897 г. Москва

»«

Весь день сегодня был занят конгрессом¹⁶³. Меня поймал Грот и почти весь день я провел с ним и некоторыми другими... С ними был я в Третьяковской галерее. Меня самого поразило ее богатство, несомненно огромная талантливость русского гения, и я переживал хорошее чувство патриотизма, когда присутствовал при искрением, постепенно нараждавшемся в иностранцах чувстве удивления и восхищения. Я говорю — в хорошем чувстве патриотизма — т. к. это было чувство итогов, ясное сознание целесообразности русской общественной жизни в общей жизни человечества. Я долго не забуду удивление, восхищение и восторг довольно замкнутого швейцарца — альпиниста Гейма — перед лесными этюдами Шишкина. Эти несколько часов я вновь провел, быстро и сжато переживая наше общественное движение. Что-то принесет ему новое настроение, которое теперь рисуется в русском обществе — сознательность демократического идеала, постановка «интеллигенцией» своей задачи слитно с «народом» — исчезновение в ее сознании и в сознании поборников мрака мифа о розни между «интеллигенцией» и «народом», что принесут ближайшие годы — годы м. б. тяжелые и страшные. Неужели приблизится время кризиса? И мне хочется до боли понять — есть ли теперь в России элементы нового надвигающегося бедствия — нового голода? И мне чудятся иногда и с трудом отгоняются тупые страдания нашего забитого, нашего пострадавшего

¹⁶³ — VII Международный геологический конгресс, проходивший в С.-Петербурге.

гося и почти сведенного на скотское существование, народа, которого мы лишь верхние представители. Иногда это чувство сильно и ясно...

Из письма к Н. Е. Вернадской 26 августа 1897 г. Москва

1898

... Я сделался экстраординарным профессором Московского университета...

«Главнейшие биографические даты...» [1943 г. Боровое]

»«

... Так все это тяжело и грустно. Мама умерла совершенно внезапно в 3¹/₂ ч. дня...

Из письма к Н. Е. Вернадской 8 ноября 1898 г. С.-Петербург

1899

Все это время хотел написать подробнее о московских наших делах [37]. Но как-то не пишется, перо опускается, и так все это тяжело и так чувствуется полное бессилие. У нас теперь Университет закрыт, все входы заперты, всюду у дверей стоят дворники, университетская полиция, а сегодня настоящие полицейские у двух ворот. Все почти студенты подали прошение, но [оно] не принято, говорят, 809 человек, уволенных до осени. Эти дни идут высылки из Москвы и по утрам поезда переполнены высылаемыми студентами. Во все время истории профессора стояли совершенно в стороне; ни разу не собирался Совет; раз в начале беспорядков были созваны профессора на частичное совещание под председательством ректора... Все это очень тяжело, т. к. власть теперь [в Университете] находится в руках людей, которым совершенно далеки и чужды интересы молодежи, и они совершенно спокойно будут действовать самым строгим образом. Многие из студентов едут за границу. Трудно сказать, чем все это кончится...

Из дневника... 22 марта 1899 г. Москва

»«

... В общем удивительная апатия «оппозиционных» сил — никто не действует и как будто не хочет действовать...

Из дневника... 31 мая 1899 г. [Москва]¹⁶⁴

¹⁶⁴ Место написания устанавливается по содержанию (ААН СССР, ф. 518, оп. 2, д. 4, л. 111).

Моя запись 23 марта 1899 в связи с «беспорядками» в университете, о которых мы узнавали через начальство и прямо: «Очень тяжела полная инертность профессоров. Отчасти причиной этого является общая забитость здешних профессоров, их страх перед начальством, последствия тех разгромов в профессорской коллегии, какие претерпел университет, полная невозможность общей деятельности. Здесь нет профессорской коллегии.

Но отчасти причиной этого является недоумение перед совершенно новым фактором, какой является стачка в университетской жизни».

Из «Хронологии...» 25 августа 1940 г.

»«

В 1899 я заинтересовался сопками и посетил сопки Крыма и Таманского полуострова. Экскурсии совершались нами от имени Общества испытателей природы. Изучение сопки, которое я вел с С. П. Поповым, продолжалось несколько лет. Очень мало результатов напечатано. Но материал был собран большой. Между прочим, мы с С. П. Поповым впервые доказали постоянное нахождение бора в выделениях сопки. Во время первой империалистической войны бор их был использован...

«Главнейшие биографические даты...» [1943 г. Боровое]

»«

Я очень много вынес из поездки по Таманскому полуострову для изучения сопочных процессов и при изучении внешних — тектонических их особенностей, для меня ясна их связь с вулканами, а не с источниками, как их обыкновенно считают... Другой удачной стороной моей поездки является то, что мне удалось открыть богатые руды алюминия — боксита, впервые найденного в России. Теоретически я предугадал его нахождение в этих местах... Рано ли поздно ли боксит будет иметь крупное значение, т. к. алюминий идет (относительно) мало, вследствие двух причин чисто временного характера: 1) вследствие неумения избавляться от некоторых малых примесей, вредных для его свойств — т. е. неумение готовить вполне однородный продукт и 2) вследствие неуспеха в получении хороших сплавов его с другими металлами. Я очень верю в будущее этого легкого и прочного металла и м. б. попытаюсь утилизировать находку практически...

Из письма к Н. Е. Вернадской 8 июля 1899 г. Темрюк

»«

... Есть всегда стремление отцов и матерей к своим детям — сторона насилия, желание наложить на детей готовую ту схему житейских отношений и условных форм, к которой они сами пришли путем жизненного опыта. В этой — чисто биологической черте — сквозит старинное животное чувство человеческого существа, и потому оно так сильно и так гибко и неуловимо. Я помню по себе, как это было несоразмерно тяжело для всякой личности — для того человека, каким я был Гулиных¹⁶⁵ лет. Я думаю, впрочем, он много меня мягче и не такой скептик по отношению к себе, каким был в его годы я...

Из письма к Н. Е. Вернадской 16 июня 1899 г. Севастополь

»«

... Гуля ведет себя очень хорошо, но я, думаю что часто мелочно раздражителен и требователен по отношению к нему. Все это он выслушивает как-то очень мягко и нежно, так что мне часто бывает перед ним совестно...

Из письма к Н. Е. Вернадской 24 июля 1899 г. Феодосия

»«

... Что делает моя дорогая детка¹⁶⁶. Я так часто и постоянно вспоминаю про нее. Боюсь, что слишком сильно полюбил ее, а между тем может быть в этом и есть настоящая жизнь, т. е. в чувстве, которым вносятся в жизнь многое, что не подвергается безжалостному разрушению анализом. Мне как-то рисуется Нинуся на полу, протягивающая сидя мне свои ручонки и обернувшая ко мне свою дорогую мордочку. Иногда грустно, что ее нет. Особенно тяжело это в такие минуты, как теперь, когда на душе очень тяжело и безотрадно, т. к. все более и более захватывает разрушительная работа разума, не оставляющая в конце концов ничего без сомнения и приводящая все к вполне м. б. правильному, но довольно скучному решению... Любовь к такому маленькому, нежному существу, как Нинуся, вносит неизбежную работу, помимо всяких общих интересов и этим дает временную, но конкретную цель жизни...

Из письма к Н. Е. Вернадской 2 июля 1899 г. Керчь

¹⁶⁵ — Гуля, Георгий Владимирович — сын В. И. Вернадского, которого он брал с собой в путешествие по Крыму.

¹⁶⁶ — дочь В. И. Вернадского, которая родилась 27 апреля в 1898 г.

»«

... Мне делается иногда тяжело, когда подумаешь об этой жизни, в которой в значительной степени все достигается тем путем, что не остается места в жизни работе мысли: эта жизнь тяжела тем, что здесь вся цель ясна. Нет места исканию, нет места сомнению, т. е. тому, что составляет наше счастье. Тихая семейная жизнь, простое довольство, достигаемое упорным трудом изо дня в день, отдых в семье или среди простых сердцем людей, вдали от вечных, глубоких, мучительных, но прекрасных вопросов, поставленных человеческой историей. Как-то не тянет меня к такой жизни и кажется она мне медленной смертью...

Из письма к Н. Е. Вернадской 9 июля 1899 г. Темрюк

»«

Новые репрессии разразились над университетами. Ясно противоречие между словами и действиями министра: слова государя и текст циркуляров министра говорят о милостях и т. д. — а действия противоположны. По отношению к студентам — неясно, сколько их принято и сколько нет, это можно будет узнать в Москве. Но принятый высочайший закон о воинской повинности характерен [38]. Также характерно закрытие Юридического общества в Москве [39]. Теперь начались репрессии над профессорами [40]. Знаю точно о С.-Петербурге, слух есть о том же в Москве. Едешь туда, а может быть там ждет грубое и насильственное увольнение. Невольно вспоминаются слова одного из профессоров весной о возможности отставки летом...

Все эти меры, как и теперешняя предпринимались исподтишка летом, неожиданно и безапелляционно. Чувство произвола глубоко выражено. Основаны в значительной степени на ложных доносах, слухах и т. п. К сожалению, резкая демаркационная линия, которая существует между интеллигентным обществом и высшей полицией в разных ее формах, отсутствует в профессорской среде и потому здесь все такие слухи получают характер обвинений...

Из дневника... 15 августа 1899 г. Полтава

»«

Необходимо выставить, как основное положение инструкции инспекции, что она есть учреждение в учебном заведении, следовательно на первом месте должно

быть поставлено ее нравственное значение, нравственный ее авторитет.

Ни в каком случае и никогда не должна она употреблять средства, этическая сторона которых сомнительна.

На первом месте здесь должен быть поставлен основной принцип, что:

1. Всякое тайное слежение, подсматривание, наблюдение, записывание и замечание исключаются.

Как орудие государственной власти инспекция должна действовать явно и открыто.

Весьма часто указывается, что инспекция имеет полицейский характер, но отсюда вовсе не следует, чтобы она принимала облик тайной полиции и пользовалась ее средствами и выработанными ею приемами. А между тем, когда говорят, что инспекция имеет административно-полицейские функции, указывают именно на это...

2. Никакие тайные записи о студентах не могут иметь никакого влияния на их судьбу и не должны вестись инспекцией, т. к. действуют на нее развращающим образом.

Из дневника... 28 ноября 1899 г. Москва¹⁶⁷

»«

Из Московского университета удален Гамбаров. Ходили и ходят определенные слухи об удалении и мерах против других профессоров (называли и называют: Умова, Зелинского, меня, Тимирязева и приват-доцентов Депа, Озерова, Иванова) [41].

Говорят «предназначено» к удалению 22 профессора.

Из дневника... 28 августа 1899 г.

»«

В ответ на «беспорядки» [студенческие] правительство перегнуло палку и незаконно провело распоряжение Министерства народного просвещения об отдаче в солдаты за беспорядки [42], чем еще усилило оппозицию студенчества и общества. Ряд приват-доцентов были удалены из университетов Московского (Гамбаров) и Петербургского (Гревс, Венгеров, Книпович и др.). Подготавливалась катастрофа 1911 г.

*Главнейшие биографические даты...» [1913 г. Боровое]

»«

... Видел вчера Гамбарова. Единственной причиной, выставляемой против него — его образ мыслей, несоглас-

¹⁶⁷ Место написания установлено по содержанию (ААН СССР, ф. 518, оп. 2, д. 5, л. 18).

ный с образом мыслей министерства. Выгонять человека из-за «образа мыслей» — это верх цинизма... Конечно, приятно было бы уйти отсюда¹⁶⁸, но бросать самому научную работу в избранной области для меня очень тяжелая жертва... Но, очевидно, положение профессора не прочно и надо искать соответствующей должности, где бы была под рукой лаборатория. Может быть я узнаю про Киев... В такое первое время работается плохо, но все же я начал работать и надеюсь во всяком случае этот год провести недаром...

Из письма к Н. Е. Вернадской 29 августа 1899 г. Москва

»«

...Собрание деловое¹⁶⁹. В общем идет не дурно, и все же всякое собрание кончается чем-нибудь хорошим — так и теперь решено строить больницу, и вообще много разных более мелких улучшений по организации медицинской помощи. Я всегда несколько вхожу в местную жизнь и мне чувствуется медленная, сдавленная, но живая все же жизнь русского общества, и кругом стоят тесные узкие стены, которые давят и глушат все хорошее...

Между прочим почтовое ведомство предлагает устроить почтовую станцию в Вернадовке, но требуется содействие местных владельцев, я с своей стороны выразил участие в своей доле (должно быть придется дать землю).

Из письма к Н. Е. Вернадской 3 октября 1899 г. Моршанск

»«

...У Карбасникова вышли впервые мои печатные лекции «Лекции описательной минералогии»¹⁷⁰ как студенческие записки.

Они быстро разошлись. Как раз для борных минералов здесь есть новые факты и явления, нигде раньше не опубликованные...

«Главнейшие биографические даты...» [1943 г. Боровое]

»«

Я решаюсь издать эти лекции в такой несовершенной форме лишь ввиду полного отсутствия в русской литературе сколько-нибудь удовлетворительного курса описательной минералогии. Эти лекции выросли на почве научного преподавания минералогии; они, очевидно, отражают в себе многие взгляды, которые не являются

общеизвестными. Это, впрочем, необходимое условие всякого научного университетского курса. По главным, спорным вопросам я старался указывать и другие ныне существующие мнения...

Из «Лекций описательной минералогии» 1899 г.

1900

...В Москве было организовано профессором Марковниковым празднование 150-летия первой русской химической лаборатории М. В. Ломоносова [43]. Оно было организовано Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии, членом которого я был с самого моего приезда в Москву...

Я работал над статьей: «Ломоносов, как минералог и геолог» (Сборник вышел в 1901 г.)¹⁷¹. В связи с этим я и до сих пор слежу за всей литературой о Ломоносове. Статья имела успех, и я получил немного удивившее меня письмо от Е. С. Федорова, где он мне советовал заняться историей науки, а не экспериментальной минералогией...

«Главнейшие биографические даты...» [1943 г. Боровое]

»«

Виделся с Иваном Ильичем Петрункевичем. План газеты. Редактором согласился [быть] Арсеньев. Арсеньев — Иоллос — Петрункевич — Герценштейн. Участие Короленко (провинциальные письма). Трудность получить разрешение. Через Пассовера, Кони и др.

Есть деньги, есть средства — нет возможности изданий (XX век).

В настоящее время газета может быть единственная сила: она [должна] главным образом стоять высоко в смысле идейном. Обстоятельства не ясны. Каково будет будущее?

Вчера был интересный разговор с князем Чолокаевым. Он вернулся на днях из С.-Петербурга, интересовался и спрашивался о земской реформе и уехал отсюда, вполне убежденный, что министр отложил реформу до окончания дела оценки! Чолокаев также думает, что дело идет об окончательной гибели земства [44]; лучшие независимые люди уйдут. Он думает, что земство имеет огромную роль как подготовительная школа к представительному правлению, которое рано ли поздно ли наступит...

¹⁷¹ Ломоносовский сборник. М., 1901, с. 1—34.

¹⁶⁸ — из Московского университета.

¹⁶⁹ — земское собрание Моршанского уезда.

¹⁷⁰ Вернадский В. И. Лекции описательной минералогии. М., 1899.

Как относятся в университете к степеням агрономии и технической химии. Желание «чистой» науки, коей место в университете не отвечает действительности, и 2) едва ли является безусловно желательным в наше время. Положение университета не прочно, целый ряд наших наук только и развивался благодаря тесному общению с жизнью... Ясно чувствуешь теперь, что для правильного ведения Института минералогического мне необходимо идти впереди в научной работе. Силы человека ограничены и работа должна быть направлена в одну сторону — в область кристаллографии — физики или минералогии — химии? Помимо чисто описательной работы, кроме исследования фактического — минералогии России и констант разнообразного твердого вещества, должна идти настоящая пытливая исследовательская работа. Теперь есть для этого руки — живой научный Институт и молодые силы.

Без порядка напосить на бумагу мысли. Пытаться выяснить положение дела. Писать для памяти и для выяснения идущего кругом созидательного процесса мысли. Работа мысли и в общем и в частном не прекращается, но ее появления слабы и незначительны...¹⁷²

Из дневника . . . 20 марта 1900 г. Москва¹⁷³

»«

Жизнь полна фальсификаций. Кругом чествования лиц, в действительности, заслуживающих совсем иного. Так теперь чествование Н. В. Бугаева, пришлось подписать ему адрес. Может быть его деятельность как ученого и хороша, но поведение его в Университете во многом холловское...

Ни на какие эти чествования не пойду.

Для высшего женского образования поднят вопрос о сельскохозяйственном факультете. Я думаю это единственно правильное решение. Как бы ни были плохи медицинские факультеты, все же они лучше медицинской академии.

Жизнь заставляет выступать в вопросах высшего образования. А между тем нет теперь возможности делать что-

¹⁷² Отточие В. И. Вернадского.

¹⁷³ Место написания установлено по содержанию (ААН СССР, ф. 518, оп. 2, д. 6, л. 19—19 об.).

нибудь. Теперь время идейной пропаганды, русский человек лишен возможности действовать в России.

Из дневника . . . 21 марта 1900 г. Москва¹⁷⁴

»«

... Служит ли необходимым элементом современной полной жизни участие человека в общественной жизни. Насколько гражданственность в этом смысле есть важный элемент общего развития?

Невольно ставятся вопросы, связанные с ходом истории. Есть ли в ней смысл, что дает ей содержание? Прочел на днях 3-й том Дройзена: История эллинизма¹⁷⁵. В нем чувствуется ясное сознание государственного смысла коллективной работы. Он также необходим для человека, как и полнота прав гражданских. Не важно ими вполне пользоваться, но важно иметь возможность пользоваться, когда этого потребует человеческое сознание. Без этого нет чувства удовлетворения...

Из дневника . . . 1—2 апреля 1900 г. Москва

»«

В «Жизни» рассказ Горького (Пешкова): «Мужики»¹⁷⁶. Интересен как profession de foi¹⁷⁷. Горький в года два-три приобрел крупную известность. Отчасти в обществе чувствовалась потребность пригреть всякий живой талант. Неудачный конец его большого романа (Фома Гордеев)¹⁷⁸ мало повредил делу. Несомненно, его очерки талаптливы. О них были разговоры, чего давно не было о лицах начинающих писателей, вне узкой группы специалистов.

Рассказ «Мужики» интересен по попытке дать выражение несомненному факту — полному слиянию народа и интеллигенции: между ними нет границы. Еще двадцать лет назад она чувствовалась сильно и ярко и было общим и главным выражением против всякой живой общественной деятельности интеллигенции. Эти речи в устах предшествовавших мне поколений были еще гораздо сильнее. Что даст это новое течение в русской жизни?

¹⁷⁴ Место написания установлено по содержанию (ААН СССР, ф. 518, оп. 2, д. 6, л. 9 об.).

¹⁷⁵ Дройзен И. Г. История эллинизма. М., 1893, т. 3.

¹⁷⁶ Горький А. М. Мужики. Очерки. — Жизнь, 1900, т. III (март), с. 128—161, т. IV (апрель), с. 1—34.

¹⁷⁷ — исповедание веры, изложение своих взглядов (фр.).

¹⁷⁸ Горький А. М. Полн. собр. соч. М., 1963, т. IV, с. 179—181.

Найдет ли оно рамки общественной жизни в петлях русской чиновничьей паутины?

Из дневника. . . 8 апреля 1900 г. Москва ¹⁷⁹

...Вернувшись с вокзала, я застал Гулю¹⁸⁰, который не спал; ты получила письма из Полтавы и Орла, он их вскрыл, прочел, нашел в них рецепты и очень волновался, не зная, что делать. Я не решился заметить ему, что нельзя вскрывать писем, он сделал это с такого bona fide¹⁸¹, весь проникнутый чувством семейственности, которое еще не затронуто у него ни критикой мысли, ни критикой жизни. . . Это самое сильное, большое и глубокое, во что он [вошел] и чего касаться можно очень лишь осторожно.

*Из письма к Н. Е. Вернадской 19 апреля*¹⁸² 1900 г. Москва

»«

... Я жду с нетерпением твоих известий о свидании с Ниночкой¹⁸³ и сам очень жду ее видеть: я не могу проходить мимо малышей, чтобы не вспомнить своей крошки, сердце забивается сильнее и смотришь на них с невольной нежностью. . .

Рукопись о Ломоносове сдал в печать. . .¹⁸⁴

Из письма к Н. Е. Вернадской 23 мая 1900 г. Вернадка

»«

... Известия о земских делах очень неутешительны. По-видимому, и в общее собрание Государственного Совета вопрос не перейдет, но государь, конечно, согласится с меньшинством. Придется уходить из земства. Жизнь растет, но исчезают (временно) формы общественной деятельности: надо уходить к вечным источникам силы и независимым от бюрократической и государственной машины вопросам знания, философии, искусства, и с точки зрения этих общечеловеческих основ разрушать ту плесень и гниль, которая теперь всем завладевает.

Из письма к Н. Е. Вернадской 29 мая 1900 г. Москва

»«

Летом в середине июня я принял участие в Международном геологическом конгрессе и в экскурсии по минеральным месторождениям Франции. . .

¹⁷⁹ Место написания установлено по содержанию (ААН СССР, ф. 518, оп. 2, д. 6, лл. 22 об.—23).

¹⁸⁰ — Георгий Владимирович Вернадский.

¹⁸¹ — по доброй воле, чистосердечно (лат.).

¹⁸² — месяц написания установлен по содержанию (ААН СССР, ф. 518, оп. 7, д. 46).

¹⁸³ — дочь В. И. Вернадского.

¹⁸⁴ Вернадский В. И. О значении трудов Ломоносова в минералогии и геологии. М., 1900.

Я заехал в Гаагу, где работал в библиотеках, по истории науки.

«Главнейшие биографические даты. . .» [1943 г. Боровое]

»«

... Если, как я надеюсь, здешняя библиотека богата произведениями XVII и XVIII вв., я смогу далеко подвинуть свою работу о кристаллографах XVII ст., большинство которых тесно связано с голландской умственной жизнью этого времени. . . Голландию видел мало — проехал «большую часть ее ночью и должно быть не будет времени ознакомиться порядочно с нею, но времени на все не хватит и лучше сделать что-нибудь малое, чем погнавшись за всем и ничего не добиться. . .

Из письма к Н. Е. Вернадской 9/22 июля 1900 г. Гаага

»«

... Работа разрастается, и я все более ориентируюсь. Хочу взять вопрос в связи с изучением философского движения этого времени. Мне приходится коснуться следующих лиц, работавших по кристаллографии: Кеплер—Ван Гельмонт—Дависсон—Декарт—Гассенди—Э. Бартолин—Левенгук—Бойль—Гук—Стенсен—Гульельмини — Гюйгенс. Большинство из них играли крупную роль в умственном и философском движении века. Но уже теперь для меня ясно, что наши представления о ходе развития этой отрасли знания неверны. И вообще, поразительно слабо разработана история мысли! . . .

Из письма к Н. Е. Вернадской 13/26 июля 1900 г. Гаага

»«

... Я начал более систематично обрабатывать очерк истории кристаллографии XVII века и наталкиваюсь на многое новое любопытное. Мне кажется, можно доказать, что к концу XVII столетия к работам Гюйгенса и Гульельмини все главные философские важные явления были открыты: понятие о пост[оянстве] граней, углов, комбинации (и пояса?), рост кристаллов, явление двупреломления, понятие однородности, теория строения кристаллов, векториальность их свойств и т. п. — все это ясно в простых и нередко красивых образах. А затем полный упадок в конце 18, начале 19 столетия все открывается вновь, иным путем. Двойное открытие крайне любопытно с точки зрения психологии творчества и многие данные здесь интересны. Но я думаю, что в XVII столетии был достигнут результат, который еще чужд нашему времени — все эти данные кристаллографии были тесно свя-

заны с научным мировоззрением, чего теперь нет, ибо несомненно глубокое философское значение кристаллографии вполне непонятно и неясно нашим современникам.

Из письма к Я. В. Самойлову 14/27 июля 1900 г. Гаага

»«

... Вчера был в концерте в церкви — некоторые вещи на меня произвели сильное впечатление — особенно арии Баха (орган с скрипкой в первый раз слышал), мне казалось, что эти звуки как-то проникают в меня глубоко, глубоко, что им ритмически отвечают какие-то движения души, и все мое хорошее, сильное собирается в полные гармонии движения. Слышал знаменитую тройную фугу Баха — красоту ее сознаю, но она оставила меня холодным, может быть вследствие, как мне казалось, сухой игры Коопмана на органе. Я совсем начинаю увлекаться музыкой — хочется ознакомиться с ее теорией и историей. Сегодня вечером, если не будет дождя, поеду опять в концерт в Шевенинген...

Из письма к Н. Е. Вернадской 19 июля/1 августа 1900 г. Гаага

»«

... пишу несколько слов из Монлюсона, куда приехал почевать. Сегодня началась экскурсия, и я очень доволен. Огромное большинство не приехало и поставило Де Лоне в неприятное положение — едем 4 — Де Лоне, Фогт, я и молодой французский геолог Лсмуан. Для меня такая поездка небольшой компанией еще лучше, т. к. больше видишь, — а Де Лоне и Фогт — как два тех лица в Европе (француз и норвежец), которые больше всего знают и работают в области генезиса минералов и руд; так что лучших условий нельзя и ждать. Все три спутника очень симпатичны.

Из письма к Н. Е. Вернадской 24 июля (6 августа) 1900 г. Монлюсон

»«

... Мы проделали экскурсию в камелноугольные копи на юге Франции, открытые разработки.

Я в это время интересовался нахождением баритов в камелноугольных месторождениях и спрашивал об этом Де Лоне. Он говорил, что никогда этого не замечал. И вдруг неожиданно я увидел щетку кристаллов барита. Образец этот, к сожалению, я должен был ему подарить для музея, другого мы не нашли.

Мне кажется, в Монлюсоне я впервые видел горячий источник, который выделял кристаллический аурипигмент в кремнистых отложениях.

В этой же экскурсии я впервые видел железные руды (так называемые бурые железняки — в действительности в значительной мере ферро и ферри-хлориты) — более древние аналоги наших Керченских руд, которые я исследовал позже и которыми специально занялся С. П. Попов.

Посетил я горячие источники Мон-Дор...

Во время этой поездки я согласился с Фогтом посмотреть внимательно месторождения России для большого справочника по полезным ископаемым, который он готовил вместе с Штольцнером, но, к сожалению, не мог в срок этого сделать и должен был отказаться. Это не нарушило наши хорошие отношения, но я до сих пор жалею, что не сумел рассчитать свое время и вспоминаю с неприятным чувством о своем легкомыслии...

«Главнейшие биографические даты...» [1943 г. Боровое]

»«

... Поездкой своей я очень доволен и об ней напишу тебе подробнее вскоре. Теперь только некоторые чисто личные впечатления: несмотря на то, что Де Лоне и Фогт — самые лучшие из живых знатоки этой отрасли минералогии — я не чувствую совсем себя в положении ученика — а наоборот — равным. Обсуждения и споры — и общие поднимаемые вопросы были очень интересны...

Из письма к Н. Е. Вернадской 29 июля/12 августа 1900 г. Париж

»«

... Вчера было 1-ое заседание конгресса, и я провел много времени с Гротом, с которым много говорил...

Из письма к Н. Е. Вернадской 4/17 августа 1900 г. Париж

»«

... Доклады не имеют смысла в Конгрессе. И они представляют пережиток старого, здесь должны быть экскурсии, демонстрации, деловые специальные обсуждения, может быть общие речи выдающихся ученых. Ходить на доклады я не стану...

Из письма к Н. Е. Вернадской 5/19 августа 1900 г. Париж

»«

... Я решил не оставаться позже 1-го сентября. Вынес много — нечего еще сидеть — надо приняться за работу. Я с нетерпением жду от тебя известий, когда ты вернешься. И мне кажется войду в жизнь в этом году — полный сил и желаний. У меня масса проектов — научных, новых мыслей, идей и ясное сознание достижения. Знаешь, в душе у меня иногда теперь является скверное чувство — какое-то сознание своей силы. Я пишу — сквер-

ное, потому что мне иногда — и часто — кажется, что это тот самообман, который часто встречаешь кругом, и ясно видишь, как оно ложно и неверно. Но в разговорах и столкновениях с окружающими невольно это чувство все-таки берет верх. И если оно не вполне ложно — то оно выразится в жизни.

Из письма к Н. Е. Вернадской 11/24 августа 1900 г. Париж

»«

...Завтра земское собрание, и я отовсюду слышу, что меня там ждут. И я не знаю как тебе выразить, как мне это тяжело. Быть на виду, быть в положении так или иначе вождя — это такое тяжелое, мучительно мне неприятное состояние. А между тем, рассуждая холодным рассудком, я понимаю, что при теперешнем положении Моршанского земства — это так и быть должно: на безрыбье и рак — рыба, но тяжело и противно быть в положении рака, ставшего de facto рыбой. Если бы я мог ясно убедить себя в ненужности той культурной работы, которая делается земством! Или которой могу иногда достигать и я благодаря случайно сложившемуся моему положению в собрании! Но в действительности, здесь на месте все эти меры принимают для меня ясную форму конкретно доброго, нужного дела. И как на иску, идешь на собрание...

Из письма к Н. Е. Вернадской 26 сентября 1900 г. Вернадовка

»«

Всюду кругом растет сложность жизни, чувствуется утомление от бесконечного, необъятного, надвигающегося со всех сторон «мира», т. е. того, что доступно для познания и что интересно познать. Сильно чувствуются недостатки и пробелы знания и в то же время силы и ум совсем подавляются, когда перед ними промелькнет необъятная область доступного к познанию и неуловимого...¹⁸⁵ Особенно это ясно чувствуется, когда углубляешься в один какой-нибудь вопрос.

Сегодня в концерте Шора и др. пронеслись простые красивые звуки музыки 18 столетия, и в моей душе как-то чувствовалась тесная связь их с салонной — более или менее аристократической жизнью века. Особенно у Гайдна это переходит в какую-то тесную, неразрывную связь.

Только у Баха, Генделя сильнее чувствуется влияние «народной» — во всяком случае широкой, вековой церковной жизни, если не по форме, то по настроению?

¹⁸⁵ Отточие В. И. Вернадского.

А Рамо, Скарлатти, Корелли — блестящие красивые отблески той светской жизни, которая дала приют и научной жизни того времени и приютила, развила и выделила великих социальных реформаторов, пропиталась их идеями и дала им силу, красоту и содержание...

... Не есть ли это все же люди 18 столетия, одетые в наш костюм — как актеры в исторических драмах и комедиях? Нет тех инструментов, нет той манеры играть, той инструментовки. Звуки не те и лишь один скелет их произведений сохраняется? Или как в «народной» песне и «народной» сказке старина вечно юная благодаря постоянной бессознательной переработке новыми поколениями передатчиков?

В русской жизни теперь только один путь — жить самому по себе вне созданных рамок, которые, правда, дают почет, «славу» и положение, — но вынимают душу, растрачивают время и силы. И это есть настоящее общественное дело, потому что те люди, которые чувствуют в себе силу идти своим путем к намеченной ими вечной цели, делают этим самым общественное служение, ибо только такое общество может быть сильно и не погибнет под напором других в нем растущих организаций — например у нас под влиянием бюрократического правительства...

И теперь для меня ясна цель — твердая научная работа: она по существу не ладит с бюрократическим университетским строем, но не входя и не тратя сил на борьбу, можно создать живую научную работу и провести здесь в жизни — живую струю не только слежения за наукой, ее обладанием или изложением, но настоящей созидательной работы в научной области.

Из дневника... 29 октября 1900 г. Москва¹⁸⁶

»«

Жизнь все-таки идет своей чередой. Несмотря на реакцию, на стеснения, которым подвергается общество, чувствуется, что общество крепнет и помимо теснящих его рамок вырабатывает себе условия жизни. Тесные рамки непрочны и быстро падут в благоприятный момент...

Политическая роль земства постепенно сглаживается и сама идея самоуправления оказывается несовместимой с государственной бюрократической машиной. Оно и понятно, т. к. ясно проникло огромные слои русской жизни

¹⁸⁶ Место написания установлено по содержанию (ААН СССР, ф. 518, оп. 2, д. 6, л. 25—25 об.).

сознание необходимости политической свободы и возможности достигнуть ее путем развития самоуправления. Вероятно, земство должно быть уничтожено, т. к. при таком общественном сознании и настроении не может быть достигнуто устойчивое равновесие: или самоуправление должно расширяться, или постепенно гибнуть в столкновении с бюрократией.

В то же время на моих глазах рушится другая форма — общественная. Здесь борьба для правительства труднее, т. к. эти общества теснее сплетаются с мелкими формами и интересами быта... Рассказывают, что слежение за обществами является одной из главных функций 3-го товарища Министерства внутренних дел. Целый ряд обществ пострадало: Вольно-экономическое (борьба против которого приняла характер общественного события) [45], Московское юридическое [46], одно в Тифлисе, комитеты грамотности и т. д. [47]. Наряду с этим начались отдельные меры — иногда в щедринском духе — например речи Боголепова в Туле и других местах. Здесь теперь «пугают» всякими мелочными придириками — например в Обществе испытателей природы я читал заметку памяти Н. М. Сибирцева¹⁸⁷ и был запрос, т. к. ее не было в помещенной в газетах программе (утвержденной губернатором). Целый ряд таких закулисных «страхов» наблюдается в Педагогическом обществе — самом живом в Москве [48]. И все же общества растут и увеличиваются в размерах и значении и всюду растет в них чувство придушенности.

Насколько важны такие психологические моменты в жизни общества?

Из дневника... 3 ноября 1900 г. Москва¹⁸⁸

»«

... В общем при ясном и сознательном интересе к этим всем земским вопросам, при полном понимании важности Земства мне с каждым годом все труднее и труднее эта работа, т. к. она тяжела мне необходимостью говорить, спорить и вообще той стороной, которая связана со всяким убеждением и отстаиванием своих мнений. Я вполне сознаю всю ненормальность этого чувства и иногда мне

¹⁸⁷ Памяти Н. М. Сибирцева. — Bulletin de la Société des naturalistes de Moscou. M., 1901, t. 14, N 4, p. 45—50.

¹⁸⁸ Место написания установлено по содержанию (ААН СССР, ф. 518, оп. 2, д. 6, лл. 25 об.—26).

кажется это какое-то психическое болезненное настроение. Когда со мной соглашаются, ко мне прислушиваются и исполняют мое желание, — я чувствую удивление и в значительной степени неприятное впечатление. Я как раз в таком положении теперь с больницей...

Из письма к Н. Е. Вернадской 3 декабря 1900 г. Тамбов

»«

... Доклад в Обществе испытателей природы «Памяти Н. М. Сибирцева»¹⁸⁹. В нем впервые указано, что прекращение почвенных исследований земствами произошло вследствие запрещения им заниматься составлением почвенной карты.

Помещены мои статьи [в протоколах Общества испытателей природы] о стильномелане и турингите¹⁹⁰ — минералах, доставленных мне моими учениками и впервые наблюдаемых в России, — А. Винокуровым и В. Г. Орловским.

Умер в своем имении в Крыму, в «профессорском уголке» бывший много лет в отставке профессор Новороссийского университета в Одессе, П. А. Головкинский, оригинально, самостоятельно мысливший геолог, оказавший на меня большое влияние.

Разговоры с ним и знакомство с его недоконченными лекциями мне в свое время много дали в 1899 г.

Одна из тем, которую он впервые передо мной поставил, — вопрос о конденсации воды из паров воздуха кучами камней. Эти кучи камней приписывались генуэзцам.

По сравнению с Докучаевым и Иностранцевым Головкинский казался мне более европейским исследователем с широким кругозором. В земской жизни Крыма он играл большую роль и был земским гидрологом...

«Главнейшие биографические даты...» [1943 г. Боровое]

»«

Вышла статья о Ломоносове¹⁹¹.

«Главнейшие биографические даты...» [1943 г. Боровое]

¹⁸⁹ Вернадский В. И. — Bulletin de la Société des naturalistes de Moscou. M., 1901, t. 14, N 4, p. 45—50.

¹⁹⁰ Вернадский В. И. О турингите и стильномелане русских месторождений. — Там же, с. 41—45.

¹⁹¹ Вернадский В. И. О значении трудов Ломоносова в минералогии и геологии. М., 1900.

Грот напечатал мою классификацию силикатов¹⁹², что для меня было неожиданно. Он только исправил язык (раньше она была использована только в книжке братьев Аш). Основы ее были выработаны уже в 1891 г. . .

**Главнейшие биографические даты. . .* [1943 г. Боровое]

»«

В «Бюллетене общества испытателей природы» — моя статья о шаровых выделениях графита в Ильменских горах (совместно с А. О. Шкляревским). . .¹⁹³

**Главнейшие биографические даты. . .* [1943 г. Боровое]

»«

. . . Вчера вечером у меня был Яков Филиппович¹⁹⁴, с которым мы заканчиваем обзор работ по минералогии России¹⁹⁵ для сборника Криштафовича, и придет еще сегодня вечером. . .

*Из письма к Н. Е. Вернадской 27 марта 1901 г. Москва*¹⁹⁰

»«

Сильным возражением с научной точки зрения против независимости духа от материи является то, что «дух» и духовное начало связано лишь с небольшой, резко обособленной частью материи. Так или иначе, психические проявления известны только в соединениях углерода и, очень возможно, различные их степени зависят от характера образующихся при этом соединений углерода и их комбинаций. Если бы такой связи не было и идейная сторона человеческой жизни или вообще психическая сторона существования живых существ не являлась простым проявлением свойств этого вещества, — странно было бы думать, что только в таких телах и таких комбинациях элементов возможно ее проявление. Отчего ей не проявляться в других химических телах?

Отчего, принимая хоть что-нибудь независимое от

¹⁹² Zur Theorie der Silikate-Zeitschrift für Krystallographie (und Mineralogie). Leipzig, 1901, Bd. 34, N. 1, S. 36—66.

¹⁹³ Вернадский В. И. и Шкляревский А. О. О шаровых выделениях графита из Ильменских гор. — Bulletin de la Société des naturalistes de Moscou. M., 1901, t. 14, N 3, p. 367—370.

¹⁹⁴ — Самойлов.

¹⁹⁵ Вернадский В. И., Самойлов Я. Ф. Обзор работ по минералогии России за 1897 и 1898 гг. — Ежегодник по геологии и минералогии России, 1900—1901, т. 4, отд. 3, с. 49—136.

¹⁹⁶ Место написания установлено по штемпелю на почтовой открытке (ААН СССР, ф. 518, оп. 7, д. 47, л. 8).

субстрата в человеке или животном, это «что-нибудь» не будет проявляться и в других телах? . . .

Во всяком случае, говорить теперь о психических и душевных (и идейных) явлениях только как о проявлениях свойств материи нельзя, можно лишь говорить о проявлении свойств соединений углерода, если не допустить перехода одного элемента в другой.

Это воззрение — алхимистическое — в сущности составляет субстрат нашей научной мысли. . .

*Из дневника. . . 1 апреля 1901 г. Москва*¹⁹⁷

»«

. . . Земское выборное собрание будет в Моршанске 19 июня, и в этот день я непременно должен быть в Моршанске, иначе я не попаду в гласные, а я не хочу пока оставлять земскую службу.

*Из письма к Н. Е. Вернадской 3 мая 1901 г. Москва*¹⁹⁸

»«

. . . Сегодня получен циркуляр Ванновского: вопрос об университетской коренной реформе официально поднят и теперь, я думаю, очень многое, если не все, зависит от того найдутся ли в университетской среде сильные и смелые люди долга, которые сделают, что должны в этот важный момент в истории русского просвещения. В своем циркуляре Ванновский между прочим говорит: «Не стесняя какими-либо рамками суждений советов и ожидая их мнений по всем вопросам, которым в интересах дела они придадут значение, я, с своей стороны, желал бы иметь их мотивированные заключения по прилагаемым к настоящему предложению вопросам». Вопросы выбраны и поставлены превосходно. В них видна программа и пересмотр делается на почве устава 1863 года. Выйдет или не выйдет из всего этого что-нибудь — трудно сказать, но факт не может быть вычеркнут и взят назад. Срок заключений к 1 октября и даже раньше.

*Из письма к Н. Е. Вернадской 5 мая 1901 г. Москва*¹⁹⁹

»«

. . . Вчера вечером было 1-ое заседание Совета, во вторник — 2-ое. Как видишь, быстро и часто, первое заседание

¹⁹⁷ Место написания установлено по содержанию (ААН СССР, ф. 518, оп. 161, л. 1—1 об.).

¹⁹⁸ Место написания установлено по содержанию письма (ААН СССР, ф. 518, оп. 7, д. 47).

¹⁹⁹ Место написания установлено по содержанию письма (ААН СССР, ф. 518, оп. 7, д. 47).

было посвящено вопросу об избранном и назначенном ректоре. Совет большинством всех голосов против одного (Тихомирова) решил, что правильная постановка университетской жизни возможна только при выбранных ректоре и декане, и решил этот свой взгляд положить в основу своих дальнейших рассуждений об ответе министру.

... Я думаю, это решение будет иметь большое значение для хода всего дальнейшего обсуждения. По частным известиям, в С.-Петербурге, Харькове, Варшаве, Казани и Юрьеве в общем в общих основах всюду выставляется необходимость автономии; не знаю про Киев, Томск и Одессу, но, вероятно, и там.

Из письма к Н. Е. Вернадской 13 мая 1901 г. Москва²⁰⁰

»«

... Целые дни теперь очень занят — экзамены и заседания, посвященные обсуждению вопроса университета. Что будет с университетом — совсем не ясно. Можно ждать хорошего и скверного, но я думаю, что хотя реформа будет и хромая, она все же даст возможность дышать в Университете...

Из письма к Н. Е. Вернадской 17 мая 1901 г. Москва²⁰¹

»«

... Чудная погода — не жарко и ясно, но за этой погодой скрывается грозный признак бедствия. Уже 1½ месяца засуха, и хлеба начинают гибнуть: если продержится (без дождя) еще неделю, то будет неурожай со всеми последствиями. С Заволжья и Поволжья идут и теперь грозные толки, и может повториться страшный голодный год 91—92 гг. Так на душе беспокойно и невольно болезненно сильно переживаешь общую беду...

Из письма к Н. Е. Вернадской 13 июня 1901 г. Вернадовка

»«

... Если еще неделю не будет дождей — будет очень плохо. Кругом молебствия по полям к богу, как в древние времена — всюду та же картина — мозаичности мысли...

Здесь я каждый день делаю поездки по окрестностям и пытаюсь выяснить себе строение местности, частью из общего интереса, частью из желания найти в имении песок для необходимого бы кирпичного завода. Пока не-

²⁰⁰ Место написания установлено по содержанию письма (ААН СССР, ф. 518, оп. 7, д. 47).

²⁰¹ Место написания установлено по содержанию письма (ААН СССР, ф. 518, оп. 7, д. 47).

удачно, но на границе земли нашей и даже на нашей — нашел марганцевую руду, впрочем, очень неважного качества и практически неинтересную. Но научно она меня очень заинтересовала и у меня ясно выясняется картина ее генезиса и рождается ряд мыслей.

Из письма к Н. Е. Вернадской 15 июня 1901 г. Вернадовка

»«

Глубокоуважаемый Лев Николаевич,

Позвольте от моей жены и меня выразить Вам чувство нашего глубокого волнения при вести о Вашей болезни и чувство сердечной, искренней радости нашей, когда мы узнали о ее благополучном лечении. Нам редко приходится видеть Вас, но мы сохраняем самое сильное и дорогое нам впечатление от всякого свидания с Вами и с глубоким, искренним сочувствием всегда следим и считаемся с каждым мнением Вашим и Вашей деятельностью. Хотя мы во многом придерживаемся других взглядов и мнений, чем какие охватывают Вас, но не бесследно прошли и проходят в нашей духовной жизни Ваши стремления высказать правду, как Вы ее понимаете. С чувством горячей любви и искреннего, самого высокого уважения привыкли мы издавна относиться к Вам и потому я решаюсь послать Вам эти несколько строк, выражающих наше чувство. Мы верим и надеемся, что еще долго дано Вам будет жить среди нас — Ваша мысль и Ваша жизнь так нужна всем, желающим искренно понять Истину, которая Вам так дорога.

Ваш В. Вернадский

Письмо Л. Н. Толстому 9 июля 1901 г. Полтава

»«

... Так давно привыкли мысль и чувство жить в оппозиционной среде русской жизни. Невольно привык считать, что нет семьи, где бы не было жертв политической оппозиционной борьбы, и не привык встречать чувство обратного.

Из дневника... 12 июля 1901 г. Москва²⁰²

»«

... Дух научного искания тождествен и неразрывно связан с чувством человеческого достоинства, а потому в явной, открытой общественной жизни он не может не быть положен в основу явных действий. Отклонения лич-

²⁰² Место написания установлено по содержанию (ААН СССР, ф. 518, оп. 1, д. 161, л. 7 об.).

ной нравственности или нравственности меньших групп, научно высокоразвитых, совершаются всегда тайно и идут в противоречии с основным принципом научного развития. Наука основана на основе свободы человеческого разума, тесно и неразрывно связанного с демократическим духом равенства...

Из дневника... 22 июля 1901 г. Москва²⁰³

»«

... Летом совершил экскурсию в Саратов с Димо (учеником Н. М. Сибирцева) в связи с минеральными процессами в осадочных породах.

Посещение Радищевского музея и статья о нем в «Саратовском дневнике»...

«Главнейшие биографические даты...» [1943 г. Боровое]

»«

... К удивлению, в здешнем Радищевском художественном музее встретил большую минералогическую коллекцию, в довольноном порядке. Она имеет научное значение, т. к. происходит от начала 19 или конца 18 столетия и дает образцы с Урала с исчезнувших рудников. Для меня было много интересного, и я просидел сегодня над ней часа 4. Хочу поместить о ней заметку в «Саратовском дневнике» и напишу ее завтра. Составлял ее, судя по датам и записям, какой-то неизвестный любитель, бывший для своего времени впереди, — она составлена с научным чутьем. Один из таких неведомых научных работников, которые в сущности создают культурную среду общества. Меня вообще сильно интересует роль «малых сил» в общей культурной истории мысли...

Из письма к Н. Е. Вернадской 20 августа 1901 г. Саратов

»«

... вчера приехал в Москву... Сразу вошел в университетскую возню. В 2 часа была строительная комиссия, а в 3¹/₂ часа меня пригласили в Комиссию Трубецкого...

Из письма к Н. Е. Вернадской 26 августа 1901 г. Москва

»«

... С понедельника начну заниматься в лаборатории (тянет) — хочу поставить новые опыты над образованием силикатов из глины действием металлов (начну с магния). Отчасти *experimentum crucis*²⁰⁴ — с точки зрения моей

²⁰³ Место написания установлено по содержанию (ААН СССР, ф. 518, оп. 1, д. 161, лл. 9 об.—10).

²⁰⁴ — решающий эксперимент (лат.).

теории должен быть новый общий метод получения этих тел, с точки зрения обычных воззрений — ничего не должно получиться. У меня как-то теперь с особенной силой выразилось стремление к научной исследовательской работе (волевой сознательный элемент в научной работе), и я буду вести такую работу, посвящая ей половину своего лабораторного времени. В голове много новых и старых мыслей. Я хочу идти не по исследованным путям, а находить сами пути. Нередко охватывает всего, временами, странное чувство силы — мыслей, реально исполнимых, принявших конкретную форму возможного опыта и явственно видной цели так много — одна является за другой бесконечной целью...

Много будет работы, но тем лучше. Начну сегодня же готовиться к лекциям и курс кристаллографии хочу печатать с осени же. А у меня написана только часть: отделять же буду параллельно чтению лекций.

Из письма к Н. Е. Вернадской 26 августа 1901 г. Москва

»«

... Кругом слышишь о продолжающихся обысках, арестах и проч. Если слышу о них я, стоя совсем вдали от всех этих течений, — то сколько движения и волнения среди лиц, близко причастных к оппозиционным движениям!...

Из дневника... 26 августа 1901 г. [Москва]²⁰⁵

»«

... Сегодня начал читать лекции — много студентов...

... Слишком много всяких заседаний и совсем не остается время работать. Общественная жизнь хорошо, но еще лучше научная работа, — а ей как-то мало места. Хотя бы иметь долю честолюбия! А то мне даже неприятно, когда хвалят (например, мою записку), стараешься перевести разговор и т. д.

Из письма к Н. Е. Вернадской 6 сентября 1901 г. Москва

»«

... С осени начал лекции на Высших женских курсах, Е. Д. Ревуцкая была ассистенткой...

Коллективные уроки были закрыты, но открылись курсы Герье, куда я тоже получил приглашение читать кристаллографию и минералогию. Вся организация сохранилась, но Шереметевская отошла.

²⁰⁵ Место написания установлено по содержанию (ААН СССР, ф. 518, оп. 1, д. 161, л. 35).

Инспектор В. Ф. Давыдовский оказался порядочным человеком и очень тактичным.

Кристаллография и минералогия читались на 2-м курсе, т. ч. я прочел свой курс в 1901 г.

Мы с Е. Д. Ревуцкой получили разрешение поставить один шкаф в коридоре, и из него впоследствии в 1911 г. вырос минералогический кабинет...

«Главнейшие биографические ватты...» [1943 г. Горьков]

»«

... Революционное движение перешло в рабочие классы: переход совершился чрезвычайно быстро и задержать его не удастся. Очевидно правительственная власть чисто грубыми полицейскими мерами не сладит. Высылка из городов в деревни — лишь ускоряет переход этого движения к крестьянству. Переход этот — вопрос времени, и как скоро он может быть. Существует глухая вековая вражда и постоянные условия ее возбуждающие. Вопрос очень серьезный и сильный...

Из Онегича... 8 декабря 1901 г. Тамбов

1902

... Еду на осмотр нефтяных промыслов около Грозного [49]... в Серноводске меня встретил Родненский, очень хороший юноша, наш студент, и мы сделали чрезвычайно интересную для меня поездку в Михайловское... По описанию «асфальт» около Михайловского, единственное месторождение на Кавказе, никуда не мог попасть в схему этих месторождений, которые я придавал этому месторождению, и я думал, что это другой минерал. Но оказался асфальт, только условия его генезиса были выяснены неверно... В то же время и горячие источники выяснены для меня с химической стороны. «Окисленный сероводород» горных инженеров оказался опалом, и ясна целая страница истории этой местности...

Из письма к Н. Е. Вернадской 13 апреля 1902 г. Грозный

»«

... только что вернулись с экскурсии, где видели очень много, и погода исправилась. Через два часа едем в Петровское, где ночуем, и опять целый день — первый день пасхи — экскурсируем. Сегодня первый раз видел выходы естественные нефти и большие ее разработки...

Из письма к Н. Е. Вернадской 13 апреля 1902 г. Грозный

»«

... Наша поездка до сих пор идет очень удачно и видели и вынесли мы необыкновенно много. Вчера в Петровском... мы сделали большую поездку на целый день в отроги Терского хребта — в Кичи Уйташ и Кукуртау... В Кукуртау посетили серный рудник, собрали лучшие, какие я видел, для Кавказа кристаллы серы; генезис месторождений для меня ясен, и я в первый раз видел этот тип... Сегодня приехали сюда, где нас встретил Шелковников²⁰⁶. Он подготовил нам многое, и сегодня с ним и с другим моим учеником Эминовым посетили Биб-Эйбиг. Они устроили полное посещение Нобелевского дела, т. к. родственник Эминова главноуправляющий Нобеля. Выеду отсюда вероятно послезавтра. Думаем завтра и послезавтра осмотреть все производство Нобеля в окрестностях Баку, затем поедем на сопки в Алят и Куби, по дороге в Тифлис, оттуда в Шемаху. Здесь поместился отлично благодаря Шелковникову и Эминову, которыевятся со мной так, что мне совестно...

Из письма к Н. Е. Вернадской 15 апреля 1902 г. Баку

»«

Нельзя себе представить, какое тягостное и в то же время оригинальное впечатление производит Баку и его окрестности: без деревьев, с массой пыли, без воды, всюду нефтяные вышки, грязь и ужасные ветры. А между тем вырос богатый огромный город...

Из письма к Н. Е. Вернадской 21 апреля 1902 г. Тифлис

»«

Завтра будем в Москве: очень много видел и возвращаюсь полный сил и вновь не отдохнув...

Из письма к Н. Е. Вернадской 27 апреля 1902 г.

»«

Так мне и не пришлось написать тебе дальше после Шемахи. Все время был в разъездах... Впечатлений я вынес очень много и очень разнообразных. Трудно сказать, что иногда производит впечатление — отдельные отрывочные картинки, сцены, отдельные слова. Вспоминаются мне, например, два очень глубоких для меня впечатления. Мы лезли в гору довольно высоко, к расселине Курос-Цвети, около Казбека, где находятся кристаллы горного хрусталя, кальцита, альбита. Идти было трудно. В высоких сапогах я скользил по узкой тропинке, покрытой

²⁰⁶ — фамилия написана неразборчиво.

пучками еще сухой прошлогодней травы. Неловкое движение — и можно полететь вниз. И я как-то всей душой понял, что все дело в воле, в определенном и ясном сознании цели, в ее конкретном желании. Надо ставить определенно и прочно ногу и не давать места страху. Чем дальше, тем хуже. Вот уже близко на глаз гора, а впереди почти отвесный, покрытый той же сухой травой скользкий склон. Идти еще труднее: цепляясь палкой, руками медленно передвигаясь, мы все ближе подходим, и только ясное сознание цели заставляет забывать все и упорно идти вперед. Долго, медленно и иногда безнадежно... Но вот мы влезли. На небольшой площадке, почти отвесной, перед нами открылась удивительная панорама: Казбек с его двумя вершинами и далекие горы, все в снегу, красиво и блестяще освещенные солнцем. А у нас под ногами в узких расщелинах скал места рождения красивых друз хрустали и других минералов, которые мы видим не в экземплярах музеев, а в природной неприкосновенности создания... Спуск был еще тяжелее. И только мысль о цели (как говорил наш проводник, грузин Георгий: «Не надо бояться») — трудное становилось возможным, и я чувствовал, что моя неповоротливая, засидевшаяся природа изгибалась и приспособлялась моей воле... И в этом простом — детски ясным — впечатлении, как-то сразу, во время пути, мне стали ясными более широкие и далекие горизонты жизни. Душа крепла и куда-то рвалась...²⁰⁷

Из письма к Н. Е. Вернадской 29 апреля 1902 г. [Москва]²⁰⁸

»«

... Это время много и хорошо работал над курсом. Я кончаю теперь главу об общих геометрических правильностях многогранников, и мысль моя с удовольствием вошла в эту область. Мне кажется, удалось рельефно вывести общие принципы наблюдаемых геометрических законов и дать им надлежащее место в связи с критикой основных начал в связи с теорией материи. На лето работу прекращаю, но мне хотелось бы еще напечатать одну (5-ю главу) — не знаю, успею ли...

Из письма к Н. Е. Вернадской 9 мая 1902 г. Москва²⁰⁹

²⁰⁷ Многозначие В. И. Вернадского.

²⁰⁸ Место написания установлено по содержанию полного текста письма (ААН СССР, ф. 518, оп. 7, д. 48, л. 12—12 об.).

²⁰⁹ Место написания установлено по содержанию полного текста письма (ААН СССР, ф. 518, оп. 7, д. 48).

»«

... Я пишу и думаю теперь о некоторых вопросах курса — о тех страшных кристаллических структурах, благодаря которым вещество одного и того же состава распадается на две разности — правую и левую.

Из письма к Н. Е. Вернадской 12 мая 1902 г. Москва

»«

... мое настроение тобою неверно понято. Оно не есть следствие личной неудовлетворенности жизнью, как она сложилась у меня, — это гораздо более глубокое — и сильное чувство, связанное с жизнью вообще. Поэтому такое настроение может быть особенно сильно тогда, когда мысль особенно глубоко и хорошо работает, когда дух проникает в окружающее и когда ты чувствуешь ускоренный темп смелого вхождения в окружающую мглу. Искренняя и смелая мысль есть часто страдание. То, что тебя удивляет, — соединение тяжелого настроения по отношению к «целям» жизни и хорошей работы мысли, — совершенно понятно.

Мне не хочется в данную минуту писать более определенно об этих вопросах — мне хотелось бы только дать тебе несколько понять то настроение, которое часто меня охватывает, особенно когда я чувствую сильный и очень глубокий настрой и биение мысли. Теперь я переживаю как раз такой период, и давно я не чувствовал силу напряженности своего аппарата, проникающего глубоко, глубоко в неизведанное. Я не хочу, чтобы ты сочла это настроение пессимизмом — я очень далек от этого философского верования. Пессимизм предполагает возможность существования — хотя бы в идеи — того, в чем я совершенно сомневаюсь, и если бы то, чего не достает пессимисту, было ему каким-нибудь чудом дано, — меня бы это не удовлетворило...

Из письма к Н. Е. Вернадской 17 мая 1902 г. Москва

»«

Сегодня приехал в Берлин... Мне бы очень хотелось передать все разнообразные впечатления этих дней. Мысли бежали, дробились и углублялись, — впечатление дороги, чтения, впечатления Торуня, воспоминания — известия текущей жизни, обдумывание работы — все это временами утомляло, и я находился в непрестанном живом потоке мыслей... В Торунь приехал вечером — почти ночью. Город оказался очень далеко от вокзала, на другой стороне Вислы, и я долго ехал через огромный мост,

цо совершенно пустынным улицам заснувшей крепости. Первое впечатление было неприятное: долго провозился с багажом, надули с извозчиком, и я ехал, не зная, что найду, как выберусь... Но утро, которое я провел в Торуня, дало мне много, и я совсем не жалею, что побывал в нем. Уже в 6 часов городок поднялся. Я обошел его почти весь; путеvodителя не оказалось, но я довольно быстро ориентировался и устроил знакомства!... Наиболее интересно было мне восстановить картину Торуня того времени, когда он сыграл роль в истории мысли. История Коперника связана с Торунем... достаточно посетить первую католическую церковь, чтобы почувствовать скрытое, но сильное биение иной, стиснутой чуждыми рамками жизни. Католическое население сохранилось польское. Польская речь слышится среди простого народа, и здесь ведется энергичная борьба чисто народной газеты «Gazeta Toruńska» с одним из редакторов которой я познакомился. Другой сидит в тюрьме за статьи против немцев. Газета расходуется в 6000 экземпляров... Эти впечатления для меня имели значение живого исторического факта... О Копернике и от Коперника осталось здесь мало. Сохранились немногие дома, ратуша, церкви. В церкви св. Яна, где он был священником, теперь находится как бы национальный музей, в котором сосредоточены следы былой, исторической жизни Польши... Посетил в Торуня городской музей в ратуше и саму ратушу, затем польский музей, приютившийся в частной гостинице... Тут идет борьба на жизнь и смерть с немцами, и польский католический «хлоп» выходит победителем! Никто по-польски не учит — образованные классы не умеют грамотно писать по-польски, литература только политическая и «народная», но ясно и ярко чувствуется, как она сильно и крепко держится народной волею!... Здесь поляки — сторонники русских и России, как чехи и другие славяне, и для меня было это — новое явление, хотя я о нем раньше читал.

Из письма к Н. Е. Вернадской 17 июля 1902 г. Берлин

»«

... Невольно много думаю над курсом — и нахожу его необычайно трудным — а между тем я ясно вижу, что если его не прочту, то ничего не сделаю... Первые лекции — до середины XVII столетия... Мне хочется изложить это в 20—25 лекций и довести таким образом почти до конца 17-го столетия — когда уже начинается более

резкая специализация, когда вновь мощно и глубоко расцвела философия и началось подавляющее влияние фактов. — Мне хочется все время предрержать этот курс в связи с развитием общих идей, с выяснением общего научного миросозерцания. Я думаю, что это совершенно самостоятельный фактор в нашей жизни, влияния которого никто не избежит. И тут и чувствуется недостаток знаний. Завтра хочу начать писать. Но следует обработать так, чтобы через год напечатать. Между прочим здесь достал оба издания 16-го века — Иордана, Неморария — писателя, вероятно, XIII века, у которого нашлись совершенно точные и ясные указания на основные теоремы механики. Их открытие было сделано Галилеем, а предшественника видели в Леонардо да Винчи. Но все это так не изучено. Надо было бы изучить рукописи, т. к. оба издания неполные, а рукописи известны. Но это уже большая работа для будущего.

Из письма к Н. Е. Вернадской 23 июля/6 августа 1902 г. Берлин

»«

... Начал работать в библиотеке и усердно занимаюсь. Сделал уже очень много, благодаря способности быстро читать. Но передо мной раскрывается такая необъятная, плохо разработанная область, что я временами совсем нахожусь в смущении. Я теперь одновременно иду по разным следам, но пока не приступаю ни к каким крупным записям. Выясняю себе отдельные вопросы, главным образом, касающиеся лиц... Библиотека огромная; работаю в ней 8—9 часов... Передо мной раскрывается огромная, малоразработанная область человеческой мысли, но все время глубоко тяжелое чувство недостатка своих сил и знаний, но я убежден, что справлюсь. Странно, к этой области меня тянуло чуть не с самой ранней юности — а между тем у меня временами беспокойное чувство, что я отрываюсь в область, чуждую эксперимента. Между тем, я так ясно и резко вижу, как недостаточно понимаются самые обычные наши идеи и законы науки благодаря недостаточной критически исторической оценке — такие воззрения, как сила, эволюция, энергия, эфир, волнообразное движение, атом и т. д., требуют исторической критики: иначе они основаны на предрассудках и несомненно такой характер носят в умах очель многих и ученых и публики. Я еще не знаю, как расположу план курса, у меня три плана. Один — очевидно беспосильный — изложение абстрактное:

история науки — есть история мысли; человеческая мысль развивалась и есть законы ее развития, так же как есть законы всякого другого естественного явления. Задачей истории наук должно явиться: найти законы развития мысли, условия открытий, появление «гениев», внутреннего развития методов как научного мышления, так опыты и наблюдения. Тут много любопытных вопросов: почему истина обыкновенно не понимается сразу, каков будет вероятный ход дальнейшего развития мысли, есть ли несколько или только один цикл развития человеческой мысли. Удивительны с этой точки зрения одинаковые приемы работы и научных открытий, которые появляются — например астрономические открытия древних американцев и европейцев, азиатов, хирургические аппараты японцев и европейцев и т. д. Но эта область теперь недоступна мне для работы, т. к. нет точного и полного изложения фактов. Это дело будущего.

Я колеблюсь теперь между двумя путями. Картина развития мысли; общие схемы того, как шло это развитие и как постепенно достигалось научное самосознание. Необходимо в общих чертах идти в хронологическом порядке и, давая общую картину раскрытия перед человеческим сознанием науки, в то же время всюду указывать на отдельные самостоятельные течения, которые замирали, хотя указывали верный путь будущего. Это был бы правильный курс лекций — но для этого надо обладать гораздо большим образованием, чем имею я, так как надо тесно связать такую картину с развитием религии, философии, искусства, литературы, общественного сознания. Наконец, есть третий путь, на котором я должно быть остановлюсь: выработка основных идей научного мирозерцания: понятие о вселенной, атоме, движении, эволюции, виде, химическом элементе, эфире, Земле, минерале, кристалле, ископаемых и т. д. Первая лекция — общее введение.

Из письма к Н. Е. Вернадской 21 июля/3 августа 1902 г. Берлин

»«

Здесь много думается — и в области научной работы, и по отношению к русской жизни, и в области общих философских и религиозных вопросов. Я теперь обдумываю одну из первых вступительных лекций к курсу, которую может быть издам отдельно в «вопросах философии» — об отношении науки и философии (отчасти религии) в развитии мысли. Писать буду в Копенгагене...

Ты знаешь, что я смотрю на значение философии в развитии знания совсем иначе, чем большинство натуралистов, и придаю ей огромное, плодотворное значение. Мне кажется, это стороны одного и того же процесса — стороны, совершенно неизбежные и неотделимые. Они отделяются только в нашем уме. Если бы одна из них заглохла, прекратился бы живой рост другой. Развитие научной мысли никогда долго не идет дедукцией или индукцией — оно должно иметь свои корни в другой — более полной поэзии и фантазии области: это или область жизни, или область искусства или область, не связанная с точной дедукцией или индукцией, рационалистическим процессом — область философии. Философия всегда включает зародыши, иногда даже предвосхищает целые области будущего развития науки, и только благодаря одновременной работе человеческого ума в этой области получается правильная критика неизбежно схематических построений науки. В истории развития научной мысли можно ясно и точно проследить такое значение философии, как корней и жизненной атмосферы научного мышления...

Из письма к Н. Е. Вернадской 24 июля/7 августа 1902 г. Нюрнберг

»«

... Начал писать и работа идет медленно, но, мне кажется, удачно. Я стараюсь отделать мысль, но боюсь, что слишком разрастется работа и общее философское введение займет почти две лекции, если не больше. Но, с другой стороны, нельзя не остановиться на этих основных воззрениях. Я с интересом работаю над этими вопросами, которые здесь только намечаю — до известной степени здесь ставлю points sur les i²¹⁰ долготелней своей мыслительной работе. Очень часто, однако, становится жутко выступать с окончательной оформленностью своей мысли, к которой я не питаю большого уважения и не считаю ее подлежащей публичному выступлению. Было бы приятнее оставить это все для себя и продолжать также работать, как работал до сих пор. Заставляют меня выступить внешние рамки профессора и сознание необходимости выражения такой внутренней работы заурядного научного рабочего, каким я себя знаю, в академической жизни, а следовательно, и в литературе. То, что я передумываю и перечувствую — передумывали и пере-

²¹⁰ — ставлю точки над «и» (фр.).

чувствовали многие другие точные исследователи в настоящее время. А в России перед молодежью должны выступать люди убеждения, должны ставиться общие вопросы, особенно когда они ставят на должное место то, что в жизни теперь теряет свое значение. Для меня этот курс и эта книга (а я теперь ясно вижу, что у меня выйдет — и скоро — книга) есть выражение общественных, гражданских обязанностей.

Из письма к Н. Е. Вернадской 13/26 августа 1902 г. Клямпенбург

1903

... Первые дни около Новой Александрии²¹¹, и в Домброве мы много видели и перед нами начали развертываться основные черты совершенно не изученной, но полной интереса минералогии Польши. Край любопытный и чрезвычайно интересный в этом отношении...

Здесь мы собрали богатейший материал раньше совершенно неизвестных в науке кристаллических минералов этой местности. Каменный уголь прорезан более новой трещиной и по ней подымались [растворы], осаждавшие горный хрусталь, соединения железа и цинка... Утром вчера проснулись, и новый вид — кругом зима. Мы все-таки поехали по железной дороге — верст 80—100 — в Олькуш — центр цинковых рудников, единственных в России. Такой тип отложений цинка некогда существовал еще в Прусской Силезии, затем в Северной Африке... При страшном снеге и вьюге мы поехали на лошадах в Болеславль, за 6 верст, надеясь видеть там что-нибудь в шахтах, и в общем превосходно видели и рассмотрели главную разработку этой местности (и России)...

Гуля ведет себя очень хорошо, и я думаю ему очень интересно. А я чувствую себя довольно странно — в качестве уже старого профессора.

Мы смеемся, что я окружен учениками разных генераций — профессор Самойлов, ассистент Сиома, студент Ненадкевич и гимназист Гуля...

Из письма к Н. Е. Вернадской 6 апреля 1903 г. Кельцы

²¹¹ Письмо отправлено из Царства Польского, где В. И. Вернадский вместе с сыном Георгием и учениками Сиомой и Ненадкевичем с 1—15 апреля 1903 г. проводили экскурсию по маршруту: Новая Александрия, Казимерж, Сосновец, Олькуш, Кельцы. Экскурсию помог организовать и принял в ней участие ученик В. И. Вернадского профессор Я. В. Самойлов.

»«

... Здесь разговоры с Сиомой и Самойловым ставят передо мной много нового в смысле оценки тех сторон деятельности, которую я как-то упускал из виду и не принимал во внимание. Это совершенно новые отношения самостоятельно работающих учеников и их старшего товарища. Оказывается, что они гораздо больше сознают себя школой, чем я...

Из письма к Н. Е. Вернадской 8 апреля 1903 г. Кельцы

»«

Мне хочется вернуться к затронутой вчера теме. Я не понимал, что, в сущности говоря, и по методам работы и по целям все, у меня работавшие, представляют нечто цельное и уже между ними идут с другими споры, толки и разговоры — они возбуждают и возражения и нападают; в то же время все чувствуют себя чем-то единым. Для меня это было совершенно неожиданно, и я в сильной степени, гораздо более резкой, чем раньше чувствую ответственность за характер и направление работ своих и учеников...

Из письма к Н. Е. Вернадской 9 апреля 1903 г. Кельцы

»«

... Чувствую себя хорошо и опять вполне и целиком готов много работать. Настроение мое неважное. Чувствую как бы усталость — не физическую, и общие вопросы, связанные со всем мировоззрением, выступают вперед, гнетут и дают. Отчасти, м. б. это связано с тем новым — и неожиданным для меня — пониманием своего «учительского» отношения к ряду самостоятельно идущих в науке людей... На меня всегда такой «успех» действует болезненно тяжело, и чувство вороны в павлиньих перьях выступает горько и неприятно. Но, конечно, это ни в чем не отразится. Такое сознание слабости и вялости своей мысли и недостатка созидательной силы не уменьшит и не увеличит ее действительной величины и является просто неприятным аксессуаром в независимой от нее работе и жизни...

Все равно с пути, которым пошел, не сверну, так как сознание своей слабости не касается правильности избранного направления и выражения своего сознательного отношения к миру...

Из письма к Н. Е. Вернадской 15 апреля 1903 г. Москва

»«

... Меня все более и более начинают завлекать новые отделы физики, связанные с явлениями, которые проявились нам в радиоактивных веществах и тому подобное. Мне хочется перед летом еще кое-что сделать в этом отношении, и я начинаю понимать, что в некоторых непонятных и «случайных» явлениях мы имеем проявление того же нового для нас понимания вещества, которое начинает раскрываться последние годы. Хочу начать работу в связи с явлениями кристаллизации.

Из письма к Н. Е. Вернадской 15 апреля 1903 г. Москва

»«

... Сегодня закончил и в конце недели сдал в печать последние странички «Кристаллографии»²¹². Печатается медленно более года. Написал и предисловие. Так или иначе это результат моей многолетней работы и мысли. Но сильно чувствуются недостатки труда.

Из письма к Н. Е. Вернадской 22 апреля 1903 г. Москва

»«

... Я начинаю все больше задумываться над явлениями радиальной энергии, над которыми хочу самостоятельно работать. Кое-какие опыты поставлю до отъезда в Полтаву; завтра Умов обещал дать мне немного радия и полония. Если моя идея верна — в кристаллизации удастся открыть новую и неожиданную область явлений! Соединить обе работы трудно, и я пока в некотором недоумении.

Из письма к Н. Е. Вернадской 28 апреля 1903 г. Москва

»«

В Вену может быть приеду раньше, т. к. мы будем жить с семьей где-нибудь в Северной Германии на океане, и я должен буду позже поработать над первыми главами очерков по истории научного мировоззрения, который думаю печатать в августовской книжке «Научного слова». Но особого участия на конгрессе принимать не буду.

Из письма к Я. В. Самойлову 18 марта 1903 г. Москва

»«

... Я начал набрасывать свой первый очерк, который обдумал во время поездки и прогулок; его темой будет 2-я часть вступления в курс, которую я не напечатал

в «Вопросах философии» — Прогресс науки и народные массы.

... Я считаю, что интересы научного прогресса тесно и неразрывно связаны с ростом широкой демократии и гуманитарных построений — и обратно. Мне кажется, мы имеем здесь область явлений, до сих пор очень мало сознанных и выраженных... Много думается — и иногда устаешь от этого — но в общем это вошло в плоть и кровь и так же неизбежно, как дыхание. Но удовольствия процесс мысли не доставляет — даже тогда, когда удается выяснить раньше непонятное...

Из письма к Н. Е. Вернадской 18/31 июля 1903 г. Гейдельберг

»«

... Тема моя о прогрессе науки и народных массах все разрастается. И здесь столько надо обдумать и выяснить себе... Как отражение великих философских идей явился политический радикализм и либерализм начала столетия, — но как первое в истории человечества крупное народное движение под влиянием науки явился социализм. Его предшественники очень интересны. Это были первые пружины. И мне хочется несколько остановиться на них — на Годвине, Оуэне, Шелли, сен-симонистах... Думаю, что у этих первых искателей мысли находится много верного и глубокого. В то же время все яснее становится роль Дидро и энциклопедистов... Но все это наброски мыслей! И столько кругом неизвестного и непонятного...

Из письма к Н. Е. Вернадской 1/14 августа 1903 г. Мюнхен

»«

... На Международный конгресс²¹³ думаю ехать, и посылаю сегодня свой взнос; я записываюсь на экскурсию в Боснию, которая меня весьма интересует и которую совсем не знаю.

Из письма к Я. В. Самойлову 18 марта 1903 г. Москва

»«

... Конгресс был необычайно серый по людям и мыслям. На заседаниях я бывал очень мало, и они были неинтересны... Конечно, этот съезд был мне не безразличен. Особенно многочисленные посещения музеев и разговоры с отдельными лицами и соприкосновение с молодыми, перед которыми впервые открываются горизонты

²¹² Вернадский В. И. Основы кристаллографии. — Ученые записки Московского университета. Отд. ест.-ист.-ое. М., 1904, вып. 12.

²¹³ — IX Международный геологический конгресс проходил в Вене летом 1903 г.

научного знания, — дают многое. Я начинаю видеть свои проблемы, яснее и резче очерчивается путь и тверже становится возжа, которой направляется мой научный путь, — но в душе стремление к чему-то другому...

Из письма к Н. Е. Вернадской 16/29 августа 1903 г. Будапешт

»«

... Поездка [по Боснии] дает очень много, не только вид новой страны, но и разнообразные разговоры, которые приходится вести с людьми разных стран не из банальностей интересов, дают массу не только впечатлений, но и знаний... Я как-то в последнее время всего более сошелся со славянской компанией; здесь очень милая пара Радовановичей (муж и жена), муж — профессор геологии в Белграде, молодой сербский инженер Антула, болгарские геологи [Ваннов] и Златарски польский приват-доцент из Галиции Лозинский. В этой компании я провожу довольно много времени и мне кажется делаю успехи в сербском языке, т. к. заставляю говорить с собою по-сербски. Понимают по-русски они все — так что мы разговариваем иногда так, например, с Лозинским: он говорит мне не быстро по-польски, а я отвечаю ему по-русски. Вообще заметны огромные успехи в знании русского языка, и ясно чувствуется, что его время, как одного из мировых языков пришло. Мы встречаем постоянно людей, знающих по-русски — а здесь везде вполне возможно обойтись одним русским языком, т. к. мы в конце концов объясняем с ним и на улицах и в магазинах; из славян очень многие знают по-русски... Все время во время моих попыток понять и говорить по-сербски, слушая выражения и речи поляков, сербов и болгар, я начинаю яснее и глубже всматриваться в структуру и смысл нашей русской речи...

Из письма к Н. Е. Вернадской 22 августа/4 сентября 1903 г. Илджэ

»«

... Вчера весь день пробыл в собрании... На меня всегда земское собрание — особенно уездное — производит впечатление тем, что я в это время чувствую биение серой — но самой основной — текущей жизни страны. Я чувствую пресмыкающую историческую пассивную силу, из которой в конце концов выливаются новые формы жизни, и улавливаю грохот и ропот бессознательных и малооформленных ее течений. Что из них выльется в будущем — во многом есть дело случая...

Из письма к Н. Е. Вернадской 28 сентября 1903 г. Моршанск

»«

... Минералогический кружок [50] устраивается хорошо. 2-е заседание было очень интересное. Аршинов сообщал о петрографии Вейншенка, Карандеев о работе Бейеринка над электропроводностью минералов, Ферсман (новый реферат сделал превосходно) о работе Адриана над рацемическими разностями. В следующем заседании будут сообщения Сургунова, Артемьева, Кобылкина и мое...

Из письма Я. В. Самойлову 5 октября 1903 г. Москва

1904

Начались лекции; студенты работают усердно. Я начал впервые читать общую минералогию, расширяя и перерабатывая введение к своей описательной минералогии. Сам читаю с интересом, надеюсь, будут и слушать меня также. Сперва читаю общее введение о химическом составе земли, затем подробно о химическом составе минералов. Систематику в форме таблиц переношу на двухчасовые лекции по субботам...

Из письма к Я. В. Самойлову 23 января 1904 г.

»«

Да теперь понемногу работаю над речью «Кант и наука его времени»²¹⁴. Не знаю что выйдет...

Из письма к Я. В. Самойлову 12 февраля 1904 г. Москва

»«

... Вся философия Канта узко рационалистична. Она не допускает, как говорит Кант, мечтательности и основывается исключительно на рассудочной деятельности человека: религия без мистики невозможна, а мистика должна допускать возможность познания вещи в себе посредством созерцания...

Из дневника... 24 июня 1904 г. [Москва]²¹⁵

»«

... Будущее мрачно. Война²¹⁶, начатая преступно и с невероятным легкомыслием («не подготовились» — и это смеет говорить правительство какой-нибудь страны!), затянется на много месяцев и может быть лет и грозит,

²¹⁴ Вернадский В. И. Кант и естествознание XVIII столетия. — Вопросы философии и психологии, 1905, № 76, с. 36—70.

²¹⁵ Место написания установлено по содержанию (ААН СССР, ф. 518, оп. 2, д. 4, л. 128).

²¹⁶ Русско-японская война 1904—1905 гг.

сложнейшими последствиями для страны. Общество не видит!

Из письма к Я. В. Самойлову 12 февраля 1904 г. Москва

»«

... У нас [в Московском университете] спокойно. Но кругом тяжело. Масса арестов, обысков; усиливаются недовольство и ненависть... В Харьковском и Одесском университетах беспорядки, говорят [они] закрыты [51]. У нас все спокойно и работают студенты хорошо.

Из письма к Я. В. Самойлову 14 марта 1904 г. Москва

»«

... После долгих колебаний решил отложить печатание 2-го выпуска кристаллографии и начать с осени печатать «Описательную минералогию»²¹⁷: побудило меня к этому то обстоятельство, что у нас нет теперь под руками никакой книги для минералогии, и я это очень сильно чувствую на каждом шагу. Летом большую часть рукописи приготворю к печати...

Из письма к Я. В. Самойлову 14 марта 1904 г. Москва

»«

... Теперь работаю довольно много — написал уже здесь 50 страниц своей книги (описательной минералогии), но, кажется, 10 страниц в день много: много вычислений, и я теперь вижу, какая огромная работа предстоит! Помимо того, однако, что добрая половина ее сделана, что нет аналогично задуманной переработки минералогии ни на каком языке и что она очень нужна, — я смотрю на эту работу еще как обеспечение на ближайшее время на всякий случай: это самостоятельный, обеспечивающий меня на случай потери службы заработок. Во время работы много получается любопытных соотношений и для меня нового...

Из письма к Н. Е. Вернадской 8 июля 1904 г. Вернадовка

»«

«Профессора высших учебных заведений — университетов и технических институтов — нигде в цивилизованном мире не поставлены в настоящее время в столь униженное положение, как у нас в России... Одинаково, как отношение к ним государственной власти и администрации, так и определенное уставами положение их внутри академических учреждений находится в полном противоречии с тем местом, которое должен занимать

²¹⁷ Вернадский В. И. Опыт описательной минералогии, т. 1, вып. 1.

профессор в жизни своего народа, резко нарушает живые государственные потребности страны.

Русский профессор находится под особым полицейским надзором.

Каждый его шаг и каждое неосторожно сказанное им слово могут вызвать и не раз вызвали полицейские и административные возмездия, в результате которых являлось прекращение профессорской деятельности, стеснение, а иногда многолетнее ослабление его научной работы. Если профессор не вошел в состав бюрократической машины, не присоединился к тем силам, которые активно поддерживают полицейский бюрократизм, губящий нашу страну, вся его жизнь может пройти в душных тисках специального полицейского надзора; он не может быть уверен, что по произволу администрации и по неизвестным ему причинам он в один прекрасный день не будет устранен от дорогой ему деятельности. И это устранение может произойти в самой грубой и унижительной форме, без всякой возможности выяснить и понять случившееся...

Из статьи «О профессорском съезде»²¹⁸

»«

... Среди всех грозных событий и диких завываний людей типа «Московских ведомостей» [52], вызывающих к борьбе с обществом и значительной частью народа [sic!], хочется особенно по возможности сохранить научную работоспособность. Я глубоко верю, что именно теперь невозможно допустить перерыв в научной работе, но, с другой стороны, нельзя стоять вне жизни.

Из письма к Я. В. Самойлову 30 июля 1904 г. Вернадовка

»«

... Теперь кончаю статью «Кант и естествознание в XVIII в.»²¹⁹ Остов совершенно ясен, но работы много, хотя и очень интересной, но все же мне чуждой.

Из письма к Я. В. Самойлову 2 сентября 1904 г. Москва

1905

... Выступление рабочих на политическую почву в духе демократических политических требований и рядом с этим массовые избиения в Петербурге (совершенно

²¹⁸ Наши дни, 1904, 20 дек.

²¹⁹ См. примечание 214.

как massacre²²⁰ во времена Французской революции), стрельба в Риге, Варшаве и других углах России... [53].

Из письма к Я. В. Самойлову 24 января 1905 г. Москва

»«

... Через Ольденбурга Чернышев и Карпинский предлагают мне баллотироваться в Академию [54]. Говорят, что я имею полные шансы пройти. И я очень колеблюсь. Жаль Московский университет, жаль Институт! Но я здесь совсем имею мало времени для научной работы, и главная масса уходит на учеников, преподавание и академическую политику. А я чувствую, что я еще могу дать в науке. И мне хочется научной работы...

Через неделю поеду в С.-Петербург, чтобы лично выяснить вопрос, определенного ответа не давал...

Из письма к Я. В. Самойлову 9 февраля 1905 г.

»«

... Так или иначе будет народное представительство, по-видимому, правительственная власть даст значительные преимущества поместному дворянству и, следовательно, каждый голос на счету. Конечно, они хотят дать нам не то, чего мы желаем, но каждая с их стороны уступка есть шаг вперед...

Из письма к Я. В. Самойлову 2 июня 1905 г. Москва

»«

... Мне было очень приятно иметь Ваш отклик на мои — довольно для меня неожиданные — попытки публицистической работы [55]. Жизнь заставляет, и теперь она не дает уйти в тихую научную и философскую работу, к которой все влечет меня, и вызывает на общественное дело. Приходится мириться...

Из письма к Я. В. Самойлову 16 июня 1905 г. Вернадская

»«

Мы живем в особое время. Оно тяжело и сурово, вызывает множество жертв и страданий. Впереди выясняются и медленно надвигаются, может быть, еще более грозные и страшные события. И, однако, это не есть время отчаяния, не есть время гибели. Родная страна не разлагается и не распадается. Она подымается тяжело и медленно к лучшему будущему. В ней пробуждаются живые силы, просыпается заснувшая, сознательная мысль, формируется воля. Мы переживаем истори-

²²⁰ — бойня, резня (фр.).

ческий момент, который не повторяется в истории народа. Мы стоим на заре новой жизни. Как ни тяжело нам, будущие поколения будут нам завидовать...

Из статьи «Ближайшие задачи академической жизни»²²¹

»«

... В Бюро очень интересно и съезд [56] может быть очень любопытным. Мы распространили и свой проект конституционного устройства, который будет одобрен бюро и затем разослан на места для обсуждения...

Из письма к Н. Е. Вернадской 4 июля 1905 г. Москва

»«

Организация съездов была впервые прочно выработана на съезде 6—8 ноября 1904 в Петербурге [57], когда частные совещания земских деятелей, давно, много лет, с начала 1890-х годов, происходившие главным образом в Москве, решительно выступили на почву обсуждения общих государственных вопросов. Они были приведены к этому ходом событий, ибо все возраставший беспорядок в жизни нашей страны, рост недовольства в широких кругах общества и народа, все усиливавшееся несоответствие между потребностями государства, желаниями и нуждами населения и деятельностью правительства... Особенно в последний год совершенно безграничный полицейский произвол министерства Плеве [58] вызвал в широких кругах земских деятелей вынесенное ими из наблюдения жизни убеждение, что путь этот, на который столь решительно стало правительство, неизбежно приведет к государственной катастрофе...

Из дневника... 30 июля 1904 г.

»«

Съезд²²² [59] состоялся в доме князя Долгорукова, как и было назначено. Собралось около 220 членов съезда (вместо 260—270). В общем приехали все видные. Из земцев из 172 членов съезда приехало 140. Приехали и представители городов Сибири (Томска, Иркутска — из последнего Ив. Ив. Попов — редактор Восточного обозрения — помнишь его?), Кавказа. Сейчас [же] после проверки полномочий явилась полиция — полицеймейстер с несколькими полицейскими офицерами, — и требовал расхождение съезда. Мы отказались. Составлен протокол, все переписаны, подписан... протест. Все это

²²¹ Право, 1905, 19 июня.

²²² — Общеземский съезд с представителями городских дум.

могло быть сделано очень любезно, т. к. пока в одной комнате полицмейстер писал протокол, заседание продолжалось и шло в порядке, в присутствии полиции в дверях. Часов в 6 они ушли, заседание закрылось, а вечером в 9 часов прошло беспрепятственно второе заседание... Собрание оказалось гораздо более левым и первым, чем мы ожидали... Есть частные слухи, что нас оставят в покое и должно быть привлекут по статье 29 (арест или штраф). Но, господи, как это глупо — правду, говорят, кого бог хочет наказать — отнимает разум. Весь съезд под влиянием этого сильно повернул налево...

Из письма к Н. Е. Вернадской 7 июля 1905 г. Москва

»«

... 15 липня²²³ 1905 г.²²⁴ Смерть А. П. Чехова (1860—1904). Я относился к Чехову при его жизни резко отлучно от мнений огромного большинства русской интеллигенции. Его герои были мне чужды. Пьесы его в прекрасном исполнении Художественного театра — благодаря характеру его героев — например, «Вишневый сад» или «Чайка» — мне было тяжело слушать. «Палату № 6» я с другой точки зрения не мог дочитать. Я не отрицал его таланта, но этот талант был [мал].

Горького, которого я оценил тоже поздно, — я оценил настоящим образом за год до Чехова. Чехова прочел и оценил в 1937—1939 в Узком...

Из «Хронологии...» 7 января 1942 г. Боровое

»«

... Вполне выяснилось, что причиной поражений [в Русско-японской войне] является не состав русского флота и русской армии, а вся система, положенная в их основание. На арену борьбы XX века Россия выступила с государственной организацией, годной лишь для войн первой половины XIX столетия

Из статьи «По поводу разгрома»²²⁵

»«

... Известие о мире принято здесь очень спокойно. Конечно, условия не важные, но лучшие и не могли быть после такой позорной войны [60]. Общество ожи-

²²³ — июль (укр.).

²²⁴ Описка у В. И. Вернадского. А. П. Чехов умер 15 июля (н. ст.) 1904 г.

²²⁵ Московская неделя, 1905, 24 мая.

дало много худших, и потому положение Витте сильно поднялось в общественном мнении.

Из письма к Н. Е. Вернадской 19 августа 1905 г. Москва

»«

... Съезд²²⁶ [61], если не разгонят, будет может быть и плох. Программа выясняется более или менее ясно. Очень вероятно — разгонят, т. к. есть приказ приставам следить за академическим съездом...

Из письма к Н. Е. Вернадской 19 августа 1905 г. Москва

»«

В бюро²²⁷ мне удалось провести мой проект — немедленно открыть учебные заведения и вызвать агитацию за условия, обеспечивающие спокойную академическую жизнь — свободу собраний, легализацию политических партий, свободу слова. Не знаю, удастся ли на съезде. Я все более убеждаюсь, что ждать до января и т. д. — лишь закрывать глаза и дезорганизовываться. Центральное студенческое бюро решило забастовку...

По-видимому, Московское начальство колеблется, что делать с нашим съездом. Но вот будет глупость, если они разрушат съезд при таком его решении!! Это будет прямо невероятно безумно. Вчера вечером был Норс... У него был обыск (!!!), забрали письма, бумаги и т. д... Очень вероятно, что и у нас тоже будет, но я решительно не имею времени пересмотреть бумаги и всю [корреспонденцию].

Из письма к Н. Е. Вернадской 20 августа 1905 г. Москва

»«

Вчера, 20-го августа, в квартире Ю. А. Новосильцева собрался кружок из 13-ти лиц для обсуждения программы, которую, по их мнению, следовало бы проводить в Государственной Думе. Присутствовали следующие лица: В. И. Вернадский, М. Я. Герценштейн, кн. Петр Д. Долгоруков, кн. Пав. Д. Долгоруков, А. М. Колюбакин, Н. Н. Львов, И. В. Лучицкий, А. А. Мануилов, Ю. А. Новосильцев, кн. Е. Н. Трубецкой, кн. Д. И. Шаховской, Н. Н. Щепкин, В. Е. Якушкин. Беседа была скоро прервана появлением полиции, объявившей присутствовавшим распоряжение московского генерал-губернатора о немедленном прекращении совещания. После этого беседа не могла продолжаться, так как полиция

²²⁶ — II съезд Академического союза.

²²⁷ — бюро Академического союза.

занялась составлением протокола, что потребовало около трех часов²²⁸.

«Главнейшие биографические даты...» [1943 г. Боровое]

»«

... Стал кадетом [62], с одной стороны, незаметно жизненно через братство, Союз освобождения, земскую дружескую среду. Из этих хорий выросла моя партийность кадетская — незаметно бытовым путем...

Из дневника... 25 декабря 1942 г. Боровое

»«

... Всюду чувствуется большая реальность осуществить республику. Кто же может быть выставлен как кандидат в президенты от социал-демократов? — Ленин? ..

Из дневника... 17 ноября 1905 г. [Москва]²²⁹

1906

Жизнью выдвинуты два коренных вопроса, которые должны быть разрешены во что бы то ни стало. С одной стороны, в России неизбежно установление свободных условий личной и общественной жизни на принципах равенства, а с другой — коренное разрешение земельного вопроса. Эти две задачи, великие и огромные каждая в отдельности, неизбежным ходом событий соединены вместе и должны быть разрешены одновременно. И они будут разрешены тем или иным путем — путем ли насильственной и кровавой, или путем относительно мирной революции. Жизнь дошла до такого предела, что эти вопросы будут или разрешены легальным путем сверху, или взяты силою снизу. Ибо их коренное разрешение является, неизбежным условием самого существования российского государства; их разрешение стало исторической необходимостью...

Из статьи «О государственном Совете»²³⁰ [63]

»«

... Может быть, придется пережить многолетний острый кризис. Это не то, что было в конце XVIII столетия во Франции, — это что-то более своеобразное и серьезное.

Из письма к Я. В. Самойлову от 8 января 1906 г. Москва

²²⁸ Русские ведомости, 1905, 21 авг.

²²⁹ Место написания устанавливается по содержанию (ААН СССР, ф. 518, оп. 2, д. 4, л. 133).

²³⁰ Свобода и культура, 1906, № 5, с. 334—335.

»«

... Днем был в частном пленарном заседании Государственного Совета. В общем это обычай не особенно хороший, т. к. заседания такие не публичны, — но председателя мы выбирали. Выбрали Трубецкого, а Фриша большинство не захотели, и слыша много голосов за Трубецкого, он имел такт отказаться.

Речи — боже мой! Это что-то невозможное. Подумываешь иногда уйти с самого начала. Длинную речь — очень нескладную и весьма слабо — говорил Витте, защищая свою политику. Вопрос об амнистии [64]. Кажется, большинство сговорится на формуле Багалея: «амнистия по религиозным, политическим и аграрным делам» в пределах, которые укажет Государю серьезность переживаемого страной момента.

Черносотенники кричат: «довольно», «к делу», когда ораторы начинают касаться последних событий в присутствии Дурново, Пантелеева и tutti quanti²³¹. Я и Шахматов завтра вносим вопрос о полной амнистии, но провести это не сможем. Но наше мнение останется в виде подписанной записки...

Из письма к Н. Е. Вернадской 30 апреля 1906 г. С.-Петербург

»«

... Сегодня в 1 час дня официальное открытое заседание Государственного Совета об адресе... [65]. Вчера было заседание «прогрессивных» членов Государственного Совета — выборных и назначенных. Впечатление очень тяжелое и безнадежное. И безнадежное с двух сторон: с одной стороны, в смысле необычайно малой умственной силы, а с другой — и потому, что ведь это «цвет» Государственного Совета...

Из письма к Н. Е. Вернадской 3 мая 1906 г. С.-Петербург

»«

... Я считаю невозможным для Государственного Совета принять адрес, составленный большинством Комиссии. Мне кажется, что в адресе, который мы в настоящую минуту обсуждаем, должен отражаться переживаемый нами исторический момент. Этот момент является моментом исключительной важности. Это необычное время, это время совершенно исключительное, и государственное учреждение, которое так или иначе имеет законодательную

²³¹ — все до одного; и пр. и пр. (ит.).

функцию, не может, подавая адрес — единственное средство обращения к Верховной Власти, не остановиться на тех обстоятельствах, которые вызываются исключительными условиями переживаемого нами времени. Между тем ни в адресе, ни в речах предыдущих ораторов я совершенно не вижу этого отражения... В первой части, которая должна заключать реформы, намечаемые Государственным Советом, я ничего не вижу, кроме общих мест, которые совершенно не отвечают той минуте, которую мы переживаем. Если мы вдумаемся в первую часть проекта, то ровно ничего не найдем... Гораздо важнее я считал бы, чтобы Государственный Совет высказал некоторые положения относительно тех мер, которые связаны с серьезностью переживаемого момента. В этом отношении адрес содержит некоторый намек, но намек, выраженный с такими оговорками и так осторожно, что он лишается своего содержания. Это — намек на амнистию. И то, что должно походить на амнистию, в сущности не амнистия... Граф Витте сомневается, чтобы амнистия могла водворить спокойствие, так как водворению спокойствия мешает ненависть. Никто, конечно, не предполагал амнистиею врачевать социальную ненависть. Можно, однако, сказать, что без амнистии спокойствие не может быть достигнуто, и с этой точки зрения амнистия является мерою государственной необходимости.

Затем посмотрим, имеет ли это средство значение. Мы должны оценить его с двух точек зрения. Во-первых, заявление Н. С. Таганцева о количестве лиц, заинтересованных в амнистии. Он несколько уменьшил количество лиц, которых касается амнистия. Я пытался сделать об этом опровержение раньше. Мне кажется, что количество лиц, не реально заинтересованных в амнистии, достигает не ста тысяч, а миллиона... Дело в том, господа, что в настоящее время — во всяком случае так было недавно — около 20 000 человек находилось в ссылке и заключении. Если мы примем во внимание, что все они имеют семьи, то уже окажется, до 80 000 человек тесно связаны с участью этих лиц. Если еще прибавить их друзей, знакомых и приятелей (всякий знает — какое впечатление вызывает каждый арест, как он проникает в самые широкие и разнообразные круги), то число непосредственно заинтересованных в амнистии окажется далеко свыше ста тысяч... Если мы примем все это во внимание, то мы поймем, почему идея амнистии глубоко проникла в среду русского

общества и почему стремление к амнистии нельзя ничем искоренить.

Из выступления 4 мая 1906 г.²³²

»«

...Здесь положение очень серьезное. Все время меняются настроения и каждый день приносит неожиданности, в которых трудно разобраться. Еще несколько дней казалось, стоял довольно серьезно вопрос о конституционно-демократическом министерстве (исключение — министерства Военное, Морское, Иностранных дел и Двора). Но теперь подул обратный ветер, Министерство Горемыкина опять осталось на месте и когда, как оно будет смещено — неизвестно [66]. В значительной мере тут идут всякие влияния — до держав включительно, и по-видимому германские влияния очень сильны при Дворе и действуют в одном духе с придворной камарильей. Говорят о диктатуре графа Игнатьева [67].

Настроения в С.-Петербурге — в рабочих, мелких капиталистических и буржуазных слоях — очень повышенное — по-видимому, более повышенное, чем желали сами крайние группы. Взрыв может произойти помимо желания крайних партий и такой взрыв вызовет самую жесткую репрессию. Его ждут.

Настроение в среде кадетской партии очень колеблющееся, ибо окружающая среда неумолимым роком подвигает влево.

Еще несколько месяцев — может быть недель — и успешность КД министерства, как средства вывести страну из тяжелого кризиса, может стать тщетной. Вчера вечером было интереснейшее заседание фракции, где ясно сказалось такое настроение — нервное и повышенное — значительных групп партии под влиянием изменения в настроении страны...

Я очень доволен своей поездкой в Вернадовку, виделся и переговорил с Казанским — он становится во главе Моршанского комитета кадетской партии.

Аналогичные движения идут всюду...²³³

²³² Выступление В. И. Вернадского в прениях 4 мая 1906 г. по обсуждению проекта адреса императору, составленного Комиссией, избранной Государственным Советом. — Государственный Совет. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. СПб., 1906, с. 21—22.

²³³ Отточие В. И. Вернадского.

В войсках движение все становится серьезнее. Трудно сказать к чему оно поведет, но есть — хотя и слабые — движения среди офицерства. Может быть некоторое время цезаристский режим со всеми его последствиями.

И все же я с какой-то непоколебимой верой смотрю в будущее. Я не верю в возможность дикого и бессмысленного конца этому движению, ибо давно подготавливавшееся народное движение слишком глубоко захвачено идейным потоком. Могут быть случайности — временные падения, но в общем великая новая демократия выступила на мировую арену.

Вчера было заседание Совета — о наказе. Скучное, но нам удалось уничтожить самый пункт. Сегодня другое. Законопроект об [отмене] смертной казни сегодня прислан. Первый шаг сделан — один законопроект из Думы внесен. И какой важный! Что будет в Совете — не знаю.

Центр Совета распадается. Опять наша группа единственная организованная.

Идут переговоры с отдельными лицами, и я не теряю надежды что закон об [отмене] смертной казни пройдет...

Из письма к Н. Е. Вернадской 23 июня 1906 г. Петербург

»«

... Положение здесь неопределенное. Толки о кадетском министерстве, было заглохшие, поднимаются вновь. Дадут в расчете на полный провал. Я лично надеюсь и верю, что они ошибутся. В Трудовой группе²³⁴ полный раскол, т. к. крестьянские депутаты начинают энергично протестовать против диктатуры довольно бесцеремонной, «трудовиков» — интеллигентов. Не знаю, к лучшему это или к худшему. В Государственный совет передан вопрос о смертной казни и завтра первое заседание [68]. Очень досадно, что у нас мало сил — никто из нас не оратор, и мы играем довольно печальную роль. Но если вопрос о смертной казни провалится — я думаю, уйдем...

Из письма к Н. Е. Вернадской 26 июня 1906 г. Петербург

»«

... В Государственном совете черносотенное настроение и полное непонимание того, что происходит.

²³⁴ Трудовая группа — группировка мелкобуржуазных демократов в Государственных думах дореволюционной России, в состав которой входили депутаты крестьян и интеллигенты народнического толка.

Вчера обсуждался вопрос о смертной казни, и боже, что там говорилось! Сегодня выборы комиссии, я, вероятно, войду в нее [69], т. е. мы добились права самостоятельного избрания. Соглашение невозможно и на следующей неделе придется выступить с решительным открытым и публичным ответом [70]. Может быть скоро удастся и уйти из Государственного совета...

Из письма к Н. Е. Вернадской 28 июня 1906 г. С.-Петербург

»«

Месяц тому назад — 16 мая 1906 г. — Государственная дума единогласно приняла законопроект об уничтожении смертной казни... 27 июня этот законопроект поставлен на обсуждение [Государственного] совета.

Какой ответ даст Государственный совет? Остановит ли он льющуюся по всей России кровь, поможет ли сбросить с нашей страны позор непрекращающихся легальных убийств? Или станет наперекор горячему стремлению страны, выйдет в ряды вершителей кровавых дел?

То или иное отношение его к этому первому законопроекту Государственной думы имеет огромное политическое значение. И есть для него только два пути, только два ответа. Один — принять думский проект целиком и этим путем остановить кровавые казни и убийства. Другой — отклонить или изменить его, т. е. сохранить легальные убийства в большем или меньшем размере.

Время прошло, и постепенные, промежуточные решения стали невозможны. На деле, в XX веке страна пережила ужасы прошлых давно отошедших в историю времен. Она увидела и поняла, что значит дать в руки современной русской власти право жизни и смерти. В результате этого явились сотни группов, законно убитых людей — взрослых и детей, не считая оставшихся безнаказанными массовых и единичных убийств, совершенных органами власти... Эти убийства могли быть совершены только потому, что в стране признавалась смертная казнь, их бы не было, если бы смертная казнь у нас была отменена. Они явились упрощенной формой смертной казни в руках распущенных служителей дезорганизованной государственной власти.

Сотни казней, сотни легально и безнаказанно убитых людей в течение немногих месяцев, в XX веке, в цивилизованной стране, в образованном обществе! Если бы

нам сказали об этом, как о возможном, и вероятном, несколько лет тому назад, — мы сочли бы это дикой фантазией. Когда в некоторых кругах русского общества, перед наступлением революции, носился страх ее кровавых дел, — этот страх обращался в сторону революционеров. Революция пришла, и оказалось, что правительственная власть стоит далеко впереди их, что на ее совести несравненно больше крови и больше убийств... И занесенная кровавая рука власти не останавливается. Правительственный террор становится все более кровавым.

Это орудие должно быть отнято у власти. Смертная казнь должна быть бесповоротно и окончательно отменена. В защиту ее не слышно никаких разумных доводов, ее сторонники молчат — в них говорит лишь чувство отмщения и возмездия, лишь рутинная и умственная беспомощность...

Из статьи «Смертная казнь»²³⁵

... Опять все изменилось в ближайшем будущем — вопрос о Министерстве²³⁶ опять отложен...²³⁷

В Комитете Государственного Совета прошел вопрос о смертной казни очень урезанным. Я по некоторым вопросам остался один. Вероятно, на днях вопрос будет в Государственном Совете и придется энергично бороться. Моя записка печатается, и если можно будет, я пришлю тебе экземпляр...

Сегодня утром исправлял рукопись своей записки в связи с вопросом о смертной казни. Сейчас отправляюсь в Академию, потом в Государственный Совет. Не знаю, не будет ли свободен вечер. Здесь я переехал ниже — они мне дали две прекрасные комнаты («из любезности») за те же 2 руб. Лифт испортился и еще дня 4 не будет действовать.

Из письма к Н. Е. Вернадской 3 июля 1906 г. [С.-Петербург]²³⁸

»«

... Пишу два слова. Дума распуцена и не на совесть [71]. Факт совершился, надо ждать последствий. На-

²³⁵ Речь, 1906, 10 июля.

²³⁶ — о конституционно-демократическом министерстве.

²³⁷ Отточие В. И. Вернадского.

²³⁸ Место написания установлено по содержанию (ААН СССР, ф. 518, оп. 2, д. 37, л. 92—93 об.).

сколько могу видеть, положение дел — это акт безумия и самоубийства...

Из письма к Н. Е. Вернадской 9 июля 1906 г. [Петербург]²³⁹

»«

... Я думаю, что теперь начнется борьба, которая в конце концов может вызвать гораздо более коренное изменение строя России, чем предвиделось несколько недель тому назад.

Сделано это я думаю по невежеству и полному отсутствию государственного смысла. Столыпин нанес монархии или по крайней мере династии более сильный удар, чем все революционеры вместе взятые. Государственный Совет говорит распуцено до 20 февраля. Сегодня вечером мы собираемся и хотим решить наше коллективное заявление о выходе. Подадим завтра или послезавтра [72]. Я пробуду здесь дня 3, а затем поеду в Москву и оттуда за границу — в Теплиц. Но паспорт потребует хлопот. «Речь» [73] д. б. прекратится — ее второй день конфискуют, хотя сегодня ее отобрали — но тайком продают в лавчонках. Я не верю в очень большую продолжительность реакции. Ехать за границу едва ли смогу больше 1½ месяца...

Настроение пестрое — все ждут кровавых событий, но одни с надеждой, другие с отчаяньем и мрачным пессимизмом.

Из письма к Н. Е. Вернадской 11 июля 1906 г. С.-Петербург

»«

... Подал в отставку из Государственного Совета и теперь в общем свободен... [74].

Здесь все еще продолжается недоумевающее, растерянное состояние. Несколько напоминает то, что происходило после Московских декабрьских дней, но пока реакция не дошла так далеко или ей еще не было прямого повода, вроде всяких резких волнений. Странно наблюдать в этом отношении русское общество и особенно его крайние группы, чрезвычайно быстро поддающиеся настроению отчаяния. Многих смущает отсутствие быстрой реакции со стороны населения.

Среди КД²⁴⁰ значительные группы смущены Выборгским манифестом [75]. Иван²⁴¹ утверждает, что это — ко-

²³⁹ Место написания установлено по штемпелю на почтовой открытке (ААН СССР, ф. 518, оп. 2, д. 37, л. 113).

²⁴⁰ — партия кадетов.

²⁴¹ — Иван Ильич Петрункевич.

нец КД партии. Я все же держусь того мнения, что это был верный шаг и никакого конца партии не вижу. Я считаю это вполне правильным проявлением пассивного сопротивления, совершенно необходимого в известные моменты истории. Совершенно также мы поддерживали всеобщую забастовку. С другой стороны, сложились всякие нападения на КД и за то, что она сделала и за то, что не сделала. Обедал на днях с Сапеей Зарудным, говорит совершенно невероятные вещи, прямо ложь и на этом основании обрушивается на КД вовсю...

На днях появится наше заявление членов Государственного Совета. Пока вышло шесть человек. Подписали заявление всего пять, т. к. Багалей сегодня взял подпись обратно. В общем он боится — чего — совершенно нельзя угадать. Так это тяжело видеть — людшек...

Здесь я пробуду очень недолго — может быть уеду в субботу или воскресенье. Нужно кое-какие кончить дела. Сегодня сидел в Академии — кончал работу о поризите — исследование новых кристаллов, которую обещал сделать для передавшего их в Академию полковника Черника. Завтра закончу, а раньше пойду в Министерство хлопотать о заграничном паспорте.

Из письма к Н. Е. Вернадской 13 июля 1906 г. С.-Петербург

»«

... Я считаю положение реакции в России проигранным — но крови может пролиться много...

В Государственном Совете я увидел этих людей, нищих духом, а в их руках власть, и нельзя считать, что они будут делать то, что разумно. Поэтому нельзя рассчитывать...

Из письма Я. В. Самойлову 13 августа 1906 г. Эйхиов-Дубы

»«

... В среде белой молодежи, не видевшей старого режима, происходит его идеализация. Им кажется, что во главе власти стояли люди, морально и умственно головой выше окружающего... И передо мной промелькнул Государственный Совет, где я мог наблюдать отбор «лучших» людей власти... Внешность была блестящая. Чудный Мариинский дворец, чувство старых традиций во всем строе обихода, вплоть до дворецких, разносивших булочки, кофе, чай, на которые набрасывались, как звери, выборные и назначенные члены Государственного Совета. Несомненно, среди них были люди с именами и с большим внутренним содержанием, такие, как Витте,

Кони, Ковалевский, Таганцев и др. Но не они задавали тон. Не было тех традиций у сановников, здесь собравшихся, какие были в такой красивой форме у дворецких, — не было ни *esprit du corps*²⁴², ни блеска знания и образования, ни преданности России, ни идеи государственности. В общем — ничтожная и серая, жадная и мелкохищная толпа среди красивого декорума... Помню один разговор с Д. Д. Гриммом, когда мы возвращались из заседания [Совета]. Ему больше нас, обычных членов оппозиции, пришлось сталкиваться лично с членами Совета. Он был совершенно потрясен циничным нигилизмом этих людей, которые были готовы пожертвовать всем для того, чтобы «устроить» своих детей, получить лишние деньги... Их интересы и их мысли все были направлены главным образом в эту сторону... И эти министры последних лет — да и раньше — Горемыкин, князь Н. Голицын, Протопопов, Щегловитов... Какой ужасный под-бор!..

Из «Хронологии...» 16 августа 1924 г. Роскоф

»«

Решение аграрного вопроса является теперь государственной необходимостью. Не появилось никакой другой меры, которая могла бы быть проведена для того, чтобы положить предел дальнейшей пауперизации деревни, и которая столь же сильно содействовала бы нравственному подъему населения.

У населения есть вера в то, что этим путем будет достигнуто улучшение его участи — земля должна быть передана трудовому крестьянству. Эта вера есть реальный факт и с ним должен считаться, им воспользоваться всякий государственный человек. Это становится еще более необходимым, когда взамен ничего не может быть предложено.

Очевидно, на одной этой мере нельзя остановиться. Сейчас же должны быть намечены другие практические меры к поднятию земледелия...

Из дневника... 20 ноября 1906 г. Вернадска

»«

... Я помню, как живо переживался земельный вопрос в это время всеми нами — Якушкин, Герценштейн, Корнилов, Шаховской...²⁴³ И я, видевший тогда ясно зна-

²⁴² — сословное сознание, корпоративный дух (фр.).

²⁴³ Отточие В. И. Вернадского.

чение знания, необходимость обращения внимания на поднятие производительности... был захвачен окружающей средой. Но я никогда не мог уйти всецело в общественную и политическую жизнь, т. к. для меня главное были научная мысль и искание. [Это] всегда меня удерживало. Но может быть оттого, что мои специальные интересы были дальше от гущи жизни...?

Из дневника... 31 июля 1924 г.

»«

Успех первой всеобщей забастовки произвел сильное впечатление, явился одним из тех исторических фактов, которые заставляют прогрессивные и революционные группы Запада пересматривать установившуюся тактику. Под влиянием конкретных явлений русской действительности в тактике рабочих партий вновь возрождаются старые традиции Интернационала, в новой обстановке — и с новым, может быть, очень серьезным значением...

Переживаемый нами величайший государственный перелом в жизни России является не только событием внутренней истории нашей страны, он имеет огромное всемирно-историческое значение... Русская революция уже отразилась широко и могущественно в европейской жизни...

Из статьи «Из заграничных впечатлений»²⁴⁴

»«

В заседании Академии наук 13. IX. 1906 г. представил к печати 1-ый выпуск «Опыта описательной минералогии»...

Рукопись сернистых была вчерне готова, но я вел ее между делом... Это самостоятельная работа, позволившая мне очень глубоко охватить минералогию.

Но то критическое время, которое мне суждено было пережить... не позволило мне докончить начатое. Вышел один том в пяти выпусках, в 1909 г. 2-ой и т. д.

Закончен был 1-ый том в 1914 г. — все элементы и начат был 2-ой сернистые. Но из второго — среди революции были отпечатаны лишь два выпуска — кончил сероводород.

Устаревшая рукопись всех сернистых осталась. Думать теперь об издании такого труда немислимо.

Из «Хронологии...» Запись без даты

²⁴⁴ Речь, 1906, 21 септ.

»«

... Работа эта представляет попытку переработать весь материал описательной минералогии с точки зрения генетической и химической. Сверх сего, она содержит сводку данных по минералогии Российской империи. В ней дан по возможности полный список месторождений российских минералов с указанием соответствующей литературы...

Из «Опыта описательной минералогии...»²⁴⁵

1907

... Вчера приехал в Стокгольм и завтра выезжаю. Собственно говоря, теряю один день, т. к. сегодня воскресенье, и все закрыто, а между тем, раз уже заехал так далеко — хочу осмотреть главное, относящееся к моей специальности. Завтра иду в Университет, Геологический комитет и Технический институт, и постараюсь осмотреть коллекции и учреждения. Вчера (приехал около 11 часов) с 12—2 и 5—7½ часа осматривал минералогическое собрание Академии наук, самое большое в Швеции... В Христианию приезжаю во вторник утром 3 июля, проведу там около 2—3 дней, затем поеду должно быть в Лангезунд и Крагерё. Много будет зависеть от погоды, т. к. из Лангезунда придется ехать на лодке на небольшой остров Оре. Много зависит и от того, кого я встречу в Христиании.

Я кажется не писал тебе из Нарвика...

Удивительно красивы фиорды, и хотя погода очень мало благоприятствовала, я очень доволен, что туда поехал...

Стокгольм красив, но я как-то стал холоден ко всему этому, и даже к красотам природы. Мало тянет к этой стороне жизни. Сейчас утром — 11 часов — Стокгольм вымирает — все отправились за город. Я снова думал ехать на пароходе в окрестности, которые говорят, чудно красивы, но в 1 час дня открывается национальный музей, и я хочу туда пойти — до 4 часов.

Потом обед и затем может быть поеду на пароходе по озерам или пойду здесь в Стокгольме в парк.

Сравнивая здешние условия жизни с той тяжелой борьбой, какую приходится вести нам, — становится тя-

²⁴⁵ Вернадский В. И. Опыт описательной минералогии. СПб., 1908, т. I, вып. 1.

жело на душе. Я уверен как-то всеми силами души в выносливости и в будущее России, но временами, когда холодный рассудок дает указания на многочисленные крушения исторических организаций, — становится жутко. Мысль невольно идет в этой области. . .²⁴⁶

Вчера ходил по магазинам, доставал прения в ригстаге о железных рудниках. Тут, по-видимому, довольно беззащитное царство капитала на почве широкой демократии в жизни (вроде Бельгии), и Кируна²⁴⁷ является любопытнейшим примером победы частных интересов над интересами государства.

Хочется написать об этом, может быть сперва для «Русских ведомостей» или «Речи».

Из письма к Н. Е. Вернадской 1/14 июля 1907 г. Стокгольм

»«

Заканчиваю свою поездку, и вынес много и немного. Как-то неправильно ее устроил — не списался раньше ни с Бреггером, ни с другими. Но в общем видел много. Кируна и Иелливара действительно являются колоссальнейшими месторождениями. Изучены они из рук вон плохо. . .

Во-первых, удивительное отсутствие научного изучения. Здесь может быть еще более беззащитно (если это возможно) идет капиталистическая эксплуатация предприятия в резком противоречии с государственными интересами, чем это идет на Урале с его богатствами. . .

Кируна производит сильнейшее впечатление. . . , но может быть количество руды преувеличено, т. е. было выгодно представить ее больше. Работа Штутцера весьма сомнительна. Он был недолго и не изучал окрестностей. Теперь идет геологическая съемка, и я с молодым шведским геологом Зензеном прошел часть его района, — впечатление совсем иное, чем схемы Штутцера.

Минералогически материал богатейший — может быть его теперь шведы используют (они готовят исследование и карту Кируны — не Иелливары — к Геологическому конгрессу. . .). Экскурсирую теперь в окрестностях Христиании. Хочу просмотреть по возможности весь район христианийского бассейна в типах. . .

Из письма к Я. В. Самойлову 3/16; 6/19 июля 1907 г. Христиания, Ларвик

²⁴⁶ Отточие В. И. Вернадского.

²⁴⁷ — известное рудное сульфидное месторождение в Норвегии.

»«

. . . Вчера и третьего дня экскурсировал в окрестностях Христиании. Бреггер, занятый всецело стортингом²⁴⁸, может посвящать мне только минуты, но он удивительно пользуется временем. Знаешь, я заметил огромное впечатление на него, когда он узнал, что я член Государственного Совета и Академии! Люди. . .²⁴⁹ Он мне дал своего препаратора, говорящего по-немецки и знающего места, который со мной ездит, готовит камни и тому подобное. Благодаря этому экскурсия будет стоить дорого, но зато без него я ничего бы не мог здесь увидеть.

Из письма к Н. Е. Вернадской 6/19 июля 1907 г. Христиания

1908

Страна залита кровью. . . Все держится одной грубой силой.

Из статьи «Академическая жизнь»²⁵⁰

»«

В Москве. . . запрещены всякие лекции (в том числе по физике, по кристаллографии и т. п.), которые попытался было устроить комитет Университета имени Шанявского для того, чтобы сохранить за Москвой пожертвованный капитал. Говорят даже, что попечитель Жданов получил из Министерства народного просвещения замечание за то, что он не противодействовал предполагаемому открытию этих лекций.

Странная судьба миллионного пожертвования, сделанного городу Москве. В течение двух лет дело открытия новой высшей школы оттягивается. Когда после огромных хлопот и усилий проект устава университета имени Шанявского был внесен в Государственную Думу, он спешно был взят назад новым министром народного просвещения²⁵¹, хотя уже был рассмотрен думской комиссией. Это была одна из первых мер нового министра народного просвещения. . .

Было бы своевременно, чтобы комитет университета имени Шанявского познакомил русское общество с положением дела и выяснил причины, не позволяющие ему

²⁴⁸ — Норвежский парламент.

²⁴⁹ Отточие В. И. Вернадского.

²⁵⁰ Речь, 1908, 14 янв.

²⁵¹ — Кауфман П. М. — министр народного просвещения с 24 апреля 1906 по 1 января 1908 г.

создать в Москве высшую школу, не требующую никаких затрат со стороны государства [76].

Из статьи «К вопросу об университете имени Шаллоского»²⁵²

»«

... Вчера получил известие, что в Екатеринослав профессором выбран Иванов. Это уже 4-й из моих учеников...

Из письма к Н. Е. Вернадской 24 мая 1908 г. С.-Петербург

»«

Дорогая моя, пишу тебе из Государственного Совета во время тягучей монотонной и довольно пошлой речи Коковцова. Он до такой степени местами элементарен в своих возражениях, что, верно говорит Гримм, он считает нас за кретинов. Вчера было два заседания — вечернее и дневное; сегодня м. б. не будет вечернего заседания... Сейчас пишу во время невероятно косноязычной речи Шауфуса. Вот уже сапожники, пекущие пироги!

Из письма к Н. Е. Вернадской 31 мая 1908 г. С.-Петербург

»«

... Хочется уже скорее быть на отдыхе, т. к. вероятно следующий год будет очень тяжелый. Конечно, досадно, что не придется быть в Государственном Совете при обсуждении сметы Министерства народного просвещения, но невозможно все совместить.

Из письма к Н. Е. Вернадской 7 июня 1908 г. С.-Петербург

»«

... Вот уже третий день, что я здесь в Бретонской глуши. Кроме нас на всем пляже почти никого нет: сезон начинается официально с 1 июля нового стиля. Здесь очень хорошо. Море близко, кругом гранитные скалы. Я думаю, я здесь и отдохну и освежусь для дальнейшей работы... Перед отъездом кончил и сдал в печать свою работу о воробьевите²⁵³, а здесь Лакруа мне показал великолепные розовые бериллы из Мадагаскара — совершенно не отличимые (только лучше) от Калифорнских и Уральских. Между прочим во время работы выяснились чрезвычайно любопытные отношения между Rb и Cs, и я попытался сделать эмпирическое предсказание; думаю, что Rb сосредоточивается в определенных минералах и что лепидолиты, сопровождающие

²⁵² Речь, 1908, 18 марта.

²⁵³ — розовый берилл, содержащий цезий и литий.

цезиевые тела (воробьевит и поллуке),²⁵⁴ будут рубидиевыми лепидолитами...

Из письма Я. В. Самойлову 19 июня [2 июля 1908 г. Prinel, par Plougasson Finistère

»«

Много последнее время обдумываю в связи с вопросом о количестве живого вещества... Читаю по биологическим наукам. Масса для меня любопытного. Получаемые выводы заставляют меня задумываться. Между прочим выясняется, что количество живого вещества в земной коре есть величина неизменная. Тогда жизнь есть такая же вечная часть космоса, как энергия и материя? В сущности, ведь все рассуждения о приносе «зародышей» на землю с других небесных тел в основе своей имеют то же предположение о вечности жизни?

Ну, да об этом в другой раз — но мысль все время занята этими вопросами, так что не обработал 3-го этюда о кристаллической энергии, что думал здесь сделать.

Печатаю минералогию²⁵⁵, 2-й выпуск и масса недоделанного! Теперь все задержал, т. к. хочу в Лондоне видеть ряд книг...

Из письма к Я. В. Самойлову 9/22 июля 1908 г. Prinel, par Plougasson Finistère

»«

... Приехал на днях в Лондон. Здесь замечательное собрание (в год на покупку минералов получают от парламента 6400 руб.) — русскими минералами все-таки не так богаты, как я думал...

Из письма к Я. В. Самойлову 28 июля/10 августа 1908 г. Лондон

»«

... Вчера был в Музее. Удивительное собрание — я совершенно подавлен богатством и широтой постановки. Создать такое учреждение — задача трудная. Но Россия должна иметь. Сегодня иду туда работать.

Из письма к Н. Е. Вернадской 28 июля/8 августа 1908 г. Лондон

»«

Видел я пока очень мало. Устроился в библиотеке...; кое-что видел в Минералогическом музее. Но еще смотреть много и много работы с корректурами. Неприятно, что Британский музей относительно беден новыми на-

²⁵⁴ — синоним поллуцита — богатый цезием минерал из группы лейциты.

²⁵⁵ Вернадский В. И. Опыт описательной минералогии. СПб., 1909, т. I, вып. 2.

учными естественно-историческими журналами... Вчера познакомился с секретарем Геологического комитета Mr. Howe и через него выработал план поездки в Корнуоллис, куда думаю ехать в конце недели. Из Корнуоллиса вернусь в Лондон. В Корнуоллисе, к сожалению, мне почти не придется быть у берегов. Хочу еще проехать в Durham и Derbyshire ... К сожалению, экскурсии по Ирландии, главные — после съезда...²⁵⁶

Из письма к Н. Е. Вернадской 27 июля/9 августа 1908 г. Лондон

»«

... Завтра уезжаю в Кемборн. Если погода будет такая же, как указывают газеты, то послезавтра еду в Эдинбург, и Корнуоллис сокращу до minimum'a. Сегодня почти целый день дождь, и я промок очень изрядно во время поездки. Но в общем очень доволен тем, что сегодня видел. Даже странно, как много могут дать немногие часы, проведенные в беглом осмотре природного явления. Здесь вся местность изрыта на каолин, и я посетил 3 разработки в окрестностях С.-Остелля — в двух из них меня захватил дождь, и я промок, т. к. ходить среди глины и массы грязи было не особенно удобно. Уже и раньше в Лондоне я видел образцы из этих мест, которые мне ясно показали, что этот каолин происходит из гранита в последнюю стадию гранитного [выветривания]. Здесь я впервые увидел это явление, выраженное ярко и для меня несомненно. Из-за этого стоило приехать. Еще больше мне дало посещение так называемого chine stone²⁵⁷. Я ясно увидел подтверждение того же процесса, и между прочим, какие-то мне совершенно непонятные явления, может быть в связи с распространением редких элементов, которыми занята теперь моя мысль. Я набрал здесь образчиков. К сожалению, и здесь, как в прошлом году в Швеции, я попадаю в местности, которые находятся в стадии исследования и не изучены. Но с той стороны, с какой они меня интересуют, они и не будут изучены. Но геологическое исследование сильно бы упростило мою задачу...

Из письма к Н. Е. Вернадской 21 августа 1908 г. С.-Остелль

»«

... Удивительно здесь поставлено высшее преподавание, веет чем-то старозаветным. Средства научной ра-

²⁵⁶ — Британской ассоциации.

²⁵⁷ — китайский камень — сильно выветренный гранит, богатый каолином.

боты сосредоточены главным образом в частных руках — это отдельные любители или материально обеспеченные ученые. Поэтому развитие научной работы здесь идет очень неравномерно, и те отрасли знания, которые требуют дорогих институтов сильно отстают, пока не появятся выдающиеся люди, которые вызовут частные или государственные средства. В значительной мере англичане могут стать на уровне современной науки только благодаря тому, что на континенте научная работа организована иначе. В частности для минералогии они это чувствуют. По-видимому, здесь скоро произойдет перемена. Но пока в качестве возможностей в России дело обставлено лучше. У нас только была меньше производительность научной работы, быстро теперь подымающаяся. Чем больше вдумываешься и всматриваешься в окружающее, тем ярче и сильнее встает в сознании, что только внешние условия, плохая правительственная организация мешают широкому развитию научной работы в России. В частности, по отношению к минералогии и кристаллографии в Англии учиться нечему. Здесь есть богатые собрания минералов, накопленные поколениями любителей, местами поддерживаемые государством (в Лондоне Британский музей получает от парламента 6300 руб. в год на покупку минералов; я прошу для Академии 2000), — но в них живая научная мысль не развивается. Во многом они рутинны. В Эдинбурге недурное собрание и превосходная коллекция минералов Шотландии, собранная усилиями Геддле, бывшего профессором химии в С.-Андреусе.

Из С.-Андреуса еду прямо в Ирландию, минуя Англию. Переезд из Шотландии в Северную Ирландию самый короткий — всего около 1,5 часа, и я хочу перед Британской ассоциацией посетить знаменитые и в научном и в туристическом отношении выходы базальтов Северной Ирландии — знаменитую мостовую гигантов и т. д. Экскурсии предполагаются после конгресса, так что для меня они будут недоступны. Я хочу посетить диатремы около Штутгарта, а затем в будущем году указать их в России. Мне кажется, я их видел в Лубенском уезде, в Исачки...

Из письма к Н. Е. Вернадской 14/27 августа 1908 г. Эдинбург

»«

... Сегодня вечером надеюсь попасть на открытие ассоциации. Речь будет читать Ф. Дарвин — 50 лет тому

назад в Дублине же Уоллес и Ч. Дарвин впервые сделали сообщения, связанные с теорией эволюции. Какой период! Очень, по-видимому, интересны будут новые сообщения Рамзая и Камерлинг Оннеса. Последний, кажется, покажет жидкий гелий, а Рамзай решительно настаивает на своей теории превращения элементов. Сужу по газетам, надеюсь, удастся взять минимум пикника и массы научных впечатлений.

Из письма к Н. Е. Вернадской 20 августа/2 сентября 1908 г. Белфаст

»«

... Удивительно резка разница между Англией, Шотландией и Ирландией. Прямо поразительно. Уже по переезде шотландской границы — на равной местности — ты почти сразу чувствуешь, что ты в другой стране. Один язык — но разные нравы, разные люди, разная культура. А про Ирландию и говорить нечего! Ты в стране, ненавидящей Англию и англичан, в стране бедной, но богато одаренной, в стране ограбленной. Я читаю теперь новую книгу госпожи Грин (вдовы историка)^{257a} *Making Ireland*^{257b} — это обвинительный акт, ужасающий, Англии. Надо признать, что целые группы английского общества это чувствуют, и Ирландия выходит победительницей из вековой неволи, но после полного разорения и разгрома науки. Куда Польша! Сейчас в Ирландии разгар новых аграрных бойкотов, эмиграция усиливается, не уменьшается, хотя выкуп земли государством неуклонно ведется. Интересен расцвет кельтского движения. Месяца 2 назад ирландцы добились в Дублине ирландского университета (на государственном счете). И теперь поднят вопрос о кельтском языке в нем... Здесь всюду карикатуры и картины патристически-ирландского характера. Дублин — город не хочет приветствовать Британскую ассоциацию из-за названия...

Из письма к Н. Е. Вернадской 20 августа/2 сентября 1908 г. Белфаст

»«

... В воскресенье утром уезжаю в Лондон и во вторник или среду, т. е. 8 или 9 сентября нового стиля буду в Париже... Здесь я в сущности взял все, что можно было взять. Конечно, было бы интересно пробыть на докладах Рамзая и т. д. в понедельник, но я сегодня

^{257a} — Грин (Green) Джон Ричард.

^{257b} *Green A. The Making of Ireland and its undoing. London. 1908.*

слышал его доклад в другой секции (физики) и в другой обстановке, и для меня совершенно ясно, что он скажет; я сегодня слышал интереснейший доклад Дьюара о ради, затем в прениях принимали участие такие физики, как Резерфорд, Томсон, Рэлей... Личные впечатления ужасно много дают, так, характерно, я слышал сегодня Стрэтта, одного из больших работников по радиоактивности, и ясно, что это человек небольшой... К сожалению, минералогов здесь мало и поставлено дело в Дублине довольно плачевно... Все-таки не даром сюда приехал, т. к. полон новых мыслей. Странно даже, как они возникают...

Из письма к Н. Е. Вернадской... 22 августа/4 сентября 1908 г. [Дублин]²⁵⁸

»«

[Джоли] прочел доклад о геологическом значении урана — дал первую сводку по радиогелиологии... Я близко сошелся с Джоли, сохранив с ним дружеские отношения до его смерти и сразу оценил значение его работ.

Из воспоминаний 1943 г.

»«

Мне Джоли тогда открыл глаза, и в 1910 г. я выступил в заседании Академии наук с речью «Задачи дня в области радия», а раньше с публичными докладами здесь в Москве...

Из статьи «О значении радиогелиологии для современной геологии»²⁵⁹

»«

... В вопросе о ради не одно государство и общество не может относиться безразлично, как, каким путем, кем и когда будут использованы и изучены находящиеся в его владениях источники чистой энергии. Ибо владение большими запасами радия даст владельцам его силу и власть, перед которыми может побледнеть то могущество, какое получают владельцы золота, земли, капитала. Несомненно, в этом мировом стремлении рано ли, поздно ли будут изучены и радиевые руды Российской империи... Ни количество их, ни запасов мы не знаем.

Для нас совсем не безразлично, кем они будут изучены. Они должны быть исследованы нами, русскими

²⁵⁸ Место написания устанавливается по содержанию (АН СССР, ф. 518, оп. 7, д. 54, л. 44).

²⁵⁹ *Вернадский В. И. Избр. соч., в шести томах. М., 1954, 1 т., с. 679.*

учеными. Во главе работы должны стать наши ученые учреждения государственного или общественного характера.

Теперь, когда человечество вступает в новый век чистой — атомной — энергии, мы, а не другие, должны знать, должны выяснить, что хранит в себе в этом отношении почва нашей родной страны.

Академия наук второй год добивается средств, нужных для начала этой работы. Надо надеяться, что ее старания увенчаются, наконец, успехом...

... Перед нами открылись источники энергии, перед которыми по силе и значению бледнеют сила пара, сила электричества, сила взрывчатых химических процессов. Мы, дети XIX в., на каждом шагу свыклись с силой пара и электричества, мы знаем, как глубоко они изменили и изменяют всю социальную структуру человеческих обществ, больше того, как глубоко они меняют более мелкую бытовую обстановку человеческой личности, охватывают самые медленно сдвигающиеся навыки и привычки, переживающие без изменения целые исторические периоды. А теперь перед нами открываются в явлениях радиоактивности источники атомной энергии, в миллионы раз превышающие все те источники сил, какие рисовались человеческому воображению...

Из статьи «Задачи дня в области радия»²⁶⁰

»«

... Начал печататься в Академии «Опыт описательной минералогии» — задумана была как большой Handbuch с литературой и самостоятельной переработкой всего материала... Кончить удалось лишь 1-ый том — самородные элементы. Печатание могло идти лишь благодаря своей академической типографии и особого характера корректур (неограниченное число) для академиков...

Из «Хронологии...» Запись без даты

»«

... Эта работа взяла у меня много времени, и я не только здесь и за границей, во время поездок, изучал минералы, но проделал ряд химических проб... В то же время условия печатания были совершенно исключительные. Я мог брать сколько угодно корректур, до 20 мне кажется. [В Академии наук] своя типография и

²⁶⁰ Вернадский В. И. Избр. соч., т. 1, с. 622.

традиции. Это самостоятельная работа, позволившая мне очень глубоко охватить минералогию... Мне лично она дала много и я считаю, что к ней долго можно обращаться за справками. Совсем новое ее внесение — газобразные и жидкие минералы.

Из «Хронологии...» Запись без даты

»«

В «Известиях Академии наук» помещена моя заметка «К вопросу о распространении скандия»²⁶¹. Эту небольшую заметку я поместил, прочитав спектроскопическую работу о скандии Эбергарда в Потсдаме...²⁶² Мне удалось отметить правильности, которые у Эбергарда не были отмечены. Эта статья мне помогла, когда в 1911 г. я ездил к Эбергарду заказывать большой спектроскоп.

Установил при помощи К. А. Ненадкевича, с которым мы вместе работали спектроскопически, розовый цезиевый берилл, которому я дал название воробьевит в память В. И. Воробьева, погибшего на леднике на Кавказе. Любопытно, что Кунц, когда я был в 1913 г. в Америке, показал мне розовый берилл..., названный морганитом в честь миллиардера Моргана. Он был резко другой окраски и заключал Rb. Так и до сих пор неясна причина окраски.

Из «Хронологии...» 16 октября 1941 г. Боровое

»«

... Я только один раз был присяжным заседателем. Я был выбран председателем присяжных. Помню, что я очень тяжело переживал это время. Но сейчас не помню, того сложного дела, в котором мне пришлось участвовать. Я чувствовал несовершенство форм решения и был очень рад, что меня ни разу не вызывали в присяжные.

Из «Хронологии...» 21 марта 1944 г. Москва

1909

... Планы мои изменились, и я надеюсь приехать раньше за границу. На Жигули не еду, т. к. выяснилось, что надо пробыть там около 7 дней и что серы, которая

²⁶¹ Известия АН, 1908, т. 2, 6 серия, № 17, с. 1273—1274.

²⁶² Eberhard G. Sitzungsberichte d. Preussisch. Acad. der Wiss. B., 1908, S. 851.

меня интересовала, я там могу не увидеть. Затем 30 мая надо быть в Москве — заседание Совета²⁶³. Таким образом, я думаю, что 26 выеду до 30 мая на экскурсию ближе к Москве в Ярославскую губернию, затем уеду из Москвы 31-го или 1-го, остановлюсь в Ровно, затем около Дрездена и затем раньше 10 июня могу быть на океане.

Из письма к Н. Е. Вернадской 13 мая 1909 г. Москва

»«

Дорогая моя, пишу тебе в перерыве в заседании Государственного Совета, где, думаю, заседаю в последний раз...

Из письма к Н. Е. Вернадской 20 мая 1909 г. С.-Петербург

»«

...Экскурсией в Ровно²⁶⁴ чрезвычайно доволен — видел массу и собрал огромный материал. На всяком шагу жалел об отсутствии фотографии. Здесь со мной была Елиз. Дм.²⁶⁵, у нее тоже не было фотографии. А между тем удивительные разрезы! Оригинальная природа. Это погребенные под древними морскими (меловыми) слоями базальтовые породы — вроде, как помнишь, на Эльбе. Но скалы наружу почти не выходят...

Из письма к Н. Е. Вернадской 7 июля 1909 г. Ровно

»«

...Обрабатываю кристаллографию — очень она у меня разрастается. Любопытные результаты получаются при применении к явлениям кристаллизации принципа Ле Шателье—Джиббса. Применив учение о фазах, принцип свободной энергии и принцип Ле Шателье — в связи с представлением о разных формах энергии кристалла — получается совершенно стройная картина явлений кристаллизации. О принципе Ле Шателье может быть сделано сообщение...

Из письма к Я. В. Самойлову 22 июля/3 августа 1909 г.

»«

...Несмотря на всю красоту Альпийских панорам, они моей душе говорят мало — совсем не то, что океан и даже море.

²⁶³ — Государственного Совета.

²⁶⁴ — командировку в Ровенский уезд, Волынской губернии В. И. Вернадский вместе с Е. Д. Ревуцкой получил от Академии наук.

²⁶⁵ — Елизавета Дмитриевна Ревуцкая.

Но я доволен пребыванием в Швейцарии, т. к. оно заставило меня более цельно охватить новейшие воззрения об образовании гор. Удивительные разрезы у Фирвальдштатского озера заставляют видеть многое, что читаешь, иначе...

Из письма к Я. В. Самойлову 22 июля/3 августа 1909 г. Morschach

»«

...Завтра уезжаю в Неаполь... Надеюсь там сделать ряд экскурсий в туфовую область Фиано и Ночеры, а затем в окрестности Везувия и Флегрейских полей.

В Андерматте купил также ряд кварцев, очень интересных в кристаллографическом отношении. Между прочим очень интересный большой сросток правого и левого кварцев, с ярковыраженным простым строением и с L^3 ²⁶⁶, расположенными под прямым углом. Эти сростки (их неправильно называть двойниками, т. к. правый и левый кварцы не идентичны) явно закономерны. Не знаю, известен ли этот закон прорастания...

Из письма к А. Е. Ферсману 30 июля/12 августа 1909 г. Беатенберг

»«

...Сегодня в Риме воскресенье и мне мало что удалось видеть. Даже Форум закрыт после 1 часа. В воскресенье здесь не очень удобно. Завтра решил еще остаться, чтобы повидать музеи и в том числе минералогический... Здесь очень жарко — но в общем хорошо. Рим как всегда, как это не странно, не производит на меня того впечатления, как Флоренция, своей целостностью эпохи Возрождения, и Неаполь — природой. Особенно дольше оставаться не хочется. Развалины в обстановке современного города тяжелы, а эпоха Возрождения в панских дворцах тоже совсем не то, что в городской общине Флоренции. Но много, конечно, интересного...

Из письма к Н. Е. Вернадской 2/15 августа 1909 г. Рим

»«

Все утро вчера до поезда бродил... по Форуму. Масса родится мыслей и в этом движении мысли для меня весь смысл переживания таких антикварно-художественных прогулок. Мысли бегут и их не поймать, — а хотелось бы набросать то, что внезапно является и что так тесно связано со всем ранее продуманным и узанным... Но какая-то внутренняя работа (творческая? — прочитав биографию Гёте — я думаю, это

²⁶⁶ — ось третьего порядка.

испытывали художники) идет внутри, и я ее чувствую, но не понимаю. Мне кажется, бессознательно идет у меня какая-то переработка вопросов научной космогонии. Опять душа рвется к бесконечному. Все это очень тяжело, так как выражается насмешливым и в то же самое время нежным сознанием человеческой суетности, и в такие моменты величие эпохи истории и вся судьба человечества кажется неосмысленной и муравьиной. Но выразить не могу, что хочу.

Из письма к Н. Е. Вернадской 5/18 августа 1909 г. Неаполь

»«

... В Неаполе сегодня буду в городе, может быть поеду в Помпеи. Но много хочется для этого прочесть. Выясняется для меня кроме Везувия и моих vulcani fluogiferi — по крайней мере 3 поездки в окрестности Неаполя... Еще не решил — но хочется, раз я опять попал сюда, попутно захватить все главные черты вулканической жизни...

Из письма к Н. Е. Вернадской 5/18 августа 1909 г. Неаполь

»«

... Сделал чрезвычайно интересную поездку в Ночеру с Гальдиери. Я нашел здесь больше того, что ожидал и поэтому очень рад, что сюда заехал...

Вчера сделал километров 25 в Везувий. Подымался до самого кратера. По рекомендации Гальдиери меня встретил здешний лучший гид — Аложенео Соннино — очень симпатичный, огромный знаток местных минералов, хотя без всякого образования. Он как раз сопровождал всех исследователей Везувия за последние годы и потому прекрасно понимает, что меня интересует как минералог. Я видел с ним очень много. Везувий спокоен — но картина после большого извержения 1906 года изменилась до неузнаваемости...

Из письма к Н. Е. Вернадской 10/23 августа 1909 г. Неаполь

»«

Гальдиери — очень милый итальянский доктор, занявшийся геологией, женатый на австриячке. Я у них обедал в русско-простой обстановке...

Картина жизни: по возвращении в небольшое имение Гальдиери (в Ночере же) перед обедом его жена обращается ко мне и говорит, что я ничего не буду иметь, если с нами будет обедать и кучер осла, т. к. надо приравниваться к обычаям страны. Демократизм итальянцев необыкновенно привлекателен.

Меня поражает чувствуемый всюду рост Италии, ее благосостояния и культуры. Это то, что я лет 20 назад так сильно чувствовал в Германии и чего теперь не чувствую в ней...

Из письма к Н. Е. Вернадской 10/23 августа 1909 г. Неаполь

»«

... Вчера вечером вернулся из поездки на Монте Сомму, порядочно устал и набрал столько материала, что не успею уложиться... Вчера всходил на М[онте] Сомму и сбоку видел Везувий. Он вчера курился... Вынес из Везувия и Ночеры очень много и хочется кое-что зафиксировать...

Из письма к Н. Е. Вернадской 12/25 августа 1909 г. Неаполь

»«

... Я доволен своей поездкой в окрестности Неаполя... Я всюду беру материал, имея в виду исследование газов и более редких химических элементов — тема эта меня все более и более захватывает...

Из письма к Я. В. Самойлову 13/26 августа 1909 г. Сорренто

»«

... В общем Афины мало интересны. К сожалению, в университете не застал Митсопулоса — он в Европе — и кабинет заперт, так что видеть его не пришлось. Вследствие этого не имею понятия о том, что в нем заключается. Внешние университет весь из белого мрамора — одно из лучших зданий города.

Я уезжаю сейчас в Олимпию, вернусь в пятницу и в понедельник утром буду в Константинополе...

Из письма к Н. Е. Вернадской 19 августа 1909 г. Афины

»«

... Станным образом, я вынес много из Греции в той области в какой не ждал — Афины и Олимпия дали мне много для понимания зарождения творческого процесса. Самые древние периоды искусства, первые искания человеческого гения — в скульптуре и архитектуре стали здесь передо мной в своих остатках, достаточных для силы впечатлений. Нужно было пройти 50—60 годам и от этих первых грубых, но глубоко сильных исканий, и греки поднялись до того совершенства, какого только достигало человеческое творчество. Станным образом при осмотре музея в Акрополе и остатков древнейшей скульптуры в Афинах передо мной стали как живые, далекие впечатления виденного в том же направлении раньше, и я от скульптуры переходил к общим мыслям

о законах человеческого творчества. В общем, они всюду одни же — в религии, науке, искусстве.

Быстрое достижение предела — а затем такая же возможность быстрого упадка. Неужели это неизбежно. Неужели единственным спасением от такого положения является постоянная смена, возбуждение все нового интереса, бросание всех старых путей, искание новых? Есть ли упадок — результат, причина психологического характера или он тесно связан с ограниченностью человеческого существа вообще?

Посещение развалин — для меня тяжело и видеть мегаланическую красоту разрушения — в конце концов давит и тяготит. Я исключаю Парфенон, все еще сохранивший много красивого, но было бы лучше его восстановить, по крайней мере в его внешней форме. Между тем, посещение Греции в значительной степени сводится к посещению развалин.

Из письма к Н. Е. Вернадской 23 августа 1909 г. Пароход «Вагон Веса»²⁶⁷

»«

... Пароходом ехать очень удобно, но ты ничего не видишь страны. А между тем поездка по железной дороге дает много. И я совсем не жалею поездку (12 часов) по железной дороге в Олимпию — она мне показала совсем другую Грецию, чем пустыни с красивыми красками и контурами около Афин и южных берегов Пелопоннеса, которые я видел с парохода. Здесь по северному побережью Пелопоннеса и несколько глубь в прибрежные области я очутился в саду — виноградников, лесов маслины, дубов, оригинальной светло-зеленой южной сосны. . .

Из письма к Н. Е. Вернадской 23 августа 1909 г. Пароход «Вагон Веса»

»«

Обратный путь из Олимпии в Афины, где я ехал целый день по знакомой дороге, дал мне очень много. И странную смесь составляли идеи и мысли, возбуждаемые чтением и впечатлениями оригинального нового. Удивительны здесь [красные] закаты и заходы солнца, странная растительность, контуры ландшафтов. В первый раз видел удивительно красивое фиолетовое море и яркосиние светлые дали.

²⁶⁷ На пароходе «Вагон Веса» («Русский барон») В. И. Вернадский плыв из Афин в Константинополь.

Но странным образом и чтение все более и более отвлекает к тем же вопросам упадка и роста человеческого сознания. Ведь если упадок есть неизбежное следствие достижения наибольшего совершенства, то все человеческое мирозерцание должно строиться на сознании имени или возможности имени абсолютного. Таково мирозерцание верующих людей, к какой бы религии они ни принадлежали. А между тем все в душе моей противоречит такому сознанию.

Меня интересует чувствовать будущие шаги человеческой мысли и человеческого сознания в предположении их неуклонного роста. И я стараюсь фантазией и мыслью почувствовать это будущее в проблесках нового, что теперь является в науке. . . В науке я вижу всюду зарождение этих новых ростков. И мы, уже немолодые ее деятели, должны идти им навстречу, стараться ввести их в наше мировоззрение — только в этом и есть возможность обеспечить возможно долгий неуклонный прогресс человеческого знания. . .

Из письма к Н. Е. Вернадской 23 августа 1909 г. Пароход «Вагон Веса»

»«

... Сегодня уезжаю в Софию. Несколько сбился с поездками, так что в Бухаресте не придется остановиться. . . В Москву приеду 2-го сентября. . . Уже очень хочется в Москву, хотя Болгария меня страшно интересует. . .

Из письма к Н. Е. Вернадской 26 августа 1909 г. Константинополь

»«

... Скажи по телефону кому-нибудь в Кабинете, что надо объявить, что в четверг 3 сентября я начну чтение лекций по минералогии и в субботу 5 сентября — по кристаллографии. Кажется это мои дни.

Из письма к Н. Е. Вернадской 23 августа 1909 г. Пароход «Вагон Веса»

»«

Дорогая моя Наталочка — пишу несколько слов. Обдумав все, я решил остаться до вторника: выборы в аграрную комиссию в Государственном Совете: один голос там не безразличен [77].

Из письма к Н. Е. Вернадской 17 октября 1909 г. С.-Петербург²⁶⁸

»«

... В эти годы не только русская история сделала бесповоротный шаг к новому, но и в мировом научном

²⁶⁸ Место написания устанавливается по содержанию (ААН СССР, ф. 518, оп. 7, д. 53, л. 30).

движении совершились события величайшей важности — происходит полная революция в представлениях о веществе, начинается не менее глубокое изменение в науках о жизни. Явления радиоактивности, начатки воздухоплавания, опытный метод в биологических науках пустили за это время глубокие корни, и их ростки мы чувствуем всюду кругом: они все изменяют в сложившемся в XVIII веке научном мировоззрении. Мы переживаем теперь более глубокие изменения картины мира, чем те, которые были даны в течение всего XIX столетия со всем блеском его кипучей умственной деятельности. Перед нами открываются горизонты негаданные — даже в самых смелых и фантастических утопиях будущего...
Из статьи «Перед съездом»²⁶⁹

1910

... Сегодня утром был в Институте Кюри. Ее я не застал. По словам Лакруа, сейчас решается ее дело в Академии, и она, сколько мог понять, должна теперь делать визиты к академикам и т. д.

Но в Институте застал ее помощника профессора Деберна, который мне все показал. Это живое учреждение, уютящееся в небольших ничтожных комнатках, работает 19 человек, большей частью иностранцы. Я познакомился с некоторыми из них. В общем то, что мне нужно видел. Как-то всегда странно, из чтения не получаешь чего надо, и в то же время схватываешь быстро, что нужно и как-то странно из-за этого приезжать. А между тем — эти неуловимые и неизъяснимые впечатления делают все. Между прочим, помимо всяких моих [указаний] и Деберн высказывается, что добыча сейчас значительных количеств радия la chose la plus importante²⁷⁰ для дальнейшей работы.

Завтра буду утром у Лакруа — у него и завтракать. С ним переговорю об исследовании радиоактивных минералов. К сожалению, другой француз, с которым я хотел об этом побеседовать Де Лоне, лежит больной.

Из письма к Н. Е. Вернадской 3/16 января 1910 г. Париж

»«

... Париж всегда так тесно связан с столь многим в моей молодости. Я так много здесь передумал и по-

²⁶⁹ Речь, 1909, 28 дек.

²⁷⁰ — самый важный факт (фр.).

тому я всегда возвращаюсь к нему с удовольствием. И странно, как-то жаль, что время движется — а между тем ведь вся красота Парижа в этих сохранившихся наслоениях огромной былой, культурной и сознательной жизни. Странно, отчего жаль прошлого — когда в сущности все миг один!..

Из письма к Н. Е. Вернадской 3/16 января 1910 г. Париж

»«

... Сегодня утром... еще раз заеду в Институт к М-ме Кюри... Знаешь, с минералого-кристаллографической точки зрения, мы несравненно впереди. И по характеру работы и по методам и по количеству работающих — никакого сравнения. В своей научной работе французской мне кажется они берут лишь большей вековой талантливостью, своеобразной традицией, создавшей им положение в мировом научном мире. Вчера завтракал у Лакруа. Он ярко и глубоко чувствует положение минералогии во Франции — но сделать ему трудно. Недостаток средств и людей теперь чувствуется здесь очень сильно. Лакруа очень сочувственно отнесся к моей идее о международной радиоактивной съемке земной коры. Станным образом, минералоги здесь стоят совсем в стороне от этой работы...

Из письма к Н. Е. Вернадской 5/18 января 1910 г. Париж

»«

Кончил корректуру²⁷¹, исправлены гранки о меди — свинце. Целый день исправлял и подготавливал к печати часть «серы»...

Из дневника... 21 января 1910 г. Москва

»«

Утром с 9 часов до 1¹/₄ дня экзамен. В 3 часа у Мануйлова совещание профессоров — небольшая группа. В связи с университетской реформой, решено издать сборник статей, в котором поместить статьи общего содержания (о научном значении университетского положения профессоров, печати Устава 1884 и его отражение в университетской жизни и критику устава Шварца) [78]. Выбрана редакционная комиссия [в составе] Мануйлова, Виноградова, кн. К. Трубенцкого, гр. Камаровского, меня и Муромцева...

Из дневника... 24 января 1910 г. Москва

²⁷¹ Вернадский В. И. Опыт описательной минералогии. СПб., 1910, т. 1, вып. 3.

»«

Утром занимался с Александром Евгеньевичем²⁷². Кончал для доклада работу о иксинолите²⁷³. Разбирал старые мемуары, чертеж кристалла. После обеда заседание кружка²⁷⁴ [79]: сообщение Соболева, Ферсмана, Вульфа, Аршинова.

Из дневника... 24 января 1910 г. Москва

»«

Работал над корректурой. В связи с ней — история открытия металлов Zp и Vi. Очень мало разработан, совсем не выяснен на Востоке.

Вечером с Елизаветой Дмитриевной²⁷⁵ — первый раз намеки на Ga (в пирротинах).

Из дневника... 25 февраля 1910 г. Москва

»«

Концерт Бетховена — старый чешский квартет. Переполнено Дворянское собрание, масса знакомых. По словам доктора Бобкова — это мерка музыкальности в Москве. Многие с партитурой. Исполнение удивительно, а Бетховен всегда и неизменно производит сильное впечатление. Отчего не на всех? Вспоминается Гёте, который его не понимал всегда!...

Из дневника... 25 февраля 1910 г. Москва

»«

Уже несколько лет тому назад Академией наук было поставлено в первую очередь исследование месторождений радиоактивных минералов России. Условно стоимость этого исследования в проекте новых штатов Академии была определена в 10 000 рублей.

Уже тогда было известно новое месторождение радиоактивных руд, находящееся в пределах России, в Ферганской области, в Алайском хребте. Для предварительного исследования этого месторождения, не ожидая предположенного систематического исследования, был командирован в 1908 году Академией К. А. Ненадкевич, привезший оттуда драгоценный и в высшей степени научно интересный материал, находящийся в Геологическом музее Академии. Разработка этого материала продвига-

²⁷² — Ферсман.

²⁷³ Вернадский В. И., Ферсман А. Е. Об иксинолите из Ильменских гор. — Известия АН, 1910, т. 4, 6 серия, № 7, с. 511—516.

²⁷⁴ — Минералогический кружок.

²⁷⁵ — Ревуцкая.

ется медленно, так как тема его исследования очень трудная...

Из выступления на заседании физико-математического отделения АН СССР 28 апреля 1910 г.²⁷⁶

»«

... Поездку в Фергану придется отложить на весну. Шварц²⁷⁷ отказал в деньгах, в Академии средства будут лишь в 1911 году... Свои деньги сейчас мне истратить трудно. Не везет нам с Ферганой, но может быть устроим и лучше поездку. Человек всегда находит выход для своих иллюзий. Читаю сейчас по Туркестану и вижу, что это минералогически непочатый край!...

Из письма к Я. В. Самойлову 4 августа 1910 г. Вернадска

»«

... Среди всякой хозяйственной возни, которая в общем интересна, кончил три статьи (о трибололюминесценции²⁷⁸, титане в почве²⁷⁹ и III очерк заметок о распространении химических элементов²⁸⁰), и хочется отделать заметку о формуле биотитов в связи с работами Вейберга. Не знаю, успею ли. III выпуск минералогии кончен²⁸¹ и IV сдан до газов. А газы хотелось бы обработать лучше, чем у меня в рукописи, не знаю, успею ли и смогу ли. При обработке спектроскопического отчета много является планов на будущее...

Из письма к Я. В. Самойлову 4 августа 1910 г. Вернадска

»«

Как всегда в уездном собрании чувствую конкретную пользу своего присутствия...

Из письма к Н. Е. Вернадской 12 октября 1910 г. Моршанск

»«

... Вчера приехал — попал почти к началу собрания... Собрание интересное. Вечером в докладной комиссии являюсь докладчиком по народному образованию и сегодня борьба будет, т. к. комиссия предлагает отка-

²⁷⁶ Известия АН, 1910, VI серия, № 10, с. 725—726.

²⁷⁷ — министр народного просвещения.

²⁷⁸ Вернадский В. И. К вопросу о трибололюминесценции. — Известия АН, 1910, т. 4, 6 серия, № 13, с. 1037—1041.

²⁷⁹ Вернадский В. И. Титан в почвах (к вопросу об анализе почв). — Почвоведение, 1910, № 3, с. 225—259.

²⁸⁰ Вернадский В. И. Заметки о распространении химических элементов в земной коре. III. Наблюдения 1909—1910 гг. О распространении химических элементов. — Известия АН, 1910, т. 4, 6 серия, № 14, с. 1129—1148 [совместно с Е. Д. Ревуцкой и А. А. Твалчрелидзе].

²⁸¹ Вернадский В. И. Опыт описательной минералогии, СПб., 1910, т. 1, вып. 3.

зять епархиальному ведомству в расширении значения его школ в сети. Вырабатывается новая организация школьного дела... Любопытно, как, несмотря ни на что, жизнь идет своим чередом. Я помню, как еще недавно 80—90 школ в Моршанском уезде казались чем-то большим, сейчас их 120 и будет скоро больше 300!...

Из письма к Н. Е. Вернадской 11 октября 1910 г. Моршанск

»«

...Только что вернулся из Вернадовки... и иду в комиссию. Я обещал быть, и сегодня любопытный доклад — об организации на новых началах агрономической помощи населению. В губернские гласные я не пошел, но должно быть прошел бы очень хорошо — настроение собрания очень хорошее...

Из письма к Н. Е. Вернадской 12 октября 1910 г. Моршанск

»«

Вчера весь вечер провел у Петрупкевичей... Читал им свою речь, она им понравилась²⁸².

15 января она уже выйдет из печати. По-видимому в заседание Академии придет много народу. Но я теперь вожусь с дальнейшим шагом, и сговорился, что подымаю гот же вопрос на ассоциации академий и через Петербургскую академию переносу составление минералогической радиоактивной карты Земной коры на международную почву. Переговорю в Париже с Кюри, Де Лоне и Лакруа — в Вене с Зюссом и Бервертом и Дельгером [80], и если почва окажется хорошей из Вены же пришлю записку. Здесь ее переведут по-французски...

Я полон мыслей и планов. Для меня совершенно выясняется организация систематической спектроскопии минералов комбинацией 4-х спектроскопов, и эту работу организую через леденцовское общество. Вчера весь день сидел в Музее и сегодня тоже. Сколько интересного кругом!

Из письма к Н. Е. Вернадской 28 декабря 1910 г. С.-Петербург

1911

Сегодня приехал в Вену рано утром и с Ферсманом осматривал коллекцию Кочубей. Мне кажется (и Ферсман то же думает), она не стоит 200 000—300 000, кото-

²⁸² Вернадский В. И. Задача дня в области радия (речь, читанная в публичном заседании Общего собрания 29 декабря 1910). — Известия АН, 1911, т. 5, 6 серия, № 1, с. 61—72.

рые хочет получить Кочубей. Стоит она значительно меньше — едва ли больше 100 000 рублей. Днем были с Ферсманом у минералогического торговца Бёма — выбирали минералы для университета и Академии.

Из письма к Н. Е. Вернадской 8/21 января 1911 г.

»«

...В Мюнхене видел Грота... С Гротом говорил о своей идее исследования радиоактивных минералов. Он обещал поддержку, но, мне кажется, и он и другие минералоги не сознают происходящего процесса. Здесь перетолкую еще с венцами. В Австрии сейчас минералогия поставлена лучше, чем в Германии, и здесь есть ряд ученых интересных. В Мюнхене Грот чувствует отсутствие молодежи, жалуется и говорит, что я счастлив, что могу находить людей для работы. У них огромный их недостаток. Шире открывается поприще жизни? Или глубже сейчас интерес к научной работе в русском обществе? Если бы нам недолго спокойствие в общественной политической жизни! Как сильно могли бы забиться русская мысль и русская жизнь! Здесь ворчат всюду на рост русской научной литературы, выражают неудовольствие — но ясно чувствуется, что они будут считаться с фактом...

Из письма к Н. Е. Вернадской 8/21 января 1911 г. Вена

»«

Дорогая моя Наталочка, сегодня получил твое письмо и Ницулино²⁸³ вместо вчера, т. к. на нем не было достаточно марок. Так я благодарен тебе, что ты часто пишешь. Хотя ты и говоришь иногда, что мне не нужно вас — но в глубине души, наверное, этому не веришь. Нютиного²⁸⁴ письма, о котором пишешь, внутри не оказалось.

Пишу перед сном, немного усталый, т. к. хочу, чтобы письмо пошло скорее. Сегодня сидел над коллекцией Кочубей, затем был в университете... вечером был у Зюсса, президента здешней Академии, и имел с ним разговор о радии. Завтра иду в радиоактивный институт, где меня уже будут ждать. Много любопытного, я как-то всегда чувствую ярко и глубоко, как много интересного и как мало успеваешь сделать...

Из письма к Н. Е. Вернадской 12/25 января 1911 г. Вена

²⁸³ — дочь В. И. Вернадского.

²⁸⁴ — племянница В. И. Вернадского.

В истории русской умственной культуры 1911 год останется памятным.

Столкновения между требованиями достойного человеческого существования и навыками русской бюрократии приняло в этом году в области культурных организаций страны трагический характер.

Русская умственная культура в XIX и начале XX века может считаться созданием общественной самостоятельности. Государственная организация большей частью являлась враждебным ей элементом; бывали года, когда даже пассивное отношение ее органов к исполнению логически принадлежащего им удела было уже исторической заслугой.

Наиболее резко эти антикультурные тенденции сказались в ведомстве, прямой государственной функцией которого должна была бы являться работа на пользу русской умственной культуры, в ведомстве Министерства народного просвещения. Здесь немногие светлые годы, когда оно исполняло свою государственную обязанность, скрываются в тех временах, когда весь его строй принимал узкопартийный характер, доходил даже до полного извращения — до разрушения национальной культурной работы.

Но и для этого ведомства то, что случилось в 1911 году, является исключением. Едва ли когда узкополицейская разрушительная работа государственной организации бывала проводима так активно, с такой последовательностью и с такой свободой от государственных обязанностей, как в этом году... Для высшей школы это означало попытку проведения в жизнь устава 1884 г., уничтожение всего того, что было долгой борьбой достигнуто за последние 10 лет. Министерство вновь вступило на опасную и безнадежную дорогу, которая уже привела раз к разгрому нашей высшей школы, к анархии 1898—1906 годов! Это слишком скоро забыли! То, что было анахронизмом и безумием 27 лет тому назад, подымается вновь. В общество живых людей пытаются ввести наряженные разлагающиеся трупы...²⁸⁵

Ибо устав 1884 года уже давно является трупом. По своей грубой, элементарной концепции он не может войти в жизнь...

²⁸⁵ Отточие В. И. Вернадского.

Огромная солидарность профессорской коллегии Московского университета, несмотря на различие ее политических взглядов, позволила Московскому университету удержать принципы автономного управления дольше, чем многим другим университетам, фактически потерявшим автономию и перешедшим во власть попечителей и министерских канцелярий...

Совершенно неожиданно, однако, университетская администрация оказалась в этот момент в новом для нее положении. Во время волнений она впервые за все эти годы оказалась отстраненной от управления университетом; в университет произвольно являлась полиция и распоряжалась согласно своим данным и своим инструкциям. Положение университетского начальства стало униженным, и роль, которую ему приходилось играть, не отвечала ни достоинству профессора вообще, ни тем правам, которые установились в Московском университете и которые позволили ему достигнуть в эти последние шесть лет небывалого в его долголетней истории расцвета. Университетское начальство никогда не могло знать, чем кончится любой день и какие последствия вытекут из самой пустой студенческой истории, ибо хозяином университета в это время являлась полиция. Положение стало быстро сгущаться еще больше, ибо в первые же дни выяснилось, что дело идет не только о мерах против участников действительно происходивших сходов. Появились признаки о подготовлявшихся мероприятиях более общего характера; начались, например, запросы о поведении отдельных лиц преподавательского персонала, основанные на агентурных сведениях; полицейские власти стали не только прекращать волнение, но подбирать аудиторию читающему профессору и т. п. Выборная, на почве указа 27 августа 1905 г., администрация стала в положение, которое этим указом не предвиделось. Нельзя было предугадать, в какое еще более тяжелое и унижающее положение приведут ее быстро развертывавшиеся события.

Не видя выхода, ректор А. А. Мануйлов, помощник ректора М. А. Мензбир и проректор П. А. Минаков решились подать в отставку от административных должностей, о чем известили советскую комиссию²⁸⁶... Само собой разумеется, подавая в отставку от выборных дол-

²⁸⁶ — комиссия при Совете Московского университета.

жностей, президиум ни на минуту не прекратил и не думал прекращать взятых им на себя обязанностей. Не ожидая репрессий, он вел управление университетом по-прежнему. Мотивы, выясняющие положение дел, были изложены в представлении Совета Московского университета от 2 февраля 1911 г. Пока все это происходило в Москве, в тот же день, как совет принимал свое заключение, министр народного просвещения удалил из Московского университета без прошения и причислил к Министерству народного просвещения профессоров Мануйлова, Мензбира и Минакова. Этот акт был спешно опубликован в «Правительственном Вестнике», причем мера эта была предпринята против заслуженного профессора Мензбира с нарушением закона, так как министр не мог удалить его из числа профессоров Московского университета своею властью.

Эта мера поразила, как громом, Московский университет. Студенческие волнения отошли на задний план, и на первое место выступил вопрос об автономии университета и человеческом достоинстве управлявшей университетом коллегии. Все управление университетом велось профессором Мануйловым и его помощниками все годы, при постоянном контроле Совета и совещаниях с советской комиссией; все меры многократно утверждались Советом, самая отставка была Советом принята. Президиум Совета пострадал не за себя, а за исполнение поручений Совета.

При таких тяжелых обстоятельствах, не видя никакой возможности найти выход, удовлетворявший их представлениям о человеческом достоинстве и чести, 21 профессор Московского университета подали в отставку. За нами последовал ряд приват-доцентов и других преподавателей [81]. Из Московского университета ушло более 100 преподавателей — случай, неслыханный в истории высших школ, — почти треть наличного состава его учительских сил.

Все попытки Совета как-нибудь изменить положение дел были неудачны. Депутация его была в Петербурге министром не принята. Старый Московский университет перестал существовать. . .

Из статьи «1911 год в истории русской умственной культуры»²⁸⁷

»«

В 1911 г., когда, в связи с Кассо, я оставил университет, то Минералогический институт был одним из самых больших в Европе. Помимо меня, собравшегося переходить в С.-Петербург в Академию наук, прошел вопрос и о постройке специального здания для Геологического и минералогического института. План в части геологической был составлен А. П. Павловым, а в части минералогической — мной.

«Главнейшие биографические даты. . .» [1943 г. Боровое]

»«

Неожиданное прекращение моей научной работы в Московском университете заставило меня оставить некоторые опыты в совершенно недоконченном виде.

Из статьи «О рубидиевых и цезиевых полевых шпатах» 23 марта 1911 г.²⁸⁸

»«

Все это, конечно, страшно тяжело. Когда мне пришлось уходить из Москвы, все это я ясно себе представлял и не делал никаких иллюзий. И теперь, возвращаясь к прошлому, вижу, что ничего другого я сделать не мог. Можно бы еще говорить — следовало ли уходить нашему президиуму, который, делая этот шаг, не ожидал таких последствий. Но я думаю, что для Московского университета все это было предложением общего понимания — политического понимания нашего правительства. Судьба Женского института, Киевского политехникума, травля русских профессоров и русской науки в националистических и правых органах печати, конечно, ярко рисуют положение. Я думаю, что, делая этот поступок, я нарушил ряд интересов других лиц совершенно невольно, но поступить иначе я не мог. . .

Из письма к А. Е. Ферсману 18 августа 1911 г.

²⁸⁷ Ежегодник газеты «Речь» (1912 г., с. 3, 4, 14—16).

²⁸⁸ Вернадский В. И. Избр. соч., М., 1959, т. IV, с. 289.

Академия наук.
Петербург
1911—1917

1911

Все утро просидел интервьюер о ради! Известие о моей поездке проникло в печать, и ко мне поступает ряд просьб взять с собой на экскурсию и т. д. Любопытно все-таки — публику интересует. Вчера мы разработали план — Касперович едет вместо Ферсмана. А с Ферсманом едем на Урал, если только не очень устану после Ферганы — Закавказья [1].

Из письма к Н. Е. Вернадской 20 марта 1911 г. Москва

»«

... Я думаю, что я здесь [в Петербурге] устроюсь. Сговорился с Ковалевским, что к бюджету Академии будет прибавлено на три года по 10 000 рублей на радиоактивные исследования. Знаешь, я чувствую, что если буду работать, добьюсь, чего хочу. Из разговоров Фаминцына, Карпинского и других я чувствую с их стороны очень доброжелательное отношение [к себе] и предложенным мною работам, которые они считают важными и указывают, что Академия обязана во что бы то ни стало их обставить, как следует. Мне даже как-то совестно, что так оценивается работа, недостатки которой я чувствую резко и сильно. Но интерес вопроса меня охватывает больше и глубже...

Из письма к Н. Е. Вернадской 24 марта 1911 г. С.-Петербург

»«

... Вечером был на заседании общества испытателей¹ — отделение минералогии и геологии, где не был с 1888! Попал очень неудачно, т. к. по предложению Карпинского чествовали жежевского профессора Дюпара, бывшего на заседании, и меня. Карпинский произнес нам речи и очень как-то неловко чувствовать пуб-

¹ — С.-Петербургское общество естествоиспытателей при С.-Петербургском университете.

личные похвалы...² Но заседание интересно, хотя очень долго...

Из письма к Н. Е. Вернадской 28 марта 1911 г. Петербург

»«

... Вчера выяснилось, что Министерство народного просвещения нам денег на Урал дает и даже не 3500, а 5000 руб. Но оно входит (экстренно) в Думу об ассигновании этих денег и думает, что вопрос выяснится в июне или июле. Ввиду, однако, необходимости иметь деньги раньше, оно дает нам 1000 рублей вперед. Таким образом исследование состоится...

Из письма к А. Е. Ферсману 30 марта 1911 г. Петербург

»«

В Батуми мы должно быть пробудем больше, чем ожидали, т. к. хотим проехать в Артвин, где пробудем дня 2. Артвин — 90 верст от Батуми на лошадях в горы. Около Артина мы думаем обойти пешком область гранитных пород, где есть надежда найти пегматитовые жилы...

Из письма к Н. Е. Вернадской 22 апреля 1911 г. Новороссийск

»«

... Вчера вечером приехали в Тифлис... Узнал здесь, что на днях меня выбрали почетным членом здешнего общества естествоиспытателей, только что образовавшегося...

Из письма к Н. Е. Вернадской... 30 апреля 1911 г. Тифлис

»«

... Сегодня вернулись из Кульпы и едем завтра утром в Баку — вместе с Самойловым и Ненадкевичем. Касперович остался в Кульпе. Моя Кавказская экскурсия заканчивается. В смысле находок радиевых месторождений я думаю, этот год будет для Кавказа отрицательный... Кульпа так же, как Чорох, ничего не дает для урановых минералов. Поездка туда была любопытна (как все новое), но утомительна. Представь себе, что я сделал 30 верст верхом!...

Передо мной стал теперь план работы: искать ли только Ra — минералы и бросать сейчас же, раз их не нашли, или указывать, что мы нашли вместо указанного в литературе. Первый способ дешевле, но зато бесплоден, второй дороже, но научно полезен. Я остановился на втором. И теперь кульповские окрестности обраба-

² Отточие В. И. Вернадского.

тывает Касперович — между прочим мы нашли там область гранитов, о которых никто не знал!

Моя мысль все время ищет путей для дальнейшей работы, т. к. я предвижу отрицательный результат пути предпринятого для Кавказа. Надо надеяться, найду. Во всяком случае, у меня теперь ряд предположений...

Из письма к Н. Е. Вернадской 4 мая 1911 г. Тифлис

»«

... Приехали вчера ночью и уезжаем сегодня около 6 часов дня... Выезжаем на пароходе, говорят хорошо, и завтра днем должны быть в Красноводске. Оттуда едем до Самарканда, где я предполагаю остановку на два дня...

Из письма к Н. Е. Вернадской 6 мая 1911 г. Баку

»«

... Самарканд мы видели мельком. Развалины бывшего величия в грязном и вонючем сартском городе производят сильное впечатление. Мы под вечер заехали на гробницу Тамерлана и затем были на площади Регистана. Всюду разрушение — бывшими здесь землетрясениями, — но всюду видишь впечатление не роскоши, а великого художественного гения. На меня очень сильное впечатление произвел Регистан, площадь с трех сторон окруженная великолепными полуразвалившимися, но еще живыми мечетями. При всем ее своеобразии она напомнила мне знаменитую площадь³ Венеции с Дворцом дождей.

Из письма к Н. Е. Вернадской 9 мая 1911 г. Самарканд

»«

... Пять дней мы провели на руднике Тюя Муюн, в предгории Алайских гор, одни...

Посещение рудника мне дало очень много — но это было совсем не то, что я ожидал. И ничего подобного я раньше не видел... Все мои первоначальные предположения разлетелись при взгляде на природное явление, и я понял К. А.⁴, правильно определившего явление, но не смогшего дать ему место в схеме известного...

Мы собрали большой материал, у меня намечаются планы дальнейшего исследования: необходимо исследование пещер, их радиоактивности, их минералов...

³ — Площадь св. Марка.

⁴ — Ненадевич.

Завтра еду на два дня в окрестности на залежи серы; хочу еще осмотреть месторождения меди на Сыр-Дарье, остановлюсь в Ташкенте и затем еду на Урал...

Из письма к Н. Е. Вернадской 18 мая 1911 г. Коканд

»«

... Ферганская экскурсия кончается, и я скоро направляюсь на Урал. Вчера вернулся сюда из поездки на серу в Камышлы-Баш. Сегодня днем еду в последнюю экскурсию — на месторождения самородной меди на Сыр-Дарье. Оттуда завтра в ночь выезжаю в Ташкент, где пробуду один день и затем направляюсь на Урал...

Эти поездки на серу и медь я делаю вне радиевых изысканий попутно. Я считаю себя обязанным быть хорошо осведомленным в области минералогии России, не только в ее чисто научном значении, но и прикладном. Поэтому я стараюсь видеть главные типы рудных и полезных ископаемых России, получить в этом отношении определенную картину. С другой стороны, в качестве академика, изменяю и другую сторону своей поездки — стараюсь всюду завязывать связи с целым рядом лиц на местах, интеллигентных и полунинтеллигентных, и интересующихся практически или научно минералами для того, чтобы от них получить в Академию материал. В этом отношении и здесь завязываю кое-какие связи...

Из письма к Н. Е. Вернадской 21 мая 1911 г. Коканд

»«

... Теперь, подводя итоги поездки сюда, я вижу, сколько я вынес из нее, но больше и резче всего выступает передо мной огромная область работы, которая из нее вытекает. И как-то не знаю, не поздно ли несколько я начинаю это большое дело?...

Из письма к Н. Е. Вернадской 23 мая 1911 г. Ташкент

»«

Как Вы знаете, ни Ферсман, ни Линденер не поехали. Главная тяжесть уральской поездки легла на Крыжановского и Ревуцкую...

На Урале масса любопытного: из Мурзинки новые материалы (битийт?)⁵. Здесь в Ильменских горах сейчас производим съемку (и картографическую — намечает нам министерство) и уже сейчас находится много

⁵ — вопрос В. И. Вернадского; битийт — минерал из группы хрупких слюд, содержащий Li и Be.

пового. Есть минералы (редкие земельные), которых я не знаю.

Надеюсь добудем 1 пуд самарскита и пуд эпинита. А если дадут денег, то в будущем году поставлю разведки на самарскит.

Ведь этим путем на Ra не шли: самарскит богат Y, Се группой, так что, если правильны предположения, надо искать актиния — самого любопытного члена радиоактивных минералов.

Из письма к Я. В. Самойлову 18 июня 1911 г. Петербург

»«

... К нам прикомандировывают очень симпатичного живого помощника лесничего Кулика, любителя минералов и природы. Он снимет карту и пойдет следом за работой Елизаветы Дмитриевны⁶ и Владимира Ильича⁷. Но лесничий хочет, чтобы к нам прикомандировали чертежника, и для этого надо ехать в Златоуст.

Если мы всего этого добьемся, то у нас для Урала будет сделана большая работа... Но кроме нанесения на карту, мне хочется добыть здесь материал, достаточный для начала работ с уральским радием. Надо добыть 2 пуда нужных минералов — при этом масса всяких мелочей... Думаю, что дело здесь наладило.

Из письма к Н. Е. Вернадской 11 июня 1911 г. Миасс

»«

... Урал производит тяжелое впечатление тем ужасающим расхищением, какое здесь происходит, огромных богатств. Леса, копи дорогих камней, дороги, строй жизни — все отражает все ту же неурядицу, все то же допотопное государственное устройство, анархию, какая царит кругом! Вы не можете себе представить, что за варварство знаменитая Мурзинка и ее окрестности! А между тем, богатства здесь и сейчас огромные. В 200 лет ни одной порядочной дороги!... Леса горят и на $\frac{2}{3}$ гибнут даром! Для добычи драгоценных камней чуть не половина их истребляется, и будущая работа делается почти невозможной... Липовка испорчена варварской работой, взяты верха кое-как, и все надо начинать сначала, снимая огромный мусор хищнической и невежественной добычи... И так кругом...

Из письма к А. Е. Ферману 4 июня 1911 г. Миасский завод

⁶ — Ревуцкая.

⁷ — Крыжавовский.

... Поездкой своей я доволен. Многие мне выясняется и многое узнается. Но все это лишь начало большой работы, которую я начинаю, — и чувство этой большой работы сейчас очень сильно во мне. Мне кажется, я нахожусь где-то в самом начале большого темного леса, из которого мне надо^{7а} и найти путь для других. Я только что вошел в него, осматриваюсь, оглядываюсь, закладываю начало просеки. А работы много. И это хорошо, так как только в живом искании и жизнь стирается в своих трагических сторонах...

Из письма к Н. Е. Вернадской 4 июня 1911 г. Миасский завод

»«

... Чем больше вдумываюсь во все эти явления, тем все бесконечнее развертывается область мыслимого. Доволен я, однако, тем, что для меня ясен путь работы. Не знаю, хватит ли сил, добыю ли средств, найду ли помощников. Но в своей работе я никогда не забочился об этом, раз только ясен путь. И на него вступаю — остального добыюсь... У меня есть теперь ясные указания на ряд радиевых месторождений, но насколько они значительны, поможет выяснить лишь работа будущего года...

Из письма Г. В. Вернадскому 23 июня 1911 г.

»«

... Начал всякие хлопоты по организации кабинета и лаборатории: не знаю, как в конце концов все устроится...

Из письма к Н. Е. Вернадской 12 июля 1911 г. Петербург

»«

Лаборатория уже нанята — классическая: бывшее ателье Крамского и Куинджи. Где Куинджи и умер. Чудный вид. Надо теперь, чтобы все это было не даром... Масса работы, много интересного. Надо только работать...

Из письма к Я. В. Самойлову 18 июня 1911 г. Петербург

»«

Задержался здесь в Полтаве... Выезжаем на днях. — Едем в Швейцарию...

Здесь живем очень уединенно. Жизнь узнаем лишь из газет. Все задавлено, а между тем все непрочно, и жизнь пробивается с почти какой-то фатальной непреклонностью. У меня сейчас наиболее сильно это чувство, если хотите, исторического процесса.

Из письма к Я. В. Самойлову 3 июля 1911 г. Полтава

^{7а} — пропуск у В. И. Вернадского.

»«

... В Тунис, конечно, я не поеду — уже и так наездился, а здесь осенью и зимой мне предстоит много работы, и хочется до осени привести в порядок сильно запущенное печатание Опыта минералогии. Надеюсь сдать в печать за границей весь 1-й том со всеми добавлениями до указателей. Не хочется прервать дело по средине, а осенью и зимой в Петербурге предвижу массу работы. Сверх того, обещал в сентябре дать примечания к Ломоносовским минералогическим сочинениям — придется посидеть в библиотеках...

Сейчас я весь полон впечатлениями от прочитанных работ Томсона над лучами положительного электричества. Обратили Вы внимание на эти работы! Мы переходим в мир чудес — точные определения атомного веса газов над ничтожными количествами; новый могучий метод химического анализа газов — да еще какой. Я думаю, все эти представления должны играть огромную роль и в минералогии...

Из письма к Я. В. Самойлову 19/31 июля 1911 г. Швейцария

»«

... Моя дорогая Натуся — завтра 3 сентября — 25 лет нашей дорогой мне, близкой жизни. Я не люблю годовщин и юбилеев и всякие приуроченные к внешним фактам или явлениям воспоминаний, но мне хотелось бы в этот день быть возле тебя, моей дорогой, горячо любимой... Нежно тебя обнимаю. Поцелуй Нинулю нашу...

Из письма к Н. Е. Вернадской 2/15 сентября 1911 г. Берлин

»«

... Был в Воскресенье на «Валькирии»⁸. Чудный оркестр, порядочные голоса и скверная игра. Может быть сегодня или завтра вечером пойду в Филармонический концерт. Мне прямо нужно сейчас музыки...

Из письма к Н. Е. Вернадской 6/19 сентября 1911 г. Берлин

»«

Сейчас масса всякой работы в связи с организационной работой и Ломоносовскими делами. Я никак не справляюсь со своим временем!... В Городской думе начал обсуждаться вопрос о месте для Ломоносовского института. Надеюсь получить ответ к 8 ноября.

Из письма к Я. В. Самойлову 7/21 октября 1911 г. Петербург

⁸ — «Валькирия» — опера Р. Вагнера (1853).

»«

... Вопрос об обработке Ферганской коллекции стоит без движения. Лаборатория еще не закончена — электрические приборы не получены. Только что я начинаю работу свою экспериментальную. С января—февраля вся работа будет в полном ходу. Теперь мы, однако, уже начали ряд разнообразных проб, главным образом с Ильменскими минералами...

К нам сюда начинает стекаться интереснейший материал со всех сторон — между прочим из Енисейской губернии любопытное золото в силикатовых породах, ряд силикатов из Сибири и Средней Азии, кристаллические никелевые силикаты с Урала и т. д. Я думаю, что, когда дело наладится, мы будем иметь в своем распоряжении колоссальный и интереснейший материал...

Из письма к Я. В. Самойлову 21 ноября 1911 г. Петербург

»«

... Все время очень занят не только печатанием своих «газов», которые двигаются довольно медленно, т. к. я все время изменяю и исправляю текст, но и организацией дела. Затем погрузился в XVIII век, напечатал 4 статьи о Ломоносове⁹ («Речь», «Запросы жизни» и две в Академических изданиях) и затем сижу над комментариями к металлургии в VI томе академического издания сочинений Ломоносова¹⁰.

Готовлю к съезду прикладной геологии речь о радиоактивных минералах земной коры¹¹ и на менделеевском хочу в отделе геофизики прочесть речь о газовом обмене земной коры¹² [2]. Во всей этой работе много родится мыслей и, невольно разрабатывая, узнаешь новое.

Мне предлагали лекции на Высших женских курсах. Я отказался...

Из письма к Я. В. Самойлову 21 ноября 1911 г. Петербург

⁹ Вернадский В. И. О Ломоносовском институте при имп. Академии наук. СПб., 1911; *Он же*. Несколько слов о работах Ломоносова по минералогии и геологии. — В кн.: Труды Ломоносова в области естественно-исторических наук. Извлечения и объяснительные статьи. СПб., 1911; *Он же*. Памяти М. В. Ломоносова. — Запросы жизни, 1911, № 5; *Он же*. Общественное значение Ломоносовского дня. — Речь, 1911, 21 ноября.

¹⁰ Ломоносов М. В. Собр. соч. Л., 1934, т. VI.

¹¹ Вернадский В. И. Радиоактивные руды в земной коре. Речь, прочитанная в заседании 2-го съезда деятелей практической геологии 27 декабря 1911 г., М., 1912.

¹² Вернадский В. И. О газовом обмене земной коры. — Известия АН, 1912, т. 6, 6 серия, № 2, с. 141—162.

»«

... Сейчас весь в хлопотах: слежу за двумя законопроектами о Ra, которые застряли в разных местах — министерствах и комиссиях Думы. Всюду ставит препятствия Министерство народного просвещения, и приходится главным образом бороться с его активным или пассивным сопротивлением.

Затем начинаю работать в лаборатории. Сейчас начал количественный анализ на Rb+Cs в микроклинах (в ответ Барбье), затем, вероятно, буду работать над N в алюмосиликатах: у меня есть кажется любопытные наблюдения. Начинаем над Ra минералами...

В декабре читаю две речи — а они не написаны: в геофизической секции Менделеевского съезда — о газовом обмене земной коры и на съезде деятелей прикладной геологии — о запасах радиоактивных руд земной коре, 12 января может быть буду читать в Москве в связи с Ломоносовым. О Ломоносове, по-видимому, и в Академии найдется неопубликованный материал.

Очень теперь увлечен газами — а установить работу нет средств!...

Сейчас здесь по музею работа налаживается, но нет денег, нет приборов! Штаты должно быть будут с июля...

Из письма к Я. В. Самойлову 31 ноября 1911 г. Петербург

»«

... Речь подготовил, но еще не обработал. У меня есть новые выводы, но боюсь, что будет суха и скучна. Здесь видел немного народу, т. к. больше сижу и пишу, но, кажется, удастся организовать радиевое дело. Много интересного материала. Моя речь о газах прошла так себе¹²: слушали внимательно, но я прочел ее, кажется, очень неважно...

Из письма к Н. Е. Вернадской 25 декабря 1911 г. Петербург

1912

... К концу недели будет готов стол, тяга, и я уже окончательно устраиваюсь в своем новом помещении. Вероятно, я все эти годы займусь больше всего химией алюмосиликатов и редких тел: возвращаюсь к старым идеям своей юности...

Из письма к Я. В. Самойлову 7 февраля 1912 г. С.-Петербург

»«

... Летние мои планы очень широкие, но и очень неопределенные. Законопроект о 10 000 на радию еще не прошел Думу. Министерство внесло его очень поздно. Пока что надеюсь продолжить Урал и сам туда проеду на недолго. Работать там будут Крыжановский, Ревуцкая, Кулик и Белянкин. Больна Наталия Егоровна, и я не решаюсь делать очень дальних экскурсий, и с финансами не слажу этим летом... Мне не хочется уезжать далеко — в Восточную Сибирь или даже в Америку. Подумываю серьезно об экскурсии на Выгозеро. Там, судя по работам Лебедзинского, удивительно интересна бобовая руда — содержит до 2—3% свинца. Интересно она меня с точки зрения радия...

Из письма к Я. В. Самойлову 4 апреля 1912 г. Петербург

»«

... Сейчас масса интересного материала: особенно любопытны образцы из Приморской области — любопытнейшие руды Zn, Cu странные силикаты. Мы получили оттуда несколько коллекций и всякая дает много нового...

В лаборатории работаю, но до устройства далеко. В микроклине до 0,8% Rb₂O etc. Еще не подсчитал окончательно...

Из письма к Я. В. Самойлову 4 апреля 1912 г. Петербург¹³

»«

Совершенно доволен был работой: начал лекции по истории естествознания России XVIII в., а они у меня были не написаны и материал не весь прочтен и собран. Писал и написал 4 лекции. В пятницу читаю две последних. Тема расширилась, и я доехал только до Елизаветы II! Мне хотелось бы осенью прочесть 8—10 лекций — по истории естествознания XVIII в. в России — в Москве, в Университете Шанявского. Как Вы думаете? В то же время не хотелось прерывать работу по Музею и в лаборатории. Наконец, держу последние корректуры 4-го выпуска минералогии.

Вчера в бюджетной комиссии очень хорошо прошли штаты Академии (прибавка содержания ассистентам), здания библиотеки и служительского корпуса. Штаты обещают провести с июля 1912! Если все это сбудется,

¹³ — у В. И. Вернадского ошибочно написано «Москва», а далее «Васильевский остров, 14 линия, 45», т. е. петербургский адрес (АН СССР, ф. 518, оп. 3, д. 1999, л. 25).

можно будет работать лучше и энергичней. Я надеюсь тогда баллотировать Вас в Мае... [3]. Мне нужен будет Ваш *sigillum vitae*¹⁴ и список работ. Ломоносовский институт находится в новом фазисе... [4]. Я надеюсь, что осенью дело пойдет в ход. Мне очень хотелось бы повидаться с Вами по вопросу об устройстве института. Коллекция Кочубея пришла, но одного ящика нет, и мы ее не приняли.

Из письма к А. Е. Ферсману 25 апреля 1912 г.

»«

... Мои лекции¹⁵ кончились благополучно. Думаю были трудны. Но я закончил их только 1740-ми годами, началом их! Много любопытного, и я хочу их во всяком случае отделать и сейчас отделываю. Следующие главы, которые обдумываю, — история математической работы в России и опытных наук физики и химии. Мне хочется взять в связи с попытками мысли в этом направлении в доштровской Руси и работы в областях присоединенных и в то же время в связи с мировым движением в этих областях знания.

Выйдет целая книга о XVIII веке. Намечаются рукописные вещи, которые однако я буду разыскивать уже позже...

Закончил 4-ый выпуск минералогии¹⁶.

Из письма к Я. В. Самойлову 4 мая 1912 г. Петербург

»«

... Я хочу ехать 1-го вечером — до Перми проеду с Ревудкой. В Перми остановлюсь и затем в Кушве встречусь с Ферсманом...

Из письма к Н. Е. Вернадской 25 мая 1912 г. С.-Петербург

»«

... Выезжаю завтра. Еду прямо в Верхотурье, для чего съезжаю с Ферсманом 7 июня (раньше думал 5 июня) в Гороблагодатском (Кушва). Думали ехать оттуда на лошадях. В Верхотурье пойду на телеграф. Из Верхотурья едем в Кыштым; из Кыштыма на лошадях в Миасс. В Миассе вся моя экскурсия (Ревуц-

¹⁴ — жизненный путь (лат.).

¹⁵ Вернадский В. И. Лекции по истории естествознания России XVIII в. — Мемориальный кабинет-музей В. И. Вернадского в Ин-те геохимии и аналитической химии им. В. И. Вернадского. Инв. № 1052 и 1053.

¹⁶ Вернадский В. И. Опыт описательной минералогии. СПб., 1912, т. 1, вып. 4.

кая, Крыжановский и т. д.) и там постоянный адрес... Из Миасса съездим на Каменку. Я возвращаюсь обратно около 20—25 июня; мои там еще остаются...

Из письма к Я. В. Самойлову 31 мая 1912 г. С.-Петербург

»«

... вот уже я на Урале и начинаю свою экскурсию... Я решил... пробыть эти 1½ дня в Кушвинском заводе... и посетить внимательно классическое месторождение магнетита на горе Благодать, я был здесь 16 лет назад, но очень недолго, но у меня после того явился ряд вопросов. Для радиевых работ это совсем не нужно, но попутно хочу осмотреть разработки кварца, которые могут дать указания для Ра-минералов...

Из письма к Н. Е. Вернадской 6 июня 1912 г. Ушвинский завод

»«

... сейчас приехали в Верхотурье и должно быть завтра выедем отсюда на лошадях в Алапаевский завод... Приехали на заре, в 4 часа утра и сейчас же отправилась на экскурсию. Ферсман первый нашел тот минерал, для изучения которого приехали сюда. Его видел на месте только в 1820-х годах Купффер! Правду сказать, когда я ехал сюда, я думал, что мы ничего не найдем...

Из письма к Н. Е. Вернадской 8 июня 1912 г. Верхотурье

»«

... Никак не ожидал ни я, ни Александр Евгеньевич¹⁷, что мы найдем минералы редких земель, — теперь вопрос, являются ли они радиоактивными!...

Из письма к Н. Е. Вернадской 9 июня 1912 г. Верхотурье

»«

... Сегодня вернулся из поездки с Александром Евгеньевичем. Мы быстро и точно сделали все, что нужно: вчера экскурсировали 14 часов подряд, выехали сегодня в 4 часа утра и зато все кончили. Так приятно, что с ним не теряешь времени.

Из письма к Н. Е. Вернадской 20 июня 1912 г. Миасс

»«

... Мало-помалу вхожу в работу, хотя все еще здесь не налажено. Я понемногу отхожу от коллекции, которая должна перейти к Ферсману, и занят теперь в лаборатории, которая во многом налажена. Теперь для нас главная работа — помещение. Несмотря ни на что, я на-

¹⁷ — Ферсман.

деюсь, что мы при некоторой настойчивости этого добьемся...

Послал Вам и Сургунову 4-й выпуск своей минералогии. Я бы очень хотел, чтобы Вы пробежали там газы — они стоили мне много труда. Мне кажется мы недостаточно оцениваем до сих пор химическую роль тех обычных изменений, которые совершаются вокруг нас. Например, зима и лето в полосе умеренного климата: снега должны страшно много захватывать кислорода, и в этом отношении изучение воздуха в России должно представлять интерес. Я говорю об этом, впрочем, в дополнениях, в 5-м выпуске.

Сейчас завален корректурами для 5-го выпуска¹⁸, хотелось бы его закончить к январю. Уже очень мне надоели элементы...

Из письма к Я. В. Самойлову 12 сентября 1912 г. С.-Петербург

»«

... Сейчас много работаю в связи с 5-м выпуском и историей науки. Набрасываю заметку для *Zeitschriftblatt für Mineralogie*¹⁹. Мне хочется дать переработанную мою таблицу. Добавления для 5-го выпуска огромны!

Из письма к А. Е. Ферсману 27 июля 1912 г. Лосвида

1913

... Я тоже думаю ехать в Америку [5]. Сперва думал ехать через Тихий океан, но сейчас очень колеблюсь. Надо выехать рано — я не успею здесь ничего закончить. А с другой стороны, и не успею подготовиться к Сибири, Гавайским островам и Америке. Довольно трудно мне отказаться от Сибири: так давно туда хотелось попасть. Ну, да делать нечего. Должно быть на Байкал проедет один Ненадкевич.

Из письма к Я. В. Самойлову 22 февраля 1913 г. С.-Петербург

»«

... Я еще не решил, поеду ли в С. А. [С.] Ш. до конгресса или после конгресса²⁰. Ничего не имел бы против посещения некоторых фосфоритов. Для меня ясно

¹⁸ Вернадский В. И. Опыт описательной минералогии. Пг., 1914, т. 1, вып. 5.

¹⁹ Über die gediegenen chemischen Elemente in der Erdkruste. — *Zeitschrift für Mineralogie, Geologie und Paläontologie*, 1912, N 24, S. 758—765.

²⁰ — XII Международный геологический конгресс.

пока, что я хочу осмотреть некоторые главные музеи (Нью-Хейвен, Чикаго, Вашингтон) и научные институты (Вашингтон). Мелькает мысль о поездке куда-нибудь на месторождение карнитита, но сейчас еще я этого ясно не знаю. На Антильские острова проехать крайне заманчиво...

Из письма к Я. В. Самойлову 10 марта 1913 г. С.-Петербург

»«

Сейчас уже в Америке, в другой стране, где сейчас идет энергичная жизнь. Читая о ней и о ее истории, знаешь о ней — и здесь, на новой земле, едешь все в тех же условиях, все пропитано кровью, полно человеческих страданий, жестокостей. Среди них пробируются отдельные жизни, отдельные великие идеи — ростки будущего, неуклонно ведущие куда-то в неизвестное грядущее. Я сейчас весь проникнут чувством силы и значения научного мышления, ибо все здесь ярко кричит, что им приобретено и им держится. Новый свет принесен культурному человечеству фактически силой знания — но какой жестокой ценой и как много прошло времени, пока были ограничены духи разрушения и истребления, жадности и грабежа, которые были одарены силой благодаря научной работе лиц, не того искавших в научном знании. Прежние расы стертые, и новый Свет занят потомками Старого.

Из письма к Н. Е. Вернадской 17—18 июля 1913 г.

»«

... Приняли нас здесь необыкновенно любезно. Меня в особенности принял любезно профессор Николь, главный руководитель здешней экскурсии, которому, по-видимому, указал на меня гельсингфорский профессор Боргстром, мой приятель, которого я, к своему сожалению, вчера не увидел в Монреале. Как всегда меня только смущают такие выделения: но так или иначе, мне пришлось сесть в лучший частный (Николя) автомобиль и т. д. Здесь после шума и суеты Монреала очень хорошо. Небольшой английский городок, замечательный в воскресенье, и интересный университет, о существовании которого я не знал и который мы только что осматривали. Университет растущий — он начал выделяться лишь последние годы, раньше, по-видимому, прозябал. Здесь при нем главная горная школа Онтарио, главного рудного района Канады. И школа эта производит живое впечатление. Среди профессуры

стремления к организации научной работы. Обилие высшего образования, его разнообразных форм, здесь резко бросается в глаза...

Из письма к Н. Е. Вернадской 21 июля/3 августа 1913 г. Кингстон

»«

... Поражает роскошь университетского образования, широта возможностей научной работы, но малая индивидуальная сила работников. Крупных талантливых личностей мало. Берется все организацией, средствами; многочисленностью работников. То, что нам показывал вчера Николь, — детский лепет, о котором странно рассуждать серьезно...

Из письма к Н. Е. Вернадской 24 июля/6 августа 1913 г. Торонто

»«

... Здесь сейчас, по-видимому, большой съезд геологов, не знаю насколько будет интересен самый конгресс²¹. Чрезвычайно интересна была экскурсия... Сейчас сегодня мы сделали интересную поездку уже не минералогического, а геологического характера. То, что я увидел здесь, для меня новое. Канада в этой части — по рельефу напоминает Финляндию и геологически между ними есть много общего. Здесь и там выходят древнейшие докембрийские горные породы. Мы привыкли считать рельеф Финляндии за результат ледникового периода, движения льда, сгладившего скалы и придавшего особый отпечаток всей природе нашего каменистого севера. Сегодня здесь я мог несомненно убедиться, что рельеф Канады обусловлен не ледником недавнего — относительно — времени, а древней докембрийской (до начала известных нам живых существ) формой поверхности. Ледник лишь слегка округлил ранее существовавший рельеф, открыл его нам, снявши верхние слои. Но может быть мы видим и здесь рельеф, вызванный ледником, только более древним, докембрийским. Невольно поднимается тот же вопрос и для Финляндии и для русского севера.

Из письма к Н. Е. Вернадской 24 июля/6 августа 1913 г. Торонто

»«

... Здесь я пробуду еще несколько дней, а потом поеду на большую экскурсию на 10 дней на рудные месторождения Канады...

Конгресс как конгресс не очень интересен. Интере-

сно общение с людьми. Выставок, которые бывали на конгрессах и представляли интерес, нет совсем. Вопросы решаются в Совете, куда я не вхожу, и сейчас главные и наиболее интересные — геологического характера — о геологической карте мира. Съехалось много специалистов, но нет очень крупных, резко выделяющихся фигур, и думаю, что в этом смысле конгресс будет серьей...

Из письма к Н. Е. Вернадской 26 июля/8 августа 1913 г. Торонто

»«

... Сейчас на конгрессе, который многолюден, но довольно сер. Общих речей интересных нет совсем. Экскурсии очень удачны и превосходно поставлены. А так много бестолковщины. Да и сама Канада, похожая на Россию по первому облику природы, поражает европейца своим динамическим состоянием, она вся in Werden²² новой, молодой страны. Меня поразило здесь обилие русских...

Из письма к А. Е. Ферманцу 27 июля/9 августа 1913 г. Торонто

»«

Конгресс собственно говоря кончился... Общее впечатление о конгрессе то же, о каком писал вам раньше. Серое — но сила организации очень велика и значение этого съезда тоже немалое...

Из письма к Н. Е. Вернадской 1/14 августа 1913 г. Торонто

»«

... В то время, когда в России шла научная работа — Америка была еще провинцией Европы, отделенной и в идейном смысле... Той высокой мировой ступени, какой достигла Россия в своей литературе и думаю в искусстве, нет не только в Канаде, но и в Штатах до сих пор. Поражает энергия достижения своей цели. Та новая техника — американская техника, которая так много дала человечеству, имеет и свою тяжелую сторону. Здесь мы ее видели всю. Красивая страна обезображена. Леса выжжены, часть — на десятки верст страны превращена в пустыню: растительность отравлена и выжжена, и все для достижения одной цели — быстрой добычи никеля. Сейчас это мировой пункт — главная масса никеля получается здесь, но навсегда часть страны превращена в каменистую пустыню...

Из письма к Н. Е. Вернадской 4/17 августа 1913 г. Седбери

²² — в бытии, в состоянии (нем.).

²¹ XII Международный геологический конгресс.

»«

... Пробудем в Кобальте и завтра. Завтра будем посещать серебряные рудники. Сейчас это самое большое месторождение серебра, кажется, больше $\frac{1}{10}$ серебра, добываемого сейчас на земном шаре, добывается здесь... Сегодня в обстановке рудника, во всем окружающем устройстве видишь опять «американское устройство» работы — достижение возможно быстро результата, несмотря ни на что. Минимальная охрана человеческой личности, значительное расхищение вековых запасов природы для быстрого получения полезного действия. В конце концов многое теряется совершенно...

Из письма к Н. Е. Вернадской 5/18 августа 1913 г. Кобальт

»«

... Много научно интересного, но я не могу сказать, чтобы я очень резко чувствовал необходимость моего пребывания здесь. Мне кажется, я в каждой местности и всюду сейчас чувствую биение вечного, и мне как-то — в самой сути своей — не дает очень ясно нового перенос в такой особый мир, каким является Америка. Все-таки около месяца мы пробудем в Америке; еще передо мной ряд новых впечатлений, но я думаю среди них все резче выяснятся лишь... общие вопросы... Я думаю, что уже так сложилась моя личность, что потерялась доля упругости, и я сам прежний ишу в новой обстановке свое, которое в разных формах нахожу всюду...

Не знаю, удастся ли, но мне хочется набросать эти свои впечатления, хотелось бы выразить их так, чтобы затронуть тех, кому попадут мои строки. Но боюсь, что не решусь и не найду в себе достаточно энергии и лишь эти все впечатления глубже уложатся в мою мысль. Может быть это будет правильнее, т. к. это наведение, а не окончательные результаты знания. С другой стороны, может быть правильно передавать окружающим и летучие мысли и впечатления человека, привыкшего годами вдумываться в окружающее?...

Из письма к Н. Е. Вернадской 5/18 августа 1913 г. Кобальт

»«

... Сегодня последний день экскурсий. Завтра утром мы уезжаем в Соединенные Штаты. Эти дни были очень интересны, особенно вчерашний. Вчера погода была ужасная, самая скверная за всю поездку, лил дождь, я два раза промок, один раз совершенно, — но было так

интересно, что не жаль. Мы видели вчера утром новое месторождение никеля в совершенно глухой местности. Руда совершенно нового типа, которую я никогда не видел. После обеда нас повезли по трудной дороге, напоминающей уральские, на новое месторождение золота около озера Киркланда. Здесь золото было найдено всего восемь месяцев назад; год тому назад здесь было дикое место. Сейчас все меняется: проводятся дороги, строятся дома и местность захватывается цивилизацией. Но самое интересное, конечно, само золото месторождение. Такого богатого золотом месторождения так подробно я не видел... Спустились в шахту и нашли здесь, конечно для нас подготовленное, но удивительное место — стену, покрытую золотом, жилами с самородным золотом...

Любопытное зрелище представляет это вхождение цивилизации. С одной стороны, перед входящим в нетронутый лес человеком бежит зверь, гибнут деревья, нетронутая природа теряет свою утрюмую красоту. Но, с другой стороны, область, пропадавшая для человека, делается источником его силы и богатством. До сих пор, кроме пушного зверя, ничто не попадало отсюда в мировой обмен...

Из письма к Н. Е. Вернадской 10/23 августа 1913 г. Тимагами

»«

... Мы в Чикаго... Вчера осматривали музей — интересный, по отнюдь не лучше европейских. Все-таки вековая культурная жизнь не может быть быстро создана вновь. Сейчас на каждом шагу сильно чувствуется в научных учреждениях влияние европейской культуры, но совершенно ясно, что научные учреждения Америки теперь в лучших своих представителях равноценны европейским и быстро выйдут из того влияния, какое сейчас чувствуется. Это влияние слабнет с каждым годом...

Из письма к Н. Е. Вернадской 13/26 августа 1913 г. Чикаго

»«

... Чикаго первый огромный американский город, который я видел. Кажется он 3-й или 4-й город по величине в мире. Много поражает в нем, и улица около озера Мичиган с ее большими небоскребами для меня совершенно новое зрелище. В той части Michigan Avenue, которая выходит на огромное Мичиганское озеро, большое как море, берег противоположный которого не ви-

ден, а на горизонте видны пароходы, небоскребы с 21 этажем, с огромной колонадой внизу, даже красиво. Поражает банковый квартал, с огромными дворцами — банками. Впечатление, что банки здесь храмы... силу банков в этом новом свете чувствуешь как-то ярче, чем в старом. Это все открытие. Их силу видишь в Канаде, где они лежат в основе всех предприятий. Банкир здесь имеет совершенно иное общественное положение, чем у нас, где он входит в общество аристократии или богатых слоев. Здесь он стоит в центре самых различных начинаний, и в Онтарио участие их в организации конгресса чувствовалось, пожалуй, не меньше, чем участие правительства. Фактически деньги сила и у нас, но ярко это чувствуешь только здесь в Америке, если будешь смотреть на обычные проявления жизни, а не станешь анализировать общественный процесс.

Но Чикаго велик своими размерами потому, что он состоит не из небоскребов. Весь город с несколько миллионным населением построен из низких, маленьких домиков, переполнен парками. Здания не красивы. Нет той красоты города, которая например чувствуется в Париже или Москве...

Из письма к Н. Е. Вернадской 13/26 августа 1913 г. Чикаго

»«

... Думаем ехать в Чаттанугу на бокситы. Мне очень хотелось бы поехать на бокситы, так как я уверен в широком распространении их в России: их надо найти, а для этого видеть главные типы месторождений. Очень жалею, что обстоятельства складываются неблагоприятно для посещения Аризоны, где идет сейчас наибольшая добыча бокситов, но в Георгии хочу посетить главные месторождения. В общем скопления бокситов являются интересной загадкой. К сожалению, тип Чаттануга и Георгии кажется мне менее подходящим к возможным русским условиям. Немного все еще колеблюсь, не проехать ли в Аризону...

Из письма к А. Е. Ферсману 15/28 августа 1913 г. Nashville, Tenn

»«

В Вашингтоне мы застряли на несколько дней. Здесь много интересного, и здесь видишь то, что недоступно в других местах. Сегодня мы проработали с Яковом Владимировичем²³ настоящим образом. Утром часа 3—

²³ — Самойлов.

4 провели в Geophysical Laboratory Карнеги и после обеда часа два были у Hillebrand'a в Bureau of Standart. Это два огромных научных учреждения, где ведется исследовательская организованная работа. Работа нового типа, у нас почти несуществующая. В Geophysical Laboratory ведется организованная работа по опытной минералогии, кристаллографии, геологии целым штатом физиков, химиков, минералогов. Двадцать ученых, хорошо материально обеспеченных, идут к одной цели — исполняют задачи, им поставленные, — теоретически директором, фактически очевидно отчасти и самими работниками... Производительность — научная — такой лаборатории огромная, приборы, точность работы совершенно для нас невиданные... Здесь огромные результаты достигаются коллективной работой и при отсутствии гениальности у ее авторов. Но Дюю — директору ее — нельзя отказать в умении брать темы для решения вопросов — нужные и важные. Может быть это и есть крупный талант?...

Как всегда я чувствую свое большое незнание в целых областях при соприкосновении с такой работой и такими людьми. И в то же время мой ум никак не может попасть в рамки, в которых идет их работа, и укладывает ее в свои, им неизвестные или кажущиеся неверными. Несомненно я выношу из этих посещений очень много — особенно много всяких указаний для будущего и для хода своей работы. Мне кажется, если у меня хватит выдержки, характера, я смогу сейчас смелее пойти по тому пути, по которому идти не решался...

Из письма к Н. Е. Вернадской 21 августа/3 сентября 1913 г. Вашингтон

»«

... В Вашингтоне много очень интересного и здесь можно было бы пробыть гораздо дольше, чем мы пробудем. Вашингтон сейчас центр ученой жизни Соединенных Штатов... Как это ни странно, но у меня сейчас идет пересмотр прошлого моей научной деятельности. Я чувствую, что я давно, с молодости стал на тот путь, который сейчас становится господствующим. Многие из того, что мною было еще тогда понято, теперь воспринимается окружающими как новое, помимо моей работы — очень многое до сих пор не создано. У меня не было тогда характера и выдержки чтобы проводить с боя эти идеи — нет и теперь достаточного в этом

смысле желания, и я думаю уклада работы. Много, конечно, мешает и то, что я печатаю главные свои работы по-русски. А между тем другого выхода не вижу.

Сейчас мне хочется закончить кое-что из моих старых кристаллографических начинаний, которые, как я теперь вижу, являются новыми, но в новой обстановке могут быть поняты. Хочется уже к работе...

Из письма к Н. Е. Вернадской 24 августа/6 сентября 1913 г. Вашингтон

»«

... совершенно неожиданно, бросив все, мы выехали вчера утром, идем на большом, роскошном, быстроходном французском пароходе в Гавр! Маркуша²⁴ заболел, по-видимому, тифом... Конечно, мне очень досадно уехать раньше... — я не видел Нью-Йорка (видел там только чудный естественно-исторический музей) и трех больших американских минералогических собраний, которые наметил. Но ничего не поделаешь, оставить Маркушу я не мог. Есть некоторый страх и переезда: не в моем характере делать такие рискованные шаги. Я думаю, ему лучше было бы спокойно пролечиться в Нью-Йорке... Но и Самойлов и Маркуша думают иначе...

Из письма к Н. Е. Вернадской 29 августа/11 сентября 1913 г. А Bord de «France»

»«

Возвращаюсь, полный мыслей, планов, желаний, намерений — возвращаюсь, точно молодой человек. Мне даже странно это в мои годы.

Из письма к А. С. Короленко 31 августа 1913 г.

»«

Замечалось не раз и сделалось общим местом, что человек понемногу свыкается с окружающим, не замечает происходящих вокруг него перемен, до тех пор, пока сразу не попадет в новые условия жизни. Тогда он в старом увидит новое там, где все казалось столь обыденным и ясным. И, с другой стороны, многое важное поймется им, как не имеющее значения, а на место него выдвинутся события и явления, значение которых им не подозревалось. Поездка в Америку дает особенно много именно с этой точки зрения; она меняет масштаб, которым мы меряем окружающее, ставит события на иное место, чем мы привыкли это делать, забывая о своем суждении об окружающем, о существовании

вне пределов Европы Нового Света. Мы могли его забывать и не принимать серьезно во внимание, но жизнь связала нас с ним неразрывными связями, и в действительности то, что происходит в этой стране касается нас ближе, чем мы это думаем, и должно заставлять нас взглядываться в них глубже, чем мы привыкли это делать...

Из дневника... 1913 г.

»«

... Странно, сколько я вынес для себя нового — в научном смысле — из этой поездки... Возвращаюсь с новыми планами, мыслями, касающимися и научной работы и научной организации. Хочется только, чтобы было для этого достаточно воли... Не менее вынес я и с точки зрения общественной или практически-жизненной. Странно — Америка так близка и проехать туда так просто, раз есть деньги, — и так странно, что мелочи жизни раньше закрывали от меня эту возможность.

Из письма Г. В. Вернадскому 13—14 сентября 1913 г.

»«

Мне 50 лет, но мне кажется, я далеко еще не достиг в своем научном развитии того предела, где кончается не учение только, но понимание окружающего. Часть того, что поднялось теперь во мне, касается многих впечатлений и мыслей моей молодости, — того, чего я почти не касался эти годы, но что, как теперь вижу, или оказалось верным, или же вполне доступно научным исследованиям в научной обстановке нашего времени, и не было доступно лет 20 назад. Но часть мнений и стремлений, во всяком случае — новые.

Из письма Г. В. Вернадскому 13—14 сентября 1913 г.

»«

Нельзя забывать, что самостоятельная творческая научная работа, как всякая духовная творческая работа, накладывая свой отпечаток на весь духовный облик человечества, одновременно неуловимыми путями могущественным образом отражается на окружающем. Нельзя забывать, что духовная сила общества создается только существованием в его среде творческой самостоятельной работы отдельных лиц во всех областях культурной жизни — науки, философии, религии, искусства, общественной жизни. Если бы даже данной личности и не удалось реально воплотить в жизнь ею созданное, то

²⁴ — Любощинский — племянник В. И. Вернадского.

самое существование ее творческой работы есть уже акт жизни общества.

Из статьи «Памяти П. К. Алексата»²⁵

»«

... Вчера обедал у нас Гуля²⁶ с женой и Елизаветой Дмитриевной²⁷. Было очень оживленно. Гуля много рассказывал про Моршанск и весь полон своих впечатлений. И мне было как-то светло: я чувствовал, что здесь я исполнил свой долг — передал следующему за мной поколению вековую, лежавшую на мне общественную обязанность...

Из письма к Н. Е. Вернадской 9 октября 1913 г. С.-Петербурга

»«

... пишу тебе среди совершенной сутолоки жизни! Сейчас у меня еще более увеличилось работы и всяких волнений благодаря тому, что вопрос о радию становится на видное место. Сегодня написал статью для «Русских ведомостей»²⁸, которая им передается по телефону и завтра появится там. А утром у меня было интервью в «Вечернем времени», которое должно появиться — и должно быть появилось — сегодня²⁹. Снегиреву я послал подробный расчет. Необходимо иметь на год около 80 000 рублей для того, чтобы поставить дело, и я буду теперь за них бороться. Ведь появилась надежда на излечение рака! Я думаю, что с весны придется организовать дело широко, и я получу наконец нужные средства.

В лаборатории работа идет систематично, и у меня и Ненадкевича видны интересные проспекты для будущего, может быть близкого — но, мы с ним все время переходим от надежд к надежде. Но все-таки любопытно идти в новой области и вдумываться в нее и искать ответы. А сейчас у меня опять пробуждается интерес к математике и кристаллографии! А затем мне в ближайшие дни надо дать отчет об Америке для Академии и свою биографию для Академического словаря³⁰ и

²⁵ Русская мысль, 1913, № 12, с. 49—52.

²⁶ — Вернадский Георгий Владимирович.

²⁷ — Ревуцкая.

²⁸ Вернадский В. И. О радиевых лучах в России. — Русские ведомости, 1913, № 242.

²⁹ Радию в России (Беседа). — Вечернее время, 1913, 19 окт.

³⁰ Материалы для биографического словаря действительных членов императорской Академии наук. Пг., 1915, ч. I, с. 146—156.

план общего очерка истории Академии за последние 25 лет!...

На меня что-то посыпались почести — выбрали почетным членом в Общество любителей естествознания в Москве...

Из письма к Н. Е. Вернадской 19 октября 1913 г. С.-Петербурга

»«

... Вернулся из Москвы Ферман и рассказывает, что среди слушателей Университета Шаняевского появился молодой, резко выделяющийся человек Богословский, полный интереса и исключительных способностей в области кристаллографии и минералогии... Без всяких средств, из семинарии без права поступления в Университет он из чистого стремления к науке, живя впроголодь, учится в Университете Шаняевского! Я мечтаю теперь взять его в радиевые работы, если только удастся наладить дело. Таланты редки и их надо беречь и охранять — в них все-таки настоящая, живая, вечная сила нации...

Из письма к Н. Е. Вернадской 22 октября 1913 г. С.-Петербурга

»«

... Сейчас много дела с Ра. Сегодня окончательно редактируется постановление Академии о ходатайстве в отпуске 138 000 рублей и поставленный мною вопрос о признании залежей Ра государственной собственностью.

Из письма к Я. В. Самойлову 2 ноября 1913 г. С.-Петербурга

»«

... А вопрос с радием вырастает. Знаешь, у меня все-таки досадное чувство, что я тогда не очень протестовал, что мне не дали просимых средств. Если бы в 1911 году мне дали 36 000 рублей, а не 10 000, то сейчас мы бы знали, есть или нет радиевые руды в России, больше знали, чем теперь. Но так или иначе сейчас надо добиваться. Саркома и рак — эти ужасы, мы подходим к борьбе с ними и надо добыть средства борьбы...

Из письма к Н. Е. Вернадской 22 октября 1913 г. С.-Петербурга

»«

... Кончил статью для ежегодника «Речи» о высшей школе в России в 1913 году³¹. Мне кажется, что мне

³¹ Высшая школа и научные организации. — Речь, 1913, с. 351—371.

удалось затронуть интересные вопросы (о студенчестве)...

Из письма к Н. Е. Вернадской 7 декабря 1913 г. С.-Петербурга

»«

... Получил приглашение в организационный комитет 1-го Всероссийского съезда по раковым болезням! Вот уже никак не мог думать, что когда бы то ни было попаду в такого рода дела. Сейчас начнется у меня довольно горячая работа с организацией радиевых исследований. Будет очень нелегко...

Из письма к Н. Е. Вернадской 14 декабря 1913 г. С.-Петербурга³²

»«

... Кончил совсем 1-ый том «Опыта»³³ — подписал уже и предисловие. А с января—февраля начну печатать 2-ой. Сдал в «Русскую мысль» начало своей истории естествознания в России — сперва в виде очерков³⁴. Сейчас сижу и злюсь на Ta—Nb—U! Я думаю, тут надо теоретически совсем идти по-новому...

Из письма к А. В. Самойлову 27 декабря 1913 г. С.-Петербурга

1914

... Взрослое поколение России находится после разгрома. Часть его одно время — да и до сих пор — постыдно поддавалась апатии, ушла в зоологическую жизнь, быстро разуверилась в том, чему верила еще недавно. Политическая жизнь в России не дает элементов для идеализации. Взрослое поколение русского общества не дало подрастающей молодежи своей жизнью и своей деятельностью ни примера гражданственности, ни примера высокого морального уровня... Благодаря этому авторитет старшего поколения еще больше понизился в глазах младшего, чем это обычно бывает среди отцов и детей. Я думаю, он давно так низко не опускался в России, как в эти годы политического и нравственного кризиса. Молодежь была представлена себе, и она проходила эти годы тяжелый путь. Она проходила путь разочарований, падений, бесцелья...

Из статьи «Вышла школа в России»³⁵

³² Место написания установлено по содержанию полного текста письма (ААН СССР, ф. 518, оп. 7, д. 57, л. 64).

³³ Вернадский В. И. Опыт описательной минералогии, т. 1, вып. 5, с. 657—839.

³⁴ Вернадский В. И. Очерки по истории естествознания в России в XVIII веке. — Русская мысль, 1914, № 1, с. 1—23.

³⁵ Ежегодник газеты «Речь» на 1914 г. Пг., Речь, 1914, с. 303—325.

»«

... Сейчас я начинаю входить в большую работу, которая лежит на мне в связи с обзором 25-летия Академии наук. Масса работы и мало сделано.

А тут новое дело и опять неотложное. В среду я (и Карпинский подписал) поднял в заседании Академии вопрос об исследовании вновь открытых у берегов Сибири земель. Мы с Карпинским заявили, что внесем 30 апреля (ближайшее заседание) особую записку³⁶. Поводом послужила записка Толмачева о подготовительных работах для таких исследований, которую я поддержал. Я считаю, что это исследование должно быть организовано Академией наук. Вероятно, это начало большого дела, которое не только потребует больших — и очень — средств, но и большой организации. Помимо огромного научного интереса, я считаю, что вопрос имеет и интерес государственный...

Жизнь неуклонно ведет меня не к тому, к чему у меня интерес и способности. Приходится заниматься организаторской деятельностью. Ничего не делаешь...

Из письма к Н. Е. Вернадской 5 апреля 1914 г. С.-Петербурга

»«

Дорогая моя Наталочка, так тяжело должно быть теперь тебе в Полтаве³⁷. И в то же время ясно чувствуется, что мы с тобой подошли к той грани жизни, где окончательно уходит предшествовавшее нам поколение, и мы стали на очередь конца жизни. И если мы прожили жизнь сознательно, дали все, что нам она могла поставить на испытание, то мы должны и здесь отнестись к ее велениям спокойно и сознательно. Уход поколения перед нами не может сейчас не считаться неизбежным и вполне оправданным жизнью. Конечно, отсюда не вытечет, чтобы его было легко пережить, и мало изменится чувство, но легче с ним примириться.

Из письма к Н. Е. Вернадской 30 марта 1914 г. С.-Петербурга

»«

... Сегодня выезжаю в Петербург, а оттуда еду прямо в Оренбург... и затем делаю с Д. Н. Соколовым экскурсию по Уралу в области палеозойских «зеленых» и «жел-

³⁶ Об исследовании вновь открытых земель у северного побережья Сибири. — Известия АН, 1914, т. 8, 6 серия, № 15, с. 1073—1074.

³⁷ В Полтаве умерла мать Н. Е. Вернадской.

тых» песчаников, где есть медные рудники. Очень мне интересно выяснить, не найдется ли чего-нибудь схожего с Колорадо и Ута. Думаю там начать экскурсию 2—3 июля. Оттуда еду на Миасс, где уже у нас начались разработки Блюмовской копи. Любопытно, что там получается. До сих пор не прошел закон о ради, и у меня сильно пострадали экскурсии по Сибири, может быть кое-что придется совсем отложить, например Алтай. В Фергане, на Урале, в Пермской и Вятской губерниях (в области песчаников) работа началась. Но настоящим образом дело развернется только в будущем году.

Из письма к Я. В. Самойлову 24 июня 1914 г. Бутова Кобыла

»«

... Законопроект прошел 27 июня в Государственном Совете, по деньгам необходимо ждать, говорят, месяц. Я добыл от Академии 8000 руб. (которые получил 9-го) и стараюсь добыть еще 2000, нужные мне для Читы...

Из письма к А. Е. Ферману 30 июня 1914 г. Оренбург

»«

... Сегодня я говорил утром на раковом съезде — не знаю как. На съезде очень сильное течение против лечения радием и рентгенизацией, но течение на вид довольно легкомысленное, т. к. основано не на опыте. По-видимому, поразительно мало знаний в этой области; сейчас в Петербурге, говорят, можно видеть новое и интересное в этой области только в Елисеевской больнице в Лесном. На съезде рассказывают, что в Военно-медицинской академии вся установка производит печальное впечатление. Очень сильно выступают хирурги против радия...

Из письма к Н. Е. Вернадской 3 апреля 1914 г. С.-Петербург

»«

... Сегодня выезжаю на несколько дней в Крым, затем в Шипаки... В конце июня буду в Петербурге и оттуда еду в Оренбург и Сибирь...

Из письма к Я. В. Самойлову 31 мая 1914 г. С.-Петербург

»«

... Сейчас здесь и в Крыму довольно много работал — закончил для «Известий» Академии статью о рубидии в земной коре³⁸ и довольно большую статью о задачах

³⁸ Заметки о распространении химических элементов в земной коре. VI. История рубидия в земной коре. — Известия АН, 1914, т. 8, 6 серия, № 13, с. 951—966.

спектроскопии в земной коре³⁹. Мне очень будет интересно поговорить с Вами о некоторых вопросах, затронутых в последней статье. Это первая статья, открывающая результаты наших работ: материалы для спектроскопии земной коры. Вторая статья — спектры слюд в кислород-ногазовом пламени — совместно с Линденером печатается одновременно. Сейчас для меня не вполне выяснено направление дальнейших тем — может быть спектроскопия Ильменских гор или некоторые элементы в группе нефелина. Следить будем опять за Rb и затем заканчивать на Ga и хочу выдвинуть V...

Из письма к Я. В. Самойлову 24 июня 1914 г. Бутова Кобыла⁴⁰

»«

Получил Ваше письмо от 7 июля, и пока собирался Вам ответить, все изменилось. Попал сюда в мобилизацию, а затем разразилась катастрофа войны с Германией. То, что подготавливалось после 1871 года, более 40 лет, совершилось, и для меня сейчас Россия и Франция представляются оплотом свободы Европы от Великой Германской империи. Я даже не могу этот вопрос оценивать только с русской точки зрения. Кто победит? — Сказать едва ли кто может, но мы в центре одного из величайших мировых событий...

Сейчас заставляешь себя вести спокойно свою работу! Еду завтра утром в Нерчинск, заканчиваю экскурсию 1 или 2 августа и прямо еду к себе домой, на Псел...

Из письма к Я. В. Самойлову 21 июля 1914 г. Чита

»«

... Пишу Вам, возвращаясь назад и подвигаясь медленно по воинскому графику. Закончил экскурсию, выяснились многие ошибки...

Торианит и монацит есть в россыпях, но совершенно неясно, имеем ли мы дело с монацитовыми и торианитовыми россыпями или монацитами и торианитами в россыпях. План работы выяснен и думаю будет исполнен. Кроме того, мы получим интересную коллекцию вообще забайкальских минералов... Сейчас весь поглощен войной... Год придется пережить тяжелый. Думаю, война

³⁹ Материалы по спектроскопии Земной коры. I. Общие замечания о задачах спектроскопии Земной коры. — Известия АН, 1914, т. 8, 6 серия, № 14, с. 898—1008.

⁴⁰ — так назывался хутор В. И. Вернадского по месту, взятому под дом на Бутовой горе в Шипаках.

затянется, но как-то несомненно чувствуется, что мы в конце концов победим...

Из письма к А. Е. Ферману 13 августа 1914 г. Иркутск—Омск

»«

... На днях вернулся сюда с границ Манчжурии и Монголии, ехал около 17 суток, сперва на лошадах, потом по железной дороге. Весь план работы выполнен, но, признаюсь, было временами довольно трудно вести работу среди мобилизации и тревоги...

В Прибайкалье совершенно не нашлось урановых минералов, описанных Егоровым... Я очень крепко стою сейчас за самую энергичную культурную и научную работу, — но все же много наших сил и мыслей уйдет в другую область. Какое время нам дала судьба пережить! А для науки это все отразится очень и очень нелегко...

Из письма к Я. В. Самойлову 27 августа 1914 г. Хутор Ковьяль гора

»«

... Сейчас понемногу начинаем входить в колею — на фоне мировых событий. Радиевы работы в этом году дали интересные научные результаты, но сейчас практически крупных залежей нигде нет. Для меня, впрочем, совсем еще не ясно, чтобы в Забайкалье мы не имели серьезных россыпей ториянита. Сейчас кредиты мне на Ра работы сокращают, но вести работу можно будет и в 1914 и в 1915 г.

Должно быть в этом году мы кроме продолжения работы над Rb введем Ca. Для слюд рубидий есть постоянная составная часть (для всех) и во всех калий определен ошибочно. Думается ошибка изрядная, может быть в процентах.

Сейчас работа научная налаживается довольно трудно — но я думаю ее надо поставить интенсивно. Ведь и война может легко протянуться год и больше — а затем после войны увеличится интенсивность политической борьбы и придется налаживать разрушенную научную мировую организацию!

Из письма к Я. В. Самойлову 24 сентября 1914. Петроград

1915

... Сейчас много работаю... В последнее время больше сижу над историческим очерком Академии за 1889—1914, но взял вопрос раньше и пишу очерк ее истории

1724—1824 как введение к моей главной статье. Переживаю весь ход истории научной мысли в России. Много любопытного...

У нас образовался минералого-геологический кружок при нашем Музее⁴¹ — очень живой и интересный...

Из письма к Я. В. Самойлову 28 января 1915 г. Петроград

»«

... Сейчас впес в Академию наук предложение об организации при ней постоянной комиссии для исследования производительных сил России [6]. Надеюсь в среду его провести окончательно. Сейчас очень сократили с радиевыми средствами, но организую работу химиков, и много тут возникает интересного. Много работы сейчас в попечительствах, где у нас разрастается целая организация учреждений для детей...

Из письма к Я. В. Самойлову 28 января 1915 г. Петроград

»«

... Деятельность городских попечительств в области заботы о детском населении города Петрограда определяется, с одной стороны, обычными условиями жизни большого современного города, с другой — теми новыми обстоятельствами, какие внесены в эту жизнь мировой войной, которая самым широким образом касается на каждом шагу всех жителей города. Очевидно, необходимо принимать во внимание все эти обстоятельства при составлении общего плана организации деятельности городских попечительств...

К тому же и характер теперешней войны и ее отражения на жизни города выдвигают тот же самый вопрос о создании постоянной организации. В частности, в вопросе об организации заботы о детях выдвигается как задача ближайшего будущего, длительная и после заключения мира — забота о детях убитых, погибших в бою, после боя, от истощения или болезней во время войны, так и детях тех семей, работники которых остались в живых, но стали неспособными нести на себе все тяготы подготовки детей к будущей суровой борьбе за существование. В жизни большого города количество таких лиц будет, несомненно, огромно.

В виду этого мы сейчас же должны заботиться о создании постоянной организации заботы о детях в районе

⁴¹ — геологический и минералогический музей им. императора Петра Великого Академии наук.

нашего попечительства, не откладывая мысль об этом на будущее.

Этого требуют и общие условия жизни большого города и обязательства, лежащие на русском обществе в связи с великим переживаемым ныне нами потрясением. Обстоятельства складываются сверх того так, что задача эта окажется вполне достижимой, раз только мы настоящим образом захотим ее осуществить. Мне кажется, что она сейчас находится в нашей воле...

Но необходимо ныне же обратиться к городу, может быть лучше всего через гласных нашего района, пригласив их для обсуждения этого вопроса в собрание нашей комиссии. Можно также поднять этот вопрос непосредственно в Комиссии о пользах и нуждах...

Из записки о деятельности попечительства в области заботы о детях... [Февраль 1915 г. Петроград]⁴²

»«

...Здесь очень сейчас хорошо. Я начинаю отходить сейчас от городской суеты и весь полон всяких планов и начинаний и желаний — но это есть неизбежное следствие жизни. Я все-таки надеюсь, что Вы завернете посмотреть эти места и может быть устроитесь здесь поблизости, тогда летом сможем чаще общаться, Вам еще рано думать о конце жизни, а моему возрасту это свойственно и должно. И тогда особенно ценишь общение с друзьями в такие дни отдыха...

Из письма к Я. В. Самойлову 22 мая 1915 г. Ковыль гора⁴³

»«

...Пока заканчиваю корректуры и исправления главы о сероводороде, которая очень разрослась. Намечаются в связи с этим любопытные обобщения над гипсами. Странно, что так поздно видишь новые, кажется, правильности в столь известных вещах... Я забрал сюда много разной работы — не знаю, сделаю ли. Уехать на экскурсию думаю в августе...

Из письма к Я. В. Самойлову 22 мая 1915 г. Ковыль гора

»«

...Начал отделять свой 1-й том лекций минералогии и начинаю увлекаться: расширять очень не хочу, но ввожу и литературу и общие вопросы...

Из письма к А. Е. Ферсману 26 июня 1915 г. Ковыль гора

⁴² Дата установлена по содержанию полного текста записки (ААН СССР, ф. 518, оп. 4, д. 200, лл. 14—18).

⁴³ — имение В. И. Вернадского в Шишаках.

»«

... Много сейчас думаю и работаю — главным образом над вопросами минералогии и геологии. Начал отделять свои московские лекции по минералогии для печати...

Из письма к Я. В. Самойлову 5 июля 1915 г. Ковыль гора

»«

... На днях вернулся из Петрограда и Москвы, куда ездил в связи со всякими научно-общественными делами... Придется энергично и усиленно двинуть Комиссию о производительных силах России в конце августа. Я сейчас готовлю доклад о сборнике...

Из письма к А. Е. Ферсману 25 июля 1915 г. Шишаки, Ковыль гора

»«

... нам надо будет очень энергично двинуть Комиссию о производительных силах России, и поэтому может быть было бы нужно Ваше присутствие в Петрограде 20—21 августа. Вероятно на первый план надо будет выдвинуть издание сборника. Но может быть еще осенью можно будет воспользоваться для некоторых работ. Положение вообще становится все серьезнее и, если для ближайшей потребности дня, мы в нашей комиссии, может быть, не должны много делать, то задача дальнейшего становится серьезнее и тревожнее, так как война еще будет еще более длительна, чем я думал, и наши потери будут еще больше, так как разоренная территория увеличивается и раззор еще больше увеличен дезорганизованностью администрации в устройстве беженцев. У меня сейчас даже являются такие мысли — нельзя ли действительно усилить добычу дорогих продуктов Au, Pt, алмазов? Может быть, усилить средства для изобретательной творческой работы? Кстати я видел у Зелинского производство каучука из спирта: очень любопытно. Выйти из этой войны без крушения можно лишь подъемом доступных производительных сил и усилением творческой и производительной работы населения. Придется работать, не покладая рук и удесятерять усилия...

Из письма к А. Е. Ферсману 3 августа 1915 г. Ковыль гора

»«

... Комиссия о производительных силах нашей страны, вероятно, соберется в начале сентября; сейчас почти нет ответов от учреждений... Ответы от обществ и учреждений начнут поступать после летних каникул...

В Комиссию по производительным силам России бюро внесет предложение об издании сборника сведений о производительных силах России [7], но вместе с тем оно сейчас же, не ожидая большого собрания комиссии, принимает издание целого ряда сжатых памфлетов, в которых бы давались точные и научно правильные указания по отдельным вопросам, касающимся естественных производительных сил России... [8]. Задержки в этих изданиях не будет, и я надеюсь они будут выходить очень быстро...

Из письма к Я. В. Самойлову 24 августа 1915 г. Петроград

»«

... Приехал сюда 15 августа — и с тех пор никак не могу войти в колею работы. Очень трудное время мы сейчас переживаем... Мне кажется, сейчас еще более важно, чем в прошлом году, поддержать неизменным — по возможности — рост научной работы и, если есть возможность, его усилить...

Из письма к Я. В. Самойлову 24 августа 1915 г. Петроград

»«

... 11 октября первое заседание Комиссии производительных сил...

Из письма к Я. В. Самойлову 3 октября 1915 г. Петроград

»«

... Сборник «Производительные силы» встретил сочувствие в военных кругах и нам обещают немедленно выдать нужные деньги (40—50 тыс. руб.). Вместе с тем мы надеемся финансово прочно поставить и все остальные работы комиссии...

Из письма к Я. В. Самойлову 4 ноября 1915 г. Петроград

1916

... Сейчас время такое исключительное. Не только совершаются мировые события, и жизнь ставит на наше решение и требует понимания в сложнейших явлениях, которые окажут глубокое влияние на отдаленные поколения; одновременно с этим крупным совершаются резкие бессознательные или подсознательные изменения в духовной и экономической структуре общества и человечества, к которым тоже надо внимательно присматриваться. И вместе с тем всюду вылезает мелкое на вид, но практически важные дела и решения. Как сейчас напри-

мер... вопрос о топографической карте России, записку⁴⁴ о чем я пишу теперь для Академической комиссии.

Из письма к Я. В. Самойлову 17 марта 1916 г. Петроград

»«

Сюда приехал отдохнуть перед ожидаемым трудным временем: весь июнь и вторую часть мая придется провести в Петрограде в связи с Государственным Советом...

Из письма к Я. В. Самойлову 17 апреля 1916 г. Горная Щель⁴⁵

»«

... Горная щель над Ялтой примыкает к лесам Масандров, за городской больницей. Характерно, что в эту дачу нельзя проехать на извозчике, можно лишь пройти. Отдаленный шум города и еще больше шоссе слышен, но вообще вы находитесь в совершенной тиши — среди солнца, зелени, чудного широкого вида — без моря. Покойный Пав. Ал. Бакунин, говорил, говорят, что это одна из достопримечательностей Горной щели как южнобережной части Крыма. Запущенный сад и дом еще полны нетронутой пока памятью этого одного из последних русских философов идеалистов XIX века, имевших корни в немецком идеализме начала XIX века...

Из письма к А. Е. Ферсману 14 апреля 1916 г. Ялта

»«

... Ужасна смерть Виссариона Виссарионовича⁴⁶ в полном расцвете сил... Его научная работа только что раскрывалась, и он представлял оригинальную, своеобразную личность в научной работе, еще не раскрывшуюся...

Из письма к Н. Е. Вернадской 17 апреля 1916 г. Горная Щель

»«

... У меня такое чувство, что не надо было все-таки такому специалисту, как Виссарион Виссарионович, идти на фронт, т. к. его смерть неизбежна чувствуется страной по существу сильнее, чем смерть другого уполномоченного. Конечно, эти рассуждения может быть и неправильны, так как жизнь не может и не должна укладываться в логически разумные рамки и в ней нередко ло-

⁴⁴ Об организации топографической съемки России. — Известия РАН, 1917, т. 11, 6 серия, № 11, с. 843—849.

⁴⁵ — под Ялтой, где В. И. Вернадский отдыхал у Анны Егоровны Любошинской (сестра жены).

⁴⁶ — Карандеев.

гически правильные выводы являются несправедливыми и неправильными. . .

Из письма к Н. Е. Вернадской 21 апреля 1916 г. Гаспра

»«

. . . Одним из самых тяжелых ударов, какой несет нам жизнь, является смерть молодых, полных жизни и сил людей. Особенно это тяжело, когда уходит из жизни в полном расцвете ученик, потом товарищ и друг, тот, который по нашему внутреннему чувству должен был уйти из жизни после, должен был пережить своего учителя и старшего товарища. С этим примириться нельзя. Мучительно ищут разум поколений выхода из этого положения и каждое поколение решает его для себя иначе. Но как бы оно ни решало, вечным и всегда ясным остается неизменная сила и красота жизни, полной глубоких научных исканий и беззаветного стойкого общественного служения, какой была вся жизнь покойного В. В. Карандеева. . .

«Памяти В. В. Карандеева. . .» 22 мая 1916 г.

»«

. . . Вчера с Любоцинскими ездил на Красный камень — одна из самых красивых поездок в Крыму, какую я видел по новой, законченной в 1913 году дороге в вековом сосновом и буковом лесу и с удивительным видом на море. Все это, конечно, хорошо, но сейчас уже надо приняться вновь за срочную работу. Конечно, я провел эти дни недаром даже и с этой точки зрения. Все время работает усиленно мысль и многое для меня выясняется; прочел кое-что нужное для научной и общественной работы. Надеюсь сделать и еще кое-что до приезда в Петроград. . .

Из письма к Н. Е. Вернадской 29 апреля 1916 г. Горная Щель

»«

. . . Сессия Государственного Совета была очень трудная, много работы. . .

Из письма к Я. В. Самойлову 26 июня 1916 г. Петроград

»«

. . . Комиссия по военным сухопутным и морским делам уменьшила количество лиц, которые имеют право на признание на основании законопроекта Государственной думы. Не возражая против этого уменьшения, я не могу согласиться с одним предложенным исключением, а именно с исключением «внебрачных жен» [9].

. . . Несомненно, затраты государственного казначей-

ства огромны, однако, они вызываются чрезвычайно важными государственными соображениями. Прежде всего тем, что солдаты, которые отдают свою жизнь во время войны на фронте, должны иметь уверенность, что их семьи, оставшиеся на местах, не будут голодать. Одно это уже достаточно оправдывает затрату тех огромных средств, которые расходует на это дело государство. С другой стороны, этим путем достигается необходимое спокойствие в тылу армии. И, наконец, государство не может не относиться заботливо к тому молодому, подрастающему поколению, к детям, которые остаются после ухода на войну отцов данных семей. . .

Из выступления на заседании Государственного Совета 2 июня 1916 г. Петроград

»«

Послезавтра уезжаю с Александром Евгеньевичем⁴⁷ на Алтай, где около Сузунского завода есть признаки бокситов. Очень мне хочется выяснить это дело. Может быть, на обратном пути заеду на Урале. . . на алюмосульфаты, калий. . .

Из письма к Я. В. Самойлову 26 июня 1916 г. Петроград

»«

Ценность создается не только капиталом и трудом. В равной мере необходимо для создания предмета ценности и творчество. Его может внести в дело третья категория лиц, различная по своему участию в деле и по своему составу, и от рабочего и от капиталиста. Результатами ее творчества могут воспользоваться — и обычно пользуются — как рабочие, так и капиталисты. И те и другие могут ее эксплуатировать, как 3-ю силу, с ними равноценную. . . Если капитал постоянно увеличивается, а рабочий труд его постоянно создает — это происходит только потому, что они действуют по формам созданным творчеством. Этим сознательным и бессознательным творчеством проникнута вся экономическая жизнь и без него она столь же верно обречена на гибель, как без капитала и без труда.

Несомненно, сейчас в данный момент, если бы прекратилось творчество, экономическая жизнь не замерла бы, продолжалась бы рутинно по прежним рамкам накопление капитала и использование труда: но оно происходит только за счет прежде накопленного и переведенного в формы реальной жизни творчества. Экономиче-

⁴⁷ — Ферсман.

ческая жизнь не раз давала нам примеры подобного рода⁴⁸.

Из дневника. . . 18 июля 1916 г. На Иртыше. Павлоград—Омск

»«

. . . Недавно, с неделю, вернулся сюда, не заезжая на Урал. Очень задержалась моя поездка на Алтай, где мы с Александром Евгеньевичем⁴⁹ по окончании нашей специальной работы не выдержали и заехали в Змеиногорский и Риддерский рудники. Очень интересно, но очень далеко. Из Риддерска до Шишак я ехал 11 дней, правда, проделал часть пути более медленно по Иртышу (от Усть-Каменогорска до Омска). Относительно бокситов выяснит лаборатория. То, что описывал Петц, — не боксит (должно быть, но точно сказать, какой минерал, мы не решаемся: может быть каолин, а может быть цеолитонд или слюда). Но мы нашли и другой продукт, очень похожий на боксит. Сейчас Алтай возрождается, особенно Риддерск (Au и Zn). Первый цинк уже поступил в дело, а цинковое дело здесь наибольшее в России. . .

Из письма Я. В. Самойлову 2 августа 1916 г. Ковыль гора, близ Шишак

»«

. . . Здесь [Шишаки] с большим подъемом я выяснил себе основные понятия биогеохимии, резкое отличие биосферы от других оболочек земной коры, основное значение скорости размножения. Начал писать с большим подъемом и с чрезвычайно широкими планами изложения. Явно почувствовал недостаток знаний, отсутствие основных данных и необходимость геохимической трактовки [живого вещества] на фоне истории планеты. Составил план чтения. . . Оставляя в стороне представление о «жизни», я постарался остаться на точной эмпирической основе и ввел в геохимию простое и новое понятие о живом веществе как совокупности живых организмов, неразрывно связанных с биосферой, как неотделимая ее часть или функция. . . С этого времени, где бы я ни находился и при каких бы условиях, иногда очень тяжелых, мне бы не приходилось жить, я непрерывно работал, читал и размышлял над вопросами геохимии и биогеохимии. . .

Из «Хронологии. . .» 30 августа 1937 г.

⁴⁸ — здесь В. И. Вернадский предвосхищает кибернетические построения.

⁴⁹ — Ферсман.

»«

. . . С лета 1916 г. я начал систематически знакомиться с биологической литературой на химической и химико-геологической основе и выработывал основные принципы биогеохимии. . .

Из письма В. А. Обручеву 22 октября 1942 г. Боровое

»«

. . . Я все более и более склоняюсь к организации съезда по естественным производительным силам в России в декабре или январе. Несомненно, всегда возможна опасность выдвижения политического момента, но до сих пор мы благополучно ее обходили и бояться этого нечего. А между тем здесь можно будет поставить широко многие вопросы, наметить пути и найти людей. Конечно, надо обдумать задачи и подготовить доклады. Знать, чего хочешь:

- 1) окончательное консолидирование наших сборников,
- 2) журнал, посвященный этим вопросам,
- 3) сеть организации исследовательских институтов и
- 4) постановки других вопросов, требующих законодательной инициативы. . .

Из письма к А. Е. Ферсману 23 августа 1916 г. [Бутова Кобыла]⁵⁰

»«

Вопрос об использовании сырой платины и примесных к ней минералов, богатых платиновыми металлами, стал сейчас на очередь дня. Яркое почувствовалась недопустимость современного состояния платиновой промышленности в России. В то самое время, как платиновые руды доставляются на мировой рынок почти исключительно Россией, обработка их производится почти только на Западе в Англии, Франции и Германии. От нас вывозится сырая руда, а к нам привозится платина и другие продукты обработки платиновых руд в готовом виде. Только небольшая часть платины добывается из русских платиновых руд в России.

Такое положение дел не только неправильно с чисто хозяйственной государственной точки зрения, оно неправильно и с точки зрения интересов научного знания, роста научной мысли и научной работы в России. Весь научный опыт обработки руд платиновых металлов, свя-

⁵⁰ Место написания письма установлено по содержанию письма к Я. В. Самойлову от 20.08.1916 г. (ААН СССР, ф. 518, оп. 3, л. 2001, л. 21).

занный неизбежно с исследовательской работой в мало изученных областях химии, пропадает для научной работы в России.

Научная работа всякого государства в значительной мере опирается, помимо общих всем условий, и теми особыми возможностями, которые заключаются и в его территории, его политической истории, его населении. Неиспользование этих возможностей для собственной научной работы государства наносит огромный ущерб культурной работе составляющей его нации, не меньший (если не больший), чем предоставление иностранцам исключительного использования принадлежащих стране естественных богатств. Очевидно, дальнейшее продление такого положения дел столь же и по тем же причинам нетерпимо, как нетерпимо продолжение хозяйственной потери для страны, связано с неиспользованием исключительного положения России в мировой добыче платины и платиновых металлов. А, между тем, благодаря редкости и ценности платиновой руды, она при существующих обстоятельствах совершенно недоступна не только отдельным русским ученым, но и нашим научным лабораториям и институтам.

Платиновые руды являются одновременно рудами не только на платину, но и на так называемые платиновые металлы — родий, иридий, осмий, рутений, палладий. Эти металлы обычно сосредоточиваются в платиновых остатках при обработке сырой платины и уходят для дальнейшего разделения, переработки и исследования за границу.

Значение этих металлов в будущем. Однако и сейчас они уже имеют все растущее применение в человеческой жизни и во многих случаях они не могут быть заменены другими веществами. Благодаря их редкости, их рыночная цена всегда выше цены платины и находится все в дальнейшем повышении. Это самая дорогая часть и без того дорогой платиновой руды.

Сохранение этих платиновых остатков в возможной мере в России, их разделение силами русских химиков и вывоз их из России за границу в обработанном виде должно являться задачей ближайшей государственной политики.

Из записки «Срочные задачи изучения редких металлов платиновой группы. . .»⁵¹

⁵¹ Отчет о деятельности КЕПС. Пг., АИ, 1916, № 5, с. 88—89.

»«

21 октября будет 1-ое заседание Комиссии по изучению естественных производительных сил: хотим в этом году поднять вопрос об организации исследовательских институтов⁵². Мне кажется, сейчас это вопрос, который должен объединить русских натуралистов и может получить широкое осуществление. . .

Из письма к Я. В. Самойлову 2 октября 1916 г. Петроград

»«

Сейчас масса работы. Очень налаживается научная работа у меня. Очень интересны и странны результаты ферганских экспедиций этого года; я жду Богословского для выяснения всего дела. . . Чрезвычайно любопытны выводы с висмутовыми рудами. Руда из Шерловой горы — новая; новый карбонат, заключающий примесь Вi (новая разность?) вольфрамовокислого висмута (к сожалению мало) и т. д. . . Заканчиваю обработку ортитов и чевкинита с химической точки зрения. . .

Все свободное время от Государственного Совета и лаборатории и академических дел у меня идет на H₂S. Заканчиваю усиленно печатание 1-го выпуска⁵³ и хочу его закончить к январю—февралю, а затем надвигается моя история Академии, листа три ее в печати, а она не дописана! После I выпуска «Минералогии» придется отставить II и заняться «академией».

Как видите, масса работы и так тяжело, что она идет на фоне грозного пожара. Удастся ли отстоять его распространение на новые области жизни? . . . Сейчас живешь невольно воспоминаниями, т. к. подходишь к чреде жизни. И может быть оттого меня опять начинает тянуть к чему-то более общему — и вопросам философии, и старым интересам юности. . .

Из письма к Я. В. Самойлову 24 ноября 1916 г. Петроград

⁵² Вернадский В. И. О государственной сети исследовательских институтов. — Отчет Комиссии по изучению естественных производительных сил России. Пг., 1917, № 8, с. 156—161.

⁵³ Вернадский В. И. Опыт описательной минералогии. Пг., 1918, т. 2, вып. 1, с. 144.

... Сейчас много всяких мелочей по Сборнику⁵⁴ [10]. Будет он пестрый. Часть геологов Геологического комитета [11] сделала работу хорошо, другая — ниже среднего... В общем, однако, это будет нужное и полезное издание...

Все увеличивается понемногу спрос на наши «Материалы»⁵⁵ [12], а мне хочется, чтобы во всякую минуту на книжном рынке каждый из них находился и был доведен до уровня [знаний] момента...

Из письма к Я. В. Самойлову 7 января 1917 г. Петроград

»«

... Положение сейчас очень грозное, но далеко не безнадежное. Боюсь, что не удастся выйти из кризиса без столкновения, может быть, кровавого. Но в конце концов для меня нет сомнения, что мы выйдем из потрясений благополучно. Трудно это конечно доказывать, но мне кажется у меня не только один оптимизм настроения, а есть данные — поскольку могут быть данные в такой сложной области жизни, какой является исторический процесс...

Из письма к Я. В. Самойлову 22 мая 1917 г. Петроград

»«

... Весной 1917 г. в Петрограде я заболел. Профессор Рубаль пашел у меня, к моему удивлению, острое заболевание туберкулезом, причем исследование рентгеном показало, что я перенес раньше когда-то туберкулез, о чем я не имел понятия. Когда я поправился, он пастоял на моем отъезде из Петрограда, чтобы провести весну вне города...

Из воспоминаний... 1943

»«

... Двенадцатого съезд по высшей школе, где мне приходится работать довольно много [13]. Должно быть, возьму на себя обязанности Голицына⁵⁶ в Ученом комитете [14]. Может быть — в связи с комиссией⁵⁷ и аграр-

⁵⁴ — имеется в виду сборник «Естественные производительные силы России».

⁵⁵ «Материалы для изучения естественных производительных сил России».

⁵⁶ — т. е. обязанности председателя Ученого комитета при Министерстве земледелия.

⁵⁷ — Комиссия по изучению естественных производительных сил России.

ным вопросом. Долго колебался, но сейчас решаюсь. Будет деятельность совместная с Комиссией. Комиссия медленно работает, но не замирает, скорее даже расширяется: уже проходят Институт физико-химического анализа [15], платиновый [16]. Двигаются — хотя и медленно — и другие. Так странно, как идет эта работа творческая среди разрухи ужасающей. В Ученом комитете может быть должна быть развернута большая государственная организация исследовательского дела, и эта работа в связи с общим планом должна быть принята во внимание при проведении аграрной реформы...

Из письма к А. Е. Ферману 9 июня 1917 г. [Петроград]⁵⁸

»«

... Я осенью подам в отставку из профессоров в виду моего назначения председателем Ученого комитета... Много я колебался, но может быть правильно было принять это место, т. к. сейчас здесь можно будет сделать как раз в той области жизни, которую я считаю сейчас важнейшей: научной работе, ее организации и укреплению. Сейчас очень мне улыбается добиться передачи Гатчинских дворца, парков, царской охоты и части леса для организации научного исследовательского центра: Ученый комитет с его учреждениями, Ботанический сад..., Художественный гатчинский музей, академический Ломоносовский институт (а может быть Геологический и минералогический музей), отделение Палаты мер и весов. Сейчас дело очень налаживается. Около 550 десятин одного парка! Во дворце более 600 комнат, а затем ряд флигелей, домов и т. д. Конечно, для академических учреждений и Палаты мер и весов надо будет строить, но я считаю, что такой вывод ученых учреждений в пригород (менее часа езды) и соединение вместе разнообразных ученых учреждений очень важно. Гатчино должно стать ученым городком — садом. Не знаю, конечно, как все это устроится, но я все-таки смотрю вперед очень твердо: как-то сильно чувствую внутреннюю силу и мощь России, несмотря ни на что...

Из письма к Я. В. Самойлову 8 июля 1917 г. Бутова Кубыла

»«

... Гуляю, брожу, много очень думаю и читаю. Сейчас главной работой является набрасывание давних моих

⁵⁸ Место написания письма установлено по почтовому штемпелю (ААН СССР, ф. 518, оп. 2, д. 11, л. 1).

размышлений и мыслей о живом веществе с геохимической точки зрения. Мне хочется связно изложить — сколько могу без книг, выписок (оставил в Петрограде!) и подсчетов — мои мысли. Над ними думаю и к ним постоянно возвращаюсь десятки лет. Излагаю так, что дальнейшая обработка может пойти прямо и точно. Сейчас уже написал более 40 страниц и думаю, что перед отъездом закончу. Несомненно тут у меня много нового; и многое новое открывается при обработке; подхожу к новым заданиям и вопросам. Так или иначе я ясно чувствую, что надо было это сделать, так как так или иначе это результат всей моей прошлой научной работы. И вместе с тем глубокое неудовлетворение результатом и странное — столь обычное для меня чувство, что я делаю не настоящую научную работу. Отчасти чувство «ученого» — настоящей научной работой кажется опыт, анализ, измерение, новый факт, — а не обобщение. А тут все главное — и все новое в обобщении. С другой стороны, в этой работе я как-то спокойнее смотрю на окружающее, ибо я сталкиваюсь в ней с такой стороной жизни, которая сводит на нет волнения окружающего, даже в такой трагический момент, какой мы переживаем. Перед всем живым веществом мелким кажется весь ход истории. И странно, я через самый грубый на первый раз материализм мог бы подойти этим путем к странным и очень далеким от материализма философским выводам. Их вводить не хочу, но их возможности указываю. Едва ли возможно целиком жизнь свести на физико-химическое. Но это не будет и утешением, ибо в общую схему мироздания она все же войдет. А не этого хочет мятущийся ум...

Из письма к Н. Е. Вернадской 19 июля 1917 г. Бутова Кобыла

»«

...я очень ушел [в] это время в чисто научные проблемы в связи со значением жизни и живого вещества в истории Земли. Копашусь мыслью в самых небольших подходах к входу куда-то в здание. Но и эти подходы не расчищены, я все-таки думаю, что я не напрасно систематически набрасываю свою работу — ясно, что если я ее окончательно обработаю и закончу — будет книга. Но странно как-то себя и весь ход человеческой истории, со всеми ее трагедиями и личными переживаниями осмотреть с точки зрения бесстрастного химического процесса природы. И она в него великолепно входит — подобно

тому, как в больших числах человеческих особей мы улавливаем законности, в которых укладываются, как что-то должное и закономерное, — результаты самых тонких и неуловимых колебаний человеческой души...
Из письма к Н. Е. Вернадской 21 июля 1917 г. Бутова Кобыла

»«

... Среди других книг, которые читаю, читаю сейчас библию. И как-то странно, одновременно я вижу и чувствую в ней отражение самых несводимых вместе и резко различных настроений моей личности. Я сразу на нее смотрю с непримиримых точек зрения и чувствую целое и единое. Мне часто казалось, что один и тот же человек об одном и том же в одно и то же время может мыслить разное и несводимое в одно и чувствовать единое. И вот теперь это я ярко переживаю при чтении библии...

Из письма к Н. Е. Вернадской 21 июля 1917 г. Бутова Кобыла

»«

В это время⁵⁹ я получил телеграмму от Сергея Ольденбурга с предложением занять должность товарища министра [17] и не имел мужества отказаться, так как сознавал свой долг не оставлять людей... в общем деле...

Вопросы правильной организации научной и учебной работы меня всегда глубоко интересовали, вследствие чего морально я не мог отказаться от предложения С. Ф. Ольденбурга⁶⁰, хотя чувствовал всю непрочность положения дел [18]. Можно было все-таки надеяться, что что-нибудь можно будет сделать, в чем я и не ошибся.

Я принял его предложение.

Я столкнулся здесь с чрезвычайной случайностью распределения высших учебных заведений в нашей стране и с чрезвычайной редкостью и случайностью больших центров научной работы, не связанных с высшей школой.

В то короткое время, пока мне пришлось здесь работать, был открыт Пермский университет [19], подготовившийся еще годами до революции... Поднят был и вопрос о создании новых академий наук. Я помню, что этот вопрос мы обсуждали вместе с моим старым другом академиком Н. Я. Марром.

⁵⁹ — конец июля 1917 г.

⁶⁰ — взять на себя заведывание отделом высшей школы и государственной организации научных исследований.

Поднимался вопрос о Грузинской Академии наук и об Академии наук на Украине и в Сибири [20].

В это время я познакомился с другим товарищем министра, профессором Н. П. Василенко (1866—1935), историком Украины, который являлся представителем Украины в вопросах, связанных с высшей школой. У него первого явилась мысль о создании Украинской Академии наук... У нас с ним сразу создалась дорогая нам обоим дружеская связь.

Из «Хронологии...» 30 августа 1937 г.

»«

... Атмосфера тревожная как будто накануне Гражданской войны...

Из дневника... 19 октября 1917 г. Петроград

»«

Совещание товарищей министров с С. С.⁶¹ о плане внешкольного образования. Интересное. Начинается новое крупное дело, которое потребует больших расходов — десятки миллионов рублей. Но одно из важнейших...

Из дневника... 25 октября 1917 г. Петроград

»«

... Кажется, целая вечность прошла после последних записей. Невозможное становится возможным, и развертывается небывалая в истории катастрофа или, может быть, новое мировое явление. И в нем чувствуешь себя бессильной былинкой... В сущности массы за большевиков...

Из дневника... 3 ноября (утро) 1917 г. Петроград

»«

Вчерашний день... Чтение газет — «Воля народа», «Дело народа»... в которых бесконечное количество неправды перемешано с правдой. Но никто толком ничего не знает...

Из дневника... 3 ноября 1917 г. Петроград

»«

Много работал для сероводорода с корректурой и исправлениями. Хочется скорее двинуть. Думаю о новых научных работах. Хочу вырвать время. Сергей⁶² говорит, что начал усиленно научно работать, тоже Модзалевский, Ферсман и др. ...

После ареста правительства в Петрограде... кр[асно-

⁶¹ Салазкин С. С.

⁶² Ольденбург Сергей Федорович.

армейцами]... Первое заседание в доме Министерства народного просвещения у Чернышева моста. Порядочный человек Гринберг — коммунист — с кем пришлось иметь дело... Я в это время заболел старым туберкулезом... Выехал в Полтаву еще как товарищ министра народного просвещения...

Из «Хронологии...» июль 1940 г. Узкое

»«

... Несомненно, в большевистском движении очень много глубокого, народного. Демократия показала свое лицо — то, которое она постоянно показывала в истории. В критический момент покажет и свою энергию...

Из дневника... 14 ноября 1917 г. Петроград

»«

Очень смутно и тревожно за будущее. Вместе с тем и очень ясно чувствую силу русской нации. Очень любопытное будет изменение русской интеллигенции. Что бы ни случилось в государственных формах, великий народ будет жить... Думаю о новых научных работах.

Из дневника... 6 ноября 1917 г. Петроград

Комментарии

I

Семья. Родословная

1. В Киевском университете И. В. Вернадский преподавал в 1846 г., в Московском университете — с 1847 по 1856 г.
2. В Петербург И. В. Вернадский переехал в 1856 г.
3. «Экономический указатель» (1857—1858) — еженедельный журнал, в котором И. В. Вернадский вел полемику с Н. Г. Чернышевским по вопросу об общественном землевладении. «Экономист» — приложение к «Экономическому указателю», посвященное политической экономии, статистике и вспомогательным наукам. С 1861 г. после прекращения издания «Указателя...» выходил самостоятельно. В обоих изданиях Вернадский выступал как редактор-издатель.
4. М. Н. Шигаева скончалась в 1860 г. Это была первая русская женщина-экономист. «Экономический указатель» И. В. Вернадский издавал при ее содействии. Она напечатала ряд статей, которые в свое время пользовались большим успехом. Наиболее интересными из них были статьи о женском труде, позже собранные ее мужем и изданные под заглавием «Собрание сочинений покойной М. Н. Вернадской, урожденной Шигаевой» (СПб., 1862).
5. Институт благородных девиц — в царской России закрытое учебное заведение для дочерей дворян; в Москве Институт был открыт в 1802 г.
6. В 1862 г. М. А. Балакирев совместно с хоровым дирижером Г. Я. Ломакниным организовал в Петербурге бесплатную музыкальную школу, концертами которой и управлял. Школа была очагом массового музыкального образования, а также центром пропаганды русской музыки. В хоре этой школы и пела мать В. И. Вернадского.
7. Освободительная война украинского народа под руководством Б. Хмельницкого против шляхетской Польши проходила в 1648—1654 гг.
8. Ликвидация Сечи Запорожской была осуществлена в 1775 г., после подавления Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева (1773—1775), во время которой в Сечи происходили волнения. Запорожское войско было объявлено распущенным, а земли розданы русским и украинским помещикам.

II

Детство. Гимназия

1. В. И. Вернадский родился во время Польского восстания, которое началось в январе 1863 г.
2. «Жития» — жития «святых» — вид церковной литературы, описывающей жизнь и «подвиги» христианских подвижников, церковных деятелей и т. п.; составляются с первых веков христианства и занимают десятки объемистых томов.
3. «Ветхий завет» — часть Библии, собрание иудейских «священных» книг, рассматриваемых как «священные» и в христианстве. «Ветхий завет» складывался в течение многих веков, его состав претерпевал различные изменения. По своему жанру книги «Ветхого завета» весьма разнообразны. Сюда входят старинные хроники, исторические повести, саги и мифы, победы, свадебные, походные и похоронные гимны, притчи, молитвенные песнопения, религиозно-философские трактаты, любовно-эротические новеллы, правила жертвоприношений, ритуальной чистоты и т. п.
4. Во время франко-прусской войны (1870—1871) вождем национально-освободительного движения Италии Гарибальди предложил свои услуги республиканскому правительству Франции и командовал Богезской армией, которая нанесла ряд серьезных поражений прусской армии.
5. Амедей, Карлос, Гарибальди — участники политических событий в Европе в середине XIX в.
6. Газета П. Лаврова «Вперед» вышла в Лондоне в 1875—1876 гг. раз в две недели (вышло 48 номеров). В газете публиковались обзор событий в России и хроника событий рабочего движения. С помощью этой газеты и одноименного журнала Лавров стремился возродить традиции герценовского «Колокола».
7. Циркуляр Министерства внутренних дел от 5 июня 1876 г. о запрещении печатания книг на украинском языке.
8. Царскосельский лицей, Александровский лицей (1811—1918). В 1843 г. Царскосельский лицей был переведен из Царского села (ныне г. Пушкин) в Петербург и переименован в Александровский лицей. Устав лицея (1848 г.) ставил целью «воспитание благородного юношества для гражданской службы по всем частям, требующим высшего образования, преимущественно же для службы по Министерству внутренних дел». В лицей принимали детей родовитых дворян, чиновников не ниже статского советника и военных не ниже полковника. Лицей готовил высших государственных чиновников для всех ведомств. Предлагая сыну выбрать между гимназией и лицеем, И. В. Вернадский тем самым советовал выбрать между карьерами чиновника и ученого.
9. У Казанского собора в Петербурге 6 декабря 1876 г. состоялась антиправительственная демонстрация рабочих и студентов, получившая широкий резонанс в столице. С речью выступил Г. В. Плеханов. Эта первая политическая демонстрация в России с участием передовых рабочих была организована и проведена по инициативе и при активном участии народников-землевольцев и членов рабочих кружков, складывавшихся

- в самостоятельную революционную организацию, получившую позднее название «Северный союз русских рабочих».
10. По казанскому делу было арестовано и подверглось суду 32 человека, из них 11 женщин. Царский суд жестоко расправился с участниками демонстрации. 17-летний рабочий Яков Потапов вместе с двумя другими рабочими был заточен в монастырь, А. П. Боголюбов (Емельянов), А. Н. Бибергаев, М. М. Черновский были сосланы на каторгу на 15 лет; И. Л. Гервасий, Е. К. Бочаров — на каторгу на 10 лет, многие — в Сибирь на поселение.
  11. Петербургский художественный клуб, помещавшийся в Троицком переулке, был закрыт 10 февраля 1877 г.
  12. В своем дневнике В. И. Вернадский приводит одну из версий, распространенных в Петербурге, о причине закрытия клуба художников. Клуб не был политической организацией, в основе его деятельности были различные развлекательные мероприятия: балы, спектакли.
  13. В своей речи на похоронах Н. А. Некрасова Достоевский поставил его вслед за Пушкиным и Лермонтовым.
  14. Д. А. Толстой — министр народного просвещения (1866—1880), преобразовавший реальные гимназии в реальные училища — неполноценные средние школы с профессиональным уклоном, которые должны были отвлечь лиц недворянского происхождения от поступления в гимназию и получения высшего образования; право поступления в университет давала только классическая гимназия.
  15. 24 января 1878 г. В. И. Засулич стреляла в Петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, по приказу которого был наказан розгами заключенный революционер Боголюбов. Суд при смягченных вынес оправдательный приговор Засулич (31.III.1878), после чего она эмигрировала в Швейцарию. Покушение Засулич и особенно оправдательный приговор имели огромный резонанс в обществе.
  16. В своих воспоминаниях В. Г. Короленко упоминает о встрече у И. В. Вернадского после покушения Засулич: «Помню, что все солидное общество, собравшееся у Вернадского, было проникнуто сочувствием к Засулич, начиная с самого Вернадского... (История моего современника, кн. 2. М., 1935, с. 267).
  17. Имеется в виду политическая и литературная газета «Северный вестник», печатавшаяся в «Славянской книгопечатне» И. В. Вернадского. Издавалась в Петербурге с 1 мая 1877 г. по 6 апреля 1878 г. Е. В. Коршем, под редакцией Вл. Л. Рычкова. Фактическим редактором был В. Ф. Корш (1828—1893) — журналист и историк литературы.
  18. Непропущенная статья — письмо Веры Засулич, написанное ею после суда («Северный вестник», 5 апреля 1878 г.), за опубликование которого газета была закрыта по «высочайшему повелению».
  19. «Биржевой указатель» — еженедельное издание по фондовой и акционерной части, которое И. В. Вернадский как издатель-редактор издавал со 2 октября 1877 г. по 15 июля 1879 г. В «Биржевом указателе» от 25 июня 1879 г. была помещена анонимно переводная статья «Распространение кооперативной системы в Великобритании и ее результаты», о которой, очевидно, и упоминает В. И. Вернадский. И. В. Вернадский

- вызван 11 июля 1878 г. в суд. Издание указателя было задержано; в конце сентября 1879 г. указатель перешел в собственность С. М. Прошпера.
20. «Nature» — еженедельный иллюстрированный научный журнал, первый номер которого вышел 4 ноября 1869 г. в Лондоне. Издание продолжается до сих пор.

III

Петербургский университет

1. В 1884 г. был принят новый устав университетов, по которому университеты лишались автономии, отменялась выборность ректора, деканов, профессоров. Устав порвал связь между профессорской коллегией и органами университетского управления, поставив профессоров в положение чиновников. Профессора назначались попечителем учебного округа, за ходом преподавания был установлен надзор, отменялся университетский суд и учреждалась должность инспектора для надзора за студентами, назначаемого Министерством народного просвещения, со специальным штатом и полицейскими функциями. Увеличивалась плата за учение, студентам было запрещено издание научных трудов. Несмотря на борьбу профессорской коллегии за изменение этого устава, устав 1884 г. просуществовал до Великой Октябрьской социалистической революции.
  2. Студенческое научно-литературное общество Петербургского университета было разрешено в конце 1881 г. Первое организационное собрание членов общества состоялось 28 января 1882 г. Постепенно руководство обществом перешло к группе прогрессивно настроенных студентов. Общество состояло из студентов различных факультетов Петербургского университета и оставленных при университете для приготовления к профессорскому званию. По уставу общество должно было содействовать научным и литературным занятиям студентов, устраивать чтения, переводить иностранные научные сочинения и издавать в виде сборников или отдельных выпусков лучших студенческих диссертаций и статей, выписывать научные и литературные журналы и книги. Председателем Общества был профессор русской словесности О. Ф. Миллер. Для руководства научно-литературными занятиями выбирался Научный отдел, который составлял планы годичной работы, определял очередные задачи, искал новые формы деятельности.
- Чтение рефератов привлекало много студентов, не входивших в состав общества. Летом 1882 г. были напечатаны два выпуска «Трудов» общества. Общество создало библиотеку, в которой перед его закрытием было 5 тыс. томов. Оно завоевало огромную популярность в университете. В него перед закрытием входило свыше 350 человек. В. И. Вернадский принимал активное участие в деятельности Общества с момента его организации и был избран в состав Научного отдела. Среди активных членов было много людей, которые впоследствии стали известными учеными, писателями, общественными деятелями: В. В. Водовозов, И. А. Клейбер, А. Н. Крапов,

- А. С. Лапко-Даниловский, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, братья С. Ф. и Ф. Ф. Ольденбурги, Н. П. Ушинский, Д. И. Шаховской и мл. др. Все казненные 8 мая 1887 г. за покушение на Александра III: Ульянов, Генералов, Андреюшкин, Шевырев были членами Студенческого научно-литературного общества, а А. И. Ульянов — его секретарем. Это послужило причиной немедленного закрытия общества в 1887 г.
3. Студенческие волнения в Петербургском университете в 1882 г. были результатом агитации народофильских кружков. Поводом для схода студентов 10 ноября 1882 г. было достаточно: деятельность инспекции, действовавшей по указке охранки и жандармов, аресты, обыски, высылка студентов. Сходка началась в актовом зале университета, по участнику сходки было так много, что они заняли и весь вестибюль. Упавшая административная не могла справиться с бурным собранием студентов, и попечитель Ф. М. Дмитриев вызвал полицию. Сходка окончилась жестоким разгромом: несколько сот студентов было арестовано и выслано.
  4. См. комментарий 2.
  5. См. комментарий 3.
  6. «Братство» — студенческий кружок близких друзей, искавших смысл и цели жизни. Уже на первом курсе В. И. Вернадский познакомился с будущими членами «братства». Это были студенты различных факультетов Петербургского университета: братья С. Ф. и Ф. Ф. Ольденбурги (востоковед и филолог), А. А. Корнилов, И. М. Гревс (историки), Д. И. Шаховской (историк и литературовед), Н. Г. Ушинский, А. Н. Краснов (биологи). В 1884 г. в кружке было 10 человек. Члены кружка помимо составления рефератов и обсуждения их на заседаниях стремились к практической деятельности. Имми была создана группа для изучения народной литературы (см. комментарий 10). Члены «братства» поддерживали дружеские связи в течение всей их жизни.
  7. См. комментарий 2.
  8. *Липецкий съезд* — съезд народнической организации «Земля и воля», состоявшийся в июне 1879 г. в г. Липецке.
  9. На немецком языке книга А. Туна «Geschichte der revolutionären Bewegungen in Russland» (Leipzig, 1883) больше не переиздавалась. В русском переводе она долгое время существовала только в литографированном виде. Очевидно, существовало несколько переводов этой книги, в одном из которых принимали участие Н. Е. и В. И. Вернадские. Типографское издание книги на русском языке было осуществлено только в 1901 г. «Заграничной лигой русской революционной социал-демократии» с предисловием Г. Плеханова и дополнением Д. Кольцова.
  10. Группа для изучения народной литературы возникла в недрах «братства» (см. комментарий 6). В ее работе помимо членов «братства» приняли участие А. Н. Сиротинина, три сестры Тимофеевы, Н. Е. Старицкая, Е. С. Зарудная. Кружок собирался раз в неделю, чаще всего у братьев Ольденбургов. Члены группы занимались изучением литературы для народа, подбирали библиотечки, высылали книги в провинцию. В 1885—1886 г. группа вошла в Санкт-Петербургский комитет грамотности при Вольном экономическом обществе. Войдя в Ко-

митет грамотности, группа продолжала работать и вне его, содействуя учреждению первой бесплатной читальни в Петербурге.

IV

Первые годы после окончания Петербургского университета

1. Братья Ольденбурги Федор Федорович и Сергей Федорович отказались присутствовать на свадьбе друга, так как под давлением родственников Наталии Егоровны решено было быть на свадьбе во фраках. Ольденбурги, в виде социального протеста «безусловно отрицающих фрак», на свадьбу не пришли.
2. *Совет объединенных землячеств* — нелегальная студенческая организация, оформившаяся весной 1886 г. Симбирское землячество в Совете представлял А. И. Ульянов. Землячества — объединения по территориальному признаку студентов («землячков»), особенно окончивших среднее учебное заведение в данном городе. Землячества были организационной формой, на которую опиралось студенческое движение. Настроенные в общем радикально, землячества принимали известное участие в освободительном движении, но никогда не были организацией революционной по своим задачам и методам борьбы, хотя использовались в той или иной форме революционными организациями. Основные формы общественной работы: кружки саморазвития, кассы взаимопомощи и столовые.
3. См. комментарий 2.
4. См. комментарий 2, гл. III.
5. Вольное экономическое общество (1765—1919) начало научное исследование почв и способов их улучшения по предложению Д. И. Менделеева в 1865 г. Для этого особая комиссия составила программу проведения опытов в некоторых губерниях России, в результате которых был осуществлен физический и химический анализ почв и подпочв в Симбирской, Смоленской, Московской и Петербургской губерниях, изучено влияние туков на урожай овса и ржи и т. д. Первые удавшиеся успехи пробудили в Обществе сознание о необходимости основательного изучения почв. Начиная с 1876 г. Общество постоянно и с большой энергией занимается русским почвоведением. В 1876 г. В. В. Докучаев выступил в Обществе с докладом «Итоги о русском черноземе», из которого вытекала необходимость основательного изучения чернозема, как главной хлебоборной почвы России.
6. Исследованиями фосфоритов в Рославльском уезде Смоленской губернии В. И. Вернадский занимался в течение полтора месяцев (июнь—июль) 1877 г. Главное внимание он уделял местам разработки фосфоритов — Несоново и его окрестности, определил границы распространения фосфоритов, новые места залегания, указал места, наиболее богатые фосфоритами, сделал химический анализ обнаруженных фосфоритов и т. д.

Первая заграничная командировка

1. Сохранился билет до Вены на 17 марта, в Неаполе были 1 апреля; в Мюнхене — 2 мая (ААН СССР, ф. 518, оп. 2, д. 31, л. 110).
2. *Сольфатары* — выделения газов из трещин после извержения вулкана (от названия вулкана Сольфатара близ Неаполя, выделяющего сернистые газы и воду). По стенкам трещин и вокруг них обычно осаждаются кристаллические возгоны различных сернистых и хлористых соединений.
3. Международные геологические конгрессы, о которых упоминает В. И. Вернадский, проходили в Лондоне (1888), Петербурге (1897), Париже (1900), Вене (1903), Оттаве (1913), Москве (1937).
4. *Н. Д. Похитонов* — друг семьи Вернадских с середины 70-х годов, помогал В. И. Вернадскому в 1881 г. ухаживать за больным отцом. Оказал огромное влияние на духовное развитие Вернадского. «Я не знал лучше личности, глубже ума, добрее сердца, и не было человека, более на меня имевшего влияния, исключая моего дяди да отца» (ААН СССР, ф. 518, оп. 1, д. 212, л. 18). В 1880 г. Похитонов вступил в партию «Народная воля». Как и другие члены «Народной воли», он был предан С. П. Дегаевым, проходил по «процессу 14-ти» (24—28 сентября 1884 г.) и приговорен сначала к смертной казни, а затем к вечной каторге. Двенадцать последних лет провел в Шлиссельбургской крепости, в 1894 г. в тюрьме заболел тяжелой формой психического расстройства и вскоре умер.
5. Популярность Герца после завершения им ряда блестящих опытов, дающих новое подтверждение электромагнитной природы света, о результатах которой Герц доложил на заседании Берлинской Академии наук 13 декабря 1888 г., необычайно возросла. Герц получает от германских и иностранных учреждений и обществ почетные приглашения, поздравительные адреса и т. д. Пригласил его и Политехнический институт в Мюнхене, где его доклад о результатах, проведенных им опытов, слушал В. И. Вернадский.
6. *Коллеж де Франс* — высшее учебное заведение Франции, основанное в 1530 г. в Париже. В конце XVIII в. в нем насчитывалось 19 кафедр, к началу XX в. их было уже более 40.
7. На Всемирной выставке в Париже в 1889 г. впервые за рубежом было представлено русское почвоведение. На выставку были посланы коллекции В. В. Докучаева и его учеников. В. И. Вернадский принимал участие в исследовании русских почв, организованном Вольным экономическим обществом с 1887 г. (см. комментарий 5, гл. IV). Отдел русских почв получил золотую медаль, а Докучаеву как организатору был присужден орден «За заслуги по земледелию» и звание «Chevalier du mérite agricole».
8. Далее В. И. Вернадский пишет: «В 1940 г. я хотел посмотреть, как это тело будет кристаллизоваться из правой и левой среды, но война помешала этому. Это вещество называется теперь триэтиловый эфир 1-3-5 бензолтрикарбонной кислоты (СООС₂Н₅)₃».

Можно ждать, что при кристаллизации из правых и левых растворителей они будут давать правые и левые кристаллы». («Главнейшие биографические даты...», 1943 г.).

9. *Пергамские остатки* — остатки, построенного в честь победы пергамского царя Аттала I (241—197) над галатами колоссального жертвенника — Алтаря Зевса. Пергамский алтарь был обнаружен немецким инженером К. Хуманом. Раскопки велись в 1878—1886, 1900—1906, с 1927 г. и дали богатый материал по истории, материальной жизни и культуре Пергама. Все пергамские ценности хранятся в Берлинском музее, где их и увидел В. И. Вернадский.
10. *Геркуланум* — древнеримский город в Кампании, у западной подошвы Везувия, извержением которого в 79 г. н. э. был уничтожен и засыпан вместе с соседним г. Помпеи.
11. *Остатки в Олимпии* — имеется в виду богатый археологический материал, полученный в результате раскопок Олимпии под руководством немецкого историка Э. Курциуса (1875—1881).
12. *Греческие портреты в Египте* — В. И. Вернадский имеет в виду заупокойные живописные портреты в Древнем Египте (I—III), впервые найденные в 1887 г. в оазисе Фаюм и получившие название фаюмские портреты. Фаюмские портреты создавались в греко-египетской среде под римским влиянием, они постепенно заменили традиционную древнеегипетскую заупокойную маску.
13. Статуэтки из Танагры — небольшие, от 7 до 40 см, терракоты, производившиеся в VII—II вв. до н. э.; они были обнаружены в 70-х годах XIX в. на кладбищах Танагры в Беотии (территория Греции). Танагрские статуэтки — важный материал для изучения древнегреческой жизни.

VI.

Московский период. 1890—1911 гг.

1. VIII съезд русских естествоиспытателей и врачей проходил в Петербурге с 28 декабря 1889 г. по 7 января 1890 г. Председателем съезда был А. Н. Бекетов, товарищами председателя — проф. Московского университета Н. В. Склифосовский и А. Г. Столетов, секретарем съезда — В. В. Докучаев. В работе съезда приняло участие 2200 человек. На 70 заседаниях было сделано около 400 сообщений.
2. См. комментарий 5, гл. IV.
3. По инициативе и на средства Нижегородского земства в 1882 г. под руководством В. В. Докучаева была организована экспедиция по всестороннему изучению Нижегородской губернии. Впервые одна область России подвергалась точному, разностороннему и полному изучению. В экспедиции участвовали почвоведы, ботаники, геологи, минералоги, зоологи, химики, агрономы и метеорологи. В Нижнем Новгороде был создан первый в России Земский естественно-исторический музей, куда поступали все коллекции. Местные жители могли получить в музее ответы на вопросы, связанные с природными запасами губернии и их использования.

4. Очевидно, имеется в виду стихотворение «Аккерманские степи» из цикла «Крымские сонеты»:

Я выплыл на простор сухого океана;
Возок мой, как ладья, ныряет по волнам
Шумящих буйных трав, минуя там и сям
Утесы островов коралловых бурьяна...*

5. «Вестник Европы» — историко-политический и литературный журнал, выходил в Петербурге с марта 1866 по март 1918 г. (в 1866—1867 гг. — 4 раза в год; затем ежемесячно). В 1866—1908 гг. журнал издавал и редактировал М. М. Стасюлевич; с № 11 в 1908 г. — до 1916 г. издателем был М. М. Ковалевский и редактором — К. К. Арсеньев, с 1916 издателем стал Д. Н. Овсяннико-Куликовский и редактором Д. Д. Гримм. «Вестник Европы» — орган умеренного буржуазного либерализма.
6. Курс лекций по минералогии и кристаллографии на физико-математическом факультете Московского университета Вернадский вел на протяжении 20 лет — вплоть до весны 1911 г., когда вынужден был покинуть университет в знак протеста против реакционной политики министра народного просвещения Кассо. Лекции по кристаллографии Вернадский обычно читал в 1-м полугодии (6—8 часов в неделю); лекции по минералогии (6—8 часов в неделю) — во 2-м полугодии; кроме того по этим предметам он вел практические занятия. Читая курсы лекций в Московском университете он начал в должности приват-доцента, в которой состоял с 22 ноября 1890 г.; 31 января 1898 г. он был утвержден в должности экстраординарного профессора, 16 декабря 1902 г. — в должности ординарного профессора.
7. Лекции по краткому курсу минералогии и практические занятия на медицинском факультете Московского университета Вернадский вел с 1891 г. до 1898 года.
8. Голод в 1891 г. начался для многих крестьянских семей уже в октябре — ноябре почти сразу после сбора урожая. Во время летнего пребывания в имении Вернадовка В. И. Вернадский увидел надвигающееся народное бедствие и понял неспособность государства предотвратить голод. Приехав в Москву, он организовал сбор средств среди знакомых для борьбы с голодом и уже в ноябре выслал своему управляющему имением 500 рублей. На эти деньги была куплена мука и роздана наиболее нуждавшимся крестьянам. Занятия в университете не позволяли Вернадскому выехать на место (в Тамбовскую губернию) для организации столовых; туда в декабре поехали его друзья Л. А. Оболяньцов и В. В. Келлер. К ним позднее присоединился П. И. Алексеевский. Вернадскому и его друзьям удалось организовать систему столовых и другую помощь крестьянам в Кирсановском и Моршанском уездах Тамбовской губернии. Ими было собрано 45 359 руб. 94 коп. и получено значительное количество овса, картофеля, гороха и т. д. Это дало возможность кормить в столовых 6256 человек. На собранные деньги были куплены 363 лошади и розданы безлошадным крестьянам, организовано кормление

1558 крестьянских лошадей. Помощь оказывалась в течение 7 месяцев, до 8 июля 1892 г.

9. Во время происшедших в 1890 г. студенческих волнениях Д. И. Менделеев передал министру народного просвещения И. Д. Делянову петицию студенческой сходки с пожеланиями предоставить автономии университету и отменить полицейские функции инспекции. Делянов вернул петицию Менделееву, в ответ на это Менделеев тотчас же подал прошение об отставке.
10. См. комментарий 2, гл. III.
11. Высшие женские учебные заведения (Высшие женские курсы) закрыты в 1885 г. Это было одним из проявлений реакционной политики Министерства народного просвещения. Предлогом для закрытия послужило создание при Министерстве народного просвещения особой комиссии для рассмотрения общего вопроса о женском образовании. На время деятельности этой комиссии по распоряжению министра народного просвещения Д. А. Толстого был прекращен прием слушательниц на курсы, т. е. фактически курсы прекратили свою деятельность, которая была возобновлена только в 1889 г. под давлением передовой общественности России и профессорской коллегии.
12. См. комментарий 1, гл. III.
13. См., например, статьи И. А. Клейбера: «Кембриджский университет» (Вестник Европы, 1890 г., сентябрь, с. 214, октябрь, с. 543); «Ускорение процесса писья» (Русское богатство, 1887, № 5—6, с. 236); «Суточная нутация земли» (там же, с. 244); «Солнечное затмение 7 августа» (там же, № 3, с. 61); Зависимость между спектральными линиями химических элементов (там же, № 5—6, с. 248).
14. См. комментарий 8.
15. Сбор средств для голодающих среди французских знакомых, провели друзья Вернадского — А. В. Гольштейн и И. М. Гревс, которые жили в тот момент в Париже. Собрано и передано организаторами борьбы с голодом в Моршанском и Кирсановском уездах Тамбовской губернии 16 000 франков.
16. Начало земской деятельности Вернадского относится к 1892 г., когда он был избран земским гласным. Эта деятельность его связана с Моршанским уездом Тамбовской губернии, где у Вернадского было небольшое имение «Вернадовка». Это давало право быть избранным земским гласным. Он входил в состав ревизионной и сметной комиссий Моршанской земской управы. Начиная с 1892 г., Вернадский периодически переизбирался в гласные Тамбовского губернского Земского собрания.
17. См. комментарий 8.
18. Журнал «Помощь самообразованию» издавался нерегулярно в Саратове в 1839—1892 гг. Вышло 6 выпусков. Издатель-редактор — врач А. Ф. Тельнихин. В 1892 г. журнал выходил в Москве. Основной задачей журнал ставил популяризацию научных знаний. Журнал не был приобретен В. И. Вернадским и его друзьями.
19. См. комментарий 8.
20. «*Athenaeum*» — литературно-художественный журнал, издавав-

* Мицкевич Адам. Собр. соч., т. 1. М., 1948, с. 234.

- пийся в Берлине в 1798—1800 гг. немецкими литераторами братьями Августом Вильгельмом и Фридрихом Шлегелями.
21. «Заря» — литературная, общественная и политическая газета; выходила еженедельно в Москве с 12 января по 30 июня 1891 г. (№№ 1—24); издатель-редактор Н. Борисов.
  22. «Вестник литературный, политический, научный и художественный» — еженедельная газета, выходившая в Москве с 1884—1894 г.; издатель-редактор Ф. А. Гиляров (с 15 декабря 1889—16 ноября 1892 г. вторым редактором был А. А. Гиляров).
  23. Комиссия по организации домашнего чтения была создана 8 апреля 1893 г. при учебном отделе Общества распространения технических знаний в Москве. Председателем общества был избран П. И. Милоков, вице-председателем Е. Н. Орлова, секретарями А. Е. Грузинский и А. С. Милокова. Общество было создано с целью: «руководить домашним чтением лиц, желающих пополнить путем чтения пробелы своего образования». Для выполнения поставленной задачи Общество составляло рекомендательные списки книг для чтения, сносились с библиотеками с целью распространения рекомендуемых Комиссией книг, занималось издательской деятельностью и организацией публичных чтений в столице и провинции. Вернадский принимал участие в работе комиссии с момента ее создания.
  24. В предисловии к своей книге «Семь месяцев среди голодающих крестьян» А. А. Корнилов пишет: «Предлагаемый отчет составлен мною по поручению моих товарищей. Приложенный в конце цифровой, денежный и материальный отчет проведен и подписан В. И. Вернадским, В. В. Келлером и мною».
  25. См. комментарий 8.
  26. «Русские ведомости» — ежедневная газета буржуазно-либерального направления; издавалась в Москве с 1863 по 1918 г. В упоминаемое В. И. Вернадским время редакторами-издателями были В. М. Соболевский и А. С. Посников.
  27. С.-Петербургский комитет грамотности (1861—1895) — общественная просветительная организация, созданная при Вольном экономическом обществе (ВЭО). Программа комитета предусматривала материальную помощь школе, издание книг, рассмотрение и рекомендацию учебников для начальных школ и книг для народного чтения, сбор сведений о народном образовании. В состав членов комитета входили Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, педагоги И. И. Паульсон, Ф. Ф. Резерер и др. В 1885—1886 гг. в состав комитета вошла группа для изучения народной литературы, в состав которой входил В. И. Вернадский (см. комментарий 10, гл. III). Деятельность комитета пользовалась широкой общественной поддержкой. К 1895 г. число членов комитета достигло 1025 человек. В 1894 г. издательство издало каталог лучших книг для народа. Царское правительство признало деятельность комитета «опасной» в политическом отношении, и в 1895 г. комитет прекратил свое существование.
  28. См. комментарий 2 к гл. IV.
  29. См. комментарий 23 к гл. IV.
  30. «Процесс 50-ти» — суд над участниками «Всероссийской социально-революционной организации» в Особом присутствии Сспата (Петербург) 21 февраля—14 марта 1877 г. Главное

- обвинение — участие в «тайном обществе, задавшемся целью ниспровержения существующего порядка». На процессе выступали с революционными речами рабочий П. А. Алексеев, С. И. Бардина, Г. Ф. Зданович. Мужественное поведение подсудимых и суровая расправа с ними привлекли к революционерам-народникам широкие общественные симпатии как в России, так и за рубежом. Упомянутая Вернадским Цвилленева «в процессе 50-ти» проходила под девичьей фамилией Батюшкова В. И. Она была приговорена к 9 годам каторги, замененной ссылкой на поселение в Сибирь.
31. Арестованные члены «Всероссийской социально-революционной организации», до суда, который получил название «процесс 50-ти», более 2-х лет просидели в тяжелых условиях заключения при московских полицейских частях.
  32. Имеется в виду Манифест 14 ноября 1894 г., по которому были понижены проценты для заемщиков крестьянского банка до 4,5, в пользу крестьянского банка отчислялась небольшая часть сумм, поступающих с крестьянских выкупных платежей, пока собственный капитал банка не достигнет 50 млн. рублей. Для заемщиков дворянского банка были понижены проценты до 4. Кроме того заемщикам особого отдела дворянского банка дарованы льготы.
  33. Смерть Александра III и восшествие на престол Николая II (1894 г.) оживили в земских кругах и в обществе какую-то надежду на перемену правительственной политики в отношении земского самоуправления. В связи с этим ряд земств выступил с робкими конституционными адресами на имя царя. Но первый же адрес, направленный Тверским земством, Николай II не принял, а на докладе о нем министра внутренних дел написал: «Я чрезвычайно удивлен и недоволен этой неуместной выходкой 35 гласных губернского земского собрания». Окончательно всякие иллюзии о реформах были рассеяны речью Николая II, с которой он обратился к представителям земств, городов и сословий, собравшихся по случаю его бракосочетания 17 января 1895 г. «Мне известно, — сказал он, — что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления; пусть все знают что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель».
  34. С 1896 г. В. И. Вернадский ввел в учебную программу минералогические экскурсии, которые раньше в русских университетах не проводились. В экскурсиях принимали участие также и сотрудники, работавшие с Вернадским в Минералогическом кабинете Московского университета. Первая экскурсия состоялась в мае 1896 г. на Урал по маршруту: Златоуст, Екатеринбург, Тагил.
  35. Выступления рабочих в г. Белостоке и Белостокском уезде Гродненской губернии начались в июле 1895 г. Рабочие нескольких заводных фабрик предъявили требование о повышении заработной платы. Боясь всеобщей забастовки, фабриканты удовлетворили требования рабочих. В августе началась всеобщая стачка рабочих г. Белостока и всего уезда

- в связи с принуждением рабочих сдавать паспорта в конторы предприятий и введением расчетных книжек с кабальными условиями для рабочих. Были вызваны казаки, а затем и войска. Рабочим пришлось подчиниться силе, но работы на всех предприятиях Белостока и уезда начались только 11 сентября. Рабочие проявили организованность и дисциплину, им удалось добиться повышения заработной платы.
36. *Брошюра о штрафах* — имеется в виду работа В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах», которую он написал осенью 1895 г. Она была напечатана трехтысячным тиражом в декабре в петербургской нелегальной так называемой Лахтинской типографии, принадлежавшей «Группе народолюбцев», которая в то время налаживала отношения с петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» и печатала его издания.
37. 15 февраля 1899 г. в Московском университете началась первая студенческая забастовка. Она была организована в поддержку забастовки студентов Петербургского университета, выступивших против полицейских порядков в университете 8 февраля в день годовщины университета. К 20 февраля забастовка охватила почти все учебные заведения России, в ней приняло участие свыше 25 тысяч студентов. Студенты выступили с требованиями: 1) гарантия физической неприкосновенности личности, 2) распубликование в стенах университета той инструкции, которой руководствуется полиция в своих отношениях к студентам, 3) обжалование неправомерных действий полиции обычными судебными порядками.
- На другой день после начала забастовки из Московского университета было отчислено 58 студентов, из них 9 человек без права поступления в Московский университет. 17 февраля администрация исключила еще 74-х студентов. Но карательная политика университетской администрации лишь усилила студенческие протесты. Студенты отказывались начать занятия до возвращения всех исключенных и сосланных студентов. В марте университет был закрыт. Студенты считались уволенными, но им предоставлялось право подачи прошений об обратном приеме.
- Полиция решила обезглавить студенческую забастовку. В полном составе был арестован Исполнительный комитет студенческих организаций. Вновь созданный Исполнительный комитет подвергся той же участи. В конце 1899 г. студенческое движение было разгромлено.
38. На студенческие волнения 1899 г. царское правительство ответило новыми репрессивными мерами. 29 июля 1899 г. были опубликованы временные правила об отбывании воинской повинности в виде наказания воспитанникам высших учебных заведений, исключенным за участие «скопом в беспорядках».
39. Юридическое общество при Московском университете начало свои собрания 10 марта 1863 г. Первый устав Общества был утвержден 17 февраля 1865 г. Основная цель общества: «теоретическая и практическая разработка права и распространение юридических сведений». Но деятельность Общества была неугодна царскому правительству из-за ее оппозиционной направленности. В июле 1899 г. общество было закрыто.

40. Под предлогом предотвращения студенческих «беспорядков» министр народного просвещения П. П. Богомолов усилил инспекцию и уволил негодных ему либеральных профессоров. На основании данных полиции, были уволены петербургский профессор Н. И. Кареев, московский профессор Ю. С. Гамбаров и приват-доценты Петербургского университета М. И. Туган-Барановский, П. Б. Струве, И. М. Гревс, М. И. Свешников.
41. См. комментарий 40 к гл. VI.
42. См. комментарий 38 к гл. VI.
43. Торжественное заседание Химического отделения Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, посвященное 150-летию первой русской химической лаборатории М. В. Ломоносова, состоялось 4 января 1900 г. На нем В. И. Вернадский выступил с докладом «О работах Ломоносова в минералогии и геологии». Кроме него доклады прочитали Д. Н. Анучин, В. В. Марковников, Н. Д. Зелинский, И. А. Каблуков, Н. Н. Бекетов, А. И. Реформатский, В. Н. Ипатьев и др.
44. Чолокаев — глава Тамбовского земства был в Петербурге, когда готовились законы о предельности обложения и об изъятии продовольственного дела из ведения земств. Оба закона были изданы 12 июня 1900 г. Реакция стремилась постепенным сокращением функций земства свести его деятельность к нулю.
45. В 1900 г. царское правительство начало наступление на Вольное экономическое общество, стремись превратить его в узкое технико-агрономическое учреждение. Было выдвинуто требование пересмотра устава Общества, запрещен доступ посторонним лицам на заседания ВЭО, закрыты учреждения, состоящие при ВЭО (комитеты помощи голодающим и Петербургский комитет грамотности).
46. См. комментарий 39 к гл. VI.
47. Петербургский и Московский комитеты грамотности были закрыты в 1895 г. (см. комментарий № 27 к гл. VI).
48. Педагогическое общество в Москве было создано в 1898 г. группой прогрессивных деятелей науки и либеральной профессуры при Московском университете. Первым председателем общества (до 1902 г.) был историк П. Г. Виноградов. В работе Общества принимали участие физик Н. А. Умов, антрополог и географ Д. Н. Анучин, химик Н. Д. Зелинский, историк В. И. Герье и другие ученые, прогрессивные учителя школ Москвы. Общество ставило задачу привести общеобразовательную школу в соответствие с нуждами развивающейся промышленности, оказывать влияние на учительские массы и т. д. Общество занимало либерально-буржуазную позицию. В период революционного подъема 1905 г. к руководству Обществом пришла группа большевиков в составе И. И. Скворцова-Степанова, М. Н. Покровского, С. И. Мидковича. Новое правление Общества поставило перед собой задачу профессионального объединения учителей, вместе с тем оно использовало общество и как легальную форму революционной пропаганды. Общество содействовало разработке актуальных в то время общественно-педагогических проблем: совместное обучение, перестройка содержания и методов работы в общеобразовательной школе, подготовка учителей. Общество со-

- здано педагогический музей, библиотеку, лекционное бюро. После подавления революции 1905—1907 гг. правительство в июле 1907 г. закрыло Общество.
49. Экскурсию на Кавказ В. И. Вернадский совершил вместе с Я. В. Самойловым. Они посетили Серноводск, Михайловское, Грозный, Петровское, Баку, Шемаху, Тифлис, Владикавказ и минералогические районы около этих городов, исследовали Сувженские горы и отроги Терского хребта.
  50. Минералогический кружок был организован при Минералогическом кабинете Московского университета в ноябре 1901 г. В его состав вошли ученики и сотрудники В. И. Вернадского. На первом заседании кружка 22 ноября его председателем был единогласно избран Вернадский. За десять лет существования кружка на его собраниях было сделано 77 докладов, из которых почти половину составили сообщения о результатах оригинальных исследований докладчиков. В числе авторов докладов были такие впоследствии выдающиеся ученые, как А. Д. Архангельский, А. Е. Ферсман, Ю. В. Вульф, А. В. Шубников, Я. В. Самойлов. Вернадский на заседаниях кружка выступал 11 раз, одно сообщение им было сделано совместно с А. Е. Ферсманом. Последнее собрание кружка состоялось 5 декабря 1910 г. В 1911 г. Вернадский был вынужден оставить Московский университет, и кружок прекратил свою деятельность.
  51. В Харьковском и Одесском университетах как и во многих других высших учебных заведениях страны уже в первые дни русско-японской войны начались студенческие сходки и митинги, посвященные вопросу об отношении к войне. Студенты Новороссийского (Одесского) университета назначили на 20 февраля сходку протеста. В студенческой прокламации говорилось: «цель сходки заявить, что студенчество будет бороться с современным правительством, пока оно не будет свергнуто». В ответ на разгон сходки студенты объявили забастовку, которая охватила почти все факультеты и курсы университета.
В Харьковском университете (основан 1805 г.) один из приват-доцентов в своей лекции коснулся начавшейся русско-японской войны и ее возможных последствий, после чего вынужден был прекратить чтение лекций. В университете начались антивоенные сходки. Закончились сходки в марте исключением из университета 56 человек, многим студентам был сделан выговор.
  52. *«Московские ведомости»* — газета, издававшаяся в 1756—1917 гг. (до 1812 — 2 раза в неделю; затем 3 раза, с 1859 — ежедневно). С начала издания принадлежала Московскому университету, со 2-й половины 19 в. эта связь стала чисто номинальной, а в 1909 г. она была официально прекращена. В период, о котором упоминает В. И. Вернадский в 1904 г., газета стала органом самой огостелой черносотенной реакции. После Октябрьской революции газета была закрыта.
  53. В. И. Вернадский упоминает о событиях в Риге и Варшаве, происшедших после расстрела рабочих 9 января в Петербурге. В демонстрации, состоявшейся в Риге 13 января, наряду с рабочими приняли участие студенты Политехнического института. Возникли столкновения с полицией и войсками, в ре-

- зультате которых было убито 2 студента и несколько ранено. 15 января произошла мощная политическая демонстрация рабочих Риги и студентов-политехников во время похорон убитого студента Печуркина. Во время шествия разбрасывались прокламации, на могиле убитого были произнесены революционные речи. 8 февраля 1904 г. в Варшаве состоялась антивоенная демонстрация рабочих, организованная социал-демократами. В схватках с полицией несколько человек было ранено.
54. В. И. Вернадский был избран в Академию наук адъюнктом по физико-математическому отделению (минералогия) 4 марта 1906 г. Свою деятельность в Академии наук он начал с заведывания Минералогическим отделением Геологического музея имени Петра Великого.
  55. В 1905 г. В. И. Вернадский опубликовал следующие статьи: 1) «Памяти Б. А. Люри» — Русские ведомости (29 января 1905 г.); 2) «По поводу разгрома» — Московская неделя (24 мая 1905 г.); 3) «Официальная публицистика» — Русские ведомости (31 мая 1905 г.); 4) «Ближайшие задачи академической жизни» — «Право» (19 июня 1905 г.); 5) «Три забастовки» — Русские ведомости (5 июля 1905 г.); 6) «Новое бедствие» (4 августа 1905 г.).
  56. Земскому съезду 6—9 ноября 1904 г. предшествовало совещание, состоявшееся 2 ноября в Москве у Ю. А. Новосильцева. На этом совещании выяснилось, что объявленный на 6 ноября в С.-Петербурге Первый общий земский съезд не может состояться в назначенный срок, так как Николай II перенес его на конец января 1905 г. В С.-Петербурге заседания съезда происходили на частных квартирах и в Тенишевском училище. В работе съезда приняло участие 104 гласных и в их числе В. И. Вернадский. Правительство запретило газетам писать что-либо о земском съезде.
  57. В. И. Вернадский входил в состав земцев-конституционалистов, которые в 1905 г. развернули активную деятельность. Под их флагом проходил II Общеземский съезд (21—26 апреля 1905 г.), много их участвовало в III Общеземском съезде (24—25 мая 1905 г.). 6—9 июля они созвали съезд совместно с представителями городских дум. Съезд выразил свое отрицательное отношение к проектируемому А. Г. Булыгиным Положению о Государственной думе и признал «неотложной задачей... войти в ближайшее общение с широкими массами населения для совместного с народом обсуждения предстоящей политической реформы, для завоевания необходимых для ее проведения свобод и для подготовки к выборам».
  58. В 1902 г. министром внутренних дел был назначен фон-Плеле, который продолжал политику своего предшественника Д. С. Сягягина по ограничению прав земств. Пытаясь подавить революционный подъем в стране, Плеле широко применял полицейский террор, расстреливал рабочие демонстрации, проводил карательные экспедиции в районы крестьянских волнений.
  59. См. комментарий 57.
  60. Мирный договор с Японией был заключен в американском городе Портсмуте 23 августа (5 сентября) 1905 г.
  61. Съезд, о котором упоминает В. И. Вернадский и в котором он принимал участие, — II съезд Академического союза, со-

Стоявший в августе 1905 г. в Москве. Начало Союзу положила группа петербургских профессоров, которая составила «Записку 342», сразу же собравшую более полутора тысяч подписей деятелей высшего образования. Основная мысль записки — невозможность существования в России высшей школы без политической свободы. Записку намеревались огласить 12 января, в Татьянин день, в день 150-летнего юбилея старейшего русского университета в Москве. События 9 января помешали этому, но записка была напечатана 14 января 1905 г. Первый съезд Союза проходил нелегально в марте 1905 г.

Академический союз в момент создания и в начальный период своей деятельности собрал под своим знаменем прогрессивную часть академических деятелей, требовавших конституционных преобразований России. Основная задача Союза — выработка таких условий деятельности высшей школы, при которых она могла бы успешно работать и развиваться. В состав Союза входили представители от Академии наук и от всех высших учебных заведений Москвы, Петербурга, Киева, Казани, Харькова, Юрьева, Томска, Варшавы, Ярославля, Одессы, Екатеринослава, Новой Александрии. В 1917 г. союз был переименован во Всероссийский академический союз.

62. Учредительный съезд Конституционно-демократической партии (Партия народной свободы) состоялся 12—18 октября 1905 г. На съезде В. И. Вернадский был избран в состав ЦК, параллельно также в состав Московского комитета партии и в состав Редакционного комитета, созданного при ЦК для рассмотрения издаваемых партией брошюр. В январе 1906 г. Вернадский вновь избирается в состав ЦК партии.
63. В начале 1906 г. кандидатура В. И. Вернадского была выдвинута в состав Государственного Совета от так называемой академической курии (Академии наук и университетов). В марте 1906 г. он был избран членом Государственного Совета и состоял им до 15 марта 1911 г. Исключен из состава Государственного Совета в связи с уходом из Московского университета в знак протеста против реакционной политики министра народного просвещения Кассо.
64. Требование полной амнистии В. И. Вернадский предложил как третий пункт Адреса, который готовил Государственный Совет в ответ на приветственное слово царя по случаю начала работы Государственного Совета. Адрес готовила специально избранная комиссия из 18 человек, в которую вошли от академической курии В. И. Вернадский, А. А. Шахматов, Д. И. Багалей и др. Члены Академической курии в индивидуальных и коллективных записках и заявлениях отстаивали идею полной амнистии всех осужденных царскими властями. С этой же идеей Вернадский выступил 4 мая 1906 г. в прениях по обсуждению проекта адреса императору в Государственном Совете. Однако эта идея вызвала яростный протест черносотенного большинства Государственного Совета и не была принята.
65. См. комментарий 64.
66. И. Л. Горемыкин был назначен председателем Совета Министров 6 апреля 1906 г. Он отстаивал неизбежность самодержав-

вия, добился роспуска 1-й Государственной думы. Смещен с поста председателя Совета Министров в июле 1906 г. и заменен П. А. Столыпиным.

67. Ал. Пав. Игнатьев с 1905 г. был председателем особых совещаний об охране государственного порядка и по вопросам вероисповедания. Крайний реакционер. Вокруг него группировались наиболее реакционные элементы дворянства. Выступал против созыва Государственной думы, был сторонником усиления репрессий. Девятого декабря 1906 г. был убит эсером С. Н. Ильинским.
68. Законопроект об отмене смертной казни был внесен в Государственный Совет Думой, которая единогласно приняла Законопроект 19 июня 1906 г. Обсуждение законопроекта в Государственном Совете состоялось 27 июня, а 28 июня законопроект передали в специально созданную комиссию, в которую от академической курии был избран Вернадский. 8 июля Дума была распущена, а 10 июля приостановлена работа Государственного Совета обеих палат до 20 февраля 1907 г. В официальном документе Комиссии говорится, что она «не успела» распространить законопроект. Когда же в феврале собралась новая Дума, Комиссия лицемерно сочла утратившим силу также и законопроект об отмене смертной казни и объявила о своем роспуске. Все это было отмечено в специальном «Докладе» Комиссии в феврале 1907 г., который Вернадский как член Комиссии подписать отказался.
69. См. комментарий 66.
70. В. И. Вернадский 27 июня (10 июля) 1906 г. выступил в газете «Речь» (№ 110) со статьей «Смертная казнь».
71. Дума была распущена указом царя 8 июля 1906 г., а 9 июля заседания Государственного Совета были отменены. Законопроект об отмене смертной казни был похоронен. Сразу же после роспуска Думы и приостановки заседаний Государственного Совета Вернадский вместе с коллегами по академической курии подали официальное заявление об отставке из числа членов Совета. Вторично в Государственный Совет Вернадский был избран в январе 1908 г. См. комментарий 63.
72. См. комментарий 71.
73. «Речь» — центральный орган кадетской партии, ежедневная политическая, экономическая и литературная газета. Основана в Петербурге Ю. В. Баком. Первый номер вышел 23 февраля 1906 г. В 1906 г. редакторами были О. Е. Бужанский и Б. И. Харитон (с № 108). «Речь» пользовалась популярностью в среде либерально-буржуазной интеллигенции. 28 декабря 1909 г. Вернадский поместил в ней статью «Перед съездом». После февральской революции газета выступала против большевиков. Закрыта Петроградским ВРК 26 октября (8 ноября) 1917 г. После этого много раз меняла название: «Наша речь», «Свободная речь», «Век», «Новая речь», «Наш век», но сохраняла антисоветское направление. Окончательно газета была закрыта 3 августа 1918 г.
74. См. комментарий 71.
75. Выборгский манифест — воззвание «Народу от народных представителей», принятое группой депутатов 1-й Государственной думы в Выборге 10 июля 1906 г. в ответ на роспуск царским правительством 8 июля Думы. В совещании принимали уча-

- стве представители кадетской партии (ок. 120 чел.), трудовиков и социал-демократов (ок. 80 чел.). Первоначальный проект воззвания принадлежал главе кадетской партии П. Н. Милюкову.
76. Московский городской народный университет им. А. Л. Шанявского — первый народный университет в России — учрежден по инициативе и на средства либерального общественного деятеля в области народного образования генерала А. Л. Шанявского (1837—1905). Инициатива либерального генерала была встречена враждебно реакцией, в Государственной думе вокруг законопроекта об учреждении университета развернулись острые дебаты. Под натиском левых сил и прогрессивной общественности Дума вынуждена была утвердить устав Университета (1 июля 1908 г.), с 1 октября этого же года в университете начались занятия.
77. В январе 1908 г. В. И. Вернадский вторично был избран в Государственный Совет. Совет избрал его в состав Аграрной комиссии.
78. В период русской революции царское правительство вынуждено было пойти на уступки в отношении университетов. 27 августа 1905 г. был утвержден указ «О введении в действие временных правил об управлении высшими учебными заведениями ведомства Министерства народного просвещения», «восстановивший выборную администрацию университета и несколько расширивший полномочия университетских органов управления». Московский университет вел усиленную работу по выработке проекта университетского устава с тем, чтобы закрепить в нем положения «Временных правил». Но наступившая после революционного подъема реакция дала возможность министру народного просвещения А. Н. Шварцу (1908—1911) приступить к выработке нового устава без учета «Временных правил». «Проект общего устава российских университетов» был опубликован весной 1910 г. без учета предложений университетов и передан в Государственную думу. Бюрократическая волокита позволила Министерству народного просвещения сохранить реакционный устав 1884 года до Великой Октябрьской социалистической революции.
79. См. комментарий 50.
80. В начале января 1911 г. В. И. Вернадский на несколько дней ездил в Париж для консультации с М. Кюри, А. Лакруа по вопросу составления карты радиоактивных минералов земной коры. В эту поездку он подробно ознакомился с работой Радиового института, возглавляемого Кюри. С целью обмена мнениями относительно работы над радиоактивной картой Вернадский заезжал также в Мюнхен, где встречался с П. Гротом. Вместе с А. Е. Ферсманом он осмотрел Радиовый институт Венской Академии наук.
81. В своей статье Вернадский приводит фамилии профессоров, приват-доцентов и 55 других преподавателей Московского университета, подавших в отставку.

1. В 1911 г. по просьбе В. И. Вернадского Академия наук финансировала экспедицию для исследования радиоактивных минералов в Закавказье, Ферганае и на Урале. Экспедиция, охватывшая обширный район, прошла с апреля до середины июня по маршруту: Ростов-на-Дону—Новороссийск—Батуми—Тифлис—местечко Кульп—Тифлис—Баку—Красноводск—Самарканд—рудник Тюя-Муюн—Коканд—Ташкент—Златоуст—Екатеринбург — Мурзинка — Липовка—Невьянск—Екатеринбург—Ильменские горы—Миасский завод.
2. С докладом «О газовом обмене земной коры» В. И. Вернадский выступил на заседании II Менделеевского съезда 22 декабря 1911 г. Вторично этот доклад он прочитал 18 января 1912 г. на заседании Физико-математического отделения Академии наук.
3. А. Е. Ферсман избран в академики по Отделению физико-математических наук (минералогия) Академии наук СССР 1 февраля 1919 г.
4. Проект создания Ломоносовского института Академия наук выдвинула в 1911 г. К 200-летию юбилею со дня рождения М. В. Ломоносова В. И. Вернадский по поручению Академии наук написал записку «О Ломоносовском институте при Императорской Академии наук». Она была предназначена для рассылки членам Петербургской городской думы, которая должна была выделить землю для института, но так и не выделила. Одновременно Академия наук обратилась с этим же проектом в правительство. Правительство дало формальное согласие на создание учреждения, однако ни средств, ни земли для этих целей не выделило. В упоминаемый в письме к А. Е. Ферсману период В. И. Вернадский составил вторую записку о Ломоносовском институте, которую передал Николаю II. Царь обещал свое покровительство, но практически записка осталась без ответа.
- Академия наук с 1912—1916 гг. еще несколько раз подавала свои заявления о необходимости создания Ломоносовского института, но царское правительство не нашло средств для открытия нового научного учреждения.
5. В начале июля 1913 г. В. И. Вернадский по командировке Академии наук выехал в Канаду для участия в XII Международном геологическом конгрессе. В состав делегации входили также Ф. Ю. Левинсон-Лессинг и Я. В. Самойлов.
6. В. И. Вернадский внес предложение в Отделение физико-математических наук об организации при Академии наук постоянной комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) 21 января 1915 г. Комиссия была создана постановлением общего собрания Академии от 4 февраля 1915 г. В течение весны и лета велись подготовительные работы и только 11 октября 1915 г. под председательством Вернадского (до этого являвшегося председателем Временного бюро КЕПС) состоялось первое заседание КЕПС, на котором был избран руководящий орган Комиссии — Совет КЕПС. На этом же заседании В. И. Вернадский почти едино-

- гласно был избран председателем Комиссии. В состав Комиссии вошли крупнейшие ученые: Д. Н. Прянишников, Д. Н. Ануцин, В. А. Обручев, В. Е. Тищенко, Н. А. Холодковский, Л. А. Чугаев, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, Е. С. Федоров, И. А. Каблуков, А. Е. Чичибабин и многие другие. Начав свою деятельность выпуском сжатого обзора сведений о естественных производительных силах России на основании данных, уже имевшихся в литературе или известных отдельным специалистам и учреждениям (см. «Материалы для изучения естественных производительных сил России» — комментарий 8 к гл. VII), Комиссия приступила к организации совещаний по отдельным вопросам естественных производительных сил, которые для своего решения требовали взаимодействия различных учреждений, а затем постепенно перешла к самостоятельной исследовательской деятельности, в основу которой легли эти предварительные разработки. После победы Октябрьской революции задачи Комиссии были значительно расширены, и она превратилась в крупнейшее комплексное научно-исследовательское учреждение. КЕПС существовала до 1930 г., когда она была преобразована в Совет по изучению производительных сил СССР (СОПС).
7. Сборник «Естественные производительные силы России» — издание Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), председателем которой был В. И. Вернадский. Из намеченных Комиссией 6 томов сборника вышло 5. (I. «Ветер как двигательная сила», II. «Белый уголь», IV. «Полезные ископаемые», V. «Растительный мир», VI. «Животный мир»; том III «Артезианские воды» не вышел). Сборники выходили с 1917 по 1925 гг.
  8. «Материалы для изучения естественных производительных сил России» — очерки, с издания которых (1915 г.) начала свою деятельность КЕПС. «Материалы» давали краткую информацию по текущим вопросам, связанным с учетом и использованием естественных производительных сил страны. До 1930 г., когда КЕПС была реорганизована, вышло 80 выпусков.
  9. В. И. Вернадский принял участие в обсуждении в Государственном Совете предложения Комиссии по военным сухопутным и морским делам об уменьшении количества лиц, которые имеют право на призрение. В своем выступлении он предложил включить в число лиц, которым выдается пособие, матерей тех внебрачных детей, которым предлагает Комиссия по военным сухопутным и морским делам давать паек или пособие, так как, если выдается паек только внебрачным детям и не выдается его матерям, то семья ушедшего на войну голодает. Выступление Вернадского вызвало оживленные прения. Поправка к законопроекту, предложенная Вернадским, была принята большинством голосов (53 против 45).
  10. См. комментарий 7.
  11. Геологический комитет был организован в январе 1882 г. в Петербурге как главное государственное учреждение, которому вменялось в обязанность систематическое изучение строения недр и составление геологической карты всей территории страны. 5 июня 1912 г. Геологическому комитету удалось добиться нового положения о комитете, благодаря которому бюджет Комитета увеличился в 3 раза по сравнению

- с бюджетом 1897 г., количество штатного персонала увеличилось до 62 человек. Помимо штатных геологов и адъюнкт-геологов в состав Комитета вошли практиканты — молодые специалисты, окончившие курс университета или Горного института и прикомандированные к Геологическому комитету для подготовки к самостоятельной работе. Сотрудники Геологического комитета приняли участие в издании КЕПС — сборнике «Естественные производительные силы России». Геологический комитет существовал до 1929 г., когда он был реорганизован в Главное геологическое управление при Президиуме Совета народного хозяйства СССР.
12. См. комментарий 8.
  13. В. И. Вернадский имеет в виду работу, которую он вел в Комиссии по реформе высших учебных заведений, которая была создана при Министерстве народного просвещения 21 марта 1917 г. Комиссия активно работала (с момента образования до 10 июня 1917 г. — 20 заседаний). На ее заседаниях обсуждались вопросы о создании новых высших учебных заведений: Тифлисского политехнического института (предложение В. И. Вернадского и С. Ф. Ольденбурга), университета в Перми и в Ростове-на-Дону, женского педагогического института в Петрограде и т. д. 12 июня состоялось первое заседание совещания по реформе высших учебных заведений, созванное Министерством народного просвещения (а не съезд, как ошибочно пишет В. И. Вернадский), на котором В. И. Вернадский выступил с докладом, посвященным вопросу об улучшении материального положения младших преподавателей высших учебных заведений. Всероссийский съезд по реформе высшей школы намечался Комиссией на осень 1917 г.
  14. Председателем Сельскохозяйственного ученого комитета Министерства земледелия В. И. Вернадский был избран 10 июня 1917 г. В состав комитета входили К. А. Тимирязев, И. П. Бородин, П. Н. Чирвинский, Д. Н. Прянишников, П. И. Броунов, Н. М. Тулайков и др. Основная задача Комитета заключалась в организации государственной научной работы в области земледелия и смежных с ним отраслей естествознания.
  15. Вопрос о создании Института физико-химического анализа поднимался неоднократно Н. С. Курнаковым на заседаниях КЕПС в 1916—1917 гг. Весной 1917 г. проект Института был представлен на рассмотрение. Проект был утвержден, но средств Академии отпущено не было. Институт начал свою деятельность уже после Октябрьской революции 18 мая 1918 г. Первым директором института был Н. С. Курнаков.
  16. Впервые проект создания института по изучению платины был доложен Л. А. Чугаевым Совету КЕПС 24 мая 1916 г. В 1916—1917 гг. он неоднократно обсуждался в Комиссии. В июле 1917 г. проект и смета Института были переданы Временному правительству, которое утвердило их в сентябре. Институт начал свою деятельность только после Октябрьской революции в мае 1918 г., так как Временное правительство средств Академии наук не выделило.
  17. В должности товарища министра народного просвещения Вернадский был утвержден Указом Временного правительства 11 августа 1917 г.
  18. 4 сентября 1917 г. С. Ф. Ольденбург вышел из состава Вре-

- менного правительства. Вернадский подал заявление об отставке, но его просьба не была удовлетворена.
19. Пермский университет основан 14 октября 1916 г. первоначально как отделение Петроградского университета в составе трех факультетов: физико-математический, историко-филологический, юридический. С 1917 г. Пермский университет — самостоятельное высшее учебное заведение.
20. В. И. Вернадский принял активнейшее участие в создании Академии наук на Украине. Живя в 1918 г. на Украине, В. И. Вернадский много сил и энергии уделял организации научных и учебных учреждений Украины. В июне 1918 г. он был избран председателем Комиссии по созданию Украинской Академии наук, а 27 октября 1918 г. состоялось уже первое заседание Общего собрания Украинской Академии наук, на котором В. И. Вернадский единогласно был избран ее президентом.

Основные даты жизни и деятельности В. И. Вернадского

- 1863 г.
12 марта В Петербурге родился Владимир Иванович Вернадский в семье проф. Ивана Васильевича Вернадского (1821—1884) и его жены Анны Петровны (урожденной Константинович) (1837—1898).
- 1868 г. Переезд семьи В. И. Вернадского в Харьков в связи с болезнью отца.
- 1873 г. Поступил в 1-й класс Харьковской классической гимназии.
- 1876 г. Возвращение Вернадских в Петербург; переход В. И. Вернадского в Первую петербургскую гимназию.
- 1881 г. Поступил на физико-математический факультет Петербургского университета.
- 1882 г. Участвовал в общестуденческой сходке.
- 1883 г. Начало работы в студенческом Научно-литературном обществе; был избран в руководящий Научный совет общества; секретарем общества был А. И. Ульянов.
- 1884 г.
2 февраля Смерть отца.
- 1884 г. Участвовал в экспедиции проф. В. В. Докучаева по обследованию земель Нижегородской губернии. Напечатана в отчете Ферхмина первая научная работа — описание ископаемых из оврага в Доскине (результаты наблюдений во время экспедиции 1884 г.).
- 1885 г. Окончил Петербургский университет; оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию.
- 1886 г.
19 марта—
1 ноября Назначен хранителем Минералогического кабинета Петербургского университета.
- 1890 г.
1886 г. Женится на Наталье Егоровне Старичкоу.
- 3 сентября
1886 г. Избран председателем Центрального совета объединенных землячеств, который собрался в квартире В. И. Вернадского, где бывали А. И. Ульянов, П. Я. Шевырев и другие участники «Дела 1 марта». Родился сын Георгий.
- 1887 г.
20 августа Командирован Петербургским университетом за границу (Италия, Германия, Франция) для про-

- должения образования на два года. Избран в члены Британской ассоциации наук.
- 1889 г. Принимал участие в Международной выставке в Париже, представляя почвенные коллекции В. В. Докучаева.
- 1889 г. Переезд на работу в Москву.
- 1890 г. Принят в число приват-доцентов Московского университета для преподавания минералогии.
- 22 ноября 1890 г. Избран в члены Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.
- 1891 г. Участвовал в экспедиции В. В. Докучаева в Полтавскую губернию.
- 1891 г. 27 октября Защитил в Петербургском университете магистерскую диссертацию «О группе силлиманита и роли глинозема в силикатах».
- 1891 г. 28 октября 1891 г. Лично познакомился с Д. И. Менделеевым.
- После защиты диссертации стал членом факультета Московского университета с совещательным голосом и с решающим голосом по делам, касающимся Минералогического кабинета.
- 1891 г. Назначен заведующим кафедрой Московского университета.
- 1892—1911 г. Назначен заведующим минералогического кабинета Московского университета.
- 1892 г. Организовал борьбу с голодом в Тамбовской губернии.
- 1894 г. Впервые в России в учебную программу вводит систематические минералогические экскурсии для студентов.
- 1894 г. Заграничная командировка (28 мая—1 октября) для изучения месторождений полезных ископаемых и областей ценных минералов, посетил Австрию и Швейцарию.
- 1894 г. Издает созданный им курс «Лекции кристаллографии».
- 1897 г. 20 мая Защитил при С.-Петербургском университете докторскую диссертацию «Явления скольжения кристаллического вещества»; Советом С.-Петербургского университета утвержден в степени доктора минералогии и геологии.
- 1897 г. Избран профессором минералогии женских коллективных курсов (впоследствии Высших женских курсов) в Москве.
- 1897 г. Участвовал в VII Международном геологическом конгрессе, проходившем в С.-Петербурге.
- 1898 г. 31 января Назначен экстраординарным профессором Московского университета по кафедре минералогии.
- 1898 г. 27 апреля Родилась дочь Нина.
- 1898 г. Летом работает в лабораториях Парижа.
- 1898 г. Смерть матери.
- 8 ноября 1899 г. Создание теории строения силикатов и публикация «Лекций описательной минералогии».

- 1899 г. Исследуя сопки Крыма и Таманского полуострова, впервые в России в грязевых вулканах открыл бор.
- 1900 г. Работает над статьей «Ломоносов как минералог и геолог», которая вышла в 1901 г.
- 1900 г. Принял участие в VIII Международном геологическом конгрессе, который проходил в Париже, и в экскурсиях по минеральным месторождениям Франции. Работал в библиотеках Голландии, Франции по истории науки.
- 1901 г. 22 ноября Первое собрание минералогического кружка В. И. Вернадского, положившее начало школе Вернадского.
- 1902—1903 г. Читал в Московском университете факультативный курс по истории естествознания. Опубликовал введение к этому курсу «О научном мировоззрении».
- 1903 г. Участвовал в IX Международном геологическом конгрессе, который проходил в Вене, и в экскурсии по минеральным месторождениям Боснии.
- 1904 г. 6—9 ноября 1905 г. август 1905 г. Участвовал в 1-м Общем земском съезде, который проходил в С.-Петербурге.
- Участвовал во II съезде Академического союза.
- Стал членом конституционно-демократической партии.
- 1905 г. 15 ноября Утвержден в должности помощника ректора Московского университета.
- 1906 г. 4 марта Избран в Петербургскую Академию наук адъюнктом по физико-математическому отделению (минералогия).
- 1906 г. Принял заведование минералогическим отделением Геологического музея Академии наук в Петербурге.
- 1906 г. 3 март 1906 г. июль Избран членом Государственного Совета от академической курии (Академия наук и университеты).
- Подал в отставку из числа членов Государственного Совета вместе с коллегами по академической курии в знак протеста против роспуска Думы указом царя 8 июля 1906 г.
- Начало работ в области геохимии.
- 1906 г. 1 июля—1 сентября Заграничная командировка в скандинавские страны для уточнения данных о месторождениях соединений железа (пирита, магнетита, гематита) для книги «Опыт описательной минералогии».
- 1908 г. январь Вторично избран в Государственный Совет от академической курии.
- 1908 г. 1 июля—1 сентября Командировка во Францию, Англию, Германию в связи с работой по описательной минералогии.
- Участие в заседании Британской ассоциации наук в Дублине, знакомство с Джоли и другими ведущими учеными Англии. Посещение выходов диатремов в Швабской Юре и в Шотландии.
- 1908 г. Избран экстраординарным академиком Петербургской академии наук по минералогии.

1908 г. Вышел в свет первый выпуск «Описательной минералогии».

1909 г.
с 25 мая Заграничная командировка с целью посетить страны Германии, Италии, Франции и Греции, а также библиотеки и музеи этих стран.

1909 г. «Парагенезис химических элементов в зеленой коре» — речь, прочитанная 28 декабря 1909 г. при открытии секции геологии и минералогии XII съезда русских естествоиспытателей и врачей, создавшая эпоху в минералого-геохимических науках.

1910 г.
январь Посещение Института Кюри в Париже, переговоры с французскими учеными об исследовании радиоактивных минералов.

1910 г.
сентябрь Экспедиция в Ферганскую область и Бухару — начало радиовых экспедиций в России, организованных В. И. Вернадским.

1910 г. «Задачи дня в области радия» — речь о новой атомистике и атомной энергии, прочитанная в публичном заседании Общего собрания Академии 29 декабря 1910 г.

1911 г. Уход из Московского университета в знак протеста против реакционной политики министра народного просвещения Кассо и переезд в Петербург.

1911 г. Исключен из состава Государственного Совета в связи с уходом из Московского университета.

1911 г.
март Избран почетным членом Общества испытателей природы.

1911 г.
апрель Передал свою минералогическую и геологическую библиотеку в Геологический музей Академии наук в Петербурге.

1911 г.
10 апреля—
10 июня Экспедиция на Кавказ, в Ферганскую область, Самарканд и Урал с целью изучения радиоактивных минералов.

1911 г.
17 июля—
1 октября Заграничная командировка (Швейцария, Германия) для работы в библиотеках и музеях в связи с работой над очередным выпуском «Опыта описательной минералогии».

1912 г.
1 февраля Избран ординарным академиком.

1912 г.
июнь Организовал Минералогическую лабораторию в Академии наук.

1912 г. Возглавил минералогическую экспедицию на Урал.

1913 г. Принял участие в XII Международном геологическом конгрессе, который проходил в Оттаве, и в экскурсиях по Канаде и США.

1913 г.
20 сентября Избран в почетные члены Уральского общества любителей естествознания в г. Екатеринбурге.

1913 г.
10 октября Избран в почетные члены Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.

1913 г.
10 октября Избран в члены Ученого совета Московского научного института.

1914 г.
19 марта Назначен директором Геологического и минералогического музея им. Петра Великого.

1914 г.
9 декабря
1915 г. Избран почетным членом Минералогического общества.

1915 г. Избран председателем Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), одним из инициаторов и организаторов которой являлся.

1915 г. Командирован в Вятскую, Пермскую, Таврическую и Екатеринбургскую губернии для минералогических исследований.

1916 г. Избран от Физико-математического отделения Академии наук в комиссию по вопросу о проекте нового университетского устава.

1916 г.
с 25 июля
по 15 сентября
1916 г. Командирован в Томскую и Пермскую губернии для минералогических исследований.

Начало исследований в области изучения живого вещества.

1917 г.
21 марта Вновь избран ординарным профессором Московского университета по кафедре минералогии и геологии с оставлением в занимаемой должности в Академии наук.

1917 г.
10 июня Избран председателем сельскохозяйственного учебного комитета Министерства земледелия.

1917 г.
1 августа Избран товарищем министра народного просвещения.

1917 г.
12 апреля Избран председателем Комиссии по ученым учреждениям и научным предприятиям при Министерстве народного просвещения.

Именной указатель

- Аброхолл Госкинс (Abrohall Hoskyns), английский минералог, с которым В. И. Вернадский работал в Мюнхене в лаборатории П. Грота 65
- Авель, в библии — второй сын Адама и Евы, пастырь овец, согласно преданию, был убит старшим братом Каином 16
- Авессалом, в библии — любимый сын царя Давида 16
- Аврелий Марк (Marcus Aurelius) (121—180), римский император с 161, автор книги «Наедине с собой» 63
- Агафонов Валерий Константинович (1863—1955), минералог и писатель, друг В. И. Вернадского, работал с ним в Совете объединенных землевладельцев, с 1921 г. — профессор Сорбонны (Париж) 54
- Адам, в иудаистской и христианской мифологии первочеловек и отец рода человеческого 16
- Адриани, автор статьи «Системы оптических антиподов», о которой Ферман А. Е. подготовил реферат и доложил на Минералогическом кружке Московского университета 199
- Александр II (1818—1881), российский император с 19 февраля 1855 г. 9
- Александр III (1845—1894), российский император с 1 марта 1881 г. 95
- Александра Семеновна, няня В. И. Вернадского 15, 20
- Александр Павел Карлович (1868—1913), минералог и химик, ученик и ассистент В. И. Вернадского, вел практические занятия в Московском университете (1897), хранитель Минералогического кабинета Московского университета (с 1897 г.) 161, 266
- Алексеев, студент-провокатор, член бюро союза 22 землевладельцев 131
- Аложенео Сонвино, гид Вернадского в путешествии на Везувий 230
- Амадей-Фердинанд-Мария, Амадей Савойский (Amadeo de Savoia) (1845—1890), герцог Аостский, сын итальянского короля Виктора Эммануила II, после военной революции в Испании кортесами избран королем Испании (1870—1873), не сумел удержать власть среди разыгравшейся Гражданской войны, отрекся от престола и вернулся в Италию 18
- Амалицкий Владимир Прохорович (1860—1917), русский геолог и палеонтолог, профессор Варшавского университета, принимал участие с В. И. Вернадским в экспедиции В. В. Докучаева по исследованию Нижегородской губернии 48
- Андерсен (Andersen) Ханс Кристиан (1805—1875), датский писатель 147, 148
- Аппенков Павел Васильевич (1813—1887), русский литературный критик и мемуарист 117

- Антула Димитрийе (1870—1924), сербский геолог, экскурсировавший с В. И. Вернадским по Боснии в 1903 г. 198
- Аристофан (Aristophanēs) (ок. 445—ок. 385 до н. э.), древнегреческий драматург, «отец комедии» 70, 81
- Арсеньев Константин Константинович (1837—1919), либеральный публицист, литературовед и общественный деятель, почетный академик Петербургской АН (1900) 169
- Артемов Дмитрий Николаевич, русский минералог, ученик В. И. Вернадского, участник его Минералогического кружка, преподаватель на Высших женских курсах Лохвицкой в Петербурге и ассистент в Горном институте 199
- Аршинов Владимир Васильевич (1879—1955), советский геолог, заслуженный деятель науки РСФСР (1941), один из учредителей Всесоюзного института минерального сырья (ВИМС), ученик В. И. Вернадского 199, 236
- Ауэрбах Иван Богданович (1815—1867), русский геолог, профессор Петровской сельскохозяйственной академии 87, 103
- Аш (Asch) В. и Аш (Asch) Д., немецкие химики, братья 180
- Багалец Дмитрий Иванович (1857—1932), украинский историк, академик АН УССР (1919) 207, 214
- Бакунин Павел Александрович (1820—1900), брат известного революционера-анархиста М. А. Бакунина, земский деятель 277
- Балакирев Милий Алексеевич (1837—1910), русский композитор, пианист, дирижер, музыкально-общественный деятель; в хоре Балакирева пела мать В. И. Вернадского 10
- Барбье (Barbier) Филипп Антон (1848—1922), французский химик, профессор химии в Лионе 252
- Бартолин Э. (1625—1698), датский естествоиспытатель, профессор Копенгагенского университета 173
- Батюшков Ф. Ф. 72
- Бах (Bach) Иоганн Себастьян (1685—1750), немецкий композитор и органист 174, 176
- Бейеринк (Bejerink), автор статьи, по которой Карадеев В. В. подготовил реферат «Об электропроводности минералов по статье Bejerink'a» и доложил на Минералогическом кружке Московского университета 199
- Бекетов Андрей Николаевич (1825—1902), русский ботаник-морфолог и ботанико-географ, почетный член Петербургской АН (1895), ректор Петербургского университета в период, когда в нем учился В. И. Вернадский 29, 30, 31, 32
- Белякин Дмитрий Степанович (1876—1953), советский геолог, академик АН СССР (1943; член-корр. 1933) 253
- Берверт (Berwerth) (1850—1918), австрийский ученый, профессор петрографии в Вене 238
- Берви Николай Васильевич, русский математик 28
- Берцелиус (Berzelius) Йенс Якоб (1779—1848), шведский химик и минералог 92, 93
- Бетховен (Beethoven) Людвиг ван (1770—1827), немецкий композитор 236
- Бём (Böhm) Юлиус, торговец минералами в Вене 239
- Бобков Александр Петрович (1863—?), доктор медицины (1896), московский врач 236
- Богданов Модест Николаевич (1841—1888), русский орнитолог, зоогеограф, профессор Петербургского университета (с 1881), когда в нем учился В. И. Вернадский 29

Боголепов Николай Павлович (1846—1901), русский государственный деятель, юрист, профессор римского права в Московском университете, ректор университета (1883—1887, 1891—1893), министр народного просвещения (1898—1901) 178

Богословский, слушатель университета Шаньявского 267, 283

Бойль Роберт (1627—1691), английский химик и физик 173

Боргмап Иван Иванович (1849—1914), русский физик, профессор Петербургского университета (1888), оппонент докторской диссертации В. И. Вернадского 161

Боргстром (Borgström) Леоп., профессор в Гельсингфорсе, знакомый В. И. Вернадского 257

Боровиковский Владимир Лукич (1757—1825), русский и украинский художник-портретист 111

Боскович, Бошковиц (Bošković) Руджер Иосип (1711—1787), хорватский физик, математик и астроном, профессор Римской коллегии (с 1740), университета в Павии (1764—1770) 119

Боткин Василий Петрович (1812—1869), русский писатель, критик, искусствовед, брат врача С. П. Боткина 117

Браве (Bravais) Огюст (1811—1863), французский кристаллограф, член Парижской АН (1854), профессор политехнической школы в Париже 151

Брэггер (Brøgger) Вальдemar Кристофер (1851—1940), норвежский минералог и петрограф, профессор университета в Осло (1890—1917) 218, 219

Бруно (Bruno) Джордано Филиппо (1548—1600), итальянский философ и поэт, представитель пантеизма 18, 88

Бугаев Николай Васильевич (1837—1903), русский математик, декан Московского университета (1886—1891), председатель Московского математического общества 93, 124, 170

Буде (Budde) Эмиль Арнольд (1842—1921), немецкий химик и физик 37

Бунге (Bunge) Густав (1844—ум. после 1911), химик и физиолог, доцент физиологии в Дорпте (с 1874), профессор физиологии в Базеле (с 1885) 146

Буркхардт (Burckhardt) Якоб (1818—1897), швейцарский историк и философ культуры 107

Буссинек, Буссинек (Boussinesq) Жозеф Валантен (1842—1929), французский ученый, механик, чл. Парижской АН (1886), профессор Парижского университета (1886) 147

Бутлеров Александр Михайлович (1828—1886), русский химик, создатель теории химического строения, общественный деятель 29

Бэкон (Bacon) Рожер (ок. 1220—ок. 1292), английский ученый, работавший в области всех существовавших в его время наук: метафизики, грамматики, математики, механики, физики, астрономии и др. 136

Буффон (Buffon) Жорж Луи Леклерк де (1707—1788), французский естествоиспытатель 98

Вагнер (Wagner) Вильгельм Рихард (1813—1883), немецкий композитор и дирижер 250

Вагнер Владимир Александрович (1849—1934), советский биолог и психолог, основоположник сравнительной психологии в России 84, 88

Вагнер Николай Петрович (1829—?), русский зоолог, преподавал в Казанском (с 1852) и С.-Петербургском (с 1871) университе-

тах. С 1879 г. заслуженный профессор С.-Петербургского университета. В. И. Вернадский слушал его лекции 29

Ван-Гельмонт, Хельмонт (Helmont) Ян Баптист (1579—1644), голландский естествоиспытатель 173

[Ваннов], болгарский геолог, принимавший участие с В. И. Вернадским в экскурсиях по Боснии в 1903 г. 198

Ванновский Петр Семенович (1822—1904), русский государственный деятель, генерал (с 1883), военный министр (1881—1898) и министр народного просвещения (1901—1902) в России 181

Василенко Николай Прокофьевич (1866—1935), украинский историк, товарищ министра народного просвещения Временного правительства 288

Вахтеров Василий Порфирьевич (1853—1924), русский педагог и публицист, инспектор народных училищ г. Москвы, товарищ председателя московского Комитета грамотности 130

Вашингтон Джордж (Washington) (1732—1799), американский государственный деятель, первый президент США (1789—1797) 110

Вегнер В. 18

Вейберг (Weyberg) Зигмунт, профессор Львовского университета 237

Вейншенк (Weinschenk) Эрнст (1865—1921), немецкий петрограф, профессор университета в Мюнхене 199

Вейсбах (Weisbach) Людвиг Юлиус (1871—1906), немецкий геолог, профессор Горной академии во Фрейберге 146

Венгеров Семен Афанасьевич (1855—1920), русский критик и историк литературы, приват-доцент С.-Петербургского университета (с 1897), профессор С.-Петербургских высших женских курсов и психо-неврологического института, автор «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых» 167

Верещагин Ираклий Петрович (1846—1888), учитель математики в гимназии, где учился В. И. Вернадский 26

Верна, литовский шляхтич, воевал на стороне казаков во времена войн Хмельницкого против Польши. Родоначальник фамилии Вернадских 11

Вернадская (по мужу Короленко) Екатерина Ивановна (1864—1910), сестра В. И. Вернадского 17

Вернадская Екатерина Яковлевна см. Короленко Е. Я.

Вернадская (девичья фамилия Шигаева) Мария Николаевна (1831—1860), первая русская женщина-экономист, первая жена И. В. Вернадского 9, 15

Вернадская (девичья фамилия Старицкая) Наталия Егоровна (1860—1943), жена В. И. Вернадского 9—12, 14, 16, 19, 24, 28, 35, 50—53, 56, 57, 59, 61—64, 67—70, 74, 76—84, 89—96, 101—116, 118—124, 130—136, 144, 145, 148—151, 153—160, 162—166, 168, 172—176, 180—198, 200, 203—205, 207, 210, 212—214, 218—225, 228—235, 238, 239, 244—250, 252, 254, 255, 257—264, 266—270, 272, 277, 278, 286, 287

Вернадская (по мужу Толль) Нина Владимировна (р. 1898), дочь В. И. Вернадского, врач-психиатр 165, 172, 239, 250

Вернадская (урожденная Ильинская) Нина Владимировна, жена Георгия Владимировича Вернадского 266

Вернадская (по мужу Алексеева) Ольга Ивановна (1864—1920), сестра В. И. Вернадского 17

Вернадский Василий Иванович (1769—1838), дед В. И. Вернад-

ского, врач, кончил Медицинский факультет Московского университета, участник войн с Наполеоном 12

Вернадский Георгий Владимирович, Гуля (1887—1973), сын В. И. Вернадского, историк 59, 104, 165, 172, 194, 249, 265, 266

Вернадский Иван Васильевич (1821—1884), отец В. И. Вернадского, русский экономист, профессор политэкономии Киевского, затем Московского университетов (1846—1856), Главного педагогического института и Александровского лицея в Петербурге (1861—1868), основатель и редактор журналов «Экономический указатель» (1857—1861) и «Экономист» 9

Вернадский Иван Никитич (?—ум. после 1786), прадед В. И. Вернадского, священник, кончил Киевскую духовную академию 11, 12

Вернадский Николай Иванович, Коля (1851—1874), сводный брат В. И. Вернадского, сын И. В. Вернадского от 1-го брака 15, 17

Виноградов Павел Гаврилович (1854—1925), русский историк медицины, профессор Московского (с 1884), а затем Оксфордского университетов (с 1903) 235

Винокуров Апатолій Николаевич, русский инженер-гидротехник, ученик В. И. Вернадского 179

Витте Сергей Юльевич (1849—1915), русский государственный деятель, член Государственного Совета, министр путей сообщения (1892), министр финансов (1892—1903), председатель Совета министров (1905—1906) 205, 207, 208, 214

Владиславлев Михаил Иванович (1840—1890), философ, профессор (1886), ректор (1887) Петербургского университета 31

Водозов Василий Васильевич (1864—1940), народник, публицист, в 1880-е годы примкнул к революционному движению, был сослан на пять лет в Архангельскую губернию (1887). После Октябрьской революции эмигрировал 67

Воейков Александр Иванович (1842—ум. после 1917), метеоролог, географ, приват-доцент (1882), профессор (с 1885) Петербургского университета 28, 29

Вольский, русский земский деятель Тамбовской губернии 123

Вольтер (Voltaire)/ псевд., наст. имя и фам. Мари Франсуа Аруэ (Arouet)/ (1694—1778), французский писатель, философ, историк, чл. Французской АН (1746) 18, 67

Воробьев Виктор Иванович (1875—1906), русский минералог, устроитель и хранитель минералогического отделения Геологического музея АН в Петербурге, погиб при исследовании кавказских ледников 227

Вульф Георгий (Юрий) Викторович (1863—1925), советский кристаллограф, член-корр. АН СССР (1921), профессор Казанского, Варшавского и Московского университетов, член Минералогического кружка В. И. Вернадского 236

Гадолин Аксель Вильгельмович (1828—1892), русский ученый в области арт. вооружения, механич. обработки металлов, минералогии и кристаллографии, академик Петербургской АН (1875; член-корр. 1873) 125

Гайдн (Haydn) Франц Йозеф (1732—1809), австрийский композитор 176

Галилей (Galilei) Галилео (1564—1642), итальянский физик, механик, астроном, поэт, филолог и критик 81, 191

Гальднер, итальянский врач, занявшийся геологией. По реко-

мандации Забониши (см.) сопровождал В. И. Вернадского в экскурсии по Италии 1909 г. 230

Гамбаров Юрий Степанович (1850—1926), русский юрист, специалист по теории права, профессор Московского университета (1884—99), Петербургского политехнического ин-та, один из основателей Высшей русской школы общественных наук в Париже (1900), преподавал в Брюссельском университете 167

Гарибальди (Garibaldi) Джузеппе (1807—1882), любимый деятель В. И. Вернадского, народный герой Италии, генерал, один из вождей национально-освободительного движения, борившегося за объединение Италии 18

Гассенди Пьер (Gassendi) (1592—1655), французский философ-материалист, работал также в области математики, астрономии, механики, истории науки 173

Геддле, шотландский химик и минералог, профессор химии в С. Анדרсе (Шотландия) 223

Гейм, Хейм (Heim) Альберт (1849—1937), швейцарский геолог, альпинист, участник VII Международного геологического конгресса (г. Петербург, 1897) 162

Геккель (Haeckel) Эрнст (1834—1919), немецкий биолог, профессор Йенского университета, с которым В. И. Вернадский познакомился в Мюнхене в 1888 г. 65

Гендель (Händel) Георг Фридрих (1685—1759), немецкий композитор 176

Генералов Василий Денисович (1867—1887), русский революционер-народоволец, принял активное участие в подготовке покушения на Александра III, готовившего группу А. И. Ульянова. Казнен в Шлиссельбургской крепости. С В. И. Вернадским был в Совете объединенных землячеств 54

Герман Рудольф (1805—1879), московский химик и минералог 125, 126

Герц, Херц (Hertz), Генрих Рудольф (1857—1894), немецкий физик, один из основателей термодинамики. С 1883 — приват-доцент по теоретической физике в Киле, с 1885 — профессор высшей технической школы в Карлсруэ; с 1889 — профессор экспериментальной физики в Боннском университете 70

Герцен Александр Иванович (1812—1870), русский революционер, писатель, философ и публицист 26, 117, 130

Герценштейн Михаил Яковлевич (1859—1906), русский экономист и общественный деятель 108, 122, 169, 205, 215

Герье Владимир Иванович (1837—1919), русский историк, профессор Московского университета (1868—1904), организатор Высших женских курсов (1872), член Государственного Совета (с 1907) 185

Гёте (Goethe) Иоганн Вольфганг (1749—1832), немецкий поэт, мыслитель и естествоиспытатель 229, 236

Гей, в древне-греческой мифологии олицетворение Земли, от которой произошли горы и море, первое поколение богов, гиганты и т. д. 74

Гиббон (Gibbon) Эдуард (1737—1794), английский историк 84, 87, 88

Гиббс (Gibbs) Джозайя Уиллард (1839—1903), американский математик, физик-теоретик, один из основоположников термодинамики 71, 228

Глазенап Сергей Павлович (1848—1937), советский астроном, по-

- четный член АН СССР (1929), профессор Петербургского университета (1885—1924) 28
- Глинка Сергей Федорович (1855—?), русский геолог и минералог, приват-доцент С.-Петербургского университета (с 1885) 41, 65
- Глинский Борис Борисович (1860—?), писатель, сотрудник «Исторического вестника», редактор-издатель «Северного вестника» (1900—1911), автор книг по русской истории 81
- Годвин, Годуин (Godwin) Уильям (1756—1836), английский публицист, писатель, историк 197
- Голицын Николай Дмитриевич (1850—1925), князь, государственный деятель царской России: архангельский, калужский и тверской губернатор (последовательно с 1885 по 1903), сенатор (1903), член Государственного Совета (фракция правых) (с 1915), последний председатель Совета Министров царской России (1916—1917) 215
- Головкинский Николай Алексеевич (1834—1897), русский геолог, профессор геологии и палеонтологии Казанского университета (1868—1870), профессор минералогии, декан и ректор Новороссийского университета в Одессе 179
- Гольбейн, Хольбейн (Holbein), семья немецких живописцев и графиков 2-я пол. XV—1-я пол. XVI в. Хольбейн Ханс — Старший и Хольбейн Ханс — Младший 110
- Гончаров Иван Александрович (1812—1891), русский писатель 17
- Горемыкин Иван Логгинович (1839—1917), государственный деятель царской России: министр внутренних дел (1895—1899), председатель Совета Министров (апрель—июль 1906; 1914—1916), член Государственного Совета (с 1899). Горемыкин отстаивал незыблемость самодержавия, был противником каких бы то ни было уступок буржуазии 209, 215
- Горький Максим (псевдоним, настоящее имя и фамилия Алексей Максимович Пешков) (1868—1936), советский писатель 171
- Гославские, родственники В. И. Вернадского 15
- Грабарь Владимир Эммануилович (1865—1956), советский ученый, специалист в области теории и истории международного права, профессор Юрьевского (Тартуского) (1893—1918), Воронежского (с 1918) и Московского университетов 72
- Гревс Иван Михайлович (1860—1941), русский историк, один из создателей Петербургской—Ленинградской школы средневековедения, профессор Высших женских курсов в Петербурге (1892—1918) и Петербургского университета (1899—1941), друг В. И. Вернадского со студенческих лет 167
- Грез (Greuze) Жан Батист (1725—1805), французский живописец 110
- Гримм Давид Давидович (1864—?), специалист в области римского права, преподавал в Дерптском (1884) и Петербургском (с 1898) университетах, в Училище правоведения и на Высших женских курсах; член Государственного Совета (с 1907) от академической курии; эмигрировал за границу 215, 220
- Грин (Green) Алиса, София Амелия (1848—1929), английский историк, жена Грина Джона Ричарда 224
- Грин (Green) Джон Ричард (1837—1883), английский историк-эпистимист 224
- Гринберг Э. К. (1889—1949), член РКП(б) (1917—1922), после Октябрьской революции комиссар газеты «Новая Русь», член Государственного Комитета по народному образованию 289
- Грот, Николай Яковлевич (1852—1899), русский философ-идеалист, профессор Московского университета (с 1886), председатель Московского психологического общества, первый редактор журнала «Вопросы философии и психологии» 88
- Грот (Groth) Пауль (1843—1927), немецкий минералог и кристаллограф, профессор и консерватор научных коллекций в Мюнхене, под его руководством после окончания университета В. И. Вернадский совершенствовался в знании кристаллографии и минералогии 60, 65, 68, 70, 72, 81, 146, 162, 175, 180, 239
- Гуглиа (Guglia E.) 142
- Гук, Хук (Hooke) Роберт (1635—1703), английский естествоиспытатель, первый дал начало современной теории кристаллов, член Лондонского королевского общества (1663), секретарь того же общества (1677—1683), профессор Лондонского университета 113, 136, 173
- Гульельмини (Guglielmini) Доминик (1655—1710), итальянский врач, математик, кристаллограф 173
- Гумбольдт (Humboldt), Александр Фридрих (1769—1859), немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник 25
- Гуров Александр Васильевич (1845—?), русский геолог 77
- Гус (Hus) Ян (1371—1415), национальный герой чешского народа, проповедник, мыслитель, идеолог чешской Реформации 18
- Гуттен (Hutten) Ульрих (1488—1523), немецкий гуманист, писатель и политический деятель 107
- Гюйгенс, Хейгенс (Huygens) Христиан (1629—1695), нидерландский механик, физик и математик, создатель волновой теории света 173
- Давид (кон. XI в.—ок. 950 до н. э.), царь Израильско-Иудейского государства. В еврейском фольклоре Давид изображен смельчаком, победившим великана Голнафа 16
- Дависсон, кристаллограф 173
- Давыдов Николай Васильевич, земский деятель Моршанского уезда 158
- Давыдовский В. Ф., инспектор 186
- Дана (Dana) Джеймс (1813—1895), американский геолог, профессор геологии и минералогии университета в Нью-Хейвене 1855—1892) 81
- Дарвин (Darwin) Фрэнсис (1848—1925), английский ботаник, сын Чарльза Дарвина 223
- Дарвин (Darwin) Чарлз Роберт (1809—1882), английский естествоиспытатель, основоположник эволюционного учения о происхождении видов животных и растений путем естественного отбора 30, 224
- Дебьерн (Debiérne) Андре Луис (1874—1949), французский химик, профессор, помощник директора (М. Кюри) в Институте радия в Париже 234
- Дейш Елизавета Карловна, гувернантка в семье В. И. Вернадского 19
- Декарт (Descartes) Рене (латинизированное имя Картезий; (Renatus Cartesius) (1596—1650), французский философ и математик 173
- Де Лоне (De Launay) Луи (1860—1938), французский геолог и минералог, организатор экскурсии по Франции во время Международного геологического конгресса в 1900 г., в которой принял участие В. И. Вернадский 174, 175, 234, 238

- Дельтер, австрийский геолог 238
- Делянов Иван Давыдович (1818—1897), государственный деятель России; директор публичной библиотеки (ныне им. Салтыкова-Щедрина) (1861—1882), министр народного просвещения (1882—1897), член Государственного Совета (с 1874) 31, 102, 130
- Демидовы, уральские горнозаводчики 158
- Ден Владимир Эдуардович (1867—1933), советский экономико-географ и статистик, профессор Московского университета 167
- Джиббс см. Гиббс
- Джоли (Joly) Джон (1857—1933), английский геолог и геофизик, один из основоположников радиogeологии, профессор Дублинского университета (с 1897) 225
- Джонстон (Johnston) Джеймс (1798—1855), английский химик и минералог, профессор университета в Дергеме 82
- Диаз, Диас де ла Пенья (Dias de la Peña) Нарсис Виржилъ (1808—1876), французский живописец, испанец по национальности 110
- Дидро (Diderot) Дени (1713—1784), французский философ-просветитель, писатель 197
- Диккенс (Dickens) Чарлз (1812—1870), английский писатель 106, 120
- Димо Николай Александрович (1873—1959), советский почвовед, академик ВАСХНИЛ (1948), ученик Н. М. Сибирцева, в 1901 г. Вернадский совершил с ним экскурсию в Саратов 184
- Докучаев Василий Васильевич (1846—1903), русский ученый, создатель научного почвоведения, профессор Петербургского университета, В. И. Вернадский был его учеником 29, 30, 31, 36, 46, 48, 55, 72, 74, 75, 98, 101, 102, 106, 110, 125, 179
- Долгоруков Павел Дмитриевич, князь, политический и общественный деятель России 203, 205
- Долгоруков Петр Дмитриевич, князь, политический и общественный деятель России 205
- Достоевский Федор Михайлович (1821—1881), русский писатель 23
- Драгоманов Михаил Петрович (1841—1895), украинский буржуазный либерал, публицист, историк, фольклорист, общественный деятель, приват-доцент Киевского университета (1864—1875), из которого был уволен за политическую «неблагонадежность», эмигрировал в Швейцарию, где издавал на украинском языке журнал «Громада», а также соч. А. И. Герцена, Т. Г. Шевченко и др. 23
- Дриш (Driesch) Ханс (1867—1941), немецкий биолог и философ-идеалист 84
- Дройзен (Droysen) Иоганн Густав (1808—1884), немецкий историк, профессор Кильского (с 1840), Йенского (с 1851), Берлинского (с 1859) университетов 171
- Дурново Петр Николаевич (1844—1915), государственный деятель царской России, директор департамента полиции (1884—93), товарищ министра внутренних дел (1900—05), министр внутренних дел (с октября 1905), член Государственного Совета (1906), в котором руководил крайними правыми 207
- Дьюар (Dewar) Джеймс (1842—1923), английский физик и химик, член Лондонского королевского общества, профессор Кембриджского университета (с 1875) и Лондонского королевского института (с 1877) 225
- Дьяконов, товарищ В. И. Вернадского по гимназии 24
- Дэй, американский ученый, директор Геофизической лаборатории Института Карнеги в Вашингтоне, у которого В. И. Вернадский был в 1913 г. 263
- Дюгамель (Duhamel) Жан-Мари-Констан (1797—1872), французский математик, профессор Политехнической школы и Сорбонны 135
- Дюнар (Dunarc) Л., профессор из Женевы 244
- Ева, по библейской мифологии жена Адама; первая женщина и праматерь рода человеческого в иудаистской, христианской, затем мусульманской мифологии 16
- Егоров К. Ф., русский геолог, сотрудник Геологического и минералогического музеев, исследователь радиоактивных минералов в Забайкалье 272
- Екатерина II Алексеевна (1729—1796), российская императрица (с 1762) 11
- Еленевский С. К., студент-медик IV курса, принимавший участие в борьбе с голодом в Тамбовской губернии в 1891—1892 году вместе с В. И. Вернадским 105
- Елизавета I Петровна (1709—1761), российская императрица с 25 ноября 1741 253
- Жданов Александр Маркелович (1858—?), астроном, профессор и ректор (1903—1905) Петербургского университета, попечитель Московского округа, возглавлял отдел промышленных училищ Министерства народного просвещения 219
- Зарудный Александр Сергеевич, присяжный поверенный, двоюродный брат Н. Е. Вернадской 214
- Зарудный Сергей Митрофанович, дядя Н. Е. Вернадской 53
- Зварькин, профессор Петербургского университета и технологического института в Томске 54
- Засулич Вера Ивановна (1849—1919), деятель русского революционного движения 25
- Зелинский Николай Дмитриевич (1861—1953), советский химик-органик, академик (с 1929), Герой Социалистического Труда (1945) 167, 275
- Землячинский Петр Андреевич (1856—1942), советский геолог и почвовед, член-корр. АН СССР (1928), профессор Петербургского университета (с 1898), оппонент докторской диссертации В. И. Вернадского, пафер на свадьбе В. И. Вернадского 53, 161
- Зензен (Zenzen) Нильс Магнус (1883—ум. после 1951), шведский геолог и минералог 218
- Зиккинген (Sickingen), герой драмы Ф. Лассала «Франц фон Зиккинген» (1859) 107
- Златарски Георги Николов (1854—1909), болгарский геолог, профессор и ректор Софийского университета, принимал участие в экскурсии с В. И. Вернадским по Боснии в 1903 г. 198
- Золотарев, участник борьбы с голодом в 1891—1892 гг. в Тамбовской губернии 108
- Зонке Л. (1842—1898), мюнхенский кристаллограф, у которого В. И. Вернадский после окончания университета в 1888 г. изучал геометрическую теорию строения кристаллов 65
- Зотов, уральский горнопромышленник 158
- Зотова, певица 110
- Зюсс (Suess) Эдуард (1831—1914), австрийский геолог, профессор Венского университета (1857—1901), президент Венской АИ (1898—1911) 101, 238, 239

- Иванов Иван Иванович (1862—?), историк и критик, приват-доцент Московского университета (с 1895), профессор Новороссийского университета (с 1901), а затем директор Нежинского института и профессор Московского университета 167
- Иванов Леонид Яковлевич (1877—1946), минералог, профессор Екатеринбургского горного училища, ученик В. И. Вернадского 220
- Игнатьев Алексей Павлович (1842—1906), граф, русский государственный деятель, крайний реакционер, Иркутский (1885—89) и Гнезский (1889—96) генерал-губернатор, председатель особых совещаний об охране государственного порядка и по вопросам вероисповедания 209
- Ильин, земский деятель Моршанского уезда 123
- Ильинская Екатерина Владимировна, сестра жены сына В. И. Вернадского 145
- Иноземцев, владелец московской типографии на Арбате 127
- Иностранцев Александр Александрович (1843—1919), русский геолог, член-корр. Петербургской АН (1901), профессор Петербургского университета (с 1873) 29, 55, 179
- Иоллос Григорий Борисович, сотрудник московской газеты «Русские ведомости» 169
- Иордан (Jordanis, Jordanes), готский историк VI в. 191
- Казанский М., земский деятель Моршанского уезда, глава Моршанского комитета Кадетской партии 209
- Кайц, в библии — сын Адама и Евы; согласно преданию, убил младшего брата Авеля 16
- Камаровский, Комаровский Леонид Алексеевич (1846—1912), русский юрист, член-корр. Петербургской АН (1910), профессор Московского университета 235
- Камерлинг-Оннес (Kamerlingh Onnes) Хейке (1853—1926), нидерландский физик и химик, профессор Лейденского университета, лауреат Нобелевской премии, впервые получил жидкий гелий (1908) 224
- Кант (Kant) Имануил (1724—1804), немецкий философ, основоположник немецкой классической философии 157, 199, 201
- Капценович Софья Семеновна (во втором браке Гулак), прабабка В. И. Вернадского 13
- Карамзин Николай Михайлович (1766—1826), русский писатель, публицист и историк 22
- Карандеев Виссарион Виссарионович (?—1916), ассистент В. И. Вернадского в Московском университете и его ученик, преподаватель минералогии Московских высших женских курсов 199, 277, 278
- Карбасников Н. П. (1852—1919), издатель и книгопродавец, у него были напечатаны в 1899 г. «Лекции описательной минералогии» В. И. Вернадского 168
- Карлос, дон Карлос Младший (Don Carlos Minor) (1848—1909), вождь испанских карлистов, претендовал на испанский престол, развязал II карлистскую войну (1872—1876), но потерпел поражение и бежал во Францию 18
- Карнеев, учитель русского языка в гимназии, где учился В. И. Вернадский 22, 23
- Карпинский Александр Петрович (1846—1936), русский геолог, общественный деятель, академик Петербургской АН (1896), президент АН СССР (с 1917), адъюнкт и профессор Горного института в Петербурге, организатор Геологического комитета 202, 244, 269
- Касперович Генрих Иосифович (?—1912), ученик В. И. Вернадского, его ассистент в Московском университете, младший хранитель при Минералогическом кабинете Академии наук 244—246
- Кассо Лев Аристидович (1865—1914), русский юрист, доцент Дерптского (Тартуского) университета (1892), профессор Харьковского (с 1895) и Московского (с 1899) университетов, директор императорского лицея (1908—1910), министр народного просвещения (1911—1914) 243
- Кауфман Александр Аркадьевич (1864—1919), русский экономист и статистик, один из организаторов и лидеров партии кадетов 55, 219
- Каченовский Дмитрий Иванович (1827—1872), русский юрист, специалист по международному и государственному праву, истории политических учений, профессор Харьковского университета (с 1849) 16, 17
- Кейп (Cuyp) Альберт (1620—1691), голландский художник 110
- Келлер Владимир Васильевич, участник борьбы с голодом в 1892 г. в Моршанском уезде 108, 111, 112
- Кеплер (Kerpler) Иоганн (1571—1630), немецкий астроном, открывший законы движения планет 173
- Киселев Александр Александрович (1838—1911), русский пейзажист 149
- Кислаковский Е. Д., хранитель Минералогического кабинета Московского университета (1887—1897), вел практические занятия со студентами в Московском университете 80—82, 85—87, 111, 120, 161
- Клейбер Иосиф Андреевич (1863—1892), астроном, приват-доцент Петербургского университета, друг В. И. Вернадского 103—105
- Клейн И. Ф., декан Медицинского факультета Московского университета 96
- Книпович Николай Михайлович (1862—1939), советский зоолог, почетный член АН СССР (1935; член-корр. 1927), приват-доцент Петербургского университета (с 1893), был уволен из него «как политически неблагонадежный», профессор женского (1-го Ленинградского) медицинского института (1911—1930), сотрудник Зоо музея Петербургской АН (1894—1921) 167
- Кноп (Knop) Адольф (1828—1893), немецкий минералог, директор Кабинета естественных наук в Карлсруэ 87, 88
- Кобылкин, ученик В. И. Вернадского, участник его минералогического кружка при Московском университете 199
- Ковалевский Максим Максимович (1851—1916), русский историк, юрист, социолог, этнограф, академик Петербургской АН (1914), член Государственного Совета и I Государственной думы. В 1906 г. основал конституционно-монархическую партию демократических реформ 215
- Ковалевский 244
- Коковцов Владимир Николаевич (1853—1943), русский государственный деятель, товарищ министра финансов (1896—1902), государственный секретарь (1902—1904), министр финансов (1904—1914), председатель Совета Министров (1911—1914), член Государственного Совета (с 1905) 220
- Кокшаров Николай Иванович (1818—1892), русский минералог-

кристаллограф, ординарный академик Петербургской АН (1866), профессор (1851—55) и директор (1872—81) Горного института в Петербурге 86, 125

Колоколов, смотритель библиотеки в гимназии, где учился В. И. Вернадский 22

Колубакин Александр Михайлович (1869—?), русский политический деятель, активный член конституционно-демократической партии 205

Кондаков Николай Павлович (1844—1925), историк искусства и археолог, академик Петербургской АН (с 1898), профессор Новороссийского и Петербургского университетов 131

Кони Анатолий Федорович (1844—1927), русский юрист и общественный деятель, почетный академик Петербургской АН (с 1900), член Государственного Совета (с 1917) 169, 215

Коновалов Дмитрий Петрович (1856—1929), русский химик, академик АН СССР (1923), профессор Петербургского университета и Горного института, оппонент диссертации В. И. Вернадского (1891) 29, 101, 102

Коновалов, лаборант Петербургского университета, экскурсировавший вместе с В. И. Вернадским в Сестрорецкие дюны в 1884 г. 46

Константинович Анна Петровна (1837—1898), мать В. И. Вернадского 9

Константинович Петр Христофорович (1785—1850), дед В. И. Вернадского 13

Константинович Христофор Анастасьевич (1741—1786), прадед В. И. Вернадского, сотник 12

Коопман, органист 174

Коперник (Copernik, Copernicus) Николай (1473—1543), польский астроном и мыслитель, создатель гелиоцентрической системы мира 190

Корелли (Corelli) Арканджело (1653—1713), итальянский композитор 177

Корнилов Александр Александрович (1862—1925), историк, профессор Петербургского политехнического института, один из организаторов партии кадетов 79, 108, 110, 122, 127, 215

Короленко Анна Сергеевна, Нюта (1884—1917), арфистка, преподавательница Петербургского музыкального института, племянница В. И. Вернадского, дочь его сестры Екатерины Ивановны Короленко. Жила в семье Вернадских с 1910 г. после смерти матери 239, 264

Короленко Афанасий Яковлевич (1787—в конце 1850 или начале 1860-х гг.), родной брат бабушки В. И. Вернадского 13

Короленко Владимир Галактионович (1853—1921), русский писатель, публицист, общественный деятель, троюродный брат В. И. Вернадского 13, 23, 53, 169

Короленко Евграф Максимович (1810—1880), двоюродный любимый дядя В. И. Вернадского, имел громадное влияние на формирование личности В. И. Вернадского 17, 18

Короленко (по мужу Вернадская) Екатерина Яковлевна (1781—1844), бабушка В. И. Вернадского 13

Корш Валентин Федорович (1828—1883), журналист и историк литературы, редактор «Московских ведомостей» (1856—62) и «С.-Петербургских ведомостей» (1863—74) 25

Костомаров Николай Иванович (1817—1885), русский и украин-

ский историк, этнограф, писатель, профессор Киевского (1846) и Петербургского (1859—62) университетов 23

Костычев Павел Андреевич (1845—1895), русский ученый, один из основоположников современного почвоведения, профессор Петербургского земледельческого института и Петербургского университета 29, 56

Косченко, студент Петербургского университета, экскурсировавший вместе с В. И. Вернадским в Сестрорецкие дюны в 1884 г. 46

Кочубей П. А., русский коллекционер, минералогическую коллекцию которого по поручению Академии наук приобрели В. И. Вернадский и А. Е. Ферсман в Вене в 1911 г. 238, 239, 254

Крамской Иван Николаевич (1837—1887), русский живописец и художественный критик 249

Краснов Андрей Николаевич (1862—1914), русский ботаник и географ, профессор Харьковского университета (1889—1911), основатель Батумского ботанического сада, друг В. И. Вернадского с детских лет 26, 27, 37, 43, 49, 64

Криптофович Николай Иосифович (1866—1941), русский геолог, редактор-издатель «Ежегодника по минералогии и геологии России» (1896—1916), в котором печатался В. И. Вернадский и вел многие годы обзор работ по минералогии 180

Крыжановский Владимир Ильич (1881—1947), русский геолог, после В. И. Вернадского возглавил Геологический музей АН СССР 247, 248, 253, 254

Крылов Иван Андреевич (1769—1844), русский писатель, баснописец, журналист 14

Куинджи Архип Иванович (1841—1910), русский живописец-пейзажист 110, 249

Кулжинский В., друг В. И. Вернадского по гимназии 24

Кули Леонид Алексеевич (1883—1942), минералог, в 1911 г. помощник лесничего на Урале, где в экспедиции с ним познакомился В. И. Вернадский; впоследствии сотрудник В. И. Вернадского в Комитете по метеоритам АН СССР, исследователь Тунгусского метеорита 248, 253

Кунц (Kunz) Георг Фредерик (1856—1932), американский геолог и минералог, президент Нью-Йоркского минералогического клуба 227

Курффер (Kurfper) Адольф Яковлевич (Адольф Теодор) (1799—1865), физик, академик Петербургской АН (с 1828; член-корр. с 1826), профессор Казанского университета, директор Минералогического музея и устроенной им Петербургской обсерватории. Проводил минералогические исследования на Кавказе и Урале 255

Курбатов Сергей Михайлович, русский радиолог, профессор, зав. кафедры минералогии Петербургского университета, директор Керамического института (1922) 102

Курнаков Николай Семенович (1860—1941), советский физико-химик, академик Петербургской АН (1913), профессор Петербургского горного института (с 1893), Петербургского политехнического института (с 1902), один из организаторов и зам. В. И. Вернадского в комиссии по изучению естественных производительных сил России при АН СССР 102

Кюри М. см. Склодовская-Кюри

Лавров Петр Лаврович (1823—1900), теоретик русского револю-

- ционного народничества; мелкобуржуазный социалист, философ, социолог; издавал в эмиграции журнал и газету «Вперед!» (1873—1877) 20
- Лавуазье (Lavoisier) Антуан Лоран (1743—1794), французский химик, член Парижской АН (1772) 76
- Лазарев, уральский горнопромышленник 158
- Лайель, Лайелл (Lyell) Чарлз (1797—1875), английский естествоиспытатель, член Королевского общества (1826) и Линнеевского и геологического обществ (1819) 73
- Лакруа (Lacroix) Альфред Франсуа Антуан (1863—1948), французский минералог и петрограф, член французской АН (1904), почетный член АН СССР (1924), профессор национального музея естественной истории. В. И. Вернадский написал о нем статью 220, 234, 235, 238
- Лампи (Lampi), Ламп Иоганн Баптист Старший (1751—1830), австрийский живописец 111
- Ланиц, 106
- Лаплас (Laplace) Пьер Симон (1749—1827), французский астроном, математик и физик, член Парижской АН (1785), автор космогонической гипотезы об образовании солнечной системы 157
- Лассаль (Lassalle) Фердинанд (1825—1864), деятель немецкого рабочего движения, мелкобуржуазный социалист, родоначальник одной из разновидностей оппортунизма в рабочем движении — лассальяства; публицист и адвокат 107, 126
- Лассвиц (Lasswitz) Курд (1848—1910), немецкий философ 135
- Лебедев Василий Ильич, минералог, ученик Курбатова С. М. 102
- Лебедзинский Люциан Антонович (?—1900), русский горный инженер 253
- Леблан, Ле Блан (Leblanc) Николас (1753—1806), французский химик, кристаллограф 71
- Левенгук (Leeuwenhoek) Антони ван (1632—1723), голландский натуралист, основоположник научной микроскопии, член Лондонского королевского общества (с 1680) 173
- Левитан Исаак Ильич (1860—1900), русский живописец-пейзажист 149
- Левидкий Дмитрий Григорьевич (ок. 1735—1822), русский живописец-портретист 111
- Лемуан, французский геолог, с которым В. И. Вернадский экскурсировал по Франции во время Международного геологического конгресса в 1900 г. 174
- Ленин Владимир Ильич (1870—1924), продолжатель дела Маркса и Энгельса, вождь русского и международного пролетариата, основатель Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства 159, 206
- Леонардо да Винчи (Leonardo da Vinci) (1452—1519), итальянский живописец, скульптор, архитектор, ученый и инженер 136, 191
- Лесаж, Ле Саж (Lesage) Георгий Луис (1724—1803), французский математик и физик 71
- Ле Шателье (Le Chatelier) Анри Луи (1850—1936), французский физико-химик и металлург, член Парижской АН (1907), почетный член АН СССР (1927), профессор Парижской высшей горной школы (1877—1919), Коллеж де Франс (1898—1907) и Парижского университета (1907—1925), под его руководством
- В. И. Вернадский после окончания университета совершенствовался в знании кристаллографии и минералогии 70, 71, 72, 83, 228
- Либих (Liebig) Юстус (1803—1873), немецкий химик, член-корр. Петербургской АН (с 1830), профессор университетов в Гисене (с 1824) и Мюнхене (с 1852) 147
- Линденер Борис Александрович, минералог, ученик В. И. Вернадского, участник его минералогического кружка, ученый секретарь КЕПС 247, 271
- Линкольн (Lincoln) Авраам (1809—1865), государственный деятель США, президент США (с 1860) 110
- Линней (Linnè, Linnaeus) Карл (1707—1778), шведский естествоиспытатель, создатель системы растительного и животного мира, член Парижской АН (1762) 98
- Лихачев, русский издатель, 17
- Лихманн 113
- Лозинский, польский приват-доцент из Галиции, экскурсировал с В. И. Вернадским по Боснии в 1903 г. 198
- Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765), русский естествоиспытатель, один из основоположников физической химии, поэт, художник, историк. Вернадский изучению творчества Ломоносова посвятил 4 статьи 169, 172, 179, 251, 252
- Лопе де Вега Карльо (Lope de Vega Carpio) Феликс (1562—1635), испанский драматург, поэт и прозаик 91
- Лукашевич Иосиф Деметьевич (1863—1925), пародоволец, один из организаторов «Террористической фракции Народной воли», принимал участие в подготовке покушения на Александра III, член Совета объединенных землячеств 54
- Лукреций (Lucretius), Тит Лукреций Кар (99—95—55 до н. э.), древнеримский поэт и философ-материалист 74
- Луцицкий Иван Васильевич (1845—1918), русский историк, представитель либерально-народнического направления, член-корр. Петербургской АН (1908), профессор Киевского университета (с 1877), Высших женских курсов в Петербурге (с 1908), член 3-й Государственной думы 205
- Лыткин, учитель истории в Петербургской гимназии, где учился В. И. Вернадский 23
- Львов Николай Николаевич (1867—1944), русский, политический деятель; предводитель дворянства Саратовской губернии (1893—1900), один из основателей буржуазно-либерального «Союза освобождения», участник земских съездов 1904—05, член ЦК партии кадетов (1906), депутат 1-й, 3-й, 4-й Государственной думы, входил в руководство «Союза помещиков», белоэмигрант (с 1920) 205
- Любоцинская (до замужества Старицкая) Анна Егоровна, сестра Н. Е. Вернадской 277
- Любоцинские, семья А. Е. Любоцинской 278
- Любоцинский Марк Маркович, муж сестры Н. Е. Вернадской 126, 155
- Любоцинский Маркуша, племянник В. И. Вернадского, сын Любоцинской Анны Егоровны 264
- Максвелл (Maxwell) Джеймс Клерк (1831—1879), английский физик, создатель классической электродинамики, один из основателей статистической физики, член Лондонского королевского общества, профессор Маршал-колледжа в Абердине (1856—60),

- Лондонского (1860—65) и Кембриджского (с 1877) университетов, создатель Кавендишской лаборатории и ее директор с 1871 г. 81
- Маликов Александр Петрович (1840—1904), русский политический деятель, в 1866 г. привлечен по делу Каракозова и выслан в Орел. В 1873 г. начал выступать с проповедью «богочеловечества». В 1874 г. арестован по делу о «пропаганде в империи». После освобождения уехал в Америку, где основал религиозную секту; после распада секты вернулся в Россию 149
- Маллар (Mallard) Эрнест (1833—1894), французский кристаллограф, профессор минералогии в Ecole des Mines в Париже, член Французской Академии наук, член-корр. Петербургской АН, председатель Минералогического общества во Франции, членом которого состоял В. И. Вернадский 65, 72, 81, 147
- Мамин-Сибиряк (наст. фам. — Мамин) Дмитрий Наркисович (1852—1912), русский писатель 87
- Мануйлов Александр Аполлонович (1861—1929), русский экономист, общественный деятель, профессор, проректор (1905—1908) и ректор (1908—1911) Московского университета; кадет, член ЦК партии кадетов, министр просвещения Временного правительства (1917), после Октябрьской революции эмигрировал, но вскоре возвратился и сотрудничал с Советской властью 205, 235, 241, 242
- Манфред, герой одноименной поэмы (1817) Дж. Байрона 76
- Марковинов Владимир Васильевич (1837—1904), русский химик, профессор Казанского (с 1869), Новороссийского (с 1871) и Московского (с 1873) университетов 86, 124, 169
- Маркс (Marx) Карл (1818—1883), основоположник научного коммунизма, учитель и вождь международного пролетариата 126
- Март Николай Яковлевич (1864—1934), советский языковед, филолог и археолог, академик Петербургской АН (1912, экстраординарный академик с 1909), вице-президент АН СССР с 1930 г., профессор Петербургского университета (с 1900), директор Академии истории материальной культуры 287
- Менделеев Дмитрий Иванович (1834—1907), русский химик, открывший периодический закон химических элементов, разносторонний ученый, педагог и общественный деятель, член-корр. Петербургской АН (1876), профессор Петербургского технологического института (1864—66), Петербургского университета (1865—1890), где его лекции слушал В. И. Вернадский 29, 31, 102
- Мелазбир Михаил Александрович (1855—1935), русский зоолог, академик АН СССР (1929; член-корр. 1896, почетный член 1926), профессор Московского университета (1886—1911), (1917—19) и Высших женских курсов. В 1911 г. покинул университет в знак протеста против реакционной политики министра народного просвещения Л. А. Кассо 241, 243
- Молшуткин Николай Александрович (1842—1907), русский химик, профессор Петербургского университета (1869—1902), где у него учился В. И. Вернадский и Петербургского политехнического института (1902—1907) 29, 55
- Миклашевские, братья: Александр Николаевич и Иван Николаевич 128
- Миклашевский Александр Николаевич (1864—1911), русский экономист, приват-доцент Московского университета, профессор политической экономии и статистики в Юрьевском университете (с 1896) 108, 122, 126
- Миклашевский Иван Николасович (1858—1901), русский историк-экономист и статистик, преподавал в Петровской академии, в Ярославском лицее и Харьковском университете 128
- Миллер Орест Федорович (1833—1889), профессор историко-филологического факультета Петербургского университета (1870—1887), председатель студенческого научно-литературного общества Петербургского университета, членом которого был В. И. Вернадский 32, 54
- Минаков Петр Андреевич (1865—1931), советский антрополог, судебный медик, профессор (с 1900) и одновременно (с 1909) проректор Московского университета. В 1911 г. подал в отставку в знак протеста против реакционной политики министра просвещения Л. А. Кассо 241, 242
- Миннигероде (Minnigerode) Людвиг Бернард (1837—1896), немецкий кристаллограф и математик 147
- Митцопулос, греческий минералог 231
- Мишель-Леви (Michel-Lévy) Огюст (1844—1911), французский петрограф, член французской АН (1896) 70
- Мицкевич (Mickiewicz) Адам (1798—1855), польский поэт, деятель национально-освободительного движения 77
- Модзалевский Борис Львович (1874—1928), советский литературовед, член-корр. АН СССР (1918), один из создателей Пушкинского дома 288
- Морган (Morgan), американский миллионер, по имени которого назвали минерал «morganит», родственник «воробьевиту» 227
- Мороховец Лев Захарович (1848—?), физиолог, профессор Московского университета, Петровской сельскохозяйственной и лесной академии 160
- Мочульский Виктор Иванович (?—1871), русский энтомолог, член общества испытателей природы в Москве 87
- Мурильо (Murillo) Бартоломе Эстебан (1618—1682), испанский живописец 110
- Муромцев Сергей Андреевич (1850—1910), русский юрист и политический деятель, профессор Московского университета (1877—1884), участник земских съездов (1904—1905), член ЦК кадетской партии, председатель I Государственной думы; за «Выборгское воззвание» вместе с другими членами думы приговорен к 3-х месячному тюремному заключению, которое отбыл в 1908 г. 235
- Мутман, сотрудник П. Грота, с которым В. И. Вернадский работал в Мюнхене в 1889 г. 68
- Мушкетов Иван Васильевич (1850—1902), русский геолог и географ 101
- Мюссе (Musset) Альфред де (1810—1857), французский писатель, член Французской академии (1852) 90
- Неелов А. А., уланский гвардейский офицер, двоюродный брат В. И. Вернадского, шафер у него на свадьбе 53
- Неймайр, Ноймайр (Neumaier) Мельхор (1845—1890), австрийский палеонтолог и геолог 101
- Некрасов И. Д. 89
- Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877), русский поэт, литературный деятель 23
- Неморарий (Nemogarius, Nemogatus, de Nemore, Le Forestier)

- Джорданус, время, место и другие обстоятельства жизни неизвестны, исследователи относят его к XII—XIII вв.; его математические произведения имеются в работах писателей XV—XVI вв. 194
- Ненадкевич Константин Автономович (1880—1963), советский химик-минералог, член-корр. АН СССР (1946), ученик В. И. Вернадского 194, 227, 236, 245, 246, 256, 266
- Нерон Клавдий Цезарь (Claudius Caesar Nero) (37—68), римский император (с 54) 106
- Нефедов Филипп Диомидович (1838—1902), русский писатель и этнограф, сотрудничал в «Будильнике», «Развлечениях», «С.-Петербургских ведомостях» и др., редактор «Русского курьера» (1879—1881) 122
- Никитенко Александр Васильевич (1805—1877), историк литературы, профессор Петербургского университета (с 1830), цензор Петербургского цензурного комитета, ординарный академик Петербургской АН (с 1855) 98
- Николай II (1868—1918), последний российский император 152
- Николай Михайлович (Романов) (1859—1919), русский великий князь, историк, председатель Русского исторического общества (1909—1917), стоял в стороне от придворной жизни 105
- Николь (Nicolle), канадский ученый, профессор Кингстонского университета, главный руководитель экспедиции по Канаде, проводимой XII Международным геологическим конгрессом (1913), в работе которого принял участие В. И. Вернадский 257, 258
- Нобель (Nobel) Эммануэль (1859—1932), шведский предприниматель, возглавлял нефтепромысловое предприятие в Баку «Товарищество братьев Нобель», общество «Людвиг Нобель» и другие предприятия (1888—1917); в начале 1918 г. уехал в Швецию 187
- Новгородцев Павел Иванович (1886—1924), русский юрист и философ, преподавал в Московском университете (1896—1911), в Московском высшем коммерческом институте, член партии кадетов, депутат 1-й Государственной думы (1906). В 1917 г. эмигрировал 72
- Новорусский Михаил Васильевич (1861—1925), русский революционер, пародоволец, член Совета объединенных Землячеств (В. И. Вернадский — председатель), вместе с А. И. Ульяновым и другими готовил покушение на Александра III. По делу 1 марта 1887 приговорен к смертной казни, замененной пожизненным одиночным заключением в Шлиссельбургской крепости. В октябре 1905 г. освобожден 54
- Новосильцев Ю. А. 205
- Норис, знакомый В. И. Вернадского, у которого был обыск в 1905 г. 205
- Ньютон (Newton) Исаак (1643—1727), английский физик и математик, создавший теоретические основы механики и астрономии, открывший закон всемирного тяготения, разработавший (наряду с Г. Лейбницем) дифференциальное и интегральное исчисление, изобретатель зеркального телескопа и автор важнейших экспериментальных работ по оптике 76, 113
- Нюта см. Короленко А. С.
- Оболенский, князь 111
- Обручев Владимир Афанасьевич (1863—1956), советский геолог и географ, академик АН СССР (1929; член-корр. 1921), профес-

- сор Томского технологического института (1919—21), Таврического университета в Симферополе (1918—19), и Московской горной академии (1921—29). С 1930 г. председатель Комиссии (Комитета) по изучению вечной мерзлоты, с 1939 г. директор Института мерзлотоведения АН СССР, в 1942—46 гг. академик-секретарь Отделения геолого-географических наук АН СССР 281
- Овсянников Филипп Васильевич (1827—1906), русский физиолог и гистолог, академик Петербургской АН (1863), преподавал в Казанском и Петербургском (когда в нем учился В. И. Вернадский) университетах 29
- Озеров Иван Христофорович (1869—?), русский экономист, профессор Московского университета 167
- Ольденбург Сергей Федорович (1863—1934), советский востоковед, один из основателей русской палеологической школы, академик Петербургской АН (1900), преподаватель (с 1889) и профессор (с 1894) Петербургского университета, непреходящий секретарь АН СССР (1904—1929), министр просвещения Временного правительства, друг В. И. Вернадского со студенческих лет 53, 55, 125, 202, 287, 288
- Ольденбург Федор Федорович (1861—1914), общественный деятель и педагог, брат С. Ф. Ольденбурга и друг В. И. Вернадского со студенческих лет 35
- Ольденбурги, братья Сергей Федорович и Федор Федорович 55
- Орлова Елизавета Николаевна (1861—не ранее 1936), педагог, вместе с В. И. Вернадским работала в Московском комитете грамотности (с 1891) и Комиссии по организации домашнего чтения (с 1893) 126, 146
- Орловский Владимир Георгиевич, ученик В. И. Вернадского 179
- Осянов Иван Павлович (1854—?), русский химик, профессор Харьковского университета и технологического института 72
- Островская (в замуж. Шатслен) Мария Александровна (1867—1913), старшая дочь драматурга А. Н. Островского 72
- Островский Александр Николаевич (1823—1886), русский драматург 156
- Отос, в древнегреческой мифологии гигант 74
- Оуэн (Owen) Роберт (1771—1858), английский социалист-утопист 197
- Павлов Алексей Петрович (1854—1929), советский геолог, академик Петербургской АН (1916; член-корр. 1905), профессор Московского университета 64, 74, 79—82, 84, 89, 96, 102, 103, 109, 121, 148, 149, 243
- Павлова Мария Васильевна (1854—1938), советский палеонтолог, почетный член АН СССР (1930; член-корр. 1925), академик АН УССР (1921), профессор Московского университета (1919—1930); жена А. П. Павлова 64
- Павловы, семья геологов — Марии Васильевны и Алексея Петровича Павловых 81, 110
- Пантелеев Александр Ильич (1838—?), генерал, помощник шюфа жандармов и командир отдельного корпуса жандармов (1897—1900), иркутский военный генерал-губернатор (1900—03), член Государственного Совета (с 1903) 207
- Пантелеев, участник борьбы с голодом в 1891—1892 гг. в Тамбовской губернии 105
- Паскаль (Pascal) Блез (1623—1662), французский религиозный философ, писатель, математик и физик 78

- Пассовер Александр Яковлевич (1840—1910), адвокат 169
- Петр I Великий (1672—1725), русский царь (с 27 апр. 1682), российский император (с 22 окт. 1721) 273
- Петроний, Гай Петровий Арбитр (Gaius Petronius Arbitr) (г. рожд. неизв. — ум. 66 н. э.), римский писатель 106
- Петрункевич Иван Ильич (1844—1928), русский общественный и политический деятель либерального направления. В 1904 г. был председателем «Союза освобождения». Участник земских съездов 1904—1905 гг. Один из основателей и видных лидеров партии кадетов, председатель ее ЦК. Был членом I Государственной думы, издателем центрального органа кадетской партии — газеты «Речь»; после Октябрьской революции — эмигрант 99, 108, 112, 122, 126, 169, 213
- Петрункевичи, семья Петрункевича И. И. 154, 238
- Петрушевский Федор Фомич (1828—1904), русский физик, профессор и руководитель кафедры Петербургского университета (1865—1901), первый председатель Русского физического общества (с 1872). С 1891 г. гл. редактор «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона по точным и естественным наукам 29
- Петц Герман Германович, русский геолог и минералог, консерватор Геологического кабинета Петербургского университета 280
- Пилиценко Павел Прокофьевич, русский минералог, профессор Томского и Московского университетов, ученик В. И. Вернадского 148
- Плаут Тит Макций (Titus Maccius Plautus) (сер. III в. до н. э. — ок. 184), римский комедиограф 94, 120
- Платон (Plátōn) (428 или 427 до н. э. — 348 или 347), древнегреческий философ 70, 93, 115
- Платонов Сергей Федорович (1860—1933), русский историк, академик АН СССР (1920; член-корр. 1909), профессор Петербургского университета (с 1899)
- Плевне Вячеслав Константинович (1846—1904), русский государственный деятель, директор департамента полиции (с 1881), сенатор и товарищ министра внутренних дел (1884—94), министр, статс-секретарь по делам Финляндии (с 1899), министр внутренних дел и шеф жандармов (с 1902). Убит эсером Е. С. Созоновым 203
- Плетнев Петр Александрович (1792—1865), русский поэт и критик, академик Петербургской АН (1841), профессор (с 1832) и ректор (1840—61) Петербургского университета 98
- Плотин (греч. Plōtinos) (ок. 204—269 или 270), автический философ-идеалист, основатель неоплатонизма 70
- Победоносцев Константин Петрович (1827—1907), государственный деятель, юрист, сенатор (с 1868), член Государственного Совета (с 1872), обер-прокурор Синода (1880—1905); вдохновитель крайней реакции и мракобесия. На посту обер-прокурора Синода подвергал преследованиям раскольников, сектантов, Л. Н. Толстого. Стремился придать начальному образованию клерикальный характер, притеснял земскую школу и насаждая церковную. После издания манифеста 17 октября 1905 г. вышел в отставку 59
- Поленов Василий Дмитриевич (1844—1927), русский живописец, действительный член Петербургской академии художеств (1893), народный художник РСФСР (1926) 149

- Половцов, знакомый В. И. Вернадского 108
- Попов, арендатор в имени В. И. Вернадского в Вернадовке 100
- Попов Иван Иванович (1862—1942), русский революционер-народоволец, писатель, член руководства рабочей группы «Народной воли» (с 1882). Участвовал в создании Молодой партии «Народной воли», был членом ее ЦК. После 1906 г. был близок к кадетам, сотрудничал в газетах «Речь», «Новь», «Русские ведомости» и др. 203
- Попов Сергей Платонович (1872—1964), русский минералог и кристаллограф, д. г.-м. н., преподавал в Институте сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии (с 1898), профессор Таврического университета в Симферополе, зав. кафедрой минералогии и петрографии Воронежского университета (1937—46) 96, 164, 175
- Похитонов Николай Данилович (1857—1897), русский офицер, участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг., член партии «Народная воля» и активнейший деятель ее военной организации (с 1880), узник Шлиссельбургской крепости, друг семьи Вернадских, оказал большое влияние на духовное развитие В. И. Вернадского 69
- Прокруст, в древнегреч. мифологии прозвище великана-разбойника, который насильно укладывал путников на ложе и тем, кто был больше его размеров, обрубал ноги, а малорослых вытягивал до размеров ложа 137
- Прометей, в древнегреч. мифологии титан, защитник людей от призыва богов 74
- Протопопов Александр Дмитриевич (1866—1917), русский реакционный государственный деятель, крупный помещик и промышленник, член партии октябристов, депутат 3-й и 4-й Государственных дум, министр внутренних дел (с 1916). После Октябрьской революции расстрелян по приговору ВЧК 215
- Пыпин Александр Николаевич (1833—1904), русский литературовед, этнограф, академик Петербургской АН (1898) 93
- Радованович (Radovanović) Светолик (1863—1928), югославский геолог и палеонтолог. С В. И. Вернадским excursionировал по Боснии в 1903 г. 198
- Радовановичи, семья Радовановича С. 198
- Рамзай, правильное Рэмзи (Ramsay) Уильям (1852—1916), английский физик и химик, почетный член Петербургской АН, профессор Бристольского университета (с 1880) и университетского колледжа в Лондоне 224
- Рамо (Rameau) Жан Филипп (1683—1764), французский композитор и музыкальный теоретик 177
- Ревуцкая Елизавета Дмитриевна (1866—1941), минералог, ученица В. И. Вернадского, ассистент Высших женских курсов в Москве по кафедре минералогии, затем сотрудница Минералогического музея и Радиологического института Академии наук 161, 185, 186, 228, 236, 237, 247, 248, 253, 254, 266
- Резерфорд (Rutherford) Эрнст (1871—1937), английский физик, заложивший основы учения о радиоактивности и строении атома; член Лондонского королевского общества; в 1897 г. занял кафедру физики в Монреале, в 1907 г. — в Манчестере, с 1919 г. — профессор Кембриджского университета и директор Кавендишской лаборатории 225
- Реклю (Reclus) Жан Жак Элизе (1830—1905), французский гео-

граф, социолог, политический деятель, один из теоретиков анархизма 17

Ремезов Евгений Иванович, врач, друг В. И. Вернадского с гимназических лет 27

Ремезов Иван Сократович (1828—?), русский писатель 27

Родненский, студент Московского университета (1902) 186

Розанов Василий Васильевич (1856—1919), русский религиозный философ, литературный критик и публицист 88

Рубель Аркадий Николаевич (1867—?), врач, профессор, который лечил В. И. Вернадского от туберкулеза весной 1917 г. 284

Руссо (Rousseau) Жан Жак (1712—1778), французский философ-просветитель, писатель, композитор 78

Рэлей, Рейли (Rayleigh) Джон Уильям (1842—1919), английский физик, один из основоположников теории колебаний, член Лондонского королевского общества (1873), в 1879 г. стал профессором Кембриджского университета и директором Кавендишской лаборатории 225

Руисдал, правильнее Рейсдал (Ruysdael, Ruijsdael) Якоб ван (1628 или 1629—1682), голландский живописец и график 110

Сабанеев Александр Павлович (1843—1923), русский химик, преподаватель (с 1871) и профессор (1884—1914) Московского университета 120, 121

Салазкин Сергей Сергеевич (1862—1932), русский биохимик, профессор Железного медицинского института в Петербурге (1898—1911), ректор и профессор Крымского университета в Симферополе (1918—25) и Ленинградского медицинского института (1925—31). С 4 сентября по 25 октября 1917 г. министр народного просвещения буржуазного Временного правительства 288

Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826—1889), русский писатель 116, 156

Самойлов Яков Владимирович (Филиппович) (1870—1925), русский минералог и геолог, ученик и друг В. И. Вернадского. С 1902 г. зав. кафедрой минералогии и геологии в Новоалександрийском институте сельского хозяйства и лесоводства, с 1906 г. профессор Московского с.-х. института, приват-доцент (с 1907) и профессор (с 1917) Московского университета, в 1919 г. основал и возглавил Научный институт по удобрениям 160, 174, 180, 194, 195, 199—202, 206, 214, 218, 221, 228, 229, 231, 237, 245, 248—257, 262, 264, 267, 268, 270—281, 283

Самуил, в Библии — пророк и судья Израиля 16

Саул, в Библии — сын Киса (из колена Вениаминова), первый царь Израиля 16

Сахаров, знакомый В. И. Вернадского 100

Сенармон (Sénarmont) Генри (1808—1862), французский минералог, профессор в Ecole des Mines в Париже 147

Сен-Симон (Saint-Simon) Луи де Рувруа (1675—1755), французский политический деятель, писатель 18

Сервантес Сааведра (Cervantes Saavedra) Мигель де (1547—1616), испанский писатель 121

Сеченов Иван Михайлович (1829—1905), русский естествоиспытатель-материалист, основоположник отечественной физиологической школы и естественнонаучного направления в психологии, почетный академик Петербургской АН (1904; член-корр. 1869). Преподавал в Медико-хирургической академии в Петербурге (1860—1870), Новороссийском (1871—76) и Петербургском

(1876—88) университетах, на Бестужевских высших женских курсах, на Пречистенских курсах для рабочих (1903—04) 29

Сибирцев Николай Михайлович (1860—1900), русский ученый-почвовед, ученик В. В. Докучаева. В 1885—92 заведовал созданным им естественно-историческим музеем в Нижнем Новгороде. С 1894 — зав. кафедрой почвоведения Новоалександрийского института сельского хозяйства и лесоводства (ныне Харьковский сельскохозяйственный институт). В 1900 г. возглавил работы по составлению почвенной карты Европейской части России 178, 179, 184

Сидр, художник 110

Сиома Иосиф Феликсович, минералог, ученик В. И. Вернадского, участник его Минералогического кружка, затем лаборант Минералогического кабинета Варшавского университета 194, 195

Святыгин Дмитрий Сергеевич (1853—1902), русский государственный деятель; курляндский (1888) и московский (1891—93) губернатор, товарищ министра внутренних дел (с 1894), министр внутренних дел (с 1900). Смертельно ранен эсером С. В. Балмашевым 128

Скачки (Scacchi) Арканджело (1810—1893), итальянский минералог, кристаллограф, член Петербургского минералогического общества 60

Скарлатти (Scarlatti) Доменико (1685—1757), итальянский композитор и клавесинист 177

Склодовская-Кюри (Skłodowska-Curie) Мария (1867—1934), по национальности полька, училась и работала во Франции. Физик и химик; ей принадлежат основополагающие работы в области радиоактивности. Работала в Школе индустриальной физики и химии (с 1895), профессор и зав. кафедрой в Парижском университете (с 1906), руководитель физико-химического отдела Института радия в Париже (1914), член Парижской медицинской академии (1922), почетный член АН СССР (1926), член-корр. Петербургской АН (с 1907) и других академий наук, дважды лауреат Нобелевской премии 234, 235, 238

Снегирев, сотрудник Академии наук 266

Соболев М. Н., ученик В. И. Вернадского, член его Минералогического кружка при Московском университете 236

Соколов Алексей Петрович (1854—?), профессор кафедры физики и физической географии Московского университета 81, 124

Соколов Владимир Дмитриевич (1855—1917), русский геолог, профессор Московских высших женских курсов и Московского высшего технического училища, почетный член Московского общества испытателей природы 148

Соколов Д. Н., минералог, экскурсировал с В. И. Вернадским на Урале в 1914 г. 269

Соколов М., священник в гимназии, где учился В. И. Вернадский 24, 25

Соколов, лаборант Петербургского университета, с которым В. И. Вернадский совершал экскурсию в 1884 г. в Сестрорецкие дюны 46

Соре (Soret) Чарльз (1854—1904), французский математик, физик и кристаллограф 147

Софокл (Sophoklēs) (ок. 496—406 до н. э.), древнегреческий драматург 93

Стариков, домовладелец в Москве 150

- Старицкая (в замужестве Любоцинская) Анна Егоровна, сестра жены В. И. Вернадского 53
- Старицкая Наталия Егоровна см. Вернадская Н. Е.
- Старицкая Нина Егоровна, сестра жены В. И. Вернадского 53
- Старицкие, семья Н. Е. Вернадской 53
- Старицкий Георгий Егорович, брат жены В. И. Вернадского 53
- Старицкий Егор Павлович (1825—1899), отец жены В. И. Вернадского, юрист, председатель департамента законов, член Государственного Совета (1879), сенатор, главный деятель по введению судебной реформы на Кавказе 53
- Старицкий Павел Егорович, Папа (?—после 1937), брат жены В. И. Вернадского, инженер, профессор 53
- Старынкевич Дмитрий Сократович 148, 150
- Стебут Ивал Александрович (1833—1923), русский ученый-агроном, профессор в Горы-Горещком земледельческом институте (ныне Белорусская с.-х. академия) (с 1860) и Петровской земледельческой и лесной академии в Москве 128
- Стено, Стеоп, Стенсон (Steenen, латинизированный Steno, Steponius) Николаус (Нильс) (1638—1686), датский естествоиспытатель 173
- Столыпин Петр Аркадьевич (1862—1911), русский государственный деятель; губернатор Грозненской (1902) и Саратовской (1903—06) губерний, министр внутренних дел (1906), одновременно председатель Совета министров. Был смертельно ранен эсером Д. Г. Богровым 213
- Стрэтт (Strutt) см. Рэлей
- Строгановы, Строгановы, русские купцы и промышленники, крупные деятели XVI—нач. XX в., имели огромные владения на Урале и в Сибири 87, 158
- Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912), русский издатель, журналист 17
- Сургунов Николай Ивалович, ученик В. И. Вернадского, участник его Минералогического кружка, ассистент Минералогического кабинета Московского университета и Сельскохозяйственного института 199, 256
- Таганцев Николай Степанович (1843—1923), русский юрист, специалист в области криминологии; преподавал в Петербургском университете (1867—1882) и в Училище правоведения, член Государственного Совета (1906) 208, 215
- Тамерлан Тимур Тимурленг (1336—1405), среднеазиатский государственный деятель, полководец, эмир 246
- Татищев Василий Никитич (1686—1750), русский государственный деятель, историк 15
- Тацит Публий Корнелий (Publius Cornelius Tacitus) (ок. 58—после 117), римский писатель-историк 93
- Твалччелидзе Александр Антонович (1881—?), советский минералог и петрограф, академик АН Груз. ССР (1941), сотрудник Минералогического кабинета Московского сельскохозяйственного института, хранитель Минералогического кабинета Алексеевского донского политехнического института в Новочеркасске (1913—19), профессор университета в Тбилиси (с 1919), председатель Совета по изучению производительных сил Грузии, ученик В. И. Вернадского 237
- Тельчихин А. Ф., врач, издатель-редактор журнала «Помощь самообразованию» 108

- Тейянов В. А., публицист 120
- Тимирязев Климент Аркадьевич (1843—1920), естествоиспытатель-дарвинист, один из основоположников русской школы физиологов растений, член-корр. Петербургской АН (1890), член Лондонского королевского общества (1911), профессор Петровской земледельческой и лесной академии (1870—92), Московского университета (с 1878). В 1911 г. покинул университет в знак протеста против действий реакционного министра просвещения Кассо 82, 83, 84, 167
- Тихомиров Александр Андреевич (1850—1931), русский зоолог, профессор и ректор Московского университета (1888—1905), директор зоологического музея при нем (1896—1904), попечитель Московского учебного округа (1911—17) 86, 182
- Тихомиров Дмитрий Иванович (1844—1915), педагог и деятель по народному образованию 129
- Толмачев Иннокентий Павлович, ученый хранитель Геологического и минералогического музея имени Петра Великого Академии наук 269
- Толстой Дмитрий Андреевич (1823—1889), граф, реакционный государственный деятель царской России, обер-прокурор Синода (с 1865), одновременно министр народного просвещения (с 1866), министр внутренних дел (с 1882) 22, 24, 25, 29
- Толстой Иван Иванович (1858—1916), русский нумизмат и археолог, почетный член Петербургской АН 131
- Толстой Лев Николаевич (1828—1910), граф, русский писатель 35, 114, 129, 130, 145, 183
- Толстопяттов Михаил Александрович (1836—1890), русский минералог, читал лекции по минералогии (с 1861) в Московском университете, предшественник В. И. Вернадского на кафедре минералогии 87, 95, 96, 97, 109
- Томсон (Thomson) Джозеф Джон (1856—1940), английский физик, член Лондонского королевского общества (с 1884, в 1915—20 — президент), лауреат Нобелевской премии (1906), профессор Кембриджского университета (1884—1919) и руководитель Кавендишской лаборатории, профессор Королевского института в Лондоне (1905—1918) 225, 250
- Трепов Федор Федорович (1812—1889), русский государственный деятель, обер-полицеймейстер и градоначальник Петербурга (1866—78) 22
- Третьяковы, братья Павел Михайлович (1832—1898), русский художественный деятель, основатель Третьяковской галереи и Сергей Михайлович (1834—1892), собиратель живописи, деятель городского самоуправления, московский городской голова (1877—81). Свое собрание западноевропейской живописи завещал в 1892 г. через брата П. М. Третьякова Москве 121
- Трубецкой Евгений Николаевич (1863—1929), русский религиозный философ, правовед и общественный деятель, профессор в Киеве и Москве (1906—18), член Государственного Совета, после Октябрьской революции ярый противник советской власти 205, 207
- Трубецкой К. 235
- Трубецкой Сергей Николаевич (1862—1905), русский религиозный философ, публицист, общественный деятель, профессор философии (с 1900) и ректор (1905) Московского университета 184

- Тун Альфонс (1853—1885), уроженец Лифляндии, экономист, профессор в Базеле (1881—83) и Фрейбурге (1883—85), автор книги «Geschichte der revolutionären Bewegungen in Russland», Leipzig, 1883 35
- Турин В. А., студент Петербургского университета 39
- Ульянов Александр Ильич (1866—1887), участник революционного движения в России, старший брат В. И. Ленина. В 1883 г. поступил в Петербургский университет, был секретарем Студенческого научно-литературного общества (при университете), заместителем председателя Совета объединенных землячеств (председатель — В. И. Вернадский). В 1886 г. стал членом «Террористической фракции» партии «Народная воля», готовил покушение на Александра III, был арестован и казнен 53, 54
- Умов Николай Алексеевич (1846—1915), русский физик; профессор Новороссийского (с 1875) и Московского (с 1893) университетов. С 1897 г. президент Московского общества испытателей природы, один из учредителей «Общества содействия успехам опытных наук и их практических применений имени Х. С. Леденцова». В 1911 г. вместе с другими профессорами покинул Московский университет в знак протеста против реакционной политики министра народного просвещения Л. Кассо 167, 196
- Уоллес (Wallace) Альфред Рассел (1823—1913), английский натуралист, создавший одновременно с Ч. Дарвиным теорию естественного отбора 224
- Фаминцин Андрей Сергеевич (1835—1918), русский ботаник-физиолог, академик Петербургской АН (1884). С 1861—1889 преподавал в Петербургском университете, с 1889 г. работал в Петербургской Академии наук, где по его инициативе была организована (1890) ботаническая лаборатория 29, 244
- Фауст И., немецкий алхимик и астролог XVI в., биография которого стала легендарной. Сюжет о Фаусте приобрел огромную популярность в мировой литературе. Наиболее глубокое воплощение образ Фауста получил в философской драме И. В. Гёте «Фауст». Мечтая о познании природы, гетевский Фауст находил смысл жизни в борьбе за свободу и в мирном, созидательном труде на благо народа 76
- Федоров Евграф Степанович (1853—1919), русский кристаллограф, один из основоположников современных структурных кристаллографии и минералогии; крупный геометр, петрограф, минералог и геолог, академик АН СССР (с 1919), профессор Московского с.-х. института (1895—1905), директор Петербургского горного института (с 1905) 65, 95, 169
- Ферман Александр Евгеньевич (1883—1945), советский минералог и геохимик, академик (с 1919), ученик и друг В. И. Вернадского. С 1909 г. преподавал в Московском университете, но в 1911 г. вместе с другими преподавателями покинул его в знак протеста против реакционной деятельности министра народного просвещения Л. Кассо. Преподавал также в Народном университете им. Шанявского (с 1910), на высших женских курсах (с 1912). С 1912 г. старший хранитель Минералогического музея АН. Активное участие принимал в организации и редактировании журнала «Природа», в деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил при Академии наук 199, 229, 236, 238, 239, 243—245, 247, 248, 254—256, 259, 262, 267, 270, 272, 274, 275, 277, 279—281, 285, 288
- Ферхмил А. Р. (1858—1905), русский почвовед, ученик В. В. Докучаева 48
- Флавицкий Флавий Михайлович (1848—1917), русский химик-органик, член-корр. Петербургской Академии наук (с 1907), доцент (с 1873) и профессор (с 1884) Казанского университета 102
- Флоренский Кирилл Павлович (р. 1915), советский минералог, биохимик, планетолог, ученик В. И. Вернадского 102
- Фогт (Vogt) Йухан Герман Лн (1858—1932), норвежский петрограф и геолог, профессор университета в Христиании (наст. Осло), иностранный член-корр. Петербургской АН, припимал с В. И. Вернадским участие в экскурсии по Франции в 1900 г. 174, 175
- Фойгт Георг (1827—1891), немецкий историк 107
- Фортуни, Фортуну-и-Карбо (Fortuny y Carbó) Мариано (1838—1874), испанский живописец и график 110
- Франкенгейм М. (1801—1869), немецкий кристаллограф, бреславльский профессор 82
- Фрейеслебен (Freiesleben) Иоган Карл (1774—1846), немецкий минералог. После 1812 г. у него Московским университетом была куплена минералогическая коллекция 85
- Фриз (Fries), Якоб Фридрих (1773—1843), немецкий философ 30
- Фриш Эдуард Васильевич (1833—1907), русский государственный деятель, обер-прокурор Сената (с 1870), товарищ министра юстиции (с 1876), член Государственного Совета (с 1883), председатель Государственного Совета (1906—1907). Открывал I Государственную думу 207
- Фуке (Fouqué) Фердинанд Андре (1828—1904), французский минералог, профессор естественной истории неорганических веществ в Коллеж де Франс в Париже 70, 71
- Фукидид (Θουκυδίδης) (ок. 460—400 до н. э.), древнегреческий историк 90
- Фурье (Fourier) Франсуа Мари Шарль (1772—1837), французский утопический социалист 18
- Хаусхофер (Haushofer) Карл (1839—1895), немецкий кристаллограф, профессор политехникума в Мюнхене, у которого В. И. Вернадский после окончания университета в 1888 г. изучал химический анализ кристаллов под микроскопом 65
- Хиллебранд (Hillebrand) Вильям Фрэнсис (1853—1925), родился в Гололулу (Гавайские острова), учился в Гейдельберге, Страсбурге и Фрейберге. С 1880 г. химик геологической службы США и с 1908 г. главный химик Бюро стандартов в Вашингтоне, где с ним познакомился В. И. Вернадский 263
- Хоув (Howe), секретарь Геологического комитета Англии 222
- Хмельницкий Богдан (Зиновий) Михайлович (ок. 1595—1657), гетман Украины, полководец и дипломат, руководитель освободительной войны украинского народа против польско-шляхетского гнета, за воссоединение с Россией в 1648—54 11
- Цвиленева Варвара Николаевна (девичья фамилия Батюшкова) (1852—1894), русская революционерка, член московского кружка «чайковцев», работала сельской учительницей. Арестована в 1875 г. и по «процессу 50-ти» приговорена к 9 годам каторги, замененной ссылкой на поселение в Сибирь 149

- Цебриков Владимир Михайлович, русский геолог, лаборант Геологического кабинета, а затем профессор Московского университета, член С.-Петербургского минералогического общества 81
- Цераский Витольд Карлович (1849—1925), русский астроном, астроном наблюдатель (с 1878), директор астрономической обсерватории Московского университета (1890—1916), профессор того же университета (с 1889) 124
- Циттель (Zittel) Карл Альфред (1839—1904), немецкий палеонтолог, профессор Мюнхенского университета (с 1866), с которым В. И. Вернадский совершил экскурсию в Баварские Альпы в 1888 г. 65
- Черник Георгий Прокофьевич (1864—?), русский минералог, военный инженер, член С.-Петербургского минералогического общества (с 1898) 214
- Чернышев Феодосий Николаевич (1856—1914), русский геолог и палеонтолог, академик Петербургской АН (с 1899), сотрудник (с 1882) и директор (с 1903) Геологического комитета, директор Геологического музея Академии наук (с 1900) 64, 72, 202
- Чехов Антон Павлович (1860—1904), русский писатель 204
- Чистяков, директор гимназии, в которой учился В. И. Вернадский 26
- Чолокаев Николай Николаевич (1830—после 1914), русский государственный и общественный деятель, участковый мировой судья Моршанского округа (1868—70), председатель съезда мировых судей этого округа (1871—83), тамбовский губернский предводитель дворянства (с 1891), член Государственного Совета (с 1906) 123, 124, 155, 169
- Чупров Александр Иванович (1842—1908), русский экономист, публицист и либеральный общественный деятель. В «Русских ведомостях» сотрудничал в течение 35 лет и был одним из членов писательской артели, издававшей эту газету 128
- Шанявский Альфонс Леопольд (1837—1905), генерал, либеральный деятель народного образования, на средства и по инициативе которого был открыт Московский городской народный университет им. А. Л. Шанявского 219, 253, 267
- Шауфус см. Шаффгаузен-Шенберг-Эк-Шауфус
- Шаффгаузен-Шенберг-Эк-Шауфус Николай Константинович (1846—1911), сенатор, генерал-лейтенант, управляющий курско-киевской ж. д. (с 1878), директор московско-курской ж. д. (с 1892), начальник управления железными дорогами с 1905, министр путей сообщения (1906—1909), член Государственного Совета (1908) 220
- Шахматов Алексей Александрович (1864—1920), русский языковед, историк древней русской культуры, академик Петербургской АН (с 1894), председатель Отделения русского языка и словесности Академии наук (1906—1920), профессор Петербургского университета (с 1908), член Государственного Совета (1906) 207
- Шаховская Анна Дмитриевна (1889—1959), дочь Шаховского Д. И., секретарь В. И. Вернадского 145
- Шаховской Дмитрий Иванович (1861—1939), русский государственный и общественный деятель, внук декабриста Федора Петровича Ш., друг В. И. Вернадского, земский деятель Ярославской губернии, один из основателей и сотрудников журнала «Освобождение», член совета «Союза освобождения», участник

- земских съездов 1904—05, член партии кадетов (с 1905), министр Государственного призрения во Временном правительстве, в начале 1920-х годов служил в кооперации 37, 39, 43, 81, 111, 128, 205, 245
- Шаховской Сергей Иванович (1865—1908), князь, земский начальник 104, 105, 108, 111
- Шварц Александр Николаевич (1848—1915), русский филолог и реакционный государственный деятель, преподавал в Московском университете (1875—1900), посетитель рижского (1900—1902), варшавского (с 1902—1905), московского (1905) учебных округов, министр народного просвещения (1908—1910), член Государственного Совета (с 1907). На всех постах проводил реакционную политику в области народного образования 235, 237
- Шевченко Тарас Григорьевич (1814—1861), украинский народный поэт, художник, революционер-демократ, борец против царизма и крепостничества 23, 104
- Шевырев Иван Яковлевич (1859—?), русский зоолог, профессор кафедры прикладной энтомологии Лесного института, брат революционера Шевырева П. Я. 54
- Шевырев Петр Яковлевич (1863—1887), русский революционер-народник. С 1883 г. студент физико-математического факультета Петербургского университета, член Совета объединенных землячеств (В. И. Вернадский — председатель), соратник А. И. Ульянова по «Террористической фракции Народной воли», казнен вместе с А. И. Ульяновым и другими по делу о покушении на Александра III 54, 55
- Шелли (Shelley) Перси Биши (1792—1822), английский поэт, революционный романтик, выразитель идей утопического социализма в поэзии 197
- Шелковников Валерий, ученик В. И. Вернадского 187
- Шенфлисс (Schoenfliess) Артур Моретц (1853—1928), немецкий математик и кристаллограф, профессор Геттингенского и Кенигсбергского университетов 120, 148
- Шереметевская Анна Николаевна, педагог, общественная деятельница, стояла во главе коллективных уроков (высшее учебное заведение для женщин) 161, 185
- Шигаева Мария Николаевна см. Вернадская М. Н.
- Шидловский Николай Владимирович (1843—1907), русский государственный деятель, сенатор. В 1892 г. назначен к присутствию в правительственном Сенате. С 1895 г. — член Государственного Совета 128
- Шиллер (Schiller) Иоганн Кристоф Фридрих (1759—1805), немецкий поэт, драматург, теоретик искусства, историк 106
- Шипкин Иван Иванович (1832—1898), русский художник-пейзажист 162
- Шкляревский Анатолий Орестович (?—1902), русский минералог, первый ученик В. И. Вернадского, ассистент Минералогического кабинета Московского университета 147, 180
- Шлейден (Schleiden) Маттиас Якоб (1804—1881), немецкий биолог, профессор Йенского университета, один из авторов клеточной теории, член-корр. Петербургской АН (с 1850). Философские взгляды Шлейдена были близки к Канту 30
- Шмидт (Schmidt) А., немецкий минералог 88
- Шор, музыкант 176

- Шрауф (Schrauf) Альбрехт (1837—1897), австрийский минералог, профессор Венского университета 86
- Штельцер (Stelzner) Альфред Вильгельм (1840—1895), немецкий геолог, профессор во Фрейберге 146
- Штольцер 175
- Штутцер (Stutzer) Отто (1881—1936), немецкий геолог 218
- Шувалов, уральский горнозаводчик 158
- Щегловитов Иван Григорьевич (1861—1918), русский государственный деятель, министр юстиции (1906—1915), председатель монархического съезда (1915), председатель Государственного Совета (в начале 1917). После Февральской революции арестован. Расстрелян по приговору ревтрибунала 215
- Щедрик см. Салтыков-Щедрин
- Щедров Н. Д., издатель еженедельной политической и литературной газеты «Жизнь» 127, 128
- Щепкин Н. Н., русский общественный деятель 205
- Щировский, московский геолог 81
- Эбергард (Eberhard) Густав Пауль Александр Юлиус (1867—1940), немецкий астроном, главный наблюдатель и профессор астрофизики в Обсерватории в Потсдаме 227
- Эмипов Гр., ученик В. И. Вернадского 187
- Энгельгардт Александр Николаевич (1832—1893), русский химик и публицист 55, 56
- Эразм Роттердамский/ (Erasmus von Rotterdam), литературный псевдоним Герхарда Герхардса, (Gerhard Gerhards); другой его литературный псевдоним — Дезидерий (Desiderius)/ (1465 или 1466—1536), один из крупнейших гуманистов эпохи Возрождения 107
- Эсхил (Αἰσχύλος) (525—456 до н. э.), древнегреческий драматический поэт 119
- Якушкин Вячеслав Евгеньевич, внук декабриста Ивана Дмитриевича Якушкина, действительный член Общества любителей российской словесности при Московском университете (с 1884) и член комиссии для пересмотра устава данного общества 126, 127, 205, 215
- Якушкин Евгений Иванович (1826—1905), русский этнограф и юрист; сын декабриста И. Д. Якушкина 127
- Янжум Екатерина Николаевна (1855—?), русская общественная деятельница, активная участница различных просветительных обществ и организаций 126, 129

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
I. Семья. Родословная	9
II. Детство. Гимназия. 1863—1880 . . .	13
III. Петербургский университет. 1881—1885	27
IV. Первые годы после окончания Петербургского университета. 1886—1887	50
V. Первая заграничная командировка. 1888—1890	60
VI. Московский период. 1890—1911 . .	74
VII. Академия наук. Петербург. 1911—1917	244
Комментарии	290
Основные даты жизни и деятельности В. И. Вернадского	313
Именной указатель	318

Страницы
автобиографии
В. И. ВЕРНАДСКОГО

Утверждено
Ученым советом Архива АН СССР

Редактор Н. И. Кондаков
Художник И. Е. Сайко
Художественный редактор С. А. Литвак
Технический редактор Т. Д. Панасюк
Корректоры Л. И. Лесвапова, К. П. Лосева

ИБ № 22381

Сдано в набор 25.05.81
Подписано к печати 19.10.81
Т-27519. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 18,48. Уч.-изд. л. 21,0. Усл. кр.-отт. 18,5
Тираж 14500 экз. Тип. вак. 411
Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»
ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Баталов Э. Я.
СОЦИАЛЬНАЯ УТОПИЯ
И УТОПИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ В США.
15 л. 1 р. 10 к.

В монографии исследуются генезис и диалектика развития американского утопического сознания, его основные уровни и типы, обусловленные характером общественных отношений в США. Эволюция американской утопической традиции прослеживается в связи с противоречиями, вызванными НТР и ее последствиями, обостренным идеологической борьбой между капитализмом и социализмом.

Для научных работников, пропагандистов, читателей, интересующихся проблемами американистики.

Моисеев Н. Н.
ЧЕЛОВЕК — СРЕДА — ОБЩЕСТВО
(Проблемы формализованного описания).
13 л. 1 р. 30 к.

В книге излагаются методы математического описания процессов, происходящих в неживой и живой природе и в обществе. Показано, что при переходе к более высоким уровням материи эти методы усложняются. Рассматриваются методологические проблемы построения глобальных моделей поведения системы человек—окружающая среда.

Для научных работников, интересующихся методологическими и теоретическими проблемами взаимосвязи человека, среды и общества.

Константинов Ф. В.
МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ.
32 л. 3 р. 60 к.

Книга представляет собой переиздание наиболее значительных работ, опубликованных автором начиная с 30-х годов по настоящее время. В ней освещаются узловыe проблемы марксистско-ленинской философии. Преимущественное внимание уделяется проблемам идеологической борьбы, партийности и научности, гуманизма, формирования внутреннего мира человека. Опираясь на произведения основоположников марксизма-ленинизма, партийные документы, в книге дается критический анализ буржуазных общесоциологических концепций.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ.

14 л. 1 р. 40 к.

Книга продолжает серию совместных трудов советских и польских философов, социологов и логиков по актуальным вопросам методологии науки и диалектики научного познания. Большое внимание авторы уделяют исследованию форм отражения естественнонаучных законов, месту индукции в технических науках, ценностному анализу научного знания и др. Значительный интерес представляют разделы книги, в которых анализируются современные методологические концепции.

Для философов, логиков и методологов науки.

Книги можно предварительно заказать в магазинах Центральной конторы «Академкнига», в местных магазинах книго-торгов или потребительской кооперации, без ограничений.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117192 Москва В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197110 Ленинград П-110 Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига», или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

480091	Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);	220012	Минск, Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»);
330005	Баку, ул. Джапаридзе, 13;	103009	Москва, ул. Горького, 8;
320005	Днепропетровск, проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»);	117132	Москва, ул. Вавилова, 55/7;
734001	Душанбе, проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»);	630076	Новосибирск, Красный проспект, 51;
335009	Бреван, ул. Туманяна, 31;	630090	Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22 («Книга — почтой»);
664033	Иркутск, ул. Лермонтова, 289;	142292	Пушино Московской обл., МР «В», 1;
252030	Киев, ул. Ленина, 42;	620151	Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
252030	Киев, ул. Пирогова, 2;	700029	Ташкент, ул. Ленина, 73;
252142	Киев, проспект Вернадского, 79;	700100	Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
252030	Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);	700187	Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
277001	Книшинев, ул. Пирогова, 28 («Книга — почтой»);	634050	Томск, наб. реки Ушайки, 18;
343900	Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1;	450059	Уфа, ул. З. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
660049	Красноярск, проспект Мира, 84;	450025	Уфа, ул. Коммунистическая, 49;
443002	Куйбышев, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);	720001	Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
192104	Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57;	310078	Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»);
199104	Ленинград, Таможенный пер., 2;		
196034	Ленинград, В/О, 9 линия, 16;		